This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. ГРАНОВСКАГО.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1905.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. ГРАНОВСКАГО.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1905.

Типографія И. Флейтмана. Спб., Казанская,

Италія подъ владычествомъ Остъготовъ, Лангобардовъ и Франковъ.

Судьбы Италіи отъ паденія западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Обозрѣніе Остгото-Лангобардскаго періода италіанской исторіи. Соч. П. Кудрявцева. Москва. 1850.

I.

Русской критикѣ рѣдко приходится имѣть дѣло съ такими книгами, какъ „Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Первый трудъ, съ которымъ г. К—въ выступаетъ на ученое поприще, не только превосходитъ все, что до сихъ поръ было написано по-русски объ исторіи Запада, но можетъ стать на ряду съ классическими монографіями иностранныхъ литературъ. Это не простое изложеніе первыхъ вѣковъ италіанской исторіи, а совершенное съ рѣдкою мѣткостью историческаго взгляда изслѣдованіе образованія италіанской народности. Въ предисловіи своемъ авторъ жалуется на недостатокъ ученыхъ пособій; но можно смѣло сказать, что этотъ недостатокъ не отразился на его книгѣ, въ которую вошло все существенное и необходимое для живого пониманія эпохи, которой онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что занятіе исторіею Италіи сопряжено въ настоящее время съ особенными трудностями. Эти трудности существуютъ не для однихъ только русскихъ ученыхъ и происходятъ отъ недостатка литературныхъ сообщеній съ Апеннинскимъ полуостровомъ. Изъ выходящихъ тамъ книгъ весьма немногія пріобрѣтаютъ извѣстность въ остальной Европѣ. Большая часть многочисленныхъ монографій, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти

лѣтъ о городахъ средневѣковой Италіи, остаетс
тельною собственностью мѣстныхъ ученыхъ. Бе
скихъ статей Миттермайера, да обзоровъ, изрі
щихся въ нѣмецкихъ журналахъ, которымъ посч
найти дѣятельныхъ корреспондентовъ за Алы
знали-бы этихъ монографій даже по имени. М
кромѣ самыхъ изслѣдованій, онѣ содержатъ въ с
приложеній драгоцѣнные, взятые изъ городских
памятники которыхъ тщетно будемъ искать у
О богатствѣ и важности источниковъ, не вошед
ставъ собранія, составленнаго послѣднимъ, мо
по „Историческому Архиву“, который Вьёсё
издаетъ во Флоренціи.

Первая глава „Судебъ Италіи“ содержитъ в
зрѣніе причинъ, которыя привели Западную и
владычество германскихъ дружинъ. Причины э
лись, какъ извѣстно, во внутреннемъ разложен
общества. Обозначивъ главные признаки этого
г. К—въ опредѣляетъ слѣдующими словами цѣ
своихъ изслѣдованій.

„Мы ограничиваемъ нашу задачу лишь пері
домъ исторіи новой Италіи, который можно на
домъ ея возрожденія. Дѣло многосложное и по
трудное, оно совершается очень медленно, в
цѣлыхъ трехъ столѣтій, и слагается изъ нѣкотор
ныхъ моментовъ. Рядомъ съ нимъ, и всегда въ са
связи, идетъ и исторія одного изъ величайши
скихъ учрежденій, имѣющаго въ Италіи свое
значеніе. Мы прослѣдимъ одинъ за другимъ эти
постараемся узнать главныя силы и средства, н
дѣйствовавшія освобожденію Италіи отъ чужезе
дычества и возстановленію ея самобытности. Е
изъ предпріятій Карла Великаго—возстановлені
имперіи, необходимо положитъ конецъ нашему с

Лежащая въ основаніи книги г. К—ва мысл
связи между происхожденіемъ новой италіанской
и развитіемъ папской власти даетъ его труду ор
и самобытное значеніе, даже за предѣлами русс
туры. Явленія эти разсматривались до сихъ по
Самъ Макіавелли, въ немногихъ словахъ сказ
исторію средневѣковой Италіи, не понялъ и съ с
зрѣнія не могъ понять первыхъ вѣковъ папства
съ судьбою народа, зарождавшагося изъ пестрой
тинскаго и германскихъ племенъ. Позднѣйшіе

превзошли Макіавелли только отдѣлкою подробностей, но они рѣдко возвышаются до того цѣльнаго пониманія италіанской исторіи, которымъ поражаетъ насъ великій флорентинецъ. Сохранивъ, слѣдовательно, недостатки, которые были неизбѣжны въ эпоху, когда писалъ Макіавелли, они не переняли у него глубины взгляда и его строгой послѣдовательности при оцѣнкѣ явленій. Исчислять здѣсь сочиненія, подтверждающія нашу мысль, было-бы безполезно. Но мы не можемъ не указать на помѣщенную въ 5 № „Современника“ за 1850 г. „Исторію папской власти до смерти Карла Великаго“. Имя ученаго автора и отношеніе его статьи къ разбираемой нами книгѣ возлагаютъ на насъ эту обязанность. Статья г. Куторги отличается отъ „Судебъ Италіи“ объемомъ; но предметъ розысканій почти тотъ же. Мы не опасаемся оскорбить г. Куторгу, упрочившаго свою ученую извѣстность другими трудами, откровеннымъ выраженіемъ нашего мнѣнія. Его „Исторія папства“ не можетъ выдержать никакого сравненія съ трудомъ г. К—ва. Главный недостатокъ этой статьи заключается не въ томъ, что она составлена исключительно по нѣмецкимъ сочиненіямъ: добросовѣстный авторъ назвалъ своихъ руководителей и тѣмъ отнялъ у критики право упрекать его въ неполномъ знаніи источниковъ. Но мы считаемъ себя въ правѣ требовать отъ такого ученаго, какъ г. Куторга, по крайней мѣрѣ вѣрной оцѣнки писателей, которыхъ трудами онъ пользовался. Вотъ почему насъ нѣсколько удивилъ его отзывъ объ „Исторіи Иннокентія III“ Гуртера. По словамъ г. Куторги, Гуртеръ „представилъ картину, написанную кистью великаго художника и съ безпристрастіемъ ученаго“. Не будемъ говорить о художественномъ достоинствѣ „Исторіи Иннокентія III“. Смѣемъ, однако, думать, что весьма немногіе изъ читателей этой книги согласятся съ приведенными выше словами. Что касается до безпристрастія Гуртера, то до сихъ поръ оно едва-ли было кѣмъ-нибудь замѣчено. Гуртеръ, бывшій протестантскій пасторъ, принялъ римско-католическое исповѣданіе и считается въ нѣмецкой литературѣ однимъ изъ главныхъ представителей и защитниковъ средневѣковыхъ теорій папской власти и римско-католической іерархіи вообще. Вся статья г. Куторги написана съ небрежностью, къ какой онъ не пріучилъ насъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Какъ, напримѣръ, согласить слѣдующія противорѣчія? На стр. 41 сказано: „Папы не имѣли ни собственной территоріи, ни войска, ни финансовъ, ничего, что составляетъ необходимую принадлежность государя; они обладали чрезвы-

была только
ставляетъ намъ и
емъ мірѣ, что въ
папства, въ пр
ла римскіе перво
странами Запада,
дяли себѣ цѣлыя
какою областію (?!)
ставшимся соверше
лагаемъ: „Всѣ мален
Террачины и отъ
сь съ римлянами
управленіемъ папы
власти римскихъ пер
ыть уже только папою
ать авторъ доказательств
ные императоры сами со
значенія папъ и ук
стр. 66)? Какъ понять ссы
ы сказавшаго, что Дагобе
ъ даръ монастырю св. Діо
стр. 45)? Григорій умеръ
царствовать съ 622 года. Мо
колько подобныхъ противорѣ
лагаемъ, что показанныхъ
дки. Намъ нужно было толь
ие, отдѣляющее самостоятельны
изученія источниковъ соверше
каго очерка, представленнаго
остготскаго періода посвящены въ
главы (2 и 3). Авторъ, излагающій
ардовъ, не счелъ нужнымъ входи
сти относительно предшествовавши
германскихъ племенъ. Упомянувъ слег
ахра, служившемъ только переходомъ
ства къ новому королевству, г. К—в
на немногихъ страницахъ характеристику
сказаннаго имъ государства. „Между передовы
ваго міра онъ (то-есть Теодерихъ) былъ
ясно отразилось вліяніе того человѣ
который лежалъ въ самыхъ основахъ м
васкаго. Между германцами это первое оп
ложеніе того, что впослѣдствіи, болѣе опре
своемъ содержаніи, получило себѣ и опредѣ

азваніи „гуманизма“. Что этотъ новый духъ не пере-
лъ совершенно Теодериха, въ томъ не можетъ быть ни
йшаго сомнѣнія: дикіе инстинкты продолжали таиться
емъ, хотя и противъ его воли, и временемъ обнаружи-
ись жестокостію, даже вѣроломствомъ. Въ такія минуты
ъ нельзя не узнать въ Теодерихѣ германскаго варвара;
роходили минутныя вспышки, и Теодерихъ опять ста-
лся человѣкомъ добра, сочувствующимъ выгодамъ рим-
цивилизаціи и желающимъ устроить мирное счастіе
ихъ подданныхъ“.
Въ этихъ словахъ не видно особенностей, отличающихъ
дериха отъ другихъ великихъ вождей германскаго пле-
и, жившихъ въ V вѣкѣ. У Атаульфа Вестготскаго, у
дала Стиликона мы найдемъ тѣже стремленія къ выс-
у, только при условіяхъ римско-христіанской образован-
и возможному порядку. Въ нихъ такъ-же, какъ въ Тео-
ихѣ, энергія и разрушительныя страсти варвара соединя-
ь съ благородными идеями, съ нравственно-политическими
жденіями, которымъ нельзя было развиться на почвѣ
аго германизма. Подобно остготскому королю, они ста-
ись сохранить формы разлагавшейся имперіи ради духа,
огда въ нихъ жившаго, и расточали для этой цѣли
ы, которымъ исторія готовила другое назначеніе. Ука-
ъ читателямъ на извѣстное мѣсто въ исторіи Павла
зія (VII, 43), гдѣ рѣчь идетъ о планахъ Атаульфа. Въ мо-
ости своей онъ хотѣлъ, по собственному признанію, сте-
съ лица земли самое имя „римлянъ“, замѣнивъ его
ами“; но опытъ показалъ ему, что готы, вслѣдствіе ихъ
узданной дикости (propter effroenatam barbariem), не-
обны подчиниться какому-либо закону, и онъ рѣшился
ребить ихъ оружіе для возстановленія и увеличенія
ской славы. Дошедшія до насъ извѣстія о Стиликонѣ
чаютъ въ немъ такія же намѣренія. Слѣдовательно, не
ъ Теодерихъ между германскими вождями былъ досту-
ъ вліянію древней цивилизаціи и не онъ первый оцѣ-
ь ея превосходство. Его отличіе отъ Атаульфа, Стили-
и и другихъ заключается не въ оригинальности взгляда
пониманія, а въ степени даровитости и успѣха, въ са-
ъ положеніи. Онъ былъ счастливѣе своихъ предшествен-
въ, можетъ быть потому, что встрѣтилъ на пути своемъ
іодора. Трудно выдѣлить послѣднему принадлежащую
въ славѣ остготскаго короля долю. Теодерихъ былъ,
орно, замѣчательный человѣкъ, но онъ едва-ли могъ
ыситься до тѣхъ политическихъ и нравственныхъ идей,

[illegible] проникнута веденная отъ его лица К
[illegible] переписка. Есть понятія, до котор
[illegible] геніальностью, которыя могутъ вы
[illegible], вѣками правильнаго развитія удобре
[illegible] въ соображеніе благопріятныя обс
[illegible] завшія образованію Теодериха, его д
[illegible] при цареградскомъ дворѣ, его раннее
[illegible] классической древности (хотя грам
[illegible] сомнѣнію), мы должны допустить, чт
[illegible] въ Италію не простымъ начальникомъ
[illegible] цѣлію грабежъ и войну, и что онъ хо
[illegible] новыя отношенія, въ которыя его постав
[illegible] Одоакромъ. Въ немъ могла зародиться болѣ
[illegible] мысль о сліяніи готовъ и италіанцевъ
[illegible] но онъ не только не могъ говорить тѣм
какой влагаетъ ему въ уста Кассіодоръ—онъ не
думать такимъ образомъ. Читая „Epistolae Variae
приходишь къ мысли, что Кассіодору принадлеж
редакція, не одинъ слогъ этихъ актовъ: на н
печать римскаго духа, въ нихъ виденъ римскій
Нельзя не задать себѣ вопроса: не былъ-ли Тео
пріимчивымъ и послушнымъ ученикомъ италіа
стократіи, окружавшей его послѣ паденія Одоакра
вопросу приводятъ даже извѣстные факты изъ ж
нитаго готскаго короля. Дѣятельность его характе
отличается отъ дѣятельности другихъ германски
никовъ. Всѣ они были по преимуществу воины: е
подвиги оканчиваются взятіемъ Равенны. Въ
тридцать три года своей жизни, Теодерихъ не хо
на войну и повидимому исключительно былъ зан
внутренняго управленія. Такой переходъ молодо
ливаго вождя отъ жизни въ станѣ, отъ боевы
къ сухимъ административнымъ заботамъ стран
неестественъ. Замѣтимъ, что между близкими къ
людьми мало, или, лучше сказать, вовсе нѣтъ
берій, оба Кассіодора (отецъ и сынъ), Симмахъ,
нимаютъ высшія должности въ государствѣ и с
совѣтъ короля. Исключеніе римлянъ изъ военно
предоставленной однимъ германцамъ, не могло
щено безъ значительныхъ ограниченій. Дока
можно найти у Кассіодора (Var. 1. ep. 17 и 40).
запрещеніе италіанцамъ носить оружіе, воспосл
послѣ страшнаго разрыва Теодериха съ римско
показываетъ, что до тѣхъ поръ они пользовал

мъ наравнѣ съ готами. Еще поразительнѣе свидѣтель-
ть о перевѣсѣ римскихъ вліяній уравненіе готовъ съ
інцами относительно податей. Теодерихъ едва-ли былъ
остояніи самъ собою рѣшиться на такое безпримѣрное
сторіи того времени уравненіе. Меровинги рѣшились
ажать этой мѣрѣ почти чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ
гія Галліи франками. А они очень рано стали прила-
у себя римскую систему податей и налоговъ. Во всѣхъ
ихъ областяхъ Западной имперіи мы видимъ посте-
ое и неотразимое вторженіе римскихъ началъ въ госу-
твенную жизнь занявшихъ эти области германцевъ, но
ѣ это явленіе не совершается такъ скоро, въ такомъ
мѣ, съ такимъ пренебреженіемъ къ привычкамъ новыхъ
тителей края, какъ въ Италіи. Сношенія Теодериха съ
ими государствами представляютъ намъ также нѣчто
нное. Его умная, дальновидная, наслѣдованная отъ луч-
ь временъ падшей имперіи политика не могла быть
омъ его собственныхъ соображеній. Въ ней является не
ко великій умъ, но и обширное знаніе. Каждое событіе,
исходившее въ Восточной имперіи, или за ея предѣлами—
азнообразномъ и бурномъ мірѣ варваровъ, обращало на
вниманіе Равеннскаго двора, вызывало тотчасъ предосто-
юсти или рѣшительныя мѣры. Мы вовсе не думаемъ по-
ть на славу Теодериха, но признаемъ, что образъ его
не ясенъ въ исторіи, и что въ немъ много загадочнаго,
нельзя объяснить при пособіи сохранившихся источни-
. Даже народная поэзія, съ такою любовью передающая
ныя дѣла Дитриха Бернскаго (то-есть Веронскаго), со-
ила ему таинственныя черты, съ какими онъ является
исторіи. По однимъ преданіямъ, онъ сынъ ночного духа,
даетъ способностью изрыгать огонь, которымъ жжетъ
хъ непріятелей и вообще находится въ тѣсной связи
враждебными человѣку адскими силами; по другимъ,
образецъ христіанскихъ доблестей, отмѣченный особен-
ь характеромъ кротости и мягкосердія, какимъ не ви-
ь ни одного изъ героевъ нѣмецкаго эпоса, за исключе-
ь Рюдигера Бехеларнскаго. На немъ очевидно вліяніе
земли, по которой нельзя было пройти варвару, не
кнувъ главою предъ ея поучительными даже для него
алинами. Какъ ни глубоко проникъ латинизмъ въ Испаніи
лліи, но эти области не въ состояніи были дать Гер-
у того понятія о красотѣ древней цивилизаціи, какимъ
лняла его Италія.

. К—въ справедливо замѣчаетъ, что въ борьбѣ между

Теодерихомъ и Одоакромъ, отъ рѣшенія которой зависѣла судьба Италіи, послѣдняя не принимаетъ никакого видимаго участія и равнодушно переходитъ отъ одного господина къ другому. Явленіе это объясняется, впрочемъ очень просто. Ни Одоакръ, ни Теодерихъ не были завоевателями края въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Переворотъ 476 г. совершился не вслѣдствіе нашествія варваровъ извнѣ, а вслѣдствіе возстанія германскихъ дружинъ, состоявшихъ въ службѣ Западной имперіи. Паденіе этой имперіи имѣетъ неоспоримо великое значеніе; имъ окончательно замыкается древняя исторія, съ него начинается переходное время Среднихъ вѣковъ; но на самомъ театрѣ событія, въ самой Италіи, оно менѣе обнаружило вліянія и менѣе было замѣчено, чѣмъ пришествіе вестготовъ или франковъ въ Галлію. Низложеніе Августа не изумило умовъ, привыкшихъ видѣть власть въ рукахъ германскихъ вождей, тѣмъ болѣе, что идея имперіи не погибала и нашла себѣ готоваго представителя въ Константинополѣ, гдѣ продолжалъ царствовать преемникъ Константина Великаго. Одоакру не приходило въ голову присвоить себѣ вмѣстѣ съ властію титулъ, недоступный для честолюбія варваровъ. На іерархической лѣстницѣ тогдашнихъ властей онъ не только не думалъ стать на одну ступень съ восточнымъ императоромъ, но даже считалъ себя его слугою. У Малха (стр. 93) находится любопытное извѣстіе о посольствѣ, которое отправилъ сверженный уже Августулъ къ цареградскому императору Зенону. Признавая, что для всѣхъ областей имперіи достаточно одного главы, Августулъ просилъ Зенона назначить его намѣстникомъ, а Одоакра—патриціемъ въ Италіи. Цѣль и смыслъ этого посольства разгадать не трудно. Оно было отправлено Одоакромъ для опредѣленія его отношеній къ восточному императору. Новый властитель Италіи просилъ у него имперской должности, чтобъ скрѣпить ею свое непрочное право на покорность италіанцевъ. Слѣдовательно, центръ государственной жизни былъ перенесенъ въ другое мѣсто, но главная идея и учрежденія остались тѣже. Одоакръ не предпринялъ никакихъ перемѣнъ въ найденныхъ имъ формахъ римскаго суда и управленія. Ощутительнѣе могло отозваться владычество германскаго вождя на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и на отношеніяхъ собственности. Но и въ этой сферѣ особенно благопріятныя обстоятельства значительно смягчили для италіанцевъ переходъ подъ новую власть.

Изъ книги г. К—ва видно, что ему хорошо извѣстны изслѣдованія Гаупа о германскихъ поселеніяхъ на римской

вѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вполнѣ воспользовался 16 и главами этого сочиненія, въ которыхъ изложены существовавшія въ Римской имперіи съ конца IV столѣтія узаенія о военномъ постоѣ и вліяніе, обнаруженное этими коненіями на судьбу занятыхъ впослѣдствіи германцами винцій. Желая устранить неудобства и затрудненія по у предмету, императоры Аркадій и Гонорій закономъ года установили, что всякій, несвободный отъ постоя ь долженъ быть раздѣленъ на три части. Хозяинъ имѣлъ во на выборъ первой части, вторую выбиралъ военный оялецъ, третья оставалась за хозяиномъ. Законъ не готъ, кому изъ двухъ предоставлено было дѣлить домъ частки, но опредѣляетъ особенными выраженіями права язанности каждаго: на сторонѣ воина hospitale jus, на инѣ лежитъ hospitalitatis munus. Взаимное ихъ отноіе называется hospitalitas. Армія давно уже перестала раться изъ туземнаго народонаселенія. Она состояла прещественно изъ германскихъ наемныхъ дружинъ, понеу свыкавшихся съ формами римскаго быта, особенно ѣдствіе вышеприведенныхъ законовъ о военномъ постоѣ. pitalitas служила связью между варваромъ и уступавъ ему треть своего дома римляниномъ. Послѣдній, преодствомъ своей образованности и своихъ привычекъ, не ь не имѣть вліянія на перваго. Таково было положеніе акровыхъ дружинъ въ Италіи въ эпоху, когда наступилъ коь призрачному существованію Западной имперіи. Наслѣдь Ромула Августула отдалъ своимъ дружинникамъ треть скихъ земель, то есть предоставилъ имъ въ собственность участокъ дома, которымъ они пользовались въ кавѣ постояльцевъ, и велѣлъ приписать къ этому участку ъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ бывшему хозяину, божденному въ замѣнъ этой уступки отъ прежнихъ поинностей для продовольствія арміи. Эта сдѣлка, которой да для германцевъ не требуетъ доказательствъ, не прола, слѣдовательно, особенной перемѣны въ состояніи пихъ римскихъ подданныхъ. Прибавивъ къ этому деізну земель въ Италіи — необходимое слѣдствіе уменьшагося народонаселенія и постоянной тревоги, въ какой дились уцѣлѣвшіе жители—мы увидимъ, что раздѣлъ цествъ не былъ такъ разорителенъ для италіанцевъ, съ виду кажется. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Аппекаго полуострова лежали огромныя пустоши. Слѣдовано, дѣятельному италіанцу не трудно было вознагра- себя за выдѣленную у него треть земли, тѣмъ болѣе,

что правленіе Одоакра, сколько извѣстно изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, было вообще благотворно для истощеннаго края.

Одоакръ, какъ сказано выше, считалъ необходимымъ для прочности своей власти признаніе ея со стороны восточнаго императора. Онъ даже не принялъ королевскаго титула (хотя въ источникахъ онъ называется rex), который носили другіе германскіе начальники, овладѣвшіе отдѣльными римскими провинціями, и не чеканилъ собственной монеты; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдено ни одной монеты съ его изображеніемъ. Но такое, можетъ быть, невольное смиреніе предъ идеею имперіи не спасло его отъ нашествія Остготовъ. Разсказъ Іорнанда о причинахъ этого похода не сходенъ съ извѣстіями, которыя находятся у Прокопія; противорѣчіе этихъ лѣтописцевъ не мѣшаетъ, однако, понять въ чемъ заключалось дѣло. Остготы находились тогда въ службѣ Восточной имперіи. Законъ смотрѣлъ недовѣрчиво на ихъ молодого и честолюбиваго вождя, который въ свою очередь тяготился своимъ служебнымъ отношеніемъ. Его манили недавніе примѣры Хлодвига и Одоакра. Неизвѣстно, чѣмъ именно навлекъ на себя Одоакръ гнѣвъ императора, но Зенонъ воспользовался случаемъ для достиженія двоякой цѣли и предложилъ Теодериху наказать непокорнаго патриція. Понятно, съ какою радостію принялъ вождь остготовъ это порученіе: его желанія на этотъ разъ совпадали съ видами Зенона. Для полнаго уразумѣнія остготскаго періода италіанской исторіи не должно забывать, что Теодерихъ пришелъ въ будущее свое королевство имперскимъ полководцемъ, а не самостоятельнымъ государемъ. Паденіе Одоакра было, разумѣется, весьма чувствительно для его дружинъ, но отнюдь не для италіанцевъ, которыхъ положеніе осталось совершенно тоже. Теодерихъ держался тѣхъ самыхъ правилъ, которыя мы замѣтили у его предшественника. Онъ роздалъ своимъ готамъ *трети*, отнятыя у Одоакровыхъ германцевъ, и на условіяхъ, еще болѣе выгодныхъ для туземнаго населенія, ибо готы платили наравнѣ съ другими налоги, отъ которыхъ, кажется, были освобождены воины Одоакра. При новомъ распредѣленіи третей, предпринятомъ по приказанію Теодериха, главную роль игралъ римлянинъ Либерій, человѣкъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, „соединившій (по словамъ Кассіодора) сердца и владѣнія обоихъ народовъ“ (Var. 11, 16). Есть другія свидѣтельства, показывающія, что италіанцы ничего не потеряли, или, по крайней мѣрѣ, потеряли весьма мало, вслѣдствіе пришествія Остго-

Византіецъ Прокопій говоритъ, что Теодерихъ, занявъ
ю, не нанесъ никакого никому вреда: „только готы раз-
ли между собою часть полей, уступленную Одоакромъ
ъ приверженцамъ“ (De bello Gotthico I, 1). Эннодій,
копъ города Павіи, въ письмѣ къ названному нами
Либерію говоритъ, что „онъ снабдилъ многочисленныя
ы готовъ обширными землями незамѣтнымъ для рим-
образомъ безъ всякаго ущерба для покореннаго пле-
“ (et nulla senserunt damna superati. Ennod. Ep. IX, 23).
какъ число готовъ, пришедшихъ съ Теодерихомъ, по
вѣроятности, превышало число побѣжденныхъ ими ге-
въ и другихъ германцевъ, то можно предположить, что
заселили, сверхъ отведенныхъ имъ на основаніи рим-
ъ законовъ о военномъ постоѣ третей, тѣ огромныя
оши, которыми была такъ богата тогдашняя Италія.
ренности, показанной въ этомъ случаѣ Теодерихомъ,
зя объяснить его личнымъ характеромъ: онъ дѣйство-
въ римскомъ духѣ, какъ римскій сановникъ, чему
о найти доказательства, не вдаваясь въ такія крайности,
Глёденъ (von Glöden, Das röm. Recht im ostgoth. Reiche),
щающій въ сущности самостоятельность Остготскаго го-
рства. Въ сношеніяхъ своихъ съ Восточной имперіей
ерихъ является настоящимъ государемъ, что́ ясно видно
словъ Прокопія (I, I) и вообще изъ всей исторіи той
и. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія Теодерихъ
тступалъ отъ римскихъ преданій, и его царствованіе
Италіи составляетъ, можно сказать, продолженіе рим-
о періода, а не начало новаго времени. Отличіе Остгот-
о королевства отъ другихъ, основанныхъ варварами на
ерской почвѣ, заключается именно въ томъ, что Теоде-
ь, при самомъ началѣ своего правленія, сталъ выше
ючительно національнаго направленія и имѣлъ въ виду
ьное государство, а не народъ готскій. Это отличіе за-
лъ еще Монтескьё и выразилъ его слѣдующимъ обра-
ь: „Я покажу когда-нибудь въ особенномъ сочиненіи,
остготская монархія совершенно отличалась отъ другихъ
архій, основанныхъ въ то-же время варварами, и что не
ко нельзя сказать, что такая-то вещь была въ употре-
іи у франковъ, потому что мы находимъ ее у остго-
, но наоборотъ, есть справедливыя причины думать,
дѣлавшееся у остготовъ не могло дѣлаться у франковъ“
ъ Законовъ, кн. XXX, 12). Великій писатель, къ сожа-
ю, не исполнилъ своего намѣренія, но мысль его болѣе
лѣе подтверждается новыми изслѣдованіями. Въ этомъ

отношеніи для исторіи все равно, самъ-ли Теодерихъ пришелъ къ убѣжденіямъ, выразившимся въ его политической системѣ, или они были ему подсказаны и внушены окружавшими его лицами.

Мы нарочно указали на нѣкоторыя подробности, опущенныя г. К—мъ, потому что онъ также относитъ остготскій періодъ къ проходившему, а не къ зачинявшемуся порядку вещей. Впрочемъ, авторъ „Судебъ Италіи“ превосходно опредѣлилъ историческій подвигъ Теодериха и характеръ аріанства. „Дѣло Теодериха очевидно клонилось къ тому, чтобы изъ него выработалось наконецъ возобновленное римское государство съ римскимъ правомъ и римскими учрежденіями, можетъ-быть не безъ нѣкоторой примѣси готскихъ понятій и обычаевъ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ стараго римскаго начала. Но для того-ли происходила вся эта многотрудная работа вѣковъ, работа разложенія и новаго созиданія, чтобы на старомъ базисѣ мы снова увидѣли и старое зданіе, переложенное въ томъ-же стилѣ и съ тѣми-же недостатками? Не къ такимъ убогимъ цѣлямъ направлялись историческія судьбы новой Италіи. Еще цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, одно другое смѣняющихъ, угрожалъ ей впереди: какъ-бы въ возмездіе за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою отъ одного народа на другой. Италіи тоже суждено было впродолженіе очень длиннаго періода переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но среди самаго плѣна, изъ противодѣйствія враждебныхъ элементовъ, зарождались уже индивидуальныя черты новой Италіи, возникали и новые интересы, которые вовсе не существовали для древняго Рима. Какъ ни благородны были намѣренія Теодериха, какъ ни постояненъ былъ онъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей,— зданіе имъ сооружаемое не носило въ себѣ никакого залога прочности: онъ преслѣдовалъ мечту, которая не могла осуществиться. Все благодушіе готовъ, съ которымъ они, повидимому, по крайней мѣрѣ, подчинялись видамъ своего короля, вся безотвѣтность римлянъ, которые должны были принять съ благодарностью новый порядокъ вещей, ни къ чему не служили тамъ, гдѣ между двумя народами проходило глубокое внутреннее раздѣленіе. Отнюдь не всѣ вопросы рѣшались на политической аренѣ: наоборотъ сознаніе политическое подчинялось во многихъ случаяхъ сознанію религіозному. Это было необходимое слѣдствіе того великаго переворота, который незадолго передъ тѣмъ совершился въ человѣческомъ сознаніи вообще. Мысль религіозная состав-

а въ то время высшій интересъ человѣчества, покры-
шій собою всѣ другіе: она соединяла людей разно-
менныхъ, раздѣляла кровныхъ. Напрасны были всѣ уси-
короля готовъ соединить римлянъ и готовъ поли-
ски; они сошлись уже раздѣленные своими религіоз-
и убѣжденіями. Готы были аріане, римляне—католики".
). 34—36).

Усилія Теодериха слить готовъ и римлянъ въ одинъ на-
ь оказались безполезными. Замѣчательный эдиктъ, или,
ше сказать, эдикты 500 года остались памятникомъ
ъ неудачныхъ стремленій. Интересы государственные
кны были уступить мѣсто религіознымъ. Здѣсь надобно
ѣтить, что православное духовенство, которому, въ эпоху
аденія имперіи, досталось трудное и славное посредни-
во между туземнымъ населеніемъ и варварами, не про-
лось основанію германской монархіи. Превосходя обра-
ніемъ и умственною дѣятельностью всѣ другіе классы
скаго общества, оно глубоко понимало невозможность
ти ветхую имперію и смотрѣло на нашествіе варваровъ
ь на неизбѣжный выводъ предыдущей исторіи. Эти
тія являлись ему заслуженною казнью за грѣхи языче-
, еще не совсѣмъ умершаго въ государствѣ Константина
еодосія. Но склоняясь предъ мірскою властію германскихъ
дей, православные епископы считали себя по праву ду-
ными вождями своей паствы и не только отдѣляли во-
ъ политическій отъ религіознаго, но даже подчиняли
ый второму. Пока на византійскомъ престолѣ сидѣлъ
итникъ ересей Анастасій, Теодерихъ царствовалъ спо-
но; но когда Анастасія смѣнилъ благочестивый Юстинъ,
ояльства перемѣнились. Между Римомъ и Цареград-
ъ тотчасъ начались сношенія, къ которымъ не могъ
ь равнодушенъ остготскій король. Дѣло шло о судьбѣ
династіи, его народа. Трудно сказать, какое участіе при-
алъ въ этихъ отношеніяхъ римскій сенатъ, который имѣлъ
чины дорожить Теодерихомъ. Римскую партію могла тре-
ить только невѣрная будущность при преемникахъ ко-
, уже приближавшагося къ старости. Какъ-бы то ни
о, обвинительные акты, на основаніи которыхъ были
готовлены къ смерти Альбинъ, Боэцій и Симмахъ, не
ли до насъ, и мы не въ правѣ произнести окончатель-
приговоръ надъ Теодерихомъ. Г. К—въ отступилъ въ
ъ случаѣ отъ своей привычки самостоятельнаго изслѣ-
нія и повторилъ обвиненія, истину которыхъ доказать
зможно. Кассіодоръ былъ также преданъ Италіи, но

онъ сохранилъ даже по смерти Теодериха сво
и вліяніе въ государствѣ остготовъ.

Зло, съ которымъ началъ борьбу Теодерихъ
ніе годы своего царствованія, выступило впол
только при его преемникѣ. Разнородные элем
каждый порознь и отреклись отъ неестествен
Этотъ разрывъ отозвался даже во дворцѣ остг
ролей: дочь Теодериха, правительница Амалаз
во главѣ римской партіи. Готы окружили мало
роля Аталариха и старались устранить отъ н
вліяніе. Они надѣялись воспитать чисто германс
представителя интересовъ племени, которому ка
статочною доля богатства и власти, данная ему Т
въ занятой съ боя землѣ. Результаты этого спор
Мы не послѣдуемъ за г. К—мъ въ изложеніи
судебъ Остготскаго государства, но позволимъ с
нѣсколько замѣчаній на этотъ отдѣлъ его из
Говоря о возраставшей ненависти между гота
анцами, авторъ долженъ-бы былъ упомянуть об
Кассіодора отъ дѣлъ въ 538 году. Это важно
графіи Кассіодора, а потому, что показываетъ
ный перевѣсъ германскаго начала надъ римским
о которомъ было сказано выше, вѣрный слуга
не только послѣдовалъ примѣру Кассіодора, н
во время войны въ числѣ полководцевъ Юстин
бьются одни и знаютъ, что дѣло идетъ объ ихъ
истребленіи. Отсюда жестокій характеръ борьбы.

Юстиніанъ одолѣлъ, благодаря искусству сво
водцевъ и трудностямъ, съ которыми готы дол
бороться среди населенія имъ враждебнаго, см
на составленныя изъ такихъ-же, или болѣе груб
готы, варваровъ войска имперіи, какъ на своихъ
лей. Италія снова вошла въ число имперскихъ
но какая Италія? Отъ сѣверныхъ границъ до М
пролива прошелъ мечъ-истребитель. Около двад
продолжалась ожесточенная война, которую вели
зано, ополченія, равно чуждыя Италіи. Съ обѣих
стояли варвары, нещадившіе прекраснаго, преда
произволу края. Города безпрестанно переходили
въ руки и при каждой перемѣнѣ терпѣли новы
При взятіи Рима Тотилою въ 546 году, въ вѣчно
по словамъ Прокопія, оставалось не болѣе 500 чел
телей, изъ низшихъ сословій; остальные разбѣжа
умерли съ голода (De bel. Goth. III, 20). Въ одн

нумѣ (то есть маркѣ Анконской) убыль населенія въ четвертый годъ войны ужъ достигла до 50 человѣкъ. По смерти послѣдняго готскаго короля Тейи, ворвались въ несчастную Италію дружины хищныхъ франковъ и аллемановъ и прошли отъ сѣвернаго до южнаго конца вдоль береговъ Адріатическаго и Тирренскаго морей, разоряя и губя все уцѣлѣвшее отъ прежнихъ разореній. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась моровая язва, почти не прекращавшаяся впродолженіе многихъ лѣтъ. Если принять въ основаніе вычисленіе Прокопія, очевидно преувеличенное, то въ Италіи не могло остаться жителей, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ (гл. 48). Но оставляя въ сторонѣ эти преувеличенія, можно составить себѣ понятіе объ упадкѣ населенія, испытаннаго такими несчастіями.

Въ 554 году Юстиніанъ издалъ прагматическую санкцію, которою ввелъ въ Италіи постановленія, состоявшіяся въ Восточной имперіи съ 476 года. Очевидно, что ожиданія партіи, столь ревностно помогавшей Юстиніану противъ остготовъ, не сбылись, что она считала себя въ правѣ жаловаться на обманутыя надежды. „Ужъ лучше-бы намъ повиноваться готамъ, чѣмъ грекамъ“, говорили римскіе послы Юстину II и грозили добровольнымъ призваніемъ новыхъ варваровъ. Но въ Италіи было, однако, сословіе, которое смотрѣло на побѣды Велизарія и Нарцесса какъ на свои собственныя и могло оказать сильное содѣйствіе византійскому правительству въ его отношеніяхъ къ отнятому у готовъ краю.

„Католическое духовенство, говоритъ г. К—въ, питало особенно враждебное чувство къ готскому аріанизму и всего болѣе содѣйствовало къ тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италіи съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ также чисто политическій характеръ. Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ послѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ въ особенности, гораздо больше дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, всего болѣе городовое управленіе, нежели сколько это могло лежать въ ея видахъ. Почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, изгибало, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая духовная аристократія становилась на его мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигаясь впередъ своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконивало то, чтó уже вошло въ порядокъ вещей. Уступки, дѣлаемыя новеллами епископ-

скому авторитету, почти заставляютъ забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой имперіи. Не довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ defensor и pater civiatis (quinquennalis): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности; онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать себѣ ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: отъ нихъ-же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые, подъ именемъ судей, judices, поставлялись надъ цѣлою областью. Наконецъ, епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самыя отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто и въ важныхъ случаяхъ представлять на нихъ жалобы самому императору. Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право общаго надзора за нравами, право, котораго нисколько не думало оспаривать у него гражданское законодательство.

„Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ какого высокаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи? Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ, наконецъ, въ его рукахъ сосредоточивалось все управленіе обширными патримоніями римской церкви и все вліяніе, необходимо соединенное съ этимъ управленіемъ?“

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе римскаго епископа выросло впродолженіе остготскаго періода до огромныхъ, хотя неопредѣленныхъ современниками размѣровъ. Юстиніанъ не понялъ этого явленія. Свидѣтельствомъ служитъ, съ одной стороны, дѣло папы Вигилія, прекрасно объясненное г. К—мъ, съ другой—назначеніе Равенны мѣстомъ пребыванія экзарху. Мы покажемъ во второй статьѣ, какъ отозвались эти ошибки въ теченіе двухъ слѣдующихъ вѣковъ италіанской исторіи.

II.

Въ первой статьѣ мы показали, какъ мало выиграла Италія при обмѣнѣ остготскаго владычества на византійское. Надобно, впрочемъ, согласиться, что завоеванія Нарцесса также ничего не прибавили къ дѣйствительнымъ силамъ имперіи. Бѣдная народонаселеніемъ, разоренная войною,

ія не только не могла давать ни людей, ни денегъ, но
требовала значительныхъ издержекъ отъ константино-
скаго правительства. Изгнаніе остготовъ изъ Италіи
важно для Юстиніана, который, думая о возстанов-
и имперіи въ прежнихъ предѣлахъ, успѣлъ овладѣть
икою и частью приморскихъ городовъ Испаніи. Но по-
ующіе императоры, въ виду измѣнившихся обстоя-
ствъ и увеличившихся трудностей своего положенія,
кны были отказаться отъ великаго плана ихъ предше-
нника. Занятые другими, ближайшими заботами, они
могли въ такой степени, какъ Юстиніанъ, дорожить сво-
владѣніями на Аппенинскомъ полуостровѣ, особенно,
а владѣнія эти подверглись нападенію новаго врага,
ба съ которымъ потребовала обременительныхъ для им-
и усилій. „Силы варварскаго міра были неистощими
оритъ нашъ авторъ). Готы были лишь передовой его
одъ, которому судьба назначила незавидную роль—пер-
вступить цѣлою массою на старую римскую почву,
ъ тамъ найти себѣ преждевременную могилу. Самое
истребленіе готовъ открывало пустоту въ передовыхъ
ихъ варварскихъ народовъ и приглашало тѣхъ, которые
довали за ними въ ближайшемъ разстояніи, занять ихъ
аднившіяся мѣста. Всего менѣе должно представлять
арскіе народы изолированными, разъединенными одинъ
другого. Даже когда одному изъ нихъ удавалось завое-
е на римской почвѣ, онъ не переставалъ быть въ ча-
ъ сношеніяхъ съ другими своими соотечественниками,
съ тѣми, которые еще лежали въ глубинѣ Германіи.
ихъ или Теодерихъ—было народное имя не у однихъ
ко готовъ: его славили и другіе германскіе народы, къ
слали посольства гепиды, лангобарды, аллеманы; его
бы, его покровительства заискивали многіе германскіе
ы. Все, что дѣлалось внутри предѣловъ готскаго вла-
ства, передавалось потомъ молвою въ отдаленныя края
аніи. Паденіе готовъ, народа столько доблестнаго, должно
произвести тяжелое впечатлѣніе на многихъ; но оно-же
но было осмѣлить ближайшихъ ихъ сосѣдей на новое
деніе на Италію. Римская земля была въ глазахъ вар-
въ родъ общаго наслѣдства, которое преемственно пере-
ло отъ одного изъ нихъ къ другому“.
овые германскіе пришельцы, посѣтившіе Италію чрезъ
лѣтъ послѣ паденія Остготскаго государства, были лан-
оды. Г. К—въ излагаетъ вкратцѣ судьбы этого народа
льбоина; но намъ кажется, что онъ недостаточно оцѣ-

нилъ характеръ лѣтописца, которому мы обязаны главными свѣдѣніями о лангобардахъ. Сочиненіе Павла Діакона, сына Варнефридова, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ средневѣковой литературы не потому только, что содержитъ въ себѣ богатый запасъ поэтическихъ преданій и разсказовъ, заимствованныхъ лѣтописцомъ прямо изъ устъ народа. Оно отличается существенно отъ однородныхъ твореній Григорія Турскаго и Беды Достопочтеннаго. У обоихъ послѣднихъ церковь стоитъ на первомъ планѣ, что́ видно изъ самаго заглавія ихъ сочиненій. Въ „Historia ecclesiastica Francorum“ и въ „Historia ecclesiastica gentis Anglorum“ равно господствуетъ религіозное воззрѣніе, и всѣ прочія событія служатъ какъ-бы подножіемъ одному великому явленію, именно распространенію и укрѣпленію христіанства между франками и англо-саксами. Въ личномъ благочестіи Павла Діакона нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться; однако, лѣтопись его не безъ причины носитъ простое названіе „De gestis Longobardorum“. Изъ нея не исключены факты церковной исторіи; напротивъ, авторъ излагаетъ ихъ съ очевидною вѣрою и благоговѣніемъ, но не даетъ имъ того господствующаго надъ остальными сторонами народной жизни значенія, какое видимъ у Григорія Турскаго и у Беды. Лангобардскому историку нельзя было разсматривать судьбу своего племени съ той же точки, съ какой смотрѣли на свое прошедшее франкъ или англо-саксонъ. Будучи монахомъ въ Монтекассино, Павелъ носилъ въ сердцѣ своемъ скорбь патріота и не могъ забыть участія, принятаго римскимъ дворомъ въ паденіи Лангобардскаго государства. Онъ понималъ, что отношеніе западной церкви къ его отечеству было не такое, какъ въ Галліи или Британіи. Вообще, надобно сказать, что трудъ Варнефридова сына не былъ еще подверженъ надлежащей критикѣ. Давно обѣщанныя изслѣдованія Бетмана до сихъ поръ не изданы. Краткое извлеченіе изъ этихъ изслѣдованій, помѣщенное въ IV томѣ „Собранія Лѣтописей“, которыя, подъ особеннымъ покровительствомъ прусскаго короля, выходятъ теперь въ нѣмецкомъ переводѣ (Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung), ускользнуло повидимому отъ вниманія ученаго автора разбираемой нами книги.

Извѣстіе о призваніи лангобардовъ удаленнымъ отъ должностей Нарцессомъ возникло въ Италіи, подъ вліяніемъ мѣстныхъ ненавистей, которыя навлекъ на себя строгій экзархъ. Греческіе историки не говорятъ ничего объ его измѣнѣ; но народъ сложилъ на него вину своихъ новыхъ

бѣдствій. Какъ-будто лангобардамъ нужно было особое приглашеніе! Путь въ Италію имъ былъ давно знакомъ. Многочисленные наемники изъ этого народа служили въ войскахъ Велизарія и Нарцесса. Въ 552 году Нарцессъ счелъ нужнымъ выслать изъ ввѣренныхъ ему областей часть лангобардскихъ наемниковъ за грабежи. Паденіе Теодерихова государства не могло, какъ замѣтилъ г. К—въ, не отозваться далеко за Альпами и должно было возбудить въ тогдашнихъ германскихъ вождяхъ охоту взяться снова за дѣло, неудавшееся Одоакру и Теодериху. Альбоинъ не уступалъ имъ въ смѣлости и предпріимчивости. Въ 568 году лангобарды пришли въ Италію, а въ 571 государство ихъ уже было готово, по крайней мѣрѣ снаружи; о внутренней организаціи, разумѣется, еще не могло быть рѣчи.

Третье германское государство, такимъ образомъ возникшее на италіанской почвѣ, не походило на два ему предшествовавшія. Владѣнія Одоакра и Теодериха занимали не только весь Аппенинскій полуостровъ, но простирались даже далѣе. Лангобардскія завоеванія шли постепенно, суживаясь до Калабріи и Апуліи, опираясь, какъ на широкое основаніе, на равнину средняго По. Здѣсь легли главныя массы ихъ народнаго ополченія. По обѣимъ сторонамъ этой полосы тянулись вдоль морскихъ береговъ области восточнаго императора. Въ Равеннѣ жилъ по-прежнему его экзархъ. Въ Римѣ, Неаполѣ и другихъ городахъ начальствовали византійскіе сановники, подчиненные; однако, власти того-же экзарха. Лангобарды, разрѣзавъ на-двое владѣнія имперіи, затруднили до крайности сношенія между отдѣльными частями и тѣмъ ослабили административную и политическую связь этихъ частей. Зато лангобарды были почти на всѣхъ пунктахъ отрѣзаны отъ моря, которое осталось за византійцами. Эти географическія условія, важность которыхъ легко усмотрѣть при бѣгломъ взглядѣ на карту Италіи, прекрасно раскрыты нашимъ авторомъ на стр. 121—124 его сочиненія. Скорая смерть первыхъ вождей лангобардскихъ, Альбоина и Клефа, и послѣдовавшее затѣмъ владычество тридцати пяти герцоговъ помѣшало завоевателямъ полуострова овладѣть имъ вполнѣ. Отсюда развивается цѣлый рядъ фактовъ, опредѣлившихъ не одну политическую судьбу Италіи, но и самый нравственный характеръ ея населенія.

Альбоинъ привелъ съ собою не народъ, а собранную изъ разныхъ племенъ рать. Кромѣ лангобардовъ, составлявшихъ большинство, за нимъ шли саксы, гепиды, булгары, сарматы и т. д. Этихъ дружинъ нельзя сравнивать ни съ гер-

манцами Одоакра, которые еще до 476 года стояли постоемъ въ Италіи, ни съ остготами, которые также находились въ имперской службѣ и имѣли время познакомиться съ обычаями образованнаго міра. Лангобарды явились прямо изъ степей Венгріи не только завоевателями въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но завоевателями грубыми и жестокими, настоящими варварами. На нихъ еще лежала вся дикость первобытныхъ германскихъ нравовъ, и они дали ее сильно почувствовать несчастной странѣ, въ которой на два вѣка разбили свой лагерь. Ихъ государство сохранило впродолженіе своего существованія не только военный характеръ, общій ему съ другими государствами, возникшими около того-же времени и при сходныхъ условіяхъ, но и враждебное отношеніе къ побѣжденнымъ, какое едва-ли найдемъ гдѣ-либо, кромѣ развѣ вандальской Африки. Презрѣніе лангобардовъ къ римскому племени пережило даже ихъ собственную политическую независимость. Доказательствомъ могутъ служить слова, сказанныя посломъ Оттона Великаго, кремонскимъ епископомъ Ліутпрандомъ, цареградскому императору Никифору Фокѣ: „Лангобарды, и вообще германцы, въ минуты гнѣва не иначе поносятъ враговъ своихъ, какъ оскорбительнымъ именемъ римлянъ“ (Legatio, 12).

Причинъ къ взаимной ненависти между побѣдителями и побѣжденными было, впрочемъ, довольно. Мы знаемъ, какое вліяніе имѣлъ аріанизмъ на судьбу остготовъ. Терпимость Теодериха, его высокое уваженіе къ римскимъ формамъ и идеямъ не примирили съ нимъ его католическихъ подданныхъ. Ересь лежала роковою чертою между готами и италіанцами и дѣлала невозможнымъ ихъ сліяніе въ новую національность, о которой мечталъ Одоакровъ побѣдитель. Лангобарды и ихъ союзники пришли въ Итлію частью аріанами, частью язычниками. Но во главѣ ихъ не было Теодериха, и въ совѣтѣ ихъ начальниковъ не было Кассіодора. Религіознымъ ненавистямъ открылось свободное поприще. Г. К—въ говоритъ (стр. 128), что лангобардовъ нельзя обвинять въ религіозной пропагандѣ. Это справедливо, но они убивали иновѣрцевъ, не думая о передачѣ имъ собственныхъ вѣрованій. Мы приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. Лангобарды умертвили сорокъ поселянъ, отказавшихся ѣсть посвященное идоламъ мясо (Greg. Dial. cap. 87). Такой-же участи подверглись многочисленные плѣнники, не хотѣвшіе поклониться какой-то козьей головѣ (id. cap. 28). Православные жители Бресчіи должны были скрываться въ лѣсахъ

гоненій, поднятыхъ на нихъ аріанами (Vita St. Honorii. and. 24 апрѣля). Чрезъ семь лѣтъ по прибытіи своемъ Италію, лангобарды еще разоряли церкви и предавали ти священниковъ, по словамъ Павла Діакона. Замѣча-но, что у нихъ почти вовсе нѣтъ легендъ и другихъ аній о житіи св. мужей и мучениковъ, которыхъ такъ го находимъ у другихъ народовъ, поселившихся на рим-ї почвѣ. О вандалахъ, разумѣется, здѣсь не можетъ ъ рѣчи. Св. Барбацій Беневентскій стоитъ одиноко ме-своими современниками; но должно прибавить, что его а распространилась уже послѣ паденія Лангобардскаго левства. Дѣятельность св. Барбація принадлежитъ вто-половинѣ VII вѣка. Изъ житія его видно, что языче-обряды тогда еще не вышли изъ употребленія у лан-рдовъ, хотя цѣлое столѣтіе прошло съ переселенія ихъ Италію, и большинство народа уже обратилось къ като-изму.

Особенно жестокое гоненіе на знатныхъ и богатыхъ рим-ь началось, повидимому, при преемникѣ Альбоина, Клефѣ. гіе изъ нихъ были убиты, многіе принуждены были искать ренія въ бѣгствѣ (Paul. Diac. II. 31). Но у Павла нахо-ъ еще два, болѣе важныя свидѣтельства объ участи, по-шей населеніе областей, занятыхъ его соотечественни-и въ первую эпоху завоеванія. Приводимъ эти мѣста, отъ ичнаго пониманія которыхъ произошли два совершенно ичныя воззрѣнія на положеніе италіанцевъ въ Ланго-дскомъ королевствѣ. „Въ то время (подъ владычествомъ договъ) многіе благородные римляне погибли отъ ко-толюбія (побѣдителей); прочіе-же были такъ распредѣ-ы между врагами (hostes, но, по нѣкоторымъ рукопи-ь, hospites—постояльцы), что сдѣлались ихъ данниками гали платить лангобардамъ третью часть своихъ произ-ній“ (II, 32). По возстановленіи королевской власти, при ари, сынѣ Клефа, герцоги уступили королю половину ихъ имѣній, „но народъ былъ раздѣленъ между ланго-дскими постояльцами“ (populi tamen aggravati per Lango-los hospites partiuntur, III, 16). Какъ объяснить послѣд-извѣстіе? Повторилъ-ли Павелъ въ неопредѣленныхъ аженіяхъ сказанное имъ выше объ обложеніи римской твенности данью въ пользу побѣдителей, или рѣчь ъ о новомъ выдѣлѣ, о конечномъ разореніи прежнихъ цѣльцевъ? Почти всѣ италіанскіе изслѣдователи и ме-нѣмецкими историками Лео полагаютъ, что свободное мное населеніе въ лангобардскихъ владѣніяхъ было

частью истреблено, частью обращено въ сословіе, лишенное политическихъ правъ. Римской собственности при такихъ условіяхъ не могло остаться и слѣдовъ. Савиньи защищаетъ противоположное мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что лангобарды довольствовались сборомъ третьей части доходовъ съ оставленныхъ ими туземцамъ имуществъ и обширными пустошами, о которыхъ мы упоминали по поводу остготскаго дѣлежа земель. Г. К—въ сталъ на сторонѣ италіанскихъ ученыхъ и принимаетъ всѣ результаты системы, развитой ими не безъ патріотическаго преувеличенія и пристрастія. Сказавъ объ обложеніи прежнихъ владѣльцевъ данью, которая равнялась трети ихъ доходовъ, онъ объясняетъ, по слѣдамъ Капеи, второе извѣстіе Павла Діакона такимъ образомъ: подѣлившіеся своими помѣстьями съ новымъ королемъ герцоги вознаградили себя на счетъ побѣжденнаго племени, потерявшаго при этомъ случаѣ половину своей, обремененной налогами, но еще остававшейся за нимъ собственности. Мы не будемъ оспаривать справедливости этого толкованія, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ; но позволимъ себѣ замѣтить, что нашъ авторъ слишкомъ скоро и легко рѣшаетъ вопросъ, едва-ли разрѣшимый при настоящихъ источникахъ. Ему слѣдовало-бы обратить большое вниманіе на то, что́ говоритъ Павелъ Діаконъ въ той-же главѣ о дивномъ времени короля Автари, „когда въ государствѣ лангобардовъ не было никакихъ насилій и никакихъ казней; никто не принуждалъ другихъ къ незаконнымъ повинностямъ и никто не грабилъ“. Трудно допустить такую тишину и такой порядокъ въ странѣ, только-что испытавшей огромный, затронувшій всѣ частные интересы переворотъ въ отношеніи собственности. Самая послѣдовательность, въ которой событія представляются г. К—ву, неправдоподобна. Намъ кажется гораздо вѣрнѣе мысль, высказанная шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ геніальнымъ Шпитлеромъ (Spittler). По его мнѣнію, лангобарды въ первой порѣ своихъ завоеваній въ Италіи брали какія хотѣли земли, такъ какъ они грабили и убивали римлянъ безъ дальнѣйшихъ соображеній, опираясь на одно право недавней побѣды. Но когда образовалось, наконецъ, на завоеванной почвѣ настоящее государство (слѣдовательно, не ранѣе Автари), уцѣлѣвшіе и сохранившіе часть своего имущества италіанцы были обложены правильными и постоянными налогами. Что касается до дальнѣйшаго существованія римской собственности въ лангобардскихъ владѣніяхъ, то доказательства, приведенныя Савиньи въ защиту этого факта,

до сихъ поръ не опровергнуты. Чрезъ сто лѣтъ послѣ Альбоина, король Гримоальдъ, въ гнѣвѣ на римскихъ жителей Одерцо (въ маркѣ Тревизской), разорилъ ихъ городъ и отнялъ у нихъ ихъ земли (Paul. Diacon. V, 28. Если бы эти провинившіеся предъ Гримоальдомъ римляне не имѣли своей собственности и были только колонами, или вообще податными людьми лангобардовъ, то наказаніе пало-бы на нихъ лично, а не на дома и поля ихъ. Жестокое обращеніе лангобардовъ съ побѣжденными не подлежитъ сомнѣнію; но италіанскіе историки и ихъ послѣдователи зашли слишкомъ далеко, отрицая на всемъ пространствѣ лангобардскихъ владѣній существованіе свободныхъ, жившихъ въ своихъ домахъ и на своей землѣ туземцевъ.

Первый памятникъ лангобардскаго законодательства въ Италіи, эдиктъ короля Ротари явился въ 643 году, слѣдовательно, черезъ семьдесятъ два года послѣ смерти Альбоина. Такой поздній переходъ отъ обычнаго, возникшаго при совсѣмъ другихъ политическихъ условіяхъ права къ писаннымъ законамъ достаточно обличаетъ государственный бытъ лангобардовъ. Они сохраняли характеръ дружинъ, старались о расширеніи своихъ владѣній и, довольствуясь совершенною покорностью подвластнаго имъ племени, не заботились о точномъ опредѣленіи юридическихъ отношеній между этимъ племенемъ и собою. Законы короля Ротари подтверждаютъ сказанное нами.

„Ни въ одномъ изъ законодательствъ, изданныхъ германцами на римской почвѣ, не сохранилось оно въ такой чистотѣ, какъ въ эдиктѣ; нигдѣ не потерпѣло оно такъ мало отъ соприкосновенія съ римскимъ правомъ. Самое названіе римлянина встрѣчается въ эдиктѣ только одинъ разъ—говоря точнѣе, названіе римлянки—и то какъ-будто лишь для того, чтобъ выразить все презрѣніе законодателя къ этой униженной національности (римлянка поставлена ниже рабыни). Здѣсь найдете вы узаконеніе этой грубой нравственности первоначальнаго германскаго быта, по которой мужъ имѣлъ полное право убить жену за нарушеніе вѣрности, и отецъ свободной женщины — совершить ту-же казнь надъ рабомъ, который имѣлъ-бы дерзость вступить въ брачныя отношенія съ его дочерью». Здѣсь-же найдете узаконенную самую высокую таксу денежнаго штрафа (900 солидовъ), хотя-бы за ничтожное оскорбленіе свободной лангобардки, и рядомъ—самую низкую (3 солида) за побои, нанесенные женщинѣ беременной, но несвободной, хотя-бы отъ того зависѣла участь самаго рожденія. Передъ

нами въ немногихъ примѣрахъ вся первоначальная грубость лангобардскихъ нравовъ, вмѣстѣ съ надменною исключительностью ихъ старыхъ свободныхъ рóдовъ! Формы суда чисто германскія. Судебный приговоръ произносится не иначе, какъ на основаніи клятвеннаго показанія 12-ти присяжниковъ, въ числѣ которыхъ находится и самъ обвиненный. Въ случаѣ несогласія показаній, хотя-бы обвиненный одинъ былъ противъ соприсяжниковъ, дѣло рѣшается судомъ Божіимъ, обыкновенно судебнымъ поединкомъ. Впрочемъ, полное развитіе этого учрежденія принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ".

„Итакъ, эдиктъ былъ выраженіемъ права исключительно лангобардскаго, въ томъ смыслѣ, что въ основаніе его были положены чисто національные юридическіе обычаи лангобардовъ. Чтó еще важнѣе, это лангобардское право, какъ находимъ его въ эдиктѣ, должно было имѣть силу закона не только для самихъ лангобардовъ, но и для всѣхъ побѣжденныхъ жителей, то-есть для римлянъ. Въ государствѣ лангобардовъ не было мѣста особымъ личнымъ правамъ, вопреки тому, чтó находимъ почти у всѣхъ германскихъ народовъ, поселившихся на римской землѣ. Римлянамъ, жившимъ въ лангобардскихъ предѣлахъ, не оставалось ничего болѣе, какъ составить въ лангобардскомъ обществѣ особое, полусвободное сословіе „альдіевъ" и пользоваться лангобардскимъ правомъ на основаніи своего новаго состоянія. Только въ городахъ, гдѣ римляне жили вмѣстѣ съ лангобардами, но гдѣ не было извѣстныхъ отношеній, посредствуемыхъ землею, первые пользовались большею свободою, хотя также оставались въ податномъ состояніи. Даже самые варганги, подъ которыми надобно разумѣть всѣхъ пришельцевъ въ Италіи не-лангобардскаго происхожденія, также обязаны были жить по лангобардскому закону; если и могло быть сдѣлано какое исключеніе, то лишь за особенныя заслуги и съ особаго дозволенія короля. Такъ на всемъ видна старая лангобардская исключительность, которая никогда не могла ужиться даже съ саксами. Прошло около ста лѣтъ, а между лангобардами и римлянами проходила все та-же рѣзкая черта. Только тѣ римляне вошли въ составъ лангобардскаго общества, которые были покорены оружіемъ, но и то съ потерею своихъ правъ и вообще съ большими утратами для своей національности (196—198)".

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. К—ва и его предшественниковъ объ эдиктѣ короля Ротари. Это законодательство, возникшее въ виду новыхъ государственныхъ

ребностей, какихъ не могло быть у лангобардовъ до шествія ихъ въ Италію, содержитъ въ себѣ опредѣленія дическаго быта завоевателей и вовсе не касается поженныхъ. Изъ молчанія законодателя, который не счелъ жнымъ упомянуть о своихъ подданныхъ римскаго происженія, можно вывести два заключенія. Первое: у римлянъ полагается существованіе собственнаго, предшествующего завоеванію *гражданскаго* права, по которому они рѣшуть свои частныя дѣла. Тамъ, гдѣ дѣло касается государственныхъ отношеній, имѣетъ силу, разумѣется, только гобардскій законъ. Второе: у нихъ отнято ихъ собственное право и замѣнено находящимися въ эдиктѣ опредѣленіями. Но въ такомъ случаѣ исконное населеніе лангобардской Италіи или должно было совершенно слиться съ своими ителями, что́ невозможно, или войти въ составъ нового государства низшимъ, податнымъ сословіемъ, съ утрой всѣхъ своихъ гражданскихъ преданій. Г. К—въ принимъ вмѣстѣ съ Лео послѣднее мнѣніе. Мы привели выше слова о полусвободномъ классѣ альдіевъ, въ которыхъ видитъ подвластныхъ лангобардамъ италіанцевъ. ако эдиктъ 643 года, унижающій римлянку предъ раею, цѣнящій позоръ первой въ 12, а второй въ 20 солидовъ, не оказываетъ такого презрѣнія къ женѣ или дочери дія; слѣдовательно, онъ отличаетъ ее отъ римлянки. lius statu liber, libertus cum impositione operorum, говоритъ старый глоссаторъ, котораго приводитъ Дюканжъ icange) въ словарѣ своемъ (1, 175). Нельзя не замѣтить дства между состояніемъ адьдіевъ и римскимъ колонатомъ, на что́, между прочимъ, намекаетъ древнее опредѣленіе, которое находится тамъ же у Дюканжа: Aldius qui luc servit *patrono*. Ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, это сословіе поглотило остатки свободнаго римскаго населенія въ лангобардскихъ владѣніяхъ. Въ него вошли, роятно, только прежніе колоны и часть разоренныхъ завателями собственниковъ. Справедливо, что лангобарды давали у себя такого простора личнымъ правамъ, какъ тіе германцы, но они не исключали ихъ безусловно. ли-же жить варганги, съ разрѣшенія короля, по собенному закону! Мы думаемъ, что молчаніе Ротари о поеніи римлянъ свидѣтельствуетъ противъ, а не за автора дебъ Италіи". Когда прошелъ первый, ознаменованный иліями всякаго рода, періодъ лангобардскаго завоеванія; да кончились безнаказанные грабежи и убійства, запуные и выбитые изъ колеи прежняго своего развитія

римляне должны были снова собраться въ отдѣльное отъ германцевъ общество. Взаимныя отношенія членовъ этого общества, частныя ихъ сдѣлки между собою, были напередъ опредѣлены вѣковымъ навыкомъ. Лангобарды, которые такъ долго обходились безъ писаннаго права, довольствуясь обычаями старины своей, едва-ли могли произвести большія перемѣны въ сферѣ юридическихъ отношеній *между* римлянами. Къ тому-же имъ не было никакой надобности входить, или, лучше сказать, спускаться въ эту сферу. Римское общество стояло подъ лангобардскимъ и не смѣшивалось съ нимъ. Оно обязано было жертвовать ему частью своего труда и доходовъ, нести разныя повинности, было лишено всякаго политическаго значенія, но отнюдь не утратило всѣхъ особенностей своего юридическаго быта. Предъ лангобардомъ у римлянина не было своего права, но оно возвращалось ему, когда онъ входилъ въ сношеніи съ соплеменными ему лицами. Такой порядокъ вещей сложился естественнымъ образомъ до Ротари, который потому именно и не означаетъ его подробнѣе въ эдиктѣ, изданномъ для лангобардовъ. Впрочемъ, полное изслѣдованіе этого вопроса невозможно на основаніи одного эдикта 643 года. Г. К—въ, Гегель (въ Исторіи городоваго устройства въ Италіи) и еще многіе другіе, рѣзко отдѣляя отъ этого памятника законодательство Ліутпранда, какъ позднѣйшее и возникшее при измѣнившихся условіяхъ, произвольно разрываютъ органическую связь явленій и вносятъ новыя и ненужныя трудности въ дѣло, и безъ того запутанное по недостатку ясныхъ свидѣтельствъ. Законы короля Ліутпранда представляютъ несомнѣнныя доказательства, что въ его государствѣ существовалъ классъ людей, жившій по римскому праву. Откуда взялись эти люди? Принимая въ соображеніе, что отъ эдикта Ротари до первыхъ законовъ Ліутпранда прошло не болѣе семидесяти лѣтъ и, допустивъ хотя до половины VII вѣка исключительное употребленіе лангобардскаго права въ отнятыхъ у Восточной имперіи областяхъ Италіи, мы рѣшительно не найдемъ выхода изъ лабиринта болѣе или менѣе удачныхъ предположеній и догадокъ. Гегель дошелъ до того, что видитъ въ „Romanus homo“, о которомъ говоритъ Ліутпрандово законодательство, переселенца, выходца съ римской земли. По его мнѣнію, туземное населеніе Лангобардскаго королевства лишилось своего права, которое было снова внесено туда позднѣйшими эмигрантами.

Г. К—въ объясняетъ это явленіе иначе, но немногимъ удовлетворительнѣе: „Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе утвер-

дать (говоритъ онъ), что во времена Ліутпранда правомъ ть по римскому закону пользовались и туземцы, то-есть конные жители тѣхъ странъ, которыя были во владѣніи гобардовъ... Было время, когда законъ только съ преьніемъ упоминалъ объ особенныхъ правахъ; но потомъ, гда принужденіе отпало, они болѣе вышли наружу". И все совершилось въ теченіе 70 лѣтъ, безъ всякихъ намъ изстныхъ побудительныхъ причинъ! Зачѣмъ-же было не зать, почему именно и когда отпало принужденіе? Не ще-ли допустить, что римляне жили и при Ротари по ственному, а не по лангобардскому праву, которое касаь ихъ только своими государственными опредѣленіями, что Ліутпрандъ призналъ этотъ фактъ не по новизнѣ его, ю возраставшей для государства важности?

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о правѣ, которое было въ требленіи у покоренныхъ лангобардами италіанцевъ, нается другой, не менѣе значительный—о городахъ. Изъ дѣдующаго можно уже составить себѣ приблизительное тіе о точкѣ зрѣнія, съ какой нашъ авторъ смотритъ на ть предметъ. Его выводы находятся въ рѣзкой противоможности съ извѣстною теоріею Савиньи:

„По идеѣ Савиньи, исторія городской общины въ новой, бенно бывшей лангобардской Италіи сводится большею тью къ исторіи старой римской куріи, въ томъ предполоніи, что она не переставала существовать, именно въ Ломдіи, до извѣстнаго движенія ломбардскихъ городовъ въ вѣкѣ: гипотеза, съ перваго взгляда бросающаяся въ за своею кажущеюся простотою и естественностью и, подимому, представляющая легчайшій путь къ разрѣшенію ой изъ самыхъ трудныхъ историческихъ задачъ. Въ поьднее время, однако, она встрѣтила себѣ сильное противочіе даже отъ нѣкоторыхъ послѣдователей самого автора, весьма основательно. На чемъ въ самомъ дѣлѣ основана потеза Савиньи? Прежде всего—на вѣроятныхъ соображехъ, чтобы даже не сказать—на однихъ вѣроятныхъ сообженіяхъ. Утвердившись на нихъ, авторъ старался потомъ брать къ своей мысли во всѣхъ вѣкахъ и доказательства торическія. Послѣднія, къ сожалѣнію, оказались гораздо бѣе самыхъ соображеній; но авторъ уже слишкомъ убѣся въ *вѣроятности* своего предположенія, чтобъ повѣрить томъ недостаточности историческихъ доказательствъ. Онъ тался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ цѣлую систему.

„Всего страннѣе, что на самомъ первомъ планѣ Савиньи вить „аналогію событій при основаніи другихъ герман-

скихъ государствъ на римской почвѣ". Но эта ана
вовсе не такъ далеко, чтобы сходство простирал
явленія. Что̀, напримѣръ, общаго между тѣми на
которымъ дѣйствовалъ устроитель остготскаго г
и тѣмъ духомъ, который управлялъ лангобардами
утвердились въ Италіи? Второе, вѣроятное основа
въ сходствѣ самыхъ городскихъ учрежденій X
старыми муниципальными римскими учрежденіями
того, что это сходство ограничивалось лишь общим
какую силу можетъ имѣть подобное основаніе, к
оно тутъ же, на мѣстѣ, не подкрѣплено настоящ
рическими указаніями, которыя бы положительн
тельствовали дѣйствительное существованіе куріи
даннаго пространства времени? Безъ доказатель
равно-ли сильно другое предположеніе, то-есть, чт
нія XII вѣка были взяты изъ непрерывно продо
традиціи? Какъ на послѣднее вѣроятное основа
ваетъ авторъ на непрерывное продолженіе римск
въ Италіи. Но, во-первыхъ, не можетъ служить
основаніемъ для новыхъ предположеній такая м
рая требуетъ болѣе твердыхъ доказательствъ, к
какія приведены авторомъ. Во-вторыхъ, непреры
ствованіе римскаго права, если-бы оно было пол
доказано, не доказывало-ли-бы также возможно
рывной римской традиціи и относительно самыхъ
ній? Если римское вообще не умирало въ народѣ,
бы умерла въ немъ память о томъ, что̀ нѣкогда
особенно дорого?

„На подобныхъ зыбкихъ основаніяхъ едва-ли
двигать многое, или на нихъ можно строить такт
какъ и на основаніи совершенно противоположны
постей, если только онѣ тотчасъ-же подкрѣплены
тельными, историческими свидѣтельствами. Итакъ,
основанія Савиньи имѣютъ силу только по мѣрѣ
ности *историческихъ* свидѣтельствъ, приводимыхъ
какъ мы уже замѣтили, эти свидѣтельства еще н
влетворительны. Каково-бы ни было ихъ численн
ство, во всякомъ случаѣ сила ихъ уже значитель
ляется тѣмъ, что прямого доказательства въ пол
Савиньи—нѣтъ ни одного. Авторъ долженъ был
читься собираніемъ лишь косвенныхъ указаній,
предполагающихъ существованіе куріи".

Смѣемъ думать, что приговоръ, произнесенный
надъ знаменитымъ историкомъ римскаго права въ

ахъ слишкомъ строгъ и требуетъ новыхъ, не найденныхъ и въ сочиненіи о „Судьбахъ Италіи“ подтвержденій. жно однако замѣтить, что эта часть разбираемой нами ги отдѣлана съ особеннымъ стараніемъ и талантомъ. оръ свелъ въ одно цѣлое все, что сдѣлано было его иноными предшественниками на этомъ поприщѣ, и дополь ихъ изслѣдованія своими собственными. Но борьба съ иньи не легкое дѣло. Старый боецъ до сихъ поръ не ъ съ поля и не опустилъ меча предъ своими молодыми, сти имъ-же воспитанными противниками. Нашимъ читамъ, вѣроятно, извѣстно состояніе римской куріи въ эпоху аденія Западной имперіи и доводы Савиньи въ пользу нѣйшаго существованія этого учрежденія. Здѣсь не мѣсто робному разбору, который потребовалъ бы отдѣльнаго соенія; мы ограничимся указаніемъ на главные пункты а и выводомъ, къ которому привело насъ собственное еніе предмета.

. К—въ принимаетъ временное существованіе городской и въ византійской Италіи, указывая притомъ на упадокъ о учрежденія и его несоотвѣтственность съ новыми треніями общества.

По счастью, курія не была тождественна со всею городо общиною; все, что было силою въ матеріальномъ или ственномъ отношеніи и однако оставалось внѣ куріи, стреблялось, не пропадало даромъ, но слагалось подлѣ какъ элементъ для будущихъ зарожденій. Уже въ V вѣкѣ orati и possessores“ не сливаются въ одно съ куріей, тоятъ подлѣ нея, какъ особое сословіе, и вмѣстѣ съ алами составляютъ почетнѣйшее общество города. Приь характеръ наслѣдственной касты, курія естественно не па вмѣщать въ себѣ ни выслужившихся чиновниковъ, чаемыхъ по службѣ (honorati), которыхъ число должно о умножаться съ каждымъ поколѣніемъ, ни тѣхъ своыхъ владѣльцевъ (possessores), которые вновь пріобрѣі свои имѣнія и потому также оставались за предѣлами и. Это были новыя силы, которыя копились и расли въ инѣ, между тѣмъ какъ курія истощалась подъ бремеь наложенныхъ на нее тяжестей“.

Въ примѣчаніи авторъ прибавляетъ: „Отдѣленіе honorati ossessores отъ собственной куріи есть безъ сомнѣнія ъ изъ самыхъ важныхъ результатовъ, добытыхъ изслѣніемъ Гегеля“. Признаемся, мы не видимъ здѣсь ничего енно важнаго, потому что результатъ далеко не окончаный и нуждается въ тщательной повѣркѣ. Гегель, даже

по словамъ нашего автора, остановился на общи
кахъ, не входя въ подробности. Но откуда вывел
что курія приняла вполнѣ характеръ наслѣдств
обновляемой новыми элементами касты? Раскры
дексъ Θеодосія (de Decurion 1, 12) и находимъ,
состояла изъ членовъ наслѣдственныхъ (originale
раемыхъ для пополненія числа куріаловъ (nomin
ли она держалась въ этомъ составѣ, нельзя опре
можно съ достовѣрностью сказать, что, при заня
скихъ областей варварами, курія временно подня
чила высшее противъ прежняго значеніе и впо
уступая мѣсто новымъ, болѣе своевременнымъ г
учрежденіямъ, оставила на нихъ слѣдъ своего
ванія. Объ этомъ мы еще скажемъ нѣсколько сл
Развивая свое мнѣніе о состояніи италіанскихъ
г. К—въ прекрасно изложилъ происхожденіе и
городского ополченія (militia). Можно не согла
нимъ только въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ, нам
что онъ слишкомъ поздно выводитъ на сцену это
по всей вѣроятности образовавшееся до лангобар
по крайней мѣрѣ, тотчасъ послѣ ихъ прибытія.
нымъ классамъ Италіи нельзя было не принять
собственной безопасности въ виду постоянно грози
германскаго нашествія съ одной стороны, и бѣдно
нительныхъ средствъ у экзарха съ другой. Город
живаемые въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, стали в
ногу, составили собственныя ополченія и тѣмъ са
Византіи возможность удержать за собою бере
Раздѣленіе городскихъ жителей на „школы“ по
и національностямъ имѣло, очевидно, не одну по
цѣль. Образцомъ служили scholae militiae, какъ
еще Лео (Исторія Италіи, I, 53). Во вторыхъ г. К-
писываетъ этой милиціи слишкомъ аристократи
рактеръ, допуская въ ея составъ только почетныя
honorati и possessores. Въ такомъ случаѣ она была
малочисленна и не въ состояніи играть той роли,
надлежала ей въ VII столѣтіи. Для насъ несомн
стіе ремесленныхъ школъ, или цеховъ, въ городс
ченіи.

Замѣтимъ еще, что классъ judices, которыхъ г. К
нимаетъ за чиновниковъ, вообще имѣлъ повид
одно служебное значеніе. Изъ свидѣтельствъ, с
Вильмансомъ (Wilmans), въ статьѣ „Римъ отъ V до V
помѣщенной въ историческомъ журналѣ Шмидта

), можно вывести заключеніе, что judices составляли высшее аристократическое сословіе въ городахъ, безъ служебныхъ отношеній. Тщательное изслѣдованіе этого вопроса могло бы пролить свѣтъ на послѣднія судьбы куріи.

Допуская кратковременное существованіе куріи въ византійской Италіи, нашъ авторъ отрицаетъ ее совершенно въ лангобардскихъ городахъ. Эта часть его изслѣдованій есть вѣрный и строго логическій выводъ изъ невѣрнаго понятія, какое онъ себѣ составилъ о положеніи римлянъ подъ владычествомъ Альбоиновыхъ преемниковъ. Не считая нужнымъ повторять въ нашей статьѣ доводы, съ такою ясностію и остроуміемъ изложенные въ „Исторіи римскаго права въ Среднихъ вѣкахъ“, ограничимся немногими возраженіями. Законы короля Ліутпранда упоминаютъ положительно о живущихъ по своему праву туземцахъ. Кто бы ни былъ этотъ homo Romanus—потомокъ прежнихъ жителей края, или выходецъ съ земель, незавоеванныхъ лангобардами—онъ велъ свои тяжбы на основаніи римскаго гражданскаго права, слѣдовательно, въ особенномъ, не лангобардскомъ судѣ. Современные памятники не упоминаютъ объ этомъ судѣ и его составѣ; существованіе его, однако, неоспоримо, если были люди, жившіе по римскому праву. Развѣ лангобардскимъ судьямъ предоставлено было толкованіе введеннаго въ Италію послѣ остготовъ Юстиніаномъ законодательства и соблюденіе строгихъ и ученыхъ формъ связаннаго съ нимъ судопроизводства? Такой вопросъ, кажется, не требуетъ отвѣта. Гдѣ-же, какъ не въ куріи, быть могъ видоизмѣненной, сохранившей только часть своей прежней дѣятельности, именно судебную, находилъ удовлетвореніе римскій истецъ противъ своего соплеменника? О этомъ, какъ сказано, молчатъ источники, до насъ дошедшіе. И какъ-будто не знаютъ ни римскаго суда, ни куріи. Слѣдуетъ-ли изъ ихъ молчанія заключить, что въ лангобардскихъ городахъ не было ни того, ни другого? Надобно прежде принять въ соображеніе необыкновенную скудость историческихъ памятниковъ, относящихся къ періоду, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, и признаться, что ихъ отрывочныя мутныя показанія сами по себѣ никакъ не могутъ служить основою для удовлетворительнаго изложенія тогдашнихъ отношеній. Догадливости новаго изслѣдователя открывается обширное поле, и г. К—въ, обвиняющій Савиньи въ произволѣ, не устоялъ самъ противъ понятнаго искушенія возстановить мыслію, почти безъ фактовъ, цѣлый бытъ, завѣщавшій намъ такъ мало преданій о себѣ. Укорять его за

эту попытку было-бы несправедливо: она опр
ствомъ матеріаловъ и остроуміемъ отдѣльных
женій. Какъ ни возстаютъ противники Савинь
женіе законовъ исторической аналогіи къ госу
гобардовъ, которое дѣйствительно отличается ор
своимъ положеніемъ и развитіемъ, но только чр
получимъ мы возможность объяснять, по кр
приблизительно, многія, иначе вовсе необъясни
Къ числу такихъ явленій принадлежитъ участ
лангобардскимъ владычествомъ. Извѣстно, до как
дошли куріалы въ послѣдніе годы Западной им
ходъ подъ власть германскихъ королей измѣн
ложеніе къ лучшему, потому что снялъ съ них
тяжкой отвѣтственности, которой они были до
беззащитными жертвами. Сверхъ того, высшее,
тивное и судебное сословіе въ городахъ не мо
чить бо́льшей важности при паденіи всѣхъ друг
изъ которыхъ слагалось общее управленіе импе
чему родовая и служебная аристократія римская
провинціяхъ и избавленная своими привилегіям
данія въ куріи, примкнула къ ней, утративъ сво
значеніе и часть поземельной собственности.
фамиліи и бывшіе государственные сановник
укрыться въ городахъ отъ обидъ и насилій, ко
подвергались, живя въ своихъ помѣстьяхъ. Он
въ курію и сообщили ей давно утраченное до
вліяніе. Званіе куріала перестало быть унизител
приводимъ здѣсь не простыя, основанныя на вѣ
предположенія наши, а факты, составляющіе рез
восходныхъ изслѣдованій ученаго, къ трудам
г. К—въ питаетъ, подобно намъ, полное и сове
служенное довѣріе. Вотъ что́ говоритъ Форіель (К
ной Галліи подъ владычествомъ германцевъ, 45
изъ благородныхъ галло-римлянъ, потерявъ высо
сти имперіи и предпочитая скромныя муниципалы
совершенной безвѣстности частной жизни, вступ
словіе декуріоновъ и приняли отъ него мѣста,
естественно сообщили новый блескъ. Достовѣрн
случилось въ городѣ Вьенѣ, около 500 года. Тамо
былъ, по сохранившимся извѣстіямъ, весьма мн
и наполненъ знатными лицами". Около того-ж
многія куріи, не довольствуясь болѣе этимъ назв
мѣнили его болѣе громкимъ именемъ—сената. В
Сидонія Аполинарія встрѣчаемъ выраженія, пок

о куріалы пользовались значительнымъ уваженіемъ. Онъ ываетъ ихъ: summares viri; civium maximi. О цѣлой куріи ъ отзывается такъ: civium honoratorum ordo praeclarus. Но о было въ Галліи, скажутъ намъ, а рѣчь идетъ объ Италіи. ы ужъ упомянули о бѣдности источниковъ для лангобардго періода италіанской исторіи, но къ этому должно бавить, что нигдѣ отношенія германцевъ къ римскому селенію не представлены такъ отчетливо, какъ въ памятахъ, принадлежащихъ Галліи. Изслѣдователь поневолѣ ращается къ этимъ памятникамъ, встрѣчая въ современй исторіи другихъ римскихъ провинцій, занятыхъ германми, явленія, которыя нельзя понять изъ мѣстныхъ источниковъ. Мы вовсе не думаемъ, впрочемъ, натягивать анало и замѣнять недостатокъ лангобардскихъ извѣстій свительствами о вестготахъ или франкахъ, но, съ другой роны, считаемъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ употребленму нами роду доказательствъ, когда г. К—въ говоритъ о деніи куріи вообще. Признаки ея дальнѣйшей дѣятельно въ италіанскихъ городахъ ясно сохранились до VIII вѣка именахъ чиновниковъ, которыхъ занятія находились въ сной связи съ римскими муниципальными учрежденіями. да принадлежатъ curator, excerptor, monetarius, peraequa. „Все это очень далеко отъ того, чтобы курія сохранила ою прежнюю самостоятельность“—говоритъ нашъ авторъ, ылаясь на Гегеля.—О самостоятельности не можетъ быть и ѣчи, а говорится только о существованіи. Управленіе годомъ и надзоръ надъ уцѣлѣвшей въ неизвѣстномъ намъ ставѣ куріей, были, разумѣется, предоставлены лангобардкимъ сановникамъ. Наконецъ, неужели г. К — въ, при его оспоримомъ историческомъ смыслѣ, станетъ отрицать живую связь между лангобардской Италіей и ломбардскими спубликами XII вѣка? Онъ упоминаетъ, правда, о непреивной *традиціи*; но эта традиція (неохотно употребляемъ русское и безполезное у насъ слово) является у него чѣмъ отвлеченнымъ и теоретическимъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на Италію при лангоардахъ и постараемся составить себѣ понятіе объ общемъ рактерѣ этого края въ періодѣ, отдѣляющемъ пришествіе льбоина отъ Дезидеріева плѣна. Вставленное въ оправу изантійскихъ владѣній, протянутое между ними длинною, ѣстами чрезвычайно узкою полосою, лангобардское госуарство сохранило, какъ показано выше, часть своего первочальнаго военнаго устройства. Задача его еще не была ончена: завоеваніе Аппенинскаго полуострова замедлилось,

но отъ него не отказались вожди лангобардскіе. димому, понимали непрочность свой власти, пока оставались независимыя отъ нихъ земли. Внутр ства совершалось нескоро, какъ-бы неохотно съ о ронъ, сближеніе побѣдителей и покореннаго пле цессъ этого сближенія и его результатовъ прекрасн г-мъ К—мъ.

„Два общества, нисколько непохожія одно на поставленныя рядомъ, стремятся, каждое, впроче образомъ, къ тому, чтобы сгладить раздѣляющую и слиться въ одно. Это главная черта, которая черезъ все развитіе, хотя и мало сознается совре Но какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе него центръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насил покоренія римскаго общества *своему* закону; римля щій для себя полноты гражданскихъ правъ, стар биться, болѣе ловкостью, нежели силою, также вв *бардскаго* общества. Итакъ, послѣднее остается иде той и другой стороны; къ его осуществленію в общія усилія. Но, вступая въ права свободнаго гр или, что́ тоже, занимая мѣсто въ лангобардскомъ римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои н понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ варовъ; онъ скорѣе самъ служитъ образцомъ для нія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы римлянъ въ свое общество (или, что́ тоже, дѣлая бодными), лангобарды не перенимали и ихъ обра понятій, какъ они усвоили себѣ ихъ языкъ, обыча Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* обществ влекало, притягивало къ себѣ римлянъ; но, входя ство лангобардовъ, римлянинъ вносилъ въ него свои народные элементы, которые вытѣсняли, или собою соотвѣтствующіе имъ элементы лангобард живая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу д нюю энергію, лангобардское общество въ то-же в работывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи мало болѣе или менѣе римскія формы. Новое об торое выходило отсюда, не было ни лангобардско ское, но въ немъ былъ элементъ *матеріальный* — скій, и элементъ *формальный*—римскій, или, говор словами, непобѣдимая лангобардская энергія со въ немъ съ тонко развитымъ римскимъ смысломъ

Но отчего-же лангобарды, не уступавшіе въ

ному изъ племенъ германскихъ, не успѣли совершить
что такъ легко удалось дружинамъ Одоакра и остго-
Что помѣшало имъ овладѣть сразу Италіей, на за-
которой Византійская имперія не расточала средствъ,
ой необходимыхъ? Военное устройство городовъ, по-
ъ мы, то ополченіе, которое образовалось въ нихъ
тно еще при Нарцессѣ и не безъ его содѣйствія. Дол-
борона Павіи противъ Альбоина могла-бы служить нѣ-
ымъ образомъ подтвержденіемъ нашему мнѣнію. Борьбу
уже не экзархъ, располагавшій малочисленными ви-
скими войсками—отдѣльные города защищали себя
Германская дружина встрѣтила вооруженную, воин-
ую общину и принуждена была остановиться въ на-
тельномъ движеніи своемъ. Такое отношеніе между
бардской и византійской Италіей сохранилось до VIII-го
тія и обнаружило большое вліяніе не только на внѣш-
дьбы края, но и на нравственный характеръ жителей.
авнымъ слѣдствіемъ основанія лангобардскаго госу-
а въ Италіи было, по мнѣнію Лео, которое мы позво-
себѣ привести здѣсь въ извлеченіи—совершенное измѣ-
національнаго италіанскаго характера. Римское вла-
тво надъ полуостровомъ пріучило жителей къ порядку
орности, сохранившимся до прихода лангобардовъ.
анія Альбоина и его преемниковъ скоро развило то
ліе мысли и поступковъ, которыми италіанцы отли-
я до сихъ поръ отъ другихъ европейскихъ народовъ.
танное Римомъ уваженіе къ закону выразилось въ
орыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ италіанской исторіи, но
зломъ взяла верхъ новая, внесенная лангобардами
ность къ жизни, несвязанной никакими обязатель-
для нравственнаго человѣка условіями. Кромѣ самой
ды страны, два обстоятельства особенно содѣйствовали
еремѣнѣ: 1) лангобарды пришли дружиной и составили
ую колонію на покоренной ими почвѣ; 2) смежность лан-
скихъ и византійскихъ владѣній, которыхъ границы
вали двѣ длинныя линіи вдоль всего полуострова и
или жителямъ болѣе внѣшней независимости, чѣмъ
было ждать при другихъ географическихъ усло-
Нужно-ли говорить о вліяніи, какое имѣютъ на на-
постоянные переходы съ одного мѣста на другое, про-
тельная отвычка отъ родины и домашняго очага?
жная, полукочевая жизнь, какую вели лангобарды,
увъ берега родимой Эльбы, неминуемо должна разви-
особенные нравы и пороки. Выростаютъ цѣлыя поко-

лѣнія бездомныхъ, воспитанныхъ подъ походным людей, у которыхъ боевая отвага и предпріимчи няютъ всѣ другія, нѣкогда принадлежавшія и добродѣтели. Счастливое удальство выкупаетъ нестерпимые при иномъ бытѣ. Семейныя связи сохраниться въ той чистотѣ и крѣпости, кот мирная осѣдлая жизнь; связь съ отечествомъ — родной нравственности — слабѣетъ и умираетъ мѣрѣ отдаленія отъ него. Ко всему этому над вить безпрерывныя столкновенія съ чуждыми смѣшенія съ ними. Еще не доходя до границъ гобардское племя приняло значительную примѣ совъ, тюринговъ и гепидовъ. Впослѣдствіи къ соединились аллеманы и бавары. При таком дружинъ, приведенныхъ Альбоиномъ въ Италіи тренней порчѣ, которая была слѣдствіемъ это судьба покоренаго края была рѣшена напередъ. какъ разыгралась дикая воля побѣдителей на с наго ей туземнаго населенія. У лангобардовъ вовсе, по крайней мѣрѣ, въ первое столѣтіе и ственной жизни, того почти суевѣрнаго уважені камъ римской древности, какимъ были прони предшественники на той-же почвѣ — готы. Рим манское начала сошлись въ Италіи враждебнѣе, либо; и когда первое одержало, наконецъ, пер вторымъ, оно прямо примкнуло къ древнему м надлежавшимъ ему формамъ, отвергая все про развитіе, какъ незаконное и ложное. Такъ смотр шедшія судьбы роднаго полуострова Макіавель.

Доказательствомъ того, какъ труденъ былъ бардскаго дружинника переходъ отъ прежней, н воли къ новому, весьма, впрочемъ, нестрогом скому порядку, можетъ служить трагическая ко боина, Клефа и другихъ королей лангобардскихъ. предшественниковъ Ротари только двое умерли е смертью. Зато первая статья эдикта Ротари, до кровавую месть и систему виръ, полагаетъ смер за всякое покушеніе противъ безопасности гл Законодатель, имѣвшій въ виду государство, а дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ явнымъ вл стіанскихъ и римскихъ идей о верховной власти кари-германцы не были въ состояніи возвыситься и смотрѣли на его попытку, какъ на самовольное своихъ правъ и обычаевъ. Географическое поло

о содѣйствовало безнаказанности преступленій въ го-
рствѣ Лангобардовъ. Близость римской границы всегда
ла возможность укрыться отъ преслѣдованій правитель-
Экзархъ и другіе византійскіе сановники охотно при-
ли бѣглецовъ. Зато, недовольные своимъ положеніемъ,
гонимые за совершенные ими проступки, римляне, пре-
цественно знатные и богатые, находили, въ качествѣ вар-
овъ, надежное убѣжище у лангобардовъ. Изъ этого стран-
порядка вещей, образовавшаго многочисленный классъ
й, внутренно не подчинявшихся никакому закону, вы-
, можно сказать, характеръ новыхъ италіанцевъ. Тогда
обнаружилась у нихъ ненависть ко всякой сильной и
кой отъ нихъ власти. Италіанецъ рано высказалъ ро-
е начало, лежащее въ основаніи его средневѣковой по-
ки: „кто хочетъ жить свободно, тотъ долженъ служить
ъ господамъ“ (Ліутпрандъ Кремонскій въ X столѣтіи).
почему прекраснѣйшая страна и самое даровитое племя
западной Европы обречены были на служеніе иноплемен-
мъ. Только внѣшняя сила могла до сихъ поръ сообщать
торое политическое единство народу, которому не даромъ
названіе gente inconsolabile.

ти нравственныя причины дальнѣйшаго развитія италі-
ой исторіи не были, по нашему мнѣнію, достаточно оцѣ-
г. К—мъ, котораго вниманіе преимущественно обращено
звитіе папской власти, какъ учрежденія, имѣвшаго сверхъ
о всеобщаго, католическаго, еще мѣстный, чисто націо-
ный характеръ.

Имперія была слишкомъ мало внимательна къ тому важ-
явленію, которое происходило теперь въ Италіи. На осно-
духовнаго авторитета и при помощи остатковъ старой
ональности, здѣсь полагались основанія новой обще-
ной власти. Еще никѣмъ не признанная, еще сама не
льно сознавая свое новое значеніе, она ужъ далеко во-
ъ себя простирала свое дѣйствіе. Въ то время, какъ
охъ, стѣсненный обстоятельствами, болѣе и болѣе со-
далъ свою дѣятельность въ предѣлахъ подлежащей ему
сти, авторитетъ римскаго престола распространялъ свое
ніе даже за предѣлы экзархата. Подъ этимъ вліяніемъ
ѣленная Италія опять начинала находить нѣкоторое
мненіе. Начинали съ того, что признавали духовный
ритетъ римскаго престола, оканчивали тѣмъ, что не от-
али и нѣкотораго правительственнаго надзора съ его
оны. Въ той степени, какъ распространялось римское
ніе, падалъ авторитетъ экзарха“.

„Распространенію духовнаго авторитета рим
помогло самое нашествіе лангобардское. Въ сѣве
именно въ Миланѣ, былъ особый архіепископс
который, по своему положенію и авторитету,
перничать съ римскимъ, по крайней мѣрѣ, бы
совершенно независимымъ. Спорное ученіе о „тре
на сторону котораго въ послѣднее время скл
епископъ миланскій, дѣлало раздѣленіе межд
болѣе рѣзкимъ. Нашествіе лангобардское, внес
аріанизмъ, почти сгладило имъ тотъ слабый о
торый до сего времени раздѣлялъ два престол
номъ отношеніи. Бѣжавъ отъ аріанъ-побѣдит
скій архіепископъ искалъ себѣ убѣжища въ Ге
съ нимъ удалился въ Геную и весь миланск
скій клиръ. Это обстоятельство также обратило
римскаго авторитета. Проживая въ Генуѣ, мил
епископъ не могъ обойтись безъ поддержки со
скаго престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ должен
заться отъ всѣхъ притязаній на независимост
тиворѣчить, принимая поставленіе отъ римскаго. Н
еслибы даже архіепископъ возвратился въ Ми
ужъ не легко было снять съ себя это подчинен
опаснымъ соперникомъ римскому престолу въ
бы быть епископъ равеннскій. Но Равенна был
денціей экзарха, и положеніе епископа въ н
было такъ свободно и самостоятельно, какъ н
отрицая подчиненія Риму, онъ хотѣлъ лишь у
которыя отличія, издавна принадлежавшія е
впрочемъ ужъ не отрицалъ болѣе высшаго авт
ской церкви. А впереди еще лежала возможн
успѣховъ католической церкви среди аріано-ла
міра, которые должны были обратиться въ по
авторитета“.

„Но гораздо болѣе, чѣмъ внѣшнимъ распр
круга своей дѣятельности, власть утверждает
непосредственнымъ участіемъ въ главныхъ о
общественной жизни, силою и постоянствомъ
которое она на нихъ оказываетъ, и, наконецъ
стоинствомъ своего поведенія. Мы уже видѣл
дѣятельность, которую обнаруживалъ римскій
принятіи мѣръ для безопасности Италіи отъ ла
нашествія;—мы видѣли ее въ большихъ и ма
рахъ. Внутренняя жизнь Италіи того времени т
чемъ, не отъ внѣшнихъ только враговъ. Предс

йство имперіи оставило по себѣ много печальныхъ
ювъ, ощутительныхъ особенно во внутреннемъ управ-
и страны, въ судебномъ порядкѣ, въ разложеніи и со-
ніи налоговъ, вообще въ тѣхъ отправленіяхъ граждан-
і жизни, отъ которыхъ наиболѣе зависитъ общественное
ісостояніе. Это были коренные, вопіющіе недостатки,
авленіемъ которыхъ, однако, не могла озаботиться Во-
шая имперія, овладѣвъ Италіею, потому что сама страдала
ь-же недугомъ. Едва-ли даже могли желать этого испра-
ія въ Константинополѣ, гдѣ вообще такъ мало думали
стоящихъ интересахъ Италіи. Изъ Равенны тоже смотрѣли
ізь пальцы на безпорядки во внутреннемъ управленіи
ною, потому что экзархи не приносили съ собою, сколько
знаемъ, ни твердой воли, ни довольно средствъ, чтобы
успѣхомъ дѣйствовать противъ злоупотребленій. При-
льцы изъ чужой земли, они не показывали ни большаго
дія къ выгодамъ Италіи, ни особенной способности въ
авленіи ею. Иначе чувствовали и думали въ Римѣ, чѣмъ въ
ннѣ. Тамъ интересы Италіи принимались, какъ свои
твенные, тамъ хотѣли облегчать не внѣшнія только раны
но и внутреннія болѣзни; тамъ никогда не оставались
юдушны при видѣ тѣхъ страданій, которыя терпѣлъ на-
ь, но старались войти во всѣ нужды жителей и по мѣрѣ
ожности подавать нуждающимся пособіе, дѣйствовать и
ритетомъ и увѣщаніемъ. Въ дѣятельности этого рода
горій былъ не менѣе неутомимъ, какъ и въ усиліяхъ
ихъ помогать Италіи противъ нашествій лангобардовъ (168).
На основаніи того полномочія, которое уже Юстиніанъ
лъ епископамъ по отношенію ко всему управленію въ
винціяхъ, Григорій присвоилъ къ себѣ право высшаго
юра за дѣйствіями правителей. Надзоръ болѣе моральный
свойства, нежели правительственный, который могъ
ко вести очень далеко, будучи поддерживаемъ общимъ
твствіемъ ко всѣмъ дѣйствіямъ римскаго престола. Сред-
же держать эту моральную цензуру надъ правителями
іанскихъ провинцій были всегда въ рукахъ Григорія.
кій значительный городъ не имѣлъ своего епископа; а
лучше было знать о распоряженіяхъ мѣстнаго управ-
я, какъ не мѣстнымъ епископамъ? Всѣ они, или почти
уже подчинены были римскому престолу и, кромѣ того,
находились съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, время
времени съѣзжались въ Римъ для совѣщаній съ Гри-
емъ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, Григорій
быть также постоянно извѣщаемъ чрезъ своихъ рес-

понсаловъ (responsales) или апокрисіаріевъ, особ
никовъ, чрезъ которыхъ римскій епископъ сн
своими субдіаконами, и которые, часто переѣзжа
на мѣсто, почти всегда были въ состояніи лично
стояніе той или другой провинціи (176)... Въ дѣ
этого рода ревность Григорія не ограничивалась
дѣлами твердой земли Италіи: она простиралась
близь лежащіе острова, на всю область равеннска
временемъ заходила даже въ предѣлы африкан
винціи. Пренебреженіе религіозныхъ интересовъ
свѣтскихъ правителей было естественно первое,
навлекали на себя строгую цензуру Григорія. Но
также падала потомъ и на тѣ злоупотребленія вл
рыми они грѣшили противъ гражданской совѣст
ныхъ случаяхъ, когда злоупотребленія пустили ук
корни, Григорій, минуя экзарха и всякое посред
дилъ свои жалобы прямо до свѣдѣнія константин
двора (177)".

Можно смѣло сказать, что г. К—въ первый п
во всѣхъ подробностяхъ отношенія папскаго пр
возникавшей подъ его сѣнью италіанской народ
не послѣдуемъ за нимъ въ его превосходныхъ роз
потому что намъ большею частью пришлось-бы
въ сокращеніи его-же слова; но нельзя не указа
лямъ на образцовыя характеристики отдѣльныхъ
бенно Григорія Великаго) и на весь отдѣлъ, пос
Византіи. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ на
состояніемъ исторической литературы, оцѣнитъ по
самостоятельныя и остроумныя изслѣдованія наш
на трудномъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ Гиббона и Ш
него не было достойныхъ предшественниковъ. Он
вался трудами этихъ двухъ писателей, но шелъ
нымъ путемъ и повергъ ихъ выводы тщательно
недовѣрчивому пересмотру. Отсюда произошло зна
различіе и въ общихъ взглядахъ, и въ изложені
стей. Въ большей части такихъ спорныхъ случае
колеблясь готовы стать за русскаго историка: но не
себя въ правѣ согласиться безусловно съ его пр
надъ политикою восточныхъ императоровъ отн
Италіи. Ихъ владѣнія по ту сторону Адріатичес
были для нихъ тѣмъ-же, чѣмъ Алжиръ сталъ для
Уступка такихъ владѣній врагу кажется оскор
для народной чести, а сохраненіе и защита ин
огромныхъ, не вознаграждаемыхъ никакими вы

ікъ. Въ особенности несправедливъ г. К—въ ко Льву
ру и къ Константину Копрониму. Оставляя въ сторонѣ
ь за иконы, нельзя не признать въ этихъ государяхъ
ихъ качествъ, дающихъ имъ полное право на уваі
потомства. Западные историки высоко цѣнятъ подвигъ
Мартела, отразившаго напоръ передовой мухаммеюй рати и чрезъ то отвратившаго отъ европейскихъ
ювъ опасность, которою грозили имъ со стороны ислама.
та была безспорно великая. Но можно-ли поставить
ду съ побѣдою при Пуатье, одержанною надъ намѣюмъ Испаніи, тѣ славныя войны, которыя Левъ Исавръ и
естокій, но даровитый и смѣлый сынъ вели противъ
силъ находившагося въ полной крѣпости калифата?
ла-ли и съ этой стороны отражена опасность, еще
ая, быть можетъ? Принимая въ соображеніе тогдашнее
еніе имперіи, мы рѣшительно не въ правѣ ставить
ну Льву и Константину ихъ равнодушіе къ далекимъ
ихъ италіанскимъ областямъ. Ихъ вниманіе устрембыло въ другую сторону. Вопросъ о дальнѣйшемъ
ствованіи христіанскаго государства на берегахъ Воссрѣшался въ Малой Азіи и заслонялъ собою все остальное.
трехъ послѣднихъ главахъ своего сочиненія, авторъ
бъ Италіи" подробно изложилъ исторію папскихъ сноі съ Каролингами. Предметъ этотъ, повидимому, исто-
прежними историками и не представляетъ уже ничего
о знающему читателю. Однако, внимательная повѣрка
никовъ доставила г. К—ву возможность сообщить осоію занимательность этой части своего труда. Мы должны,
чемъ, замѣтить, что основная мысль, высказанная имъ
воду вмѣшательства франковъ въ дѣла Аппенинскаго
острова, противорѣчитъ ходу событій и принадлежитъ
islу остроумныхъ, но едва-ли плодотворныхъ для напредположеній. Въ спорѣ между лангобардскими коро-
и папами, г. К—въ горячо принимаетъ сторону пер-
и предлагаетъ вопросъ: „что было-бы съ Италіей,
бъ призваніе франковъ папами не помѣшало ей соедися въ одно государство подъ властью лангобардовъ?"
тъ дала исторія, оправдавшая Захарію, Стефана и
ана великолѣпнымъ развитіемъ италіанской жизни въ
XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. И неужели могло папство
вольно сойти съ той высоты, на которую возвело его
еніе событій, и уступить мѣсто ненавистному племени,
которое до сихъ поръ италіанскіе историки слагаютъ
ую отвѣтственность за послѣдующія несчастія своей

родины? Подробный разборъ этого вопроса, отъ котораго зависѣла не только судьба Италіи, но и рія Среднихъ вѣковъ, не можетъ быть предметом щей статьи. Мы въ правѣ, впрочемъ, надѣяться, чт не остановится на порогѣ италіанской исторіи, дальнѣйшіе труды дадутъ намъ возможность и большей связи съ позднѣйшими явленіями вл каролинговъ надъ Аппенинскимъ полуостровом сказать вполнѣ наше противоположное его убѣжденіе.

Мы далеко не исчислили всѣхъ достоинствъ казали всѣхъ спорныхъ, или недоказанныхъ пол книгѣ г. К—ва и остановились на немногихъ, намъ кажется, особенно важныхъ мѣстахъ. Въ а считаемъ не лишнимъ повторить то, что уже был въ началѣ: „Судьбы Италіи“ составляютъ важное теніе не только для русской, но и для историчес ратуры вообще. Надобно желать, чтобъ эта кни въ переводѣ на одинъ изъ иностранныхъ языков ставило-бы ей обширный кругъ читателей и обра цѣнителей, и сверхъ того, показало-бы заграничн нымъ съ самой выгодной стороны научную дѣя въ нашемъ отечествѣ. Да будетъ намъ, однако, обратиться съ послѣднимъ упрекомъ къ автору: него не вездѣ удовлетворяетъ справедливымъ тре Рядомъ съ превосходными, рукою мастера нап страницами, встрѣчаются другія, въ которыхъ мы нена небрежнымъ и затянутымъ изложеніемъ. также бросаются въ глаза иностранныя, безъ н внесенныя въ нашъ языкъ, слова. Къ чему, напри сать: шефъ, фортуна, традиція и т. д.? Такія заим ничего не прибавляютъ къ дѣйствительному языка и производятъ вдвойнѣ непріятное вп при чтеніи такого даровитаго и блестящаго писате г. К—въ.

Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея возрожденія.

Историческое разсужденіе Ивана Бабста. Москва, 1851 года.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ наша литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными произведеніями, посвященными классической древности. Этотъ отдѣлъ науки, на который у насъ долго не обращали надлежащаго вниманія, вошелъ теперь окончательно въ кругъ самостоятельныхъ занятій русскихъ ученыхъ. Доказательствомъ можетъ служить монографія г. Леонтьева „О поклоненіи Зевсу", изданные имъ-же „Пропилеи", наконецъ, книга г. Бабста „Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія". Нельзя, при этомъ случаѣ, не помянуть признательнымъ словомъ незабвеннаго, такъ рано отнятаго у насъ смертью профессора Крюкова. Его кратковременная академическая дѣятельность должна служить благороднымъ образцомъ и поощреніемъ для каждаго русскаго преподавателя. Покойный Крюковъ не успѣлъ совершить задуманныхъ имъ трудовъ, хотя въ его бумагахъ остались значительные, теперь безплодные матеріалы, по которымъ можно судить только объ объемѣ и разнообразіи его изслѣдованій; но лекціи, читанныя имъ въ продолженіе немногихъ годовъ, въ Московскомъ университетѣ, пали богатыми сѣменами на плодотворную почву. Цѣлый рядъ даровитыхъ, уже пріобрѣтшихъ собственную извѣстность учениковъ свидѣтельствуетъ о силѣ рано отшедшаго учителя.

Предвидимъ неизбѣжный, столь часто въ наше время повторяемый вопросъ о настоящемъ значеніи и пользѣ науки древностей. Противники классическихъ литературъ нападаютъ на нихъ съ разныхъ сторонъ. Одни говорятъ, что поле этихъ изслѣдованій до такой степени воздѣлано, или, лучше сказать, истощено, что новымъ труженикамъ остается только

безплодная переработка стараго, отвлекающая ихъ занятій болѣе полезныхъ. Другіе, не ограничивая отрицательнымъ обвиненіемъ, идутъ далѣе и утв что изученіе греко-римской древности отрываетъ дѣйствительности и вноситъ въ него понятія, пр щія чуждому намъ, по своимъ направленіямъ, мі тимъ, впрочемъ, что между порицателями классиче ности, рѣдко встрѣчаются люди основательно съ н мые и способные произнести самостоятельный при спорѣ, отъ котораго зависитъ образованіе будущ лѣній.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый, хр міръ отдѣленъ отъ языческаго огромнымъ разстоя торое измѣряется не одними вѣками. По ту стор гелія остался бытъ естественнаго человѣка, носи себѣ самомъ источники неполнаго знанія и самоі силы. Созданные его воображеніемъ, призрачные могли ни спасти отъ разрушенія, ни пережить по щей, ввѣрившаго имъ свое существованіе. Духовн и политическія формы Аѳинъ и Рима прошли не Всякая попытка воскресить ихъ была-бы признак рическаго безумія, которое можетъ овладѣвать л рѣлыми, безсильными къ живому творчеству нар другой стороны, это замкнутое въ себѣ, вполнѣ шееся время богато высокими и благородными наз Мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь то, что разъ было сказано о красотѣ античнаго искусст жденіе которымъ само по себѣ можетъ быть до цѣлью и оправданіемъ изученія древности. Умолчи о наукѣ, которой представителями были Платонъ лель, неисчерпанные двадцатью двумя вѣками умозрительнаго вѣдѣнія. Проповѣдники иной выс рости, Отцы нашей Церкви, разрушая язычество, вынимали изъ его развалинъ великія произведені лей, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, но силою ной мысли неослабно искавшихъ высшей истины. забывать, что мы обязаны Церкви сохраненіемъ уцѣ памятниковъ древнихъ литературъ. Почти такое- имѣютъ на наше вниманіе политическія судьбы Рима. Образованіе и упадокъ древнихъ граждан ществъ были не даромъ предметомъ постоянных шленій для величайшихъ умовъ послѣдующихъ Они не искали въ прошломъ примѣровъ и форм ложимыхъ къ настоящему, а, напротивъ, укрѣпляли зерцаніемъ явленій, которыя раскрылись въ антич

столь отдаленномъ, что онъ можетъ служить предме-
совершенно спокойнаго изученія, свободнаго отъ вся-
практическихъ увлеченій.

Бабстъ избралъ предметомъ для своего прекраснаго
жденія одну изъ самыхъ любопытныхъ эпохъ Грече-
исторіи, именно время разложенія республиканскихъ
ь жизни и перехода къ монархіи. Предоставляя себѣ
дущемъ болѣе подробный разборъ этой книги, мы же-
бы предварительно обратить на трудъ г. Бабста вни-
читателей Московскихъ Вѣдомостей. Авторъ не доволь-
ался передачею собранныхъ имъ съ большимъ тща-
и критикою свидѣтельствъ. Онъ согрѣлъ матеріалъ
ъ сочувствіемъ къ нему и живымъ изложеніемъ. Осо-
хороши представленныя имъ характеристики государ-
ныхъ мужей Греціи въ IV столѣтіи до Р. Х. Укажемъ
примѣра на страницы, посвященныя Ксенофонту. Намъ
авалось читать болѣе ясной и умной оцѣнки этого фи-
а-кондотьера. Дабы познакомить читателей съ спосо-
изложенія г. Бабста, мы приведемъ его слова о грече-
наемникахъ.

Наемники были необходимымъ слѣдствіемъ разложенія
и греческой. Мы видѣли выше, какъ падали всѣ ко-
ія начала ея; изъ описанія внутренняго состоянія
ъ и Спарты мы видѣли, какъ не было уже болѣе ува-
къ древнимъ обычаямъ; открыто надъ всѣмъ смѣя-
суды потеряли все значеніе, храмы не служили болѣе
ищемъ; отчизна потеряла для всѣхъ свою прелесть,
у что никто не считалъ себя безопаснымъ, и каждый
я за свои убѣжденія; партіи преслѣдовали другъ друга
есточеніемъ, и каждая побѣда сопровождалась изгна-
или добровольнымъ удаленіемъ. Вмѣсто привязан-
къ родинѣ, видимъ мы озлобленіе и желаніе мести;
скрывали свои капиталы, ибо опасались налоговъ;
е бѣжали, потому что жить было нечѣмъ, и вотъ вся
ія наполнилась бѣглецами (φυγάδες), которые, не видя
го утѣшительнаго въ будущемъ, продавали свои услуги
ому желающему. Имъ честнѣе казалось умереть съ ме-
въ рукахъ, нежели гибнуть по навѣтамъ доносчиковъ.
во происхожденіе греческихъ наемниковъ, — явленія,
ому подобныя мы встрѣчаемъ не разъ въ исторіи. Такъ
зовались кондотьеры въ Италіи, тоже самое было во
я религіозныхъ войнъ въ періодъ реформаціи. Въ Греціи
служили аркадяне и критяне наемниками, но это
вслѣдствіе географическаго положенія ихъ родины.

Аркадяне были швейцарцами древней Греціи. бѣдное отечество заставляло ихъ съ раннихъ лѣ вать свои услуги всѣмъ и каждому. Остальныя г Греціи не знали этого обыкновенія, и каждый г талъ позорнымъ продавать свою кровь иноземц болѣе еще варварамъ. Во время войны Пелопоне встрѣчаемъ уже наемниковъ, а въ послѣдніе ея г обычай вполнѣ укоренился. Ожесточеніе, съ котор лись въ каждомъ почти городѣ враждебныя партіі много народу для пополненія рядовъ въ наемныхъ уже Ѳукидидъ говоритъ, что возвышеніе жало одинъ оболъ можетъ переманить матросовъ на н скій флотъ (Thucyd. 8, 45.). Какъ много было изгн видно изъ того, что Киръ младшій могъ легко на 13,000 греческихъ воиновъ. Въ полномъ разгарѣ наемники во время коринѳской войны. „Съ этого вр говоритъ Ксенофонтъ,—„граждане составляютъ об гарнизонъ, войну-же ведутъ наемники (Xenoph. H Кононъ нанялъ на персидское золото цѣлую то Главнымъ сборнымъ мѣстомъ наемниковъ былъ въ Коринѳъ (ξενικὸν εν Κορίνθῳ Schol. Aristoph. Plut. 173 дителями ихъ были Ификратъ и Хабрій, создавш тактику, о которую сломилось старинное военное греческое. Агезилай привелъ также наемниковъ которыми начальствовалъ Гериппидъ, и съ этого мы почти уже не видимъ войскъ изъ самихъ граж всѣ войны ведутся наемниками, которыхъ можно бы за весьма дешевую цѣну. „Гораздо болѣе воиноі набрать,—говоритъ Исократъ,—между праздношатаі нежели между гражданами (Isocr. epist. 9.).“ „Наши г говоритъ онъ въ одной своей рѣчи (De pace, 16),— ной кровью освободили грековъ; мы-же не дерза жаться для собственныхъ нашихъ выгодъ, а предос все наемникамъ, готовымъ всякаго продать за де такъ ихъ высоко цѣнимъ, что не обращаемъ вни жалобы, которыми ихъ осыпаютъ, но, напротивъ, слыша объ нихъ что-нибудь подобное; мы сами с отъ бѣдности, а лишаемъ себя послѣдняго, чтобы наемникамъ; этого не дѣлали не только предки на ѳономахи, но даже и тѣ, которыхъ ненавидѣли наши с потому что они все-таки сражались сами, мы-же, на и не думаемъ о битвахъ, а употребляемъ наемнико царь персидскій. Прежде брали въ гребцы чужес и рабовъ, теперь-же—наоборотъ: аѳинскій корабль г

берегу, чужестранцы идутъ съ оружіемъ на враговъ, вшіе владыки Гелленовъ сидятъ съ веслами въ рукахъ". ъ жаловался Исократъ и всѣ лучшіе патріоты, но они могли помочь горю. Наемники были такимъ-же закон- ъ явленіемъ, такимъ-же результатомъ всей предыдущей ни, какъ и многія другія черныя стороны описываемой и эпохи. Когда старинный городовой бытъ былъ по- анъ, то гражданину житья не было на родинѣ, и онъ ъ искать на чужбинѣ добычи, а часто и хлѣба. Прежде ло греки, вытѣсняемые изъ родины политическими рями или недостаткомъ, основывали на чужбинѣ ко- и, но теперь и этого не могло быть. Кому была радость реться въ узкой городовой жизни, когда личность казывала столько новыхъ требованій? Передъ греческими шниками открылась Азія со всѣми ея сокровищами, бо- й Египетъ; ихъ вездѣ принимали радушно, ихъ ласкали алійскіе князья и великій царь персидскій. Не одно столюбіе и желаніе добычи, не однѣ политическія годы или притѣсненія были главными причинами, павшими столько бойцовъ въ Азію: греку нуженъ былъ, онецъ, просторъ, а его онъ не находилъ на родинѣ, и ъ попытать счастья на чужбинѣ.

„Наемниковъ обвиняютъ въ развратѣ, въ томъ, что они ются за свободу и противъ нея, за царя Персидскаго ротивъ него, что они ввели на родину чуждые дотолѣ оки; все это справедливо, но какое-же время разложенія инныхъ формъ общественныхъ отличается строгою вственностью? Толпы изгнанниковъ и наемниковъ дока- и ясно, что время требуетъ иныхъ формъ, и служили шимъ протестомъ противъ старины. Много свѣжихъ силъ дило въ Греціи, и онѣ были гибельны для Греціи старой, ихъ нужно было только направить на одно великое дѣло, огда явилась такая личность, она доказала, что эти-же ые наемники завоевали цѣлый Востокъ во имя греческой илизаціи. Александръ Македонскій многимъ обязанъ начальникамъ, воспитаннымъ въ школѣ наемниковъ.

„Время наемниковъ — это эпоха въ исторіи военнаго усства древняго міра, такъ-же точно какъ 30-ти-лѣтняя на—эпоха въ военномъ дѣлѣ новаго времени. Наемники, ъ предводительствомъ Ификрата и другихъ знаменитыхъ дей, были такъ отлично выучены и дисциплинированы, могли въ случаѣ нужды драться безъ полководца. При- ъ тому мы встрѣчаемъ у Ксенофонта. Послѣ вѣроломнаго рщвленія полководцевъ, новые начальники выбираются

изъ солдатъ. Кто пріобрѣлъ себѣ извѣстность храбростью или силою, могъ всегда собрать легко подъ своимъ начальствомъ толпу удальцовъ, съ которыми отправлялся предлагать свои услуги первому желающему; а работы было вездѣ много. Кто достаточно награбилъ, и въ состояніи былъ давать порядочное жалованье, могъ всегда найти удальцовъ, готовыхъ идти съ нимъ на промыселъ. Ему стоило только отправиться на мысъ Тепаронъ, гдѣ былъ знаменитый храмъ Посидона; тамъ всегда толпились праздные наемники, ожидавшіе прибыльнаго дѣла. Наборъ ихъ происходилъ часто очень страннымъ образомъ. Ксенофонтъ разсказываетъ, что въ числѣ 10,000 грековъ былъ одинъ олимпіецъ Эпистенъ, извѣстный своей храбростью воинъ. Онъ выбиралъ себѣ всегда самыхъ красивыхъ и самыхъ молодыхъ воиновъ, и во главѣ ихъ совершалъ чудеса храбрости. (Апав. VII, 4). Многіе изъ извѣстныхъ начальниковъ наемныхъ войскъ начинали свое поприще разбоями какъ, напримѣръ, Харидемъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Вообще, это сословіе не отличалось разборчивостью въ средствахъ добывать деньги. Главною цѣлью была добыча, а какъ она достается,—до этого никому не было дѣла“.

Такихъ мѣткихъ, объясняющихъ цѣлое историческое явленіе, мѣстъ въ сочиненіи г. Бабста много. Но желаніе приблизить къ русскому читателю описываемыя событія и лица, заставляетъ автора иногда говорить языкомъ, по нашему мнѣнію, несовсѣмъ свойственнымъ содержанію его книги. Не измѣняя смысла событія, онъ въ разсказѣ своемъ употребляетъ иногда выраженія, какъ-то неидущія къ греческому міру. Это, впрочемъ, единственный упрекъ, какой ему можно сдѣлать относительно формы, данной имъ своему замѣчательному труду. „Государственные мужи Греціи“ обнаруживаютъ въ авторѣ рѣшительный историческій талантъ и даютъ намъ право поздравить русскую историческую литературу съ новымъ и даровитымъ дѣятелемъ.

О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 1852 года января 12 дня).

Мм. Гг.!

Московскій Университетъ, — alma mater всѣхъ однородныхъ заведеній въ Россіи, — привыкъ къ просвѣщенному участію русскаго общества. Ваше постоянное присутствіе на праздникѣ, которымъ замыкается истекшій и начинается новый академическій годъ, служитъ доказательствомъ, что участіе это не хладѣетъ. Въ свою очередь, Университетъ встрѣчаетъ васъ, не какъ равнодушныхъ гостей: онъ предлагаетъ на судъ вашъ образцы умственной дѣятельности своихъ членовъ и отдаетъ вамъ честный и правдивый отчетъ во всемъ, что́ было совершено имъ въ теченіе прибавившагося къ его жизни года. Скоро представитъ онъ цѣлой Россіи итоги, выведенные изо ста такихъ отчетовъ и съ законною гордостью разскажетъ ей повѣсть своего вѣковаго служенія великимъ идеямъ истины и добра.

Находясь на очереди для произнесенія предъ вами въ нынѣшнемъ году обычнаго слова, я избралъ себѣ предметомъ современное состояніе и значеніе той науки, которой имѣю честь быть преподавателемъ.

Вопросы о теоретическомъ значеніи исторіи, о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ, или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно съ цѣлою участью будущихъ поколѣній.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Восток принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого никогда не входили въ сферу, въ которой сос дѣятельность восточной мысли. Азіатскимъ нар чужда врожденная человѣку потребность знать шедшее, но ихъ любознательность находитъ легк творенiе въ родословныхъ спискахъ, въ просты няхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. С этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя частью однообразный матеріалъ стороннему изсл не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ исхожденію, уясниться до науки или облечься художественныхъ произведеній. Лѣтопись и пѣс конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго онѣ не въ состояніи служить орудіями умственна ванія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу п не приводя его къ ясному сознанію настоящаго. Т исторіи разсказа, а не поученій, Востокъ доволь самыми бѣдными, хотя соотвѣтствующими его о ному развитію, формами историческаго предан ственное исключеніе составляютъ священныя кн евъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стояще человѣческихъ сужденій, значеніи Библіи, но о гатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской му глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Б источника черпало разсѣянное теперь по лицу зем ту дивную крѣпость, которую оно противопоставля испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по сам ству своему, Божественный памятникъ, составляю духовную родину обреченнаго на скитаніе въ еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемы Мм. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою буд ній, классическій міръ.

Греки и римляне смотрѣли на исторію другими нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусство наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ образованности. Задача греческаго историка зак преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ н наго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ эт соединялась нерѣдко другая, болѣе положительна тическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны б жить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. „Я влетворенъ,—говоритъ Ѳукидидъ:—если трудъ мой

знымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о про-
шемъ, а равно и о томъ, что́ по ходу дѣлъ человѣче-
ь можетъ повториться снова“ *). Это практическое на-
леніе выразилось еще съ большею силою въ произведе-
› римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской
ратуры оно всегда соединялось съ нравственно-эстети-
ими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнью, черпав-
изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей
ѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ
поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. На-
› ее наставницею жизни **), Цицеронъ выразилъ гос-
вовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могу-
во примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная,
жизнь новыхъ народовъ, нерѣдко повторяла одни и
е явленія и, такимъ образомъ, открывала возможность
агать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражда-
, особенно, въ послѣдній періодъ республики, во время
ысочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ
рной исторической образованности. Безъ нея невоз-
ıа была никакая политическая дѣятельность. Такое по-
› о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при
раторахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши
ı свидѣтельство находится въ біографіи Александра Се-
написанной Эліемъ Лампридіемъ: „Северъ особенно
зовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спраши-
у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о кото-
› шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди
ихъ народовъ“ ***).

ри господствѣ такихъ направленій, прозведенія древ-
исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія
го времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать
нетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали
мущественно къ высшимъ сословіямъ общества ****) и
› описывали такія событія, въ которыхъ были личными

---

*) I, 22.

**) Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, *magistra vitae*, ı vetustatis. Cicero de orat. II. 9.

***) Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos *qui historiam norant*, ens quid in talibus causis, quales in disceptatione versabantur, impe- s vel Romani, vel aliarum gentium fecissent. Aelius Lampridius in . 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли гайнаго совѣта при императорѣ.

****) L. Otacilius Pilitus (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium norum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi nestissimo quoque scribi solitam. Sueton. de clar. orator. c. 3.

участниками или свидѣтелями. Они старались разсказамъ своимъ, какъ можно бо́льшую красоту сдѣлать ихъ доступными для сколь можно бо́льш читателей. Изящная форма составляла необходим значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ ф мѣлась не одна красота изложенія, а художест основаніи общихъ законовъ искусства совершенн ніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, ро поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятел не создаетъ мрамора или металла, но творчески имъ прекрасный образъ *). Въ теоретическихъ ніяхъ о формахъ, свойственныхъ историческим ніямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вооб зался складъ ума обоихъ народовъ классической Греки требовали преимущественно поэтической, риторической стихіи **). Послѣдняя, впрочемъ, избѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснор въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторон которую дѣйствуетъ искусство, или сферу пра гражданской дѣятельности, исторія уклонилась от характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ см слова, критика фактовъ, почти не существовало. заступала у великихъ писателей природная, ук навыкомъ, способность отличать истинныя изв ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. К лучшія произведенія древнихъ историковъ суть м объемлющія одно какое-нибудь великое событіе, связанныхъ между собою внутреннимъ единством Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ о разрозненныя семьи человѣческаго рода, было ч ческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ ніемъ христіанства. Замѣчательная мысль Полиб статочности исторій, по которымъ, говорить о мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго орга не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, р осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора Сицилій разсказать судьбы всего міра, какъ исторію одног ства. За то простота и опредѣленность содержані

*) Quomodo historia sit conscribenda, cap. 45 et 54.
**) Ulrici, Characteristik der antiken Historiographie, p. 30
***) Prooem.
****) I, 3.

вняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ пред-
у. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не
аждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ
разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ
и свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль
уда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся
ренія. Ѳукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи
емъ весь ходъ Пелопонезской войны, но не счелъ нуж-
мъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время,
блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ пол-
ы искупается у него единствомъ содержанія и возмож-
о только при такомъ условіи строгою красотою формы.
и современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка, подобное
раниченіе предмета едва-ли можетъ быть допущено. Но
авніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не съ
ірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не
опускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой
агматической, и не входили въ разборъ безчисленныхъ
ружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они
ъ труда подымали легкую ношу историческихъ мате-
аловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло
одчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ
и гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ
о скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ,
ъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все
оступное ему искусство для передачи читателямъ собствен-
го воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до со-
рцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исто-
ю на степень эпизодическаго изложенія, и оставили въ
ой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягае-
я красота не должна служить укоромъ новому историку,
ѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ
опросовъ.

Необозримая масса накопившихся въ теченіи тысячелѣ-
й источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на
амаго смѣлаго и предпріимчиваго изслѣдователя. А, между
ѣмъ, эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неиз-
ѣстныхъ памятниковъ, или поступленіемъ въ ученый обо-
отъ такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено
адлежащаго вниманія. У всѣхъ европейскихъ народовъ за-
вѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ
сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ.
Великіе труды французскихъ бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ
ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными

предпріятіями нашего времени. Просвѣщенное участіе правительствъ даетъ средства къ осуществленію начинаній, неисполнимыхъ силами частныхъ лицъ. Одновременно съ превосходными изданіями лѣтописей и государственныхъ актовъ европейскихъ державъ предпринимаются въ другія части свѣта ученыя экспедиціи, раскрывающія передъ нами тайны погибшихъ цивилизацій и народностей. Безчисленныя монографіи доводятъ до свѣдѣнія большинства читателей результаты новыхъ открытій и показываютъ ихъ отношенія къ предшествовавшему состоянію науки. Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила-бы своими результатами въ составъ всеобщей исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая съ одной стороны подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполнѣ не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ, съ другой стороны, въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что, при настоящемъ состояніи исторіи, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Совершено-ли ею это дѣло? Смѣемъ сказать, что нѣтъ. Всѣ вышедшія въ теченіи нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей исторіи, какъ-бы ни велика была пріобрѣтенная ими слава, служатъ оправданіемъ нашего отрицательнаго отвѣта. Начиная отъ 24-хъ книгъ о всеобщей исторіи Іоганна Мюллера, такъ мало оправдавшихъ высокія ожиданія, возбужденныя именемъ и обѣщаніями автора, до многотомнаго, но незначительнаго и не стоющаго своей извѣстности сочиненія Канту, мы видѣли рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеалъ всеобщей исторіи. Вмѣнять эту неудачу безсилію писателей было-бы несправедливо, въ виду великихъ успѣховъ, совершенныхъ исторіею съ начала нынѣшняго столѣтія. Причины лежатъ

глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайшій историкъ XIX столѣтія, Нибуръ, глубоко чувствовалъ эти недостатки, и никто не можетъ стать на ряду съ нимъ относительно заслугъ, оказанныхъ исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ исторической критики и о цѣломъ его воззрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ пріобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ пріемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ римской исторіею. Замѣтимъ, однако, что его постигла участь, нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержавшіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ римскихъ писателей. Задача критики состояла, слѣдовательно, въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль, очевидно, не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники, и въ какой степени они заслуживаютъ довѣрія. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Римской Исторіи“, явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке *), небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленные ученики образовали школу, которой дѣятельность, устремленная преимущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ, уже принесла богатые плоды.

Заслуга Нибура не ограничилась, впрочемъ, введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею,

*) Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824.

въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ н
лыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимос
ріи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣн
Историческое значеніе человѣческихъ породъ
нуло отъ его вниманія, но ему не привелось р
и приложить къ дѣлу свои предположенія об
важномъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе, его прев
слѣдованія объ этнографіи Италіи и древняго
могутъ служить исходною точкою и образцо
нѣйшихъ трудовъ такого рода.

Около того-же времени, вопросъ о породах
нимать пытливые умы внѣ Германіи. Форіель, С
и другіе ученые старались объяснить отношені
народностей, преемственно господствовавши
Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣ
средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не
реступить чрезъ обычныя грани историческихъ
и оставили въ сторонѣ физіологическіе призн
родъ, которыхъ историческія особенности бы
тельно опредѣлены. Надобно было, чтобы на
далъ, наконецъ, голосъ противъ такого стѣ
науки и указалъ на связь ея съ физіологіею.
Эдвардсъ (W. F. Edwards) издалъ письмо сво
Тьерри о физіологическихъ признакахъ челов
родъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Это письм
въ себѣ полное, изъ сферы естественныхъ н
нутое, оправданіе выводовъ, къ которымъ при
путями и совершенно независимо одинъ отъ
буръ и Амедей Тьерри**). Снимая съ разсѣян
западной Европы галло-кимрскихъ племенъ ихъ
и доказывая живучесть породъ, Эдвардсъ изла
для будущихъ розысканій. Высказанныя имъ
воду мысли были приняты съ общимъ одобре
сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы
Америкѣ и Франціи существуютъ ученыя этн
общества, которыхъ труды значительно подви
антропологію, но не обнаружили надлежащаго вл
рію. Уступки, сдѣланныя историками новымъ
были большею частью внѣшнія. Дальнѣйшее у
чемъ, невозможно, и исторія, по необходимости,

*) Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr, I. 44.

**) Эдвардсъ самъ имѣлъ въ виду только исторію Гал
Изслѣдованія Нибура о томъ-же предметѣ были, кажется
извѣстны.

ступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства. Каковъ-бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, имѣющихъ, быть можетъ, обнаружить историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, ибо сообщитъ ей бо́льшую положительность и точность. Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа *). Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера **), принимающаго землю за „храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго“, проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени, но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ

---

*) Съ особенною рѣзкостью высказалъ авторъ Духа Законовъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: On a donc plus de vigueur dans les climats froids. L'action du coeur et la réaction des extrémités des fibres s'y font mieux, les liqueurs sont mieux en équilibre, le sang est plus determine vers le coeur et réciproquement le coeur a plus de puissance. Cette force plus grande doit produire bien des effets; par exemple, plus de confiance en soi méme, c'est à dire plus de courage; plus de connoissance de sa superiorité, c'est á dire moins de désir de la vengeance; plus d'opinion de sa sureté, c'est à dire plus de franchise, moins de soupçons, de politique et de ruse. Enfin cela doit faire des caractères bien différents. (De l'ésprit de loix. Liv. XIV, 11).

**) Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему, предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ-будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ-будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ *). Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была-бы безспорно иная, если-бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, Мм. Гг., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

„Ходъ всемірной исторіи,—говоритъ онъ:—опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что́ уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и неподготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возьмется опредѣлить, какъ сложилась-бы исторія человѣчества, если-бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были-бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной исторіи. Если-бы,

*) См. въ запискахъ Берлинской Академіи 1834 года, превосходную, исполненную глубокомысленныхъ замѣчаній статью Риттера; Der tellurische Zusammenhang der Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde.

примѣръ, при неизмѣнности всего остальнаго на поверхности земли, Суэзскій заливъ простирался градусомъ дальше сѣверъ, то-есть достигалъ-бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось-бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не моря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо больше смѣшались-бы съ особенностями Европы.—Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Чермное море. Для этого было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ-бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея срединой. Египетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ-бы пустыней безплоднѣе Ниполиса. Онъ не имѣлъ-бы уже вліянія на развитіе Греціи, конечно, судьбы народа Израильскаго были-бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но зато Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Индіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились-бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи, — цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣленныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи,—восточную въ Китаѣ, и противоположную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить послѣдствія еще большихъ измѣненій, значило-бы вдаться въ область вымысловъ".

„Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, *что вода земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны,—судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть ни что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи*. Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той-же неизбѣжной судьбѣ".

„Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы, кажется, уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни,

жителей въ другія части свѣта. Это переселені
ливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ
свѣта европейскую образованность и можетъ
необозримо долгое время, ибо производительнс
въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ обл
ныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ
ропѣ. Маисъ родится обыкновенно самъ-сорокъ,
200 и даже 300; и хотя онъ сѣется гораздо р
нѣе, нежели наши хлѣба, но все-таки данное
земли, засѣянное маисомъ, доставляетъ гораздо
нежели такое-же, засѣянное нашимъ хлѣбомъ.
въ жаркихъ странахъ жатва бываетъ два, ино
раза въ годъ. Бананы доставляютъ въ теплых
странахъ на равномъ пространствѣ еще болѣе
вещества. По наблюденіямъ Александра Гумбо
фель, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, да
ціи по вѣсу втрое больше продукта противъ
нимающей равное съ нимъ пространство земли
Южной Америкѣ даетъ его во 130 разъ бол
какъ фунтъ пшеничной муки питательнѣе ф
банана, то сдѣлали другое исчисленіе, по кот
вается, что пространство земли, могущее прок
человѣкъ въ годъ, доставитъ, будучи засаже
пищи на 50 человѣкъ. Хлѣбное дерево (artoc
растущее на островахъ Великаго Океана, такъ
ными и питательными плодами, что 3 такихъ д
служить человѣку исключительною пищею въ
8-ми мѣсяцевъ, и главнѣйшею въ остальную
Кукъ говоритъ: „въ нашемъ суровомъ климатѣ
торый цѣлый годъ пашетъ, сѣетъ и жнетъ,
питать себя и дѣтей своихъ, да съ трудомъ сбе
на черный день, не лучше исполняетъ обязан
мейства, какъ островитянинъ Южнаго моря, ко
10 хлѣбныхъ деревъ, ни о чемъ больше не за
стигшая полнаго роста кокосовая пальма про
200 до 300 орѣховъ. Кромѣ того, изъ нея-же
вать превосходный матеріалъ для веревокъ и
вольствуясь меньшимъ числомъ плодовъ, добы
вино, и вываривать изъ орѣховъ масло“.

„Справедливо предсказываетъ, основываясь
производительности тропическихъ странъ, бота
въ Кенигсбергѣ, что человѣкъ, быстро размно
вилизованныхъ странахъ, переселится обратн
поясъ. Одна Ямайка, равная пространствомъ

королевству, можетъ пропитать въ 25, а уже навѣрно въ 2½ разъ большее населеніе, нежели Саксонія. Сколько-же людей, прибавимъ мы къ тому, пропитаетъ лѣсная равнина Бразиліи! Напрасно называютъ почву ея дѣвственною; она только человѣку доставляла мало плодовъ. Зато природа накопляла въ ней въ продолженіе тысячелѣтій органическое вещество для будущихъ жителей, точно такъ-же, какъ прежде, при образованіи земной коры, скрыла подъ ею огромный запасъ топлива для той эпохи, когда размножившійся человѣческій родъ истощитъ лѣса".

„Но, возвращаясь въ свою древнюю отчизну, человѣкъ принесетъ съ собою изъ Европы сокровища, которыхъ никогда не пріобрѣлъ-бы подъ тропиками: *трудолюбіе, науки, искусства, промышленность и сознаніе необходимости благоустроенной государственной жизни*. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ, конечно, поставитъ чуждающіяся труда туземныя племена; но можно надѣяться, что тамъ, гдѣ требуется меньше времени для произведенія пищи, гдѣ она отъ природы зрѣетъ на деревьяхъ, умственная образованность будетъ гораздо болѣе общею, нежели на сѣверѣ. Дѣйствительно, даже въ средней Европѣ, не говоря уже о нашемъ сѣверѣ, только малая часть жителей можетъ посвящать частицу времени на развитіе своихъ духовныхъ способностей, а наибольшая половина круглый годъ занята добываніемъ пищи. Сколько лишняго досуга, въ сравненіи съ ними, уже у рабочаго класса Италіи? Онъ не перестаетъ находить наслажденіе въ наукѣ и искусствѣ, за что мы, жители сѣвера, кажется, несправедливо называемъ ихъ лѣнивцами. Такимъ образомъ, обозря исторію человѣчества въ общихъ, большихъ чертахъ ея, находимъ мы, что Европа была для него высокою школою, въ которой оно принуждено было трудиться и научилось любить умственныя занятія. Да признаютъ-же наши потомки въ 30-мъ и 40-мъ колѣнѣ, разсуждая о судьбѣ человѣчества въ тѣни пальмъ роскошной Новой Гвинеи, или среди вѣчно неизмѣнной температуры Полинезіи,—да признаютъ они, *что учебные годы наши на сѣверѣ не пропали даромъ*" *).

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній кенигсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, по-

*) Статья академика Бера „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества" помѣщена въ карманной книжкѣ Русскаго географическаго Общества, 1848 года.

святившіе себя исключительно послѣдней нау
силахъ выполнить великой задачи, имъ пред
лубляясь въ изученіе письменныхъ и словесн
ковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступ
никамъ другого рода, начертаннымъ рукою с
Содержаніе исторіи составляютъ до сихъ пор
вѣческой воли, отрѣшенныя отъ ихъ необхо
сказать, роковой основы, которую не должно с
законами развитія духа, выведенными a priori
исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, в
въ какомъ она существуетъ въ настоящее время,
по нашему мнѣнію, въ приложеніи логически
къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. С
этихъ законовъ можетъ быть показано только
не въ частяхъ, какъ-бы онѣ ни были значитель
логической необходимости есть въ исторіи др
можно назвать естественною, лежащая въ осн
важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ м
зрительномъ построеніи исторіи; ее нельзя вы
коновъ разума, но ее нельзя также отнести к
чайности, потому что она принадлежитъ къ
ныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судеб
исторіи *).

*) Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу с
чанія, заимствованныя изъ весьма умной, не обративше
наго вниманія книги Гинрихсена (Die Germanisten un
Geschichte. Kopenhagen, 1848): „При чисто логическомъ
ріи, мы никогда не достигнемъ до глубокаго уразумѣ
явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ра
чало заключается въ результатѣ. Такимъ образомъ, естес
ственныя причины вытѣсняются логическими; естествен
не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логичес
нравственныя потому, что лицо является только орудіем
или вслѣдствіе необходимости осуществляющагося начала
попытка построенія исторіи на метафизическихъ основа
слишкомъ смѣлою. Съ одной стороны, я не считаю ко
способнымъ къ такому дѣлу, съ другой мы нѣкоторымъ
луемъ исторію, которая, какъ развитіе замкнутаго въ
должна быть изучаема въ сущности своей, въ свойств
нахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ, поставленныхъ ей при
не есть только предшественница исторіи и театръ, на
шаются судьбы человѣчества; она постоянная спутниц
рымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ,
ное, конечное существо, и человѣчество, какъ конечный
чинены, съ начала вѣковъ, ея великимъ, неизмѣннымъ
дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. П
что исходною точкою должна намъ служить естественна
ріи, и что изученію нравственныхъ и логическихъ причи

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нередко безсознательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому извнѣ воззрѣнію и логическимъ построеніемъ исторіи большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва-ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа, но, спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она отклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ-бы ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться

ствовать опредѣленіе естественныхъ", стр. 7—9. Но Гиирихсенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ исторіи, а къ философіи исторіи. Какъ-будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное-же противорѣчіе встрѣчается у Нибура. Признавая вполнѣ вліяніе природы на исторію, онъ говоритъ, между прочимъ, что „исторія болѣзней есть весьма важная, еще не обработанная отрасль всемірной исторіи. Цѣлые отдѣлы исторіи объясняются прекращеніемъ или появленіемъ заразительныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліяніе на нравственный міръ: почти всѣ великія эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими эпидеміями". (Чтенія о древней исторіи, 11, 64. Сравн. переписку 11, 167). Такихъ мѣстъ можно привести много; но, во введеніи къ чтеніямъ о древней исторіи, Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлить отъ настоящей исторіи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой-же? Когда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ с
татахъ, и никакъ не должны быть разсмат
нѣчто замкнутое и вполнѣ оконченное. Луч
жденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о нев
дѣльной философіи исторіи, могутъ служить
объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его I
произведеніе знаменитаго мыслителя не удо
мыхъ горячихъ его почитателей, потому ч
что иное, какъ отрывочное и не всегда въ ча
ное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной
извольнаго построенія *).

Смутно понятая, философская мысль о г
въ ходѣ историческихъ событій необходимо
ности, приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, вп
даровитыхъ писателей, характеръ фатализма
образовалась цѣлая школа съ этимъ напра
раго вліяніе обозначено печальными слѣдами
наукѣ, но и въ жизни. Школа историческаго
маетъ съ человѣка нравственную отвѣтствен
ступки, обращая его въ слѣпое, почти безсозн
роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ суд
явился снова античный fatum, отрѣшенный
гическаго величія, низведенный на степень н
литическаго развитія. Въ противоположность
гикамъ, которые возлагали на чело своих
гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды н
мымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, и
торыхъ здѣсь идетъ рѣчь, видятъ въ ус
оправданіе, въ неудачѣ — приговоръ всякаго
подвига, Смѣемъ сказать, что такое воззрѣ
послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою у
усталаго и утратившаго вѣру въ достоинство
природы общества, среди котораго оно возни

Систематическое построеніе исторіи вызв
ковъ, которые вдались въ другую крайно

---

*) Всѣмъ извѣстно принятое Гегелемъ раздѣленіе
на четыре періода: Восточный, Греческій, Римскій, Ге
соотвѣтствуетъ дѣтству, второй—юности, третій—зрѣлос
четвертый совпадаетъ съ старостью рода человѣческаго.
не то доказываетъ, противорѣча собственному построені
званіе Германскаго вовсе не характеризуетъ всего соде
прошедшихъ съ паденія Западной Римской имперіи. Н
замѣтить, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ исторі
лемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочинен
феноменологіи духа, въ эстетикѣ, философіи права и т.

кты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они на-
вають всякую попытку внести въ хаосъ событій единство
язующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непо-
едственной исторической истины. Дѣло историка должно,
о ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что
ло, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліана „scribitur ad nar-
ndum non ad probandum“, служащія эпиграфомъ къ извѣст-
му сочиненію Баранта о герцогахъ Бургундскихъ, полу-
ютъ такимъ образомъ приложеніе ко всей безконечной
асти всеобщей исторіи. На историка возлагается обязан-
сть воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу
тателей, которымъ исключительно представлено право вы-
дить заключенія и толковать по своему содержаніе пред-
женныхъ имъ разсказовъ. Нужно-ли обличать слабость и
состоятельность такихъ понятій въ наукѣ? Блестящій
пѣхъ повѣствовательной школы, при первомъ ея появле-
, не могъ быть продолжительнымъ, и объясняется вре-
нным настроеніемъ пресыщеннаго теоріями общества.
зьмемъ въ примѣръ „Исторію герцоговъ Бургундскихъ“
анта, до сихъ поръ не утратившую своей быстро завое-
ной славы. Главное достоинство этой книги заключается
выборѣ авторомъ предмета, исполненнаго драматической
нимательности и превосходно переданнаго намъ такими со-
еменными писателями, каковы были Froассаръ, Монтреле,
минъ и другіе. Заслуга Баранта болѣе литературная, не-
ли ученая. Онъ переложилъ на новый французскій языкъ
мятники XIV и XV столѣтій, дотолѣ извѣстныя только не-
льшому числу читателей. Но связанный добровольно нало-
нными на себѣ условіями, историкъ не сталъ выше источ-
ковъ и самъ отнялъ у себя возможность раскрыть намъ
стоящее значеніе событій, рѣзко характеризующихъ пере-
дное время отъ средневѣковой къ новой исторіи. Его со-
неніе представляетъ весьма любопытное явленіе въ сферѣ
ературной, но оно ничего не прибавило къ дѣйствитель-
мъ богатствамъ науки и ни въ какомъ отношеніи не по-
нуло ея впередъ. Еще съ меньшимъ успѣхомъ и пользою
гутъ быть пріемы повѣствовательной школы прилагаемы
большимъ отдѣламъ не только всеобщей, но даже исторіи
дѣльныхъ народовъ. Какая возможность пересказать сло-
ми источниковъ событія, наполняющія собою нѣсколько
олѣтій? И нѣтъ-ли въ такомъ направленіи явнаго проти-
рѣчія дѣйствительнымъ цѣлямъ науки, имѣющей понять
передать въ сжатомъ изложеніи внутреннюю истину вол-
ющихся въ безконечномъ разнообразіи явленій?

Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣн не могло привести къ точному методу, недс раго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенство лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ носить величайшую пользу при разработкѣ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетт въ приложенномъ къ полному составу наукі этомъ случаѣ исторія опять должна обратиться вѣдѣнію и заимствовать у него свойственный изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открыт исторической аналогіи. Остается идти далѣе н раздвигая по возможности тѣсные предѣлы, вт настоящаго времени заключена была наша нау двѣ стороны: въ одномъ является намъ своб ство духа человѣческаго, въ другой—независи данныя природою, условія его дѣятельности. І долженъ возникнуть изъ внимательнаго изуч міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣї такимъ образомъ можно достигнуть до проч ныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ щихъ движеніе историческихъ событій. Мож найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильност перь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разс нами вопросѣ статистика опередила исторію. положность принятымъ мнѣніямъ, говоритъ общественные, опредѣляемые свободнымъ прс ловѣка, совершаются съ большею правильно факты, подверженные простому дѣйствію физи чинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, мс что нравственная статистика должна отнынѣ въ ряду опытныхъ наукъ“ *). Мы не въ правѣ же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ метода, ее нельзя будетъ назвать опытною нау

Я имѣлъ уже честь указать вамъ, Мм. Гг. цѣлей древней и новой исторіографіи. Отказыва тязаній на то совершенство формы, которое классическаго міра было слѣдствіемъ исключи существующихъ болѣе условій, современный н не можетъ однако отказаться отъ законной нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Во какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно св просомъ о пользѣ исторіи вообще. Отвѣтъ і

*) Du système social et des lois qui le régissent, стр. 1

тавляетъ большія трудности, потому что исторія не
длежитъ ни къ числу чисто теоретическихъ знаній,
щихъ задачею привести въ ясность лежащія въ глу-
нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ
а не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практи-
е значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возмож-
непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни,
жетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ
твъ. Къ тому-же однообразная игра страстей и заблу-
й, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ
ключенію, что историческіе опыты проходятъ без-
о, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти чело-
кой. Высказавъ эту мысль, какъ безусловную истину,
ь *) вызвалъ противъ нея много нелишенныхъ спра-
вости возраженій. Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не
яютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей
іи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей
льности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самыхъ
хъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе
таго на основаніи сохранившихся преданій о прошед-
. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго
ленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ
ливое сознаніе отношеній, существующихъ между преж-
и новымъ порядкомъ вещей Надобно съ другой сто-
признаться, что всеобщая исторія въ томъ видѣ, въ
ъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно
вовать на общественное мнѣніе и быть для него источ-
ъ прочнаго назиданія. Слѣдуетъ-ли изъ этого заклю-
что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ея
шнею принадлежностью, что ея успѣхи будутъ стоять
о во внѣшнемъ накопленіи фактовъ, и что изъ всѣхъ
одна она утратила способность живаго движенія и
ическаго развитія?

иведенныя нами выше слова Кетлѐ о статистикѣ со
немъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей пред-
ь совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ-же
гъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадле-
й ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣко-
вредные предразсудки, затмевавшіе взглядъ человѣка
ироду: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ
талъ приписывать ей несуществующія свойства и не
ть отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе истори-

---

*) Во введеніи къ Философіи исторіи, стр. 9.

ческихъ законовъ приведетъ къ результата рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ те мленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣч поставленными человѣку Провидѣніемъ. Ист въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣм наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, будущее находятся въ постоянномъ между дѣйствіи. „Исторія, — говоритъ американецъ долго будетъ безплодною книгою. Она вопло домъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. болѣе исчислять заглавія и каталоги проч книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе пер вами. Каждый изъ насъ долженъ обратить храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ до золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргона ніе Авраама, построеніе храма, начало хрис ній вѣкъ, возрожденіе наукъ, Реформацію, от земель, возникновеніе новыхъ знаній и нов Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія сли фіею самаго читателя, превратилась въ его минаніе. Міръ,—продолжаетъ тотъ-же писатель: для нашего воспитанія. Нѣтъ возраста или с ства, нѣтъ образа дѣйствія въ исторіи, котор ствовали-бы чему-нибудь въ жизни отдѣльна дый фактъ сокращается и уступаетъ намъ ча ности. Человѣкъ долженъ понять, что онъ всею жизнью исторіи. Ему слѣдуетъ только зрѣнія, съ какой обыкновенно смотрятъ н отнести къ самому себѣ исторію Рима, Аѳи и не забывать, что онъ верховный судъ, пе рѣшаются тяжбы народовъ. Онъ долженъ устоять на той высотѣ, гдѣ раскрывается сокро событій, гдѣ сливаются поэзія и быль. Потр и цѣль природы выражаются въ томъ упот мы дѣлаемъ изъ самыхъ знаменитыхъ исто сказовъ. Рѣзкія очертанія событій распускают свѣтѣ времени. Нѣтъ якорей, канатовъ или о были-бы въ состояніи навсегда удержать фак факта. Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобыт перешли въ область вымысловъ. Но внутре содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ,

самомъ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ наро-
и всѣхъ вѣковъ".
же въ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ своемъ,
щая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, разви-
въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благо-
ю терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки лю-
Она показываетъ различіе, существующее между вѣч-
, безусловными началами нравственности и ограничен-
пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени.
о такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ
ѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій при-
гель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ.
каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ об-
ельства, смягчающія вину преступника, кто-бы ни былъ
-цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ
лено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ
ести въ прошедшее живого чувства любви къ ближ-
и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками ино-
нникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ
емыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ
яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періо-
жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя
на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣш-
предъ судомъ современниковъ сердца, таится какое
ь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не
ть служить къ ущербу строгой справедливости приго-
ъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, об-
ется къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ сужде-
ѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшаю-
благотворному дѣйствію исторіи на общественное мнѣ-
аключается въ пренебреженіи, какое историки обыкно-
оказываютъ къ большинству читателей. Они, повиди-
, пишутъ только для ученыхъ, какъ-будто исторія мо-
допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому
ству своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ,
ывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастью, узкія
ія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя ис-
мъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, воз-
ія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ ка-
овъ, не свойственны русскому уму, любящему свѣтъ и
оръ. Цѣховая, гордая своею исключительностью наука
равѣ разсчитывать на его сочувствіе. Здѣсь, разумѣется,
идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по
у содержанію своему не [redacted]кающихъ занимательн[redacted]

сти, частныхъ изслѣдованіяхъ, безъ которых двигаться впередъ наука, хотя она употреб дѣло только какъ матеріалъ.

Превосходные труды, совершенные въ теч столѣтія русскими учеными на поприщѣ оте торіи, служатъ надежною порукою за ихъ ус обширномъ полѣ всеобщей исторіи. Особенні которыя Провидѣнію угодно было поставить должны оказать могущественное содѣйствіе і нію высказанной нами надежды. Ясный отъ спутанный вліяніемъ сложнаго, составившаго враждебныхъ общественныхъ стихій историче умъ русскаго человѣка приступитъ безъ задн разбору преданій, съ которыми болѣе или личное дѣло каждаго европейца. Я говорю, чаѣ, не о томъ позорномъ и недостойномъ и страстіи, въ которомъ видно только отсутс предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякі деній воззрѣніи на спорные историческіе во взволновавшія до дна западныя государства, понятіяхъ тамошнихъ народовъ и трудахъ ис тившихъ вѣру въ идею, замѣнившихъ ее нече неніемъ факту. Скептицизмъ, отличительный рѣющихъ, усталыхъ обществъ, не коснулся і нили свѣжесть сердца и теплоту пониманія, нѣтъ великихъ подвиговъ ни въ сферѣ мысл дѣйствительности. Да не пройдутъ-же безпло рованные намъ благимъ Провидѣніемъ. Соро трятъ на васъ съ вершинъ пирамидъ,—сказалъ і леонъ своимъ солдатамъ.—Мы также юные ра почвѣ исторіи; съ вершинъ прошедшаго на насъ столѣтія, но смѣемъ думать, что мы прочтем не то, что́ прочли въ нихъ воины французск

Наука есть прихотливое растеніе. Она зрі кой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за успѣшнаго роста даны ей у насъ Державні лемъ русскаго просвѣщенія. Нужно-ли вычи всѣмъ намъ великія дѣла, совершенныя на въ правленіе императора Николая? Но русс исторіи не можетъ не помянуть съ благого тельностью о царственномъ участіи въ судьб столь величаво выраженномъ въ милостя творцу исторіи государства Россійскаго и і русскому народу памятникахъ его прошедше

Океанія и ея жители.

›койный Т. Н. Грановскій много читалъ, много работалъ въ своемъ ›, но мало писалъ для публики. Онъ былъ очень строгъ къ своотамъ. Тѣмъ дороже для насъ каждая его строка, уцѣлѣвшая въ ь, тѣмъ больше цѣны получаютъ въ нашихъ глазахъ сдѣланныя › словъ его записки. Со временемъ мы надѣемся сообщить наитателямъ выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушате- ı этотъ разъ передаемъ публикѣ извѣстное лишь весьма немноцамъ чтеніе Грановскаго объ Океаніи. Два слова о происхожде- замѣчательной статьи, неожиданной даже для многихъ друзей го. Грановскій любилъ брать свой предметъ широко и часто въ сосѣдственныя съ нимъ области, всегда сохраняя впрочемъ ескую точку зрѣнія. Такимъ образомъ, въ памяти и мысли его ся обильный матеріалъ, которому часто вовсе не находилось ь университетскомъ курсѣ. Но по необыкновенной общительности ›ироды, онъ любилъ передавать свои мысли и воззрѣнія самымъ ъ къ нему лицамъ и для того избиралъ также любимую имъ екцій. Такъ, лѣтомъ 1852 года, находясь въ селѣ Рубанкѣ, онъ илъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенія объ Океаніи, въ кото- малъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ ма- тнаго, заброшеннаго племени, составляющаго ея народонаселеніе. изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно авторомъ. Предупреждаемъ читателя; пусть не ищетъ онъ здѣсь цной формы, которую Грановскій обыкновенно приносилъ на пу- лекціи. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшаго круга кихъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безъискус- тью, при новости и оригинальности воззрѣнія на предметъ. Въ ı отдаленную область ни увлекался Грановскій своими заня- ъ всегда и вездѣ оставался неизмѣнно вѣренъ своему призванію ı *).

уду говорить объ Океаніи. Вамъ извѣстно, что подъ именемъ разумѣются группы островов, лежащихъ Азіей, Америкой и Новой Голландіей. Между этими ıми самые большіе: на сѣверѣ—Сандвичевы острова, гѣ—Новая Зеландія; прочіе острова не велики. При- щедрою рукою разсыпала здѣсь все, что нужно чело- хотя формы растительности не разнообразны, но онѣ

›римѣчаніе редакціи „Русскаго Вѣстника“ 1856 г.

вполнѣ удовлетворяютъ его непосредственны
стямъ. Кукъ могъ справедливо сказать, что о
посадившій въ жизнь свою только десять
ревьевъ, совершилъ такой-же подвигъ относи
семейства и потомства, какой совершаетъ ев
дящійся цѣлую жизнь надъ воздѣлываніемъ зер

Острова Океаніи были почти неизвѣстны
прошлаго вѣка. Немногіе смѣлые моряки к
Ходили только смутные слухи и басни о
и людоѣдствѣ племенъ, населявшихъ эти ос
и положительныя свѣдѣнія получены о ни
временъ Кука, изслѣдовавшаго ихъ во время
путешествій своихъ вокругъ свѣта (съ 1769
и погибшаго на Сандвичевыхъ островахъ. С
прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ Ок
обстоятельно и сдѣлалась достояніемъ науки.

Важныя перемѣны произошли съ тѣхъ п
же самыхъ Сандвичевыхъ островахъ, на ко
въ 73-мъ году былъ принятъ за бога и получ
почести, а потомъ, въ 79-мъ, палъ жертвою
знательности, а отчасти и жестокаго обращенія
на этихъ островахъ находится теперь европейс
крѣпости, гавань Гонолулу, производится то
таемъ и Европой, введены парламентскія фор
и идетъ рѣчь о присоединеніи ихъ къ Сѣверо-А
Штатамъ. Изъ многочисленныхъ разсказовъ р
шественниковъ и мореплавателей, посѣщавш
можно вывести два противоположныя заключе
ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители остро
щества и Маркизскихъ являются кроткими, д
счастливыми и неиспорченными; если-же ока
то она произошла отъ вліянія англійскихъ и а
миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную
же описываютъ ихъ самыми черными красками—
жестокими, погруженными во всѣ пороки.
трудно примирить эти противоположныя возз
детъ возможно тогда только, когда мы вникне
ники этихъ противорѣчій. Извѣстія самыя
нравственности жителей всѣ исходятъ отъ м
Понятно, что эти смѣлые люди, открывавшіе
за другимъ цѣною безчисленныхъ опасност
наслажденіе въ отдыхѣ посреди роскошной п
селенія, въ самомъ дѣлѣ добродушнаго, и не
близко всматриваться въ ихъ нравы; островит

ɔкосовые орѣхи, плоды хлѣбнаго дерева, довольствуясь
чалѣ весьма малымъ вознагражденіемъ; молодые офи-
и матросы пользовались здѣсь еще наслажденіемъ
ɔо рода: островитянки отличались красотой и большою
ɔдительностью. Съ этой стороны извѣстны роскошныя
нія мореходцевъ. Самъ строгій Кукъ увлекся и съ
ɔгомъ говоритъ объ Отаити; другой знаменитый море-
тель, Бугенвиль, назвалъ этотъ островъ Новою Цитерой.
всѣхъ утвердилъ это понятіе извѣстный натуралистъ
ольдъ Форстеръ, сопутствовавшій Куку, вмѣстѣ съ
нитымъ сыномъ своимъ Георгомъ Форстеромъ, въ его
свѣтномъ путешествіи. Почему Рейнгольдъ Форстеръ
ѣлъ на Океанію съ идиллической точки зрѣнія и отсту-
отъ своихъ привычекъ строгаго наблюденія? Это легко
нить идеями XVIII столѣтія. Европейское общество
ало въ то время разлагаться. Оба Форстера принадле-
къ числу нововводителей и радикаловъ, проти-
влявшихъ испорченности образованнаго общества идеалъ
низкомъ къ природѣ бытѣ. Вотъ почему обоимъ Фор-
ъ бытъ островитянъ Океаніи показался съ самой вы-
й стороны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если-бы
посѣтилъ ихъ, то оставилъ-бы еще болѣе восторжен-
писаніе.

вѣстія, противоположныя этимъ идиллическимъ опи-
ъ, шли отъ англійскихъ и американскихъ миссіоне-
послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣды-
слова Божія. Боровшись съ такими-же трудностями
одолѣвая, быть можетъ, бо́льшія препятствія, они уви-
картину съ другой стороны. Они нашли народъ, погру-
ый въ грубые пороки, происходящіе отъ разложенія
общественныхъ и нравственныхъ понятій, живущій
чительно чувственною жизнью, съ которою миссіонеры
ли вести брань. Этимъ объясняются противорѣчивыя
ія мореплавателей, натуралистовъ и миссіонеровъ.

раничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ
открытія этихъ острововъ европейцами, мы находимъ
весьма красивое, далеко не лишенное дарованій, на-
іе. Оно пришло сюда вѣроятно съ запада, съ великихъ
жихъ острововъ Явы, Суматры и другихъ, и разсѣян-
ю великому пространству Океаніи, представляетъ уди-
ьное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ.
ольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь былъ когда-
терикъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворо-
и что изъ обломковъ этого материка образовал

настоящіе острова Океаніи. Сходство между
объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіем
скаго племени, заселившаго ихъ съ запада,
Индійскаго моря.

Первые европейскіе путешественники X
нашли это народонаселеніе въ такомъ полож
заставляетъ насъ думать, что оно и тогда
порѣ совершеннаго распаденія. Разсмотримъ
ственный бытъ тогдашняго времени. Во-пер
уже не была согрѣваема внутреннею жизнь
одни остатки и развалины старыхъ вѣрова
потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно
что была нѣкогда одна общая религіозная систе
но число общихъ боговъ непрерывно умень
нейцы нашли уже не болѣе пяти боговъ, кот
пялись на томъ или другомъ островѣ. Такъ п
немъ поклоненіи, очевидно, стиралась и и
возникала другая, страшная—религія, поклоне

Замѣтимъ сперва, что нигдѣ не было б
раздѣленія сословій, какъ въ Океаніи. Это ра
шло въ религію. Всѣ цари, даже лица, прина
высшему сословію, обоготворялись, но не по
это было въ древнемъ мірѣ, напримѣръ, въ
каждый царь былъ богъ при жизни; ему прин
и поклонялись, какъ божеству, за-живо; когда
его причисляли къ богамъ. То-же было съ
номъ его двора. Такимъ образомъ, эти новые б
прежнихъ миѳологическихъ боговъ и раз
прежней религіи. Каждый островъ имѣлъ с
боговъ; народная память не хранила старых
что островитяне жаловались прибывшимъ ев
то, что они не могутъ исполнять обрядовъ св
не могутъ запомнить боговъ своихъ.

Всякая религія связана съ понятіями о в
Вѣчное бытіе для островитянъ выражалось вт
представленіяхъ. Когда умиралъ кто-нибудь
торые пользовались божескими почестями пр
ей, то боги съѣдали тѣло его, духъ-же освобо
трижды пожираемъ высшими богами и, послѣ
пребыванія во чревѣ ихъ, становился богомъ
жества очищали этимъ божества низшаго ра
ли простой народъ какія-нибудь понятія о заг
намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что они дум
шій простолюдинъ блуждалъ около своего жи

аемъ богами. Эта черта бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на
дство, существовавшее на островахъ Океаніи, гдѣ оно
:акъ-бы освящено религіозными представленіями. Хра-
ie было. На нѣкоторыхъ островахъ найдены развва-
зданій, служившихъ кладбищами. Это были огромныя
ценныя мѣста подъ открытымъ небомъ, имѣвшія бо-
ли менѣе важное значеніе на различныхъ островахъ.
имъ еще, что когда царь или одинъ изъ его вель-
принималъ произвольно какое-нибудь названіе, то это
выбрасывалось изъ народнаго языка, и никто не смѣлъ
юсить его. Истребленное слово замѣнялось вымыш-
ИЪ.

связи съ религіею находится не только въ Океаніи,
а предѣлами ея обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ
зется, собственно, запрещеніе, заклятіе, но оно имѣетъ
, того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто
енное, божественное. Божественная сущность боже-
лицъ переносится на внѣшній предметъ и дѣлаетъ
прикосновеннымъ. Такъ, короли могли сообщать бо-
нное значеніе любому предмету. Если король вхо-
зъ какой-нибудь домъ, то онъ становился „табу“ и
я его принадлежностью. Король могъ налагать „табу“
; вельможи дѣлали то-же самое, съ тою разницею,
роль могъ снимать „табу“, наложенное вельможами,
а оборотъ, и „табу“ высшихъ лицъ тяготѣло надъ
ми. Этотъ обычай имѣлъ самое ощутительное и бѣд-
ое вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король
югъ, аристократы были боги; простому-же человѣку
и изъ одного класса въ другой не было никакой
сности. Но такая страшная власть королей налагать
„табу“ была ограничена оппозиціей аристократіи.
могли присвоивать себѣ лучшіе участки земли, про-
ю нимъ; аристократія, чтобы препятствовать коро-
касаться земли, носила ихъ. Точно также, для того
короли не входили въ домы и не дѣлали ихъ своею
енностью, имъ устраивали подвижные дома, такъ что
еренося съ одного мѣста на другое, всегда находи-
себя. Аристократія-же пользовалась для своихъ вы-
трашнымъ правомъ „табу“; она накладывала его на
ные съѣстные припасы, на плоды кокосоваго, хлѣб-
ерева, и простой народъ не смѣлъ касаться ихъ.
я рыбная ловля была „табу“; оно распространялось
щинъ, которыя не могли употреблять ту-же пищу,
жчины. Нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ построе-

ніе военныхъ судовъ, употребленіе большихъ сѣтей для ловли, подвергались „табу“. Иногда-же „табу“, отчуждал родъ отъ всѣхъ благъ и предоставлявшее ихъ одни шимъ сословіямъ, обращалось въ полезную полицейску во время голода „табу“ налагалось на извѣстныепреді незрѣлые плоды; такъ, въ Новой Зеландіи жатва, не съ поля, подвергалась „табу“. Нѣкоторые реформат тѣли воспользоваться этимъ обычаемъ, употребляя ; ихъ политическихъ цѣлей орудіе всѣхъ бѣдствій и многочисленныхъ злоупотребленій.

Переходя отъ религіи къ политическому быту, находимъ совершенное распаденіе прежняго лучш рядка вещей. Европейцы застали въ Океаніи мон скія формы правленія, уже ограниченныя властью кратіи, которая всѣми силами старалась оградить с королевскаго „табу“. Цари имѣли свои участки э неограниченною властью надъ извѣстнаго рода пред Острова раздѣлялись на участки, во главѣ которы яла аристократія. Эти участки подраздѣлялись и лись низшему дворянству; простой народъ не имѣ ственности, и въ силу „табу“ пользовался только ными рыбами и съѣстными произведеніями земли, на высшій классъ, какъ на существа великія и бо ныя, на основаніи религіозныхъ вѣрованій рѣзко ныя отъ него какъ на землѣ, такъ и за гробомъ. споръ былъ безполезенъ, и народъ покорялся своей безропотно и совершенно спокойно. Европейскія иде проникнуть сюда только съ новыми потребностями, шими здѣсь развиться въ прежнемъ порядкѣ веще въ формахъ монархическаго правленія, образовани тріархально по образцу семейства, видно было раз Между высшими сословіями, представлявшими спер бы ближайшихъ родственниковъ царя, и самимъ существовала распря, и мало-по-малу на островахъ щества обоготвореніе перешло на аристократію. Ни словія, какъ мы сказали, находились внѣ обществ ними возникали новыя царственныя фамиліи не ственно, но одна возлѣ другой, въ распряхъ и н яхъ раздѣляя землю на болѣе дробные участки и п уваженіи народа.

На одномъ изъ Маркизскихъ островов оставало десять девять жителей и два царя, на другомъ с лей и три царя. Но нигдѣ это раздробленіе не бы велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой З

щество распалось на отдѣльныя семейства, существующія
здое подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Исчезъ го-
арственный союзъ, исчезло всякое связующее начало,
кое понятіе о правѣ. Одно и то-же преступленіе, нака-
заемое смертью въ одномъ мѣстѣ, оставалось безнаказан-
мъ въ другомъ. Все зависѣло отъ произвола какого-ни-
ь сильнаго начальника.

Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже
языкѣ существовали признаки страшнаго распаденія,
извѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ по-
дъ. Въ геніальномъ твореніи своемъ о Кави, священномъ
ыкѣ жителей Явы, Вильгельмъ Гумбольдтъ коснулся на-
чій Океаніи, составляющихъ отрасль малаккскаго языка.
ъ вникнулъ въ процессъ одичанія и искаженія этихъ
рѣчій не только въ грамматическомъ устройствѣ ихъ, но
въ лексикальномъ. Глаголы потерялись, переставъ спря-
ться для изображенія временъ прошедшаго, настоящаго
будущаго; необходимо стало прибавлять частицы, отчего
ыкъ сдѣлался бѣднымъ. Въ самыхъ словахъ обнаружива-
ся слѣды изнѣженности и разслабленія; чѣмъ далѣе мы
двигаемся на востокъ, тѣмъ мягче и дряблѣе становится
ыкъ, тѣмъ больше выброшено согласныхъ и тѣмъ много-
сленнѣе гласныя. Цѣлыя слова исчезали, вслѣдствіе
помянутаго нами выше обычая не употреблять болѣе словъ,
бранныхъ для прозванія обоготворяемыми лицами; для за-
щенія ихъ необходимо было выдумывать безпрестанно но-
я; чрезъ это языкъ лишился всякаго органическаго раз-
тія, органической связи. Здѣсь, кстати, можно упомянуть
заслугахъ миссіонеровъ, употребившихъ большое усиліе,
тобы изучить этотъ языкъ, составляя грамматики, лекси-
ны, азбуки и, переводя Священное Писаніе и другія книги;
такія усилія не могутъ спасти языка, искаженнаго въ сво-
ъ основаніяхъ.

Это распаденіе религіи, государственныхъ учрежденій и
ыка, отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нра-
хъ и въ физическомъ бытѣ. Въ этомъ отношеніи мы мо-
емъ представить нѣсколько любопытныхъ данныхъ. Хотя
удно составить себѣ точное понятіе о числѣ жителей
еаніи, и нѣтъ сомнѣнія, что Кукъ и Форстеръ преувели-
ли народонаселеніе этихъ острововъ, но нельзя не при-
ать, что оно было значительнѣе, чѣмъ теперь. Изъ пока-
ній моряковъ, ученыхъ, китолововъ, миссіонеровъ, можно
редѣлить приблизительно число жителей, по крайней мѣрѣ,
которыхъ острововъ. Изъ двухъ милліоновъ жителей, ко-

торыхъ насчитывали къ концу XVIII столѣтія, тепе
тается едва 600.000. Есть острова, гдѣ вычисленіе
такъ на Отаити, въ началѣ нынѣшняго вѣка, б
100.000 жителей; въ тридцатыхъ годахъ полагал
17.000, а теперь считаютъ тамъ только 7,000. Это
тельство приписывали вліянію европейцевъ, прин
будто-бы въ Океанію заразительныя болѣзни, упот
крѣпкихъ напитковъ и огнестрѣльное оружіе. Вп
еще не рѣшено, не были-ли заразительныя болѣз
давно тамъ; множество накожныхъ болѣзней, сходств
съ сифилитическими, получали отвратительный видъ;
классы, въ особенности, подвергались имъ, лишенные
и всякихъ пособій въ этомъ жаркомъ и сыромъ клим
имѣя здоровыхъ жилищъ, питаясь кореньями, морск
ками и только нѣкоторою рыбою, ибо „табу“ было на
на лучшую пищу, принадлежавшую, какъ и всѣ бл
ныя и удобства жизни, только высшимъ классамъ.
напитки не играли здѣсь той роли, какую они игр
Америкѣ; островитяне даже неохотно пили водку
свой крѣпкій напитокъ *ава*, приготовленный изъ туз
растеній и имѣющій болѣе крѣпости, чѣмъ самые
изъ нашихъ напитковъ. Также не могло дѣйствоват
комъ разрушительно и огнестрѣльное оружіе. Прежні
островитянъ велись съ большимъ ожесточеніемъ. Их
нашные бои кончались не иначе, какъ когда одна
вершенно истребляла другую, а если и забирали пл
такъ только для принесенія ихъ въ жертву. Вообщ
пейцы дѣйствовали здѣсь не такъ истребительно на
цевъ, какъ въ Америкѣ, Новой Голландіи и Ванди
Землѣ. Если-же европейцы и употребляли во зло с
восходство въ Океаніи, то это были частные случаи; п
упадка народонаселенія лежали глубже, въ самомъ общ
номъ порядкѣ Океаніи.

Это страшное разъединеніе между классами стол
зительно, что многіе пытались объяснить его раз
породъ, и Коцебу приписывалъ происхожденіе высш
словій Сандвичевыхъ островов испанцамъ, потерпі
здѣсь кораблекрушеніе. Мы видѣли, что аристократі
зуясь большими удобствами жизни, могла сохраня
тѣло въ здоровьи, красотѣ и силѣ, никогда не смѣш
съ кровью низшаго сословія, ибо ребенокъ, прижи
лицами двухъ разныхъ сословій, предавался смерти.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія, Ванкуверъ присутс
въ Гаваи на праздникѣ, данномъ ему Камеамегой; н

ыхъ играхъ сначала выступили воины низшаго класса и оразили моряка своею неловкостью; но, когда выступили оины высшаго сословія, то красота и ловкость ихъ такъ ыли изумительны, что нельзя было найти ничего общаго ежду первыми и вторыми. Это явленіе повторяется повсеѣстно, но ничто лучше не выражаетъ нравственнаго расаденія этихъ острововъ, какъ общество Ареои (на остроахъ Товарищества), замѣченное европейцами вскорѣ послѣ хъ прибытія. Подозрительный союзъ этотъ показался снаала сходственнымъ съ массонскимъ. Онъ состоялъ изъ семи тдѣльныхъ классовъ; переходъ изъ одного класса въ другой ылъ сопряженъ съ извѣстными церемоніями и обрядами; у того общества были свои суда, знамена, своя татуировка и свои символическіе или масоническіе знаки. Цѣль-же его была самый дикій необузданный развратъ. Члены общества состояли изъ мужчинъ и женщинъ. Въ немъ исчезали всѣ понятія о бракѣ, родствѣ и сословіяхъ, и дѣти, происходящія отъ такого неограниченнаго смѣшенія половъ, были немедленно убиваемы. Такого кровожаднаго и ужаснаго разврата не видано было ни въ одномъ обществѣ, и, повторяемъ, ни въ чемъ не выразилось такъ сильно конечное разложеніе нравовъ. Хотя въ общество Ареои вступали болѣе лица высшаго сословія, но примѣръ его не остался безъ вліянія и на низшій классъ. Сначала дѣтоубійство совершалось по предписанію закона, для истребленія плода преступленія, совершеннаго лицами двухъ различныхъ сословій, но въ началѣ 19-го столѣтія оно вошло уже въ нравы, и родители убивали дѣтей своихъ просто для избавленія себя отъ труда воспитывать ихъ. Это могло содѣйствовать къ уменьшенію народонаселенія.

Всѣ изложенные нами факты, истекая изъ человѣческой воли и заблужденій, могли-бы быть, повидимому, исправимы, но надъ ними виситъ какой-то неумолимый законъ природы, видимо обрекающій на погибель это племя. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни общества Ареои и никакихъ другихъ очевидныхъ причинъ къ истребленію, оно уменьшается какъ-бы само собою. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ на двухъ мужчинъ — одна женщина. На островахъ Сандвичевыхъ правительство старалось усилить народонаселеніе и положило извѣстныя льготы отцамъ семейства, имѣющимъ трехъ дѣтей: — что-же? Въ нѣкоторыхъ округахъ, съ 8-ю тысячами жителей, оказалось только по три семейства съ тремя дѣтьми. Большая часть браковъ были

бездѣтны. Туземцы будто предчувствуютъ предстоящую гибель ихъ племени. Одинъ вождь Новой Зеландіи говорилъ англійскому миссіонеру и путешественнику съ глубокою грустью и смиреніемъ: „Наше племя осуждено на смерть: бѣлый человѣкъ завладѣетъ нашими полями“. Этотъ законъ приходитъ въ исполненіе, ускользая отчасти отъ нашего пониманія.

Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ, гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ-ли христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ можно сказать, что связь съ европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскошнымъ небомъ; но спасетъ-ли она жителей Океаніи, не слишкомъ-ли опоздала эта помощь—трудно рѣшить. Пока остановимся на этомъ, и постараемся далѣе разсказать о первомъ столкновеніи европейцевъ съ туземцами, о распространеніи между ними христіанства, и представить характеристику океанскихъ народовъ.

О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи.

(Письмо В. Ф. Эдвардса къ Амедею Тьерри, автору исторіи галловъ. переведенное и дополненное Т. Н. Грановскимъ.

Статья „О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“ переведена нами съ французскаго. Авторъ этой статьи, извѣстный натуралистъ В. Ф. Эдвардсъ издалъ ее въ 1829 году, въ видѣ письма къ Амедею Тьерри, по поводу книги послѣдняго объ исторіи галловъ. Не смотря на недостатки запутаннаго и не всегда яснаго изложенія, изслѣдованія Эдвардса обратили на себя общее вниманіе, ибо они показали впервые пользу, какую исторія и этнографія могутъ извлечь изъ естественныхъ наукъ вообще и изъ физіологіи въ особенности. Эдвардсъ доказалъ, приложеніемъ своихъ началъ къ частному случаю, что, при рѣшеніи вопросовъ о происхожденіи и родствѣ народовъ, естествовѣдѣніе приводитъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и исторія, съ тою только разницею, что данныя, сообщаемыя первымъ, обыкновенно отличаются бо́льшею точностью и опредѣленностью. Такимъ образомъ, предположенія Ам. Тьерри о раздѣленіи галльскаго племени на двѣ великія отрасли, нашли полное оправданіе и подтвержденіе въ трудахъ натуралиста. Статья Эдвардса перепечатана въ Запискахъ французскаго Этнологическаго общества, котораго онъ былъ предсѣдателемъ *). Передавая ее нашимъ читателямъ, мы считаемъ нужнымъ предпослать обзоръ основныхъ положеній Амедея Тьерри, на книгу котораго постоянно ссылается Эдвардсъ въ первой и главной половинѣ своихъ изслѣдованій.

По словамъ Цезаря, Галлія раздѣлялась на три части: въ южной, между Гароною и Пиринейскими горами, жили

---

*) Mémoires de la société éthnologique. T. I. 1841.

аквитанцы; въ средней—галлы, называвшіе себя кел
въ сѣверо-восточной, на востокъ отъ Сены и на сѣве
Марны, белги *). Страбонъ подтверждаетъ свидѣтельс
заря, но прибавляетъ, что владѣнія белговъ тянулись
на сѣверо-западъ и занимали весь полуостровъ, ле
между Сеною и Луарою. Аквитанцы болѣе походили яз
наружностью и учрежденіями на иберовъ, чѣмъ на
сѣверныхъ сосѣдей. У галловъ и белговъ Страбонъ
дитъ общія имъ черты лица и внѣшніе признаки, к
онъ называетъ галльскими. Но въ языкѣ и учрежд
можно было замѣтить довольно значительное различі

Основываясь на свидѣтельствахъ названныхъ нам
телей, изъ которыхъ одинъ былъ завоеватель Галлі
превосходномъ очеркѣ изобразилъ ея состояніе предт
ходомъ подъ римское владычество, а другой собралъ в
цѣлое и критически повѣрилъ всѣ прежнія извѣстія об
краѣ, Ам. Тьерри пришелъ къ слѣдующимъ заключе
Древнѣйшее населеніе Галліи принадлежало къ двумъ
шимъ породамъ: иберской и галльской. Аквитанцы и л
были иберы. Порода галльская занимала, кромѣ собст
Галліи, острова британскаго архипелага. Она раздѣ
на двѣ вѣтви, представлявшія существенныя разли
языкѣ, нравахъ и учрежденіяхъ. Первая отрасль посе
въ Галліи и на островахъ британскихъ, до начала и
ческихъ временъ: древніе (т. е. греки и римляне) с
ее туземною или исконною владычицею той почвы, на
рой ее застала исторія, и откуда она перешла въ Ис
Италію и Иллирію. Въ Испаніи она образовала въ соед
съ иберами новый, смѣшанный народъ кельтиберовъ. В
ліи она явилась подъ именемъ Амбра или Омбра (пр
нѣе Amhra—храбрый, благородный) и сообщила это на
цѣлой области, Умбріи. Общее, родовое имя этой о
было галлъ, у римлянъ Gallus, у грековъ Galas и G
Греки несправедливо называли иногда галловъ кел
Это имя, вошедшее теперь въ употребленіе въ наукѣ
надлежало въ дѣйствительности только нѣсколькимъ
намъ, вѣроятно составлявшимъ союзъ и жившимъ, п
мому свидѣтельству Страбона, къ сѣверу отъ Нарбо
западъ отъ Севенскихъ горъ. Слѣдовательно, оно было
ное и никакъ не должно быть принимаемо въ томъ общи
смыслѣ, какой давали ему греки и даютъ новѣйшіе пис

---

*) De bello Gall. I. 1.
**) Strabo, lib. IV.

Представителями второй отрасли, пришедшей въ западную Европу уже во времена историческія, были арморикацы и белги въ Галліи и ихъ выселенцы на островахъ британскихъ. Волки (Volcae) севенскіе и жившіе въ Герцинскомъ лѣсу были настоящіе белги *), равно какъ и тѣ хищныя дружины, которыя за 280 лѣтъ до Р. Х. разграбили Грецію и основали царство галатское въ Малой Азіи. Эта вѣтвь галльскаго племени (принимая слово „галльское" въ обширнѣйшемъ, объемлющемъ обѣ отрасли значеніи) распространена была по всему пространству восточной Европы до прибытія германцевъ. Ее можно прослѣдить отъ Азовскаго и Чернаго морей до Ютландскаго полуострова. Арморика было названіе мѣстное, (ar—надъ, mûr—море); белгами назывались жившія въ сѣверо-восточной Галліи и составлявшія воинственный союзъ племена; общее имя всей вѣтви было кимвры, кимры или киммеріяне. Кимры занимали сѣверныя и западныя части Галліи, восточныя и южныя Британіи; застигнутые ихъ двоякимъ нашествіемъ (въ 6 и 4 столѣтіяхъ до Р. Х.), галлы удержали за собою южныя и восточныя области въ Галліи, сѣверныя и западныя на островахъ британскихъ. (Histoire des Gaulois. Paris. 1844. T. I. Введеніе, стр. XCIII).

Господствовавшее прежде мнѣніе о германскомъ происхожденіи кимвровъ или кимровъ, не имѣетъ болѣе мѣста въ наукѣ. Оно равно опровергается историческими и филологическими свидѣтельствами. Всѣ новѣйшіе изслѣдователи приняли, съ бо́льшими или мѐньшими измѣненіями въ частностяхъ, основныя положенія Ам. Тьерри. Нибуръ пришелъ собственнымъ путемъ къ сходнымъ результатамъ, но сохранилъ названіе кельтовъ, какъ общее обѣимъ отраслямъ: галльской и кимрской **). Изъ изданныхъ въ 1851 году Чтеній Нибура о географіи и этнографіи древняго міра ***) видно, впрочемъ, что великій историкъ не допускалъ между языками галловъ и кимровъ того тѣснаго родства, которое теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Потомство кимровъ уцѣлѣло въ французской Бретани и

---

*) Hist. des Gaulois. T. I. LV. Тьерри приводитъ слѣдующія названія одного и того-же народа. Volcæ, *Volgae*, Bolgæ, Belgæ. Замѣтимъ, что часть кимвровъ, къ которымъ принадлежало и племя или союзъ племенъ, извѣстный подъ именемъ белговъ, жила въ глубокой древности у береговъ Азовскаго моря, слѣдовательно, на нашей Волгѣ. Не отъ нихъ-ли получила рѣка свое названіе?

**) Römische Geschichte. T. II, стр. 575—95.

***) Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 631.

въ княжествѣ Валлисскомъ. Галлы живутъ до сихъ поръ въ Ирландіи и въ сѣверной Шотландіи. Но нравы и языки тѣхъ и другихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто нравамъ и языкамъ господствующихъ народовъ. Въ скоромъ времени на европейской почвѣ не останется болѣе живыхъ признаковъ породы, которую мы привыкли называть кельтическою. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, въ Корнваллисѣ умерла послѣдняя старуха, говорившая народнымъ нарѣчіемъ. Въ Бретани, по словамъ Ромье, бывшаго тамъ подпрефектомъ, французскій языкъ такъ быстро подвигается впередъ, что можно опредѣлить число миль, отнятыхъ имъ въ данный срокъ у туземнаго языка. Коль замѣтилъ такое-же явленіе въ сѣверной Шотландіи. Прибавимъ къ этимъ данным, заставляющимъ предполагать скорое прекращеніе кельтической породы, постоянно возрастающее и неудержимое переселеніе ирландцевъ въ Америку, гдѣ они обыкновенно уже во второмъ поколѣніи теряютъ отличительные признаки своего племени. Въ настоящее время въ Европѣ остается не болѣе 4.500.000 человѣкъ, говорящихъ кельтическими нарѣчіями *).

Отмѣченныя цифрами примѣчанія принадлежатъ русскому переводчику и должны служить историческимъ комментаріемъ къ изслѣдованіямъ Эдвардса.

Въ путешествіи, мною совершенномъ, я имѣлъ возможность сдѣлать нѣсколько наблюденій, которыя могутъ быть занимательными для васъ. Я объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной вами исторіи, и старался повѣрить указанныя вами различія между галльскими племенами. Предлагаю вамъ теперь результаты моихъ изслѣдованій и нѣсколько замѣчаній, касающихся другихъ историческихъ вопросовъ. Моя попытка подкрѣпить или опровергнуть то, что́ вы вывели изъ историческихъ памятниковъ, посредствомъ наблюденія надъ настоящимъ состояніемъ народовъ, можетъ показаться странною. Кто-бы ни были древніе галлы, на какія-бы вѣтви они ни дѣлились, что́ общаго между ними и племенами, которыя занимаютъ нынѣ почву, нѣкогда имъ принадлежавшую? Какое дѣло исторіи до физіологіи? Какой свѣтъ можетъ первая заимствовать отъ послѣдней? У меня давно родилась мысль, которую, вѣроятно, раздѣляютъ многіе другіе, что физіологія можетъ служить

---

*) Kriekg, die Völker-Stämme und ihre Zweige nach den neuesten Ergebnissen der Ethnographie. Стр. 26.

ольшимъ пособіемъ для исторіи, и что онѣ такъ долго чуж-
лись одна другой потому только, что ихъ отношенія не
ыли изслѣдованы. Правда, что способъ изученія, который
о нашего времени прилагался къ этимъ обѣимъ наукамъ,
е могъ ихъ сблизить между собою и озарить одну свѣтомъ
ругой. Вашъ братъ проложилъ дорогу въ исторіи. Онъ ука-
алъ на составныя части (англійскаго) народа *) и внима-
ельно прослѣдилъ ихъ судьбы. Вы пошли по его слѣдамъ,
о такъ какъ вамъ предстояло болѣе обширное поприще и
олѣе сложная задача, вы должны были прибѣгнуть ко всѣмъ
ритическимъ методамъ. Такимъ образомъ, вамъ удалось раз-
ичить въ путаницѣ временъ и писателей многія великія
вѣтви того племени, котораго исторію вы пишете. Примѣты,
осредствомъ которыхъ вы ихъ отличаете, взяты вами изъ
ашей науки. Вы, слѣдовательно, признаете историческія
ороды, которыя могли существовать независимо отъ породъ,
опускаемыхъ естествовѣдѣніемъ. Не стану отрицать у васъ
ого права, потому что у всякой науки есть свои правила;
о, слѣдуя этимъ правиламъ, вы пришли, кажется, къ тому-
е результату, котораго можно достигнуть посредствомъ дру-
ой науки. Посмотримъ теперь, при помощи какихъ заим-
твованныхъ изъ естествовѣдѣнія данныхъ намъ можно бу-
детъ сойтись. Изученіе человѣка вошло недавно въ науку.
Странно, что отдѣлъ, для насъ наиболѣе занимательный, до
ихъ поръ наименѣе обращалъ на себя вниманія. Эта вѣтвь
ашихъ знаній такъ нова, что основатель ея еще живъ. Зна-
менитый Блуменбахъ признаетъ въ человѣчествѣ пять по-
одъ, подъ которыя, по его мнѣнію, можно подвести всѣ
ароды. Положивъ эти первыя основы, онъ оказалъ великую
слугу. Но какой свѣтъ могли пролить на исторію эти не-
ногія группы? Онѣ соотвѣтствуютъ приблизительно вели-
имъ раздѣленіямъ земного шара, и каждая изъ нихъ со-
ержитъ въ себѣ и соединяетъ слишкомъ много народовъ.
акое раздѣленіе рода человѣческаго на огромныя группы
огло принести нѣкоторую, хотя ограниченную, пользу
сторику. Въ недавнемъ времени два натуралиста, гг. Дему-
енъ (Desmoulins) и Бори де С. Венсанъ **), значительно уве-
ичили число этихъ группъ. Вы безъ сомнѣнія не будете
суждать ихъ, если указанные ими примѣры достаточно
предѣляютъ различіе народовъ между собою, и согласитесь,
то чѣмъ болѣе раздѣленій, тѣмъ лучше для исторіи. Пре-

*) Въ знаменитомъ твореніи своемъ „Завоеваніе Англіи норманнами".
**) Бори де-Венсанъ принимаетъ 15 породъ; Демуленъ—16.

оставьте натуралистамъ спорить о названіяхъ родовъ, видовъ, видоизмѣненій или породъ и объ ихъ классификаціи. Вамъ нужно знать только, носятъ-ли на себѣ группы, составляющія родъ человѣческій, отличительные физическіе признаки, и до какой степени раздѣленія, утвержденныя исторіею, согласны съ естественными. Вопросъ, какъ видите, очень сложный. Для васъ недостаточно существованіе такихъ группъ; надобно доказать, что онѣ всегда, или по крайней мѣрѣ во времена историческія, существовали въ одномъ и томъ-же видѣ. Если-бы послѣднее было доказано, то можно было-бы черпать изъ этого источника свѣдѣнія о родствѣ племенъ и восходить къ ихъ началу, не смотря на примѣси, входящія въ составъ народовъ. Таковъ вопросъ, взятый съ его общей стороны и уже изслѣдованный г. Демуленомъ. Но предметъ этотъ, по новизнѣ своей, нуждается въ повѣркѣ, и я объясню вамъ причины, заставляющія меня думать, что древніе народы могутъ быть узнаны въ новыхъ. Мнѣ необходимо прежде всего высказать мое мнѣніе, потомъ уже я перейду къ наблюденіямъ, занимательнымъ для васъ въ частности и касающимся другихъ историческихъ вопросовъ. Не скрою отъ васъ трудностей: ихъ очень много. Положимъ, что у всякаго народа есть особенныя, ему исключительно принадлежащія, физическія примѣты. Трудно, однако, допустить постоянное существованіе этихъ примѣтъ чрезъ длинный рядъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ самый народъ подвергается многочисленнымъ вліяніямъ, изъ которыхъ каждое способно измѣнить совершенно его физіономію. Таковы, по общему мнѣнію, дѣйствіе климата на переселенцевъ, успѣхи или упадокъ образованности и смѣшеніе многихъ породъ. Но, кромѣ этихъ причинъ измѣненія, сколько народовъ было истреблено, сколько другихъ вытѣснено съ родной почвы. Какое впечатлѣніе выносимъ мы изъ чтенія исторіи, когда сравниваемъ древнія времена съ новыми? Что общаго между ними? Даже имена народовъ, нѣкогда славныхъ, исчезли за много вѣковъ до насъ; страны, ими заселенныя, приняли совсѣмъ иной видъ; прежній языкъ уступилъ мѣсто другому; только случайно уцѣлѣвшія развалины вызываютъ въ насъ воспоминаніе о древнихъ жителяхъ. Народъ перестаетъ существовать въ исторіи, утративъ свою независимость и политическую самостоятельность. Можно подумать, что въ политическихъ переворотахъ, также, какъ въ переворотахъ земного шара, исчезаютъ цѣлыя породы. Но новая, въ наше время возникшая, отрасль человѣческихъ знаній отрицаетъ эти ложные выводы. Болѣе основательное, сравнительное

изученіе языковъ открываетъ часто въ нынѣшнихъ языкахъ остатки древнихъ нарѣчій, изъ которыхъ они сложились, и на основаніи такихъ признаковъ показываетъ непрерывавшуюся, хотя до сихъ поръ незамѣченную, связь между древними и настоящими обитателями.

Но если древнія формы сохраняются въ новѣйшихъ языкахъ и обличаютъ ихъ происхожденіе, то можно-ли допустить бо́льшую измѣнчивость въ формахъ нашего тѣла? Неужели черты нашихъ предковъ совершенно сгладились у насъ? Ужели климатъ измѣнилъ ихъ до того, что нельзя болѣе узнать первоначальнаго типа? Или виною этого явленія было смѣшеніе породъ? Въ какой степени образованность облагороживаетъ, упадокъ ея искажаетъ народныя черты? Можно-ли допустить, что цѣлые народы были истреблены, или вытѣснены изъ родины? Вопросы эти надобно разобрать, по очереди, переходя къ наблюденіямъ, составляющимъ содержаніе моего письма. Необходимо прежде всего доказать возможность этихъ наблюденій. Можетъ быть, доводы, убѣдившіе меня, послужатъ и къ вашему убѣжденію.

Мы посмотримъ на предложенные нами вопросы съ точки зрѣнія, съ которой на нихъ до сихъ поръ едва-ли смотрѣли. При оцѣнкѣ вліянія климата на формы тѣла, ихъ величину и другіе физическіе признаки, мы будемъ принимать въ соображеніе не недѣлимыя, а цѣлыя массы. Намъ нужно знать постоянный образъ дѣйствія природы, но нѣтъ дѣла до того, что́ она производитъ въ необыкновенныхъ случаяхъ. Изслѣдованія наши не должны, впрочемъ, выходить изъ опредѣленнаго времени, потому что рѣчь идетъ о приложеніи законовъ природы къ исторіи. Чтобы познакомиться съ общими направленіями природы, ее слѣдуетъ изучать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Мы покажемъ теперь дѣйствіе климата на живыя существа, которыя наиболѣе отличаются отъ человѣка и наиболѣе подвержены измѣненіямъ.

Мы принимаемъ вліяніе климата въ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе часто употребляется, и разумѣемъ подъ нимъ соединеніе многихъ единовременно и сильно дѣйствующихъ причинъ. Эта уступка, сдѣланная нами обычаю, быть можетъ оправдается впослѣдствіи.

Пересаженныя растенія покрываются шипами и волосками или теряютъ ихъ; листья ихъ разрѣзываются; на цвѣтахъ измѣняются краски; число лепестковъ увеличивается; плоды получаютъ другой вкусъ; ростъ измѣняется сообразно съ свойствами ихъ новой родины. Нѣкоторыя растенія теряютъ

даже извѣстныя черты ихъ рода и семейства, такъ, мѣръ, цвѣты становятся полными или махровыми.

Они могутъ, слѣдовательно, глубоко измѣняться, и всегда сохраняютъ какія-нибудь изъ первоначальны мѣтъ своихъ, напоминающія ихъ происхожденіе. До даже небывалый, впрочемъ, фактъ совершеннаго пер нія нѣкоторыхъ растеній, большая часть при перемѣ мата остаются тѣми-же, какими были до пересадки, неопытный глазъ легко узнаетъ ихъ.

Призывая свидѣтельство растеній въ пользу кли скихъ вліяній, мы допускаемъ самое сильное изъ возм доказательствъ; но въ то-же время открываемъ, до ка пени ограничено это вліяніе, простирающееся тольк мую малую часть растеній. Сколько есть такихъ, к по перенесеніи ихъ въ отдаленную отъ родины зем лѣютъ и умираютъ, сохраняя въ чистотѣ свои формы. видно, что есть силы, съ такимъ напряженіемъ под вающія первоначальный типъ, что онъ гибнетъ, но дается перемѣнамъ, которыя стремятся произвести в внѣшніе дѣятели. Приводя такіе, основанные на мои ственныхъ наблюденіяхъ, факты, я считаю долгомъ со на мнѣнія другихъ, заслуживающихъ полное довѣрі ныхъ. Я подвергалъ эти факты суду извѣстныхъ ковъ, изъ которыхъ многіе соединяютъ обширныя св въ наукѣ съ личною, посредствомъ путешествій прio ною, опытностью. Гг. Дефонтенъ, Декандоль, Мирбел де С. Венсанъ, Тюрпень согласны со мною.

Переходя отъ растеній къ животнымъ, мы должны тить, что человѣкъ въ состояніи слѣдить за пере только тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ переводитъ съ Посмотримъ прежде то, что́ намъ положительно извѣ ручныхъ или домашнихъ животныхъ. Здѣсь надобно отдѣлить дѣйствія климата отъ смѣшенія породъ и д сторонних причинъ.

Самая рѣзкая перемѣна обнаруживается въ бо́льш мѐньшей густотѣ мѣха, который также становится м жестче и мѣняетъ цвѣтъ по степени тепла или холод вотныя тучнѣютъ или худѣютъ; ихъ дѣти (по перес нерѣдко отличаются отъ нихъ ростомъ; но развѣ ихъ тѣла и отношеніе членовъ измѣняются? Случайн ремѣны такого рода происходятъ обыкновенно отъ ченія и убавленія жира или соковъ, наполняющихъ чатку. Костякъ остается тотъ-же и измѣняется толь рѣдкихъ случаяхъ, иногда отъ болѣзней.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій, животное отступаетъ ъ своего первообраза не далѣе, чѣмъ человѣкъ, когда онъ ановится плѣшивъ, смуглъ или блѣденъ, дороденъ или гдъ. Характеристическія черты, по которымъ его можно знать, сохраняются почти всегда. Чтó касается до пересе-ляющихся животныхъ, то они мало подвергаются дѣйствіямъ лимата, ибо ищутъ возможно ровной температуры.—Находя видоизмѣненіе породъ въ различныхъ климатахъ, мы при-писываемъ это явленіе климату, но въ одной и той-же странѣ, одъ однимъ и тѣмъ-же небомъ, встрѣчаются часто много-исленныя видоизмѣненія одной породы, Есть, слѣдовательно, ругія причины, которыхъ нельзя отнести къ климату, доколѣ пытъ не докажетъ намъ противнаго. Кромѣ того, сколько по-одъ общихъ многимъ странамъ, и которыхъ особи вездѣ охожи другъ на друга. Очевидно, что они могутъ мѣнять лиматъ, не мѣняя формы. Не нужно доказывать, что генеа-огія собаки, составленная Бюффономъ, совершенно произ-ольная. Она пользовалась довѣріемъ прежде, но наше время ребуетъ доказательствъ болѣе строгихъ. Г. Демуленъ замѣ-тилъ, впрочемъ, что Бюффонъ самъ разрушилъ свою гипо-езу, произведя въ послѣдствіи помѣсь отъ лисицы и волка.

Вотъ все, что я могъ сказать вамъ положительно въ о время, когда занимался этою частью моего предмета. Мнѣ казалось, что я достигъ до удовлетворительнаго результата, но такъ какъ путешественники не обращали на этотъ отдѣлъ олжнаго вниманія, то у доводовъ моихъ не было тѣхъ ркихъ признаковъ истины, которые тотчасъ сообщаютъ олное убѣжденіе. Я присутствовалъ недавно въ Академіи Наукъ при чтеніи записки доктора Рулена (Roulin) объ змѣненіяхъ, которымъ подвергались домашнія животныя, ереведенныя со стараго материка на новый. Авторъ только то возвратился изъ Америки, гдѣ онъ провелъ шесть лѣтъ. Я зналъ, что онъ, по знаніямъ своимъ и наблюдательности, ылъ въ состояніи рѣшить вопросъ. Мнѣ предстояло выслу-шать приговоръ надъ выводами, извлеченными мною изъ дан-ныхъ, быть можетъ, неполныхъ, и потому вы можете судить о живомъ участіи, съ какимъ я слѣдилъ за чтеніемъ г. Ру-леня. Мнѣнія мои были вполнѣ подтверждены. Животныя, еренесенныя въ Америку, испытали только тѣ незначи-ельныя перемѣны, о которыхъ я упомянулъ выше, по по-воду дѣйствій климата.

Сказанное нами о животныхъ прилагается еще въ бóль-шей степени къ человѣку. Переходя съ юга на сѣверъ, онъ находитъ въ своей изобрѣтательности безчисленныя сред-

ства противъ стужи. Можно сказать, что онъ нос собою свой климатъ. Въ лапонской хижинѣ такъ-же какъ въ Сиріи; если-бы человѣкъ могъ такъ-же ос какъ онъ нагрѣваетъ атмосферу, перемѣна климата ствовала-бы на него вовсе, но условія его жизни (въ такомъ случаѣ искусственныя. Зато страсти, не ныя съ человѣкомъ, часто возвращаютъ его природѣ рушаютъ соображенія его разума: къ тому-же механ искусства еще не сдѣлались удѣломъ всѣхъ наро даже у самыхъ просвѣщенныхъ значительная часть нія плохо снабжена средствами, защищающими от ныхъ вліяній погоды. Надобно, однако, замѣтить, ч всѣхъ этихъ ограниченіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ общ наго развитія, человѣкъ лучше всякаго животнаго ситъ перемѣну климата, хотя дѣйствія этой причин ваются и на немъ.

Повѣрить наши замѣчанія не трудно, ибо фактов относящихся много, хотя мы охотнѣе прибѣгаемъ къ] женію, чѣмъ къ дѣйствительности. Возьмемъ на уда сколько примѣровъ.

Почти отъ каждаго европейскаго народа отдѣлились которыя за нѣсколько вѣковъ до насъ поселились в гихъ странахъ свѣта. Многіе изъ этихъ колоній заняли о гдѣ къ нимъ не могли присоединиться стороннія пр и потому онѣ даютъ намъ полную возможность су дѣйствіи климата. Правда, что европейская кровь со лась болѣе или менѣе съ кровью негровъ-невольнико изъ этого смѣшенія образовалась особенная каста, но на себѣ явные признаки своего происхожденія, и к никакъ нельзя отнести къ бѣлой породѣ. Бѣлый чел давно живетъ у экватора, въ той крайней температур торая дѣйствуетъ на него сильнѣй всякой другой; но вышло? Англія, Франція, Испанія могутъ доселѣ узнать своихъ. Лица загорѣли и стали смуглѣе, наклоннос чувственнымъ наслажденіямъ и физическая лѣнь усил но черты не измѣнились. Порода не выродилась, и а скій, французскій или испанскій переселенецъ сохра отличительные признаки своихъ праотцевъ. Еслибъ кому-нибудь, при помощи особенно тонкой наблюд ности, и удалось подмѣтить отличительныя черты коло то оттѣнки, имъ замѣченные, должны быть до такой пени неуловимы для большинства, что ихъ нельзя п мать къ соображенію въ вопросѣ, насъ занимающемъ.

Повторенныя наблюденія такого рода произвели на

убокое впечатлѣніе и убѣдили меня, что народы одного происхожденія могутъ въ разныхъ полосахъ земли и въ продолженіе многихъ вѣковъ сохранять общій имъ первоначальный типъ. Съ другой стороны, истина эта не совсѣмъ евидна, потому что у каждаго народа могутъ существовать нѣсколько недостаточно опредѣленныхъ типовъ. Сравнение становится въ такихъ случаяхъ весьма трудно. Обращая льшее вниманіе на оттѣнки, которыми различаются между бою эти типы, чѣмъ на общія имъ формы и пропорціи, жно даже вывести заключеніе совершенно противоположное нашему. Я приведу примѣръ, послѣ котораго не остается никакихъ сомнѣній. Еврейскій народъ разсѣянъ по ьлой Европѣ, черты его такъ рѣзко опредѣлены и такъ ѣмъ извѣстны, что въ нихъ трудно ошибиться. Евреевъ ожно считать за колонистовъ одной породы, поселившихся ь разныхъ странахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ ни составляютъ часть населенія этихъ странъ. Тамъ, гдѣ равительство не оказывало имъ особенныхъ благодѣяній, но по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ жить на одной почвѣ, шать однимъ воздухомъ и грѣться на одномъ солнцѣ съ стальными своими подданными, они сохраняютъ свою религію, нравы, обычаи, почти никогда не вступаютъ въ родственныя связи съ народами, среди которыхъ разселены, и потому трудно найти условія болѣе благопріятныя для ѣнки дѣйствій климата. Оказывается, что климатъ не стеръ ъ нихъ особенностей, ихъ отличающихъ: они вездѣ похожи другъ на друга. Еврей англійскій, французскій, нѣмецкій, таліанскій, испанскій, португальскій остается евреемъ, при которыхъ мелкихъ частныхъ оттѣнкахъ, т. е. у него постоянно сохраняются тѣ-же характеристическія формы и пропорціи, изъ которыхъ слагается національный типъ. Такимъ образомъ, евреи, живущіе на разныхъ концахъ Европы, представляютъ болѣе сходства между собою, чѣмъ съ другими народами, и несмотря на продолжительное дѣйствіе свое, климатъ измѣнилъ въ нихъ только цвѣтъ лица, выраженіе и можетъ быть еще что-нибудь, столь-же мало существенное. Произведенія италіанской живописи XVI вѣка, которыхъ предметы взяты изъ библейской исторіи, показываютъ, что тогдашніе евреи нимало не отличались отъ нынѣшнихъ. ъ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ Леонардо да-Винчи, который умѣлъ соединять съ выраженіемъ ѣдѣльныхъ лицъ общій національный характеръ. Остается рѣшить важный вопросъ о томъ, каковъ былъ первоначальный типъ еврейскаго народа, когда у нихъ еще была ро-

дина, и они не разсѣялись по лицу земли. Тогд
будетъ оцѣнить дѣйствіе климата въ теченіе 17 вѣ
ріода, составляющаго половину исторической жиз
вѣчества. Можно-бы, конечно, довольствоваться и
значительнымъ отдѣломъ времени; но если вы и
ваши требованіи и захотите знать черты еврейскаг
въ древнѣйшую эпоху, т. е. за три тысячи лѣтъ де
у меня найдется готовый отвѣтъ.

Позвольте мнѣ разсказать вамъ теперь, по ка
чаю я самъ пришелъ къ такому выводу. Я не над
люсь отъ моего предмета. Читая сочиненіе доктора
объ естественной исторіи человѣка, я нашелъ, чт
защищаетъ странное положеніе, что люди были
чально черны, и что они бѣлѣютъ по мѣрѣ успѣхо
зованности. Книга г. Причарда очень любопытна и
съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ ней показано, ка
лись измѣняется у жителей одной и той-же стра
[illegible] отъ смуглаго низшихъ сословій къ свѣтлом
[illegible]шему принадлежность богатаго и знатнаго
[illegible]ть, какъ видите, согласны съ предположеніемъ
[illegible] но съ другой стороны ихъ можно отнести
[illegible]мъ явленіямъ, встрѣчающимся у народовъ, котор
[illegible] вамъ [illegible] извѣстна. Между различными,
[illegible] народами существуетъ постепен
[illegible] черные повинуются желты
[illegible] не въ равной степени, бл
[illegible] происходит
[illegible] среди
[illegible] При
[illegible] вниманіе. Ан
[illegible] и ку
[illegible] Африкѣ и
[illegible] а при по
[illegible] что

обницѣ находятся сдѣланныя во весь ростъ фигуры лю-
й, изъ которыхъ большая часть должна принадлежать про-
ому народу; цвѣтъ ихъ лица правда смуглый, но они не
рны, и у нихъ нѣтъ курчавыхъ волосъ, какъ у негровъ.
слѣдніе признаки видны только у небольшого числа отдѣль-
ихъ фигуръ, очевидно представляющихъ еѳіопскихъ негровъ.
ъ сторонѣ находятся двѣ другія небольшія группы ино-
леменниковъ; въ одной изъ нихъ мы тотчасъ узнали евреевъ.
аканунѣ я встрѣтилъ нѣсколько жидовъ, гулявшихъ по
ондонскимъ улицамъ. Мнѣ показалось, что я вижу ихъ
ортреты.

Полагаю, что соединенныхъ свидѣтельствъ гг. Ходжки-
а, Нокса и моего будетъ для васъ довольно Я не искалъ
ругихъ доказательствъ, но, читая путешествіе въ Египетъ
ельцони (Belzoni), нашелъ при описаніи вышеупомянутой
робницы слѣдующія мѣста: „въ концѣ этого шествія можно
личить людей, принадлежащихъ къ тремъ народамъ, не-
рхожимъ на остальныя лица. Эти изображенія очевидно
редставляютъ евреевъ, еѳіоплянъ и персовъ". (Путешествіе
ъ Египетъ и Нубію, т. I. стр. 389). Далѣе сказано: „можно
знать персовъ, евреевъ и еѳіоплянъ; первыхъ по одеждѣ,
ъ которой они вездѣ являются на картинахъ, изображаю-
ихъ ихъ войны съ египтянами; евреевъ по физіономіи и
вѣту лица; еѳіоплянъ по цвѣту кожи и наряду" (Ibid. 390).

Вотъ, слѣдовательно, цѣлый народъ, сохраняющій свой
ервоначальный обликъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣ-
овъ, занимающихъ почти все пространство историческаго
еріода. Въ первой половинѣ этого періода евреи испытали
еслыханныя бѣдствія; во второй, они были разсѣяны по
сѣмъ климатамъ, были гонимы, преданы поруганію и по-
ору, образовали изъ себя касту паріевъ, отверженцевъ рода
еловѣческаго. Нельзя придумать соединенія обстоятельствъ,
олѣе способныхъ глубоко измѣнить физическую организа-
ію народа. Итакъ, природа человѣка, торжествующая надъ
акими вліяніями, одарена значительною силою сопротивле-
ія! Этотъ великій примѣръ можетъ быть принятъ за весьма
чный опытъ, сдѣланный съ цѣлью опредѣлить дѣйствіе
аличныхъ климатовъ на формы и пропорціи человѣче-
аго тѣла въ теченіе историческихъ вѣковъ (²).

Мы не зайдемъ, впрочемъ, слишкомъ далеко въ заклю-
еніяхъ нашихъ. Можетъ быть, не всѣ народы одарены
инаковою способностью сопротивленія внѣшнимъ вліяні-
мъ. Но допустивъ, что они не всегда съ равнымъ посто-
нствомъ удерживаютъ типъ свой, мы должны однако, при-

знать, что природа стремится къ такому постоянству, если-бы не было другихъ причинъ измѣненія, кромѣ мата, большая часть народовъ долго хранила-бы хи ристическія черты своихъ предковъ.

Что значитъ климатъ въ сравненіи съ смѣшеніе родъ? Всѣ племена, которыхъ исторія намъ извѣстна, или менѣе испытали такія смѣшенія. Эта причина сильнѣе, что она дѣйствуетъ на внутреннюю орган и потому условливаетъ первоначальное образованіе сущ и должна повидимому навсегда опредѣлять ихъ с Еслибы эта причина дѣйствовала безпрепятственно можетъ быть, уничтожила-бы всѣ различія, но ей н лены предѣлы, изъ которыхъ многіе очевидны. Дост назвать ихъ: различія кастъ и сословій, которыхъ хожденіе часто восходитъ до различія породъ, обра грани, защищаемыя строгостью законовъ, могуще преданій и, кромѣ рѣдкихъ исключеній, неприступн большинства. Такія искусственныя разграниченія не п вали существовать у нѣкоторыхъ народовъ со дня и ступленія на сцену міра; но такъ какъ созданныя ч комъ учрежденія рано или поздно уступаютъ дѣйстві мени, и означенныя нами выше раздѣлен я подч общему закону перемѣны, то намъ должно составить понятіе о такомъ порядкѣ вещей, гдѣ стремленіямъ роды не противопоставлено никакихъ историческихъ градъ. Изъ этого изслѣдованія мы выведемъ для себя водныя начала, зависящія отъ числительнаго отно приходящихъ въ соприкосновеніе породъ и отъ ихъ р дѣленія на общей имъ почвѣ.

Начнемъ съ количественныхъ отношеній, предпо что ничто не препятствуетъ смѣшенію крови. Здѣсь м жемъ опредѣлительно сказать, какъ дѣйствуетъ прир тѣхъ случаяхъ, когда несоразмѣрность чиселъ очень в типъ меньшинства можетъ исчезнуть совершенно. Во какихъ условіяхъ и чрезъ сколько поколѣній обнаружи этотъ фактъ. Домашнее животное соединяется съ др принадлежащимъ къ другой породѣ; помѣсь, отъ них исшедшая, соединяется потомъ, въ свою очередь, съ з нымъ одной изъ чистыхъ породъ, которымъ оно о своимъ существованіемъ; новый приплодъ будетъ бли чистой породѣ, чѣмъ къ помѣси. Опыты такого рода ряются до тѣхъ поръ, когда въ послѣднемъ рожде возстановится совершенно типъ того изъ родоначальн который соединился съ помѣсями. Это случается обыкно

етвертомъ поколѣніи, иногда, впрочемъ, ранѣе или позже. Жиру де Бюзаренгъ (Girou de Buzareingues) сообщилъ мнѣ, бываютъ случаи, въ которыхъ подобный результатъ доается только при тринадцатомъ рожденіи и, даже, позже. е факты рѣдки, и какъ ни важны они для науки, мы олжны, однако, на нихъ останавливаться, ибо ищемъ ила, а не исключеній. Къ тому-же у насъ есть положиныя данныя, доказывающія владычество этого закона и человѣческими породами. Признаки негра или бѣлаго аются въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи, при тѣхъ віяхъ, на которыя мы указали, говоря о домашнихъ жиыхъ вообще. Отсюда не трудно, повидимому, вывести заченіе, противорѣчащее тому, что́ было сказано нами о ожности открыть въ новыхъ народахъ черты другихъ, не существующихъ, но родственныхъ имъ народовъ. — ечно, нельзя отыскать всѣхъ мелкихъ элементовъ, изъ рыхъ слагается племенной типъ, но когда дѣло идетъ льшихъ массахъ, вы увидите, что предлагаемый нами одъ значительно облегчаетъ изслѣдованіе. Положимъ, одо, что, при помощи преградъ, дѣлающихъ невозможнымъ кое смѣшеніе, отдѣльные типы сохраняются въ чистотѣ ей. Ясно, что въ такомъ случаѣ меньшинство никакъ не етъ изъяснить формы большаго числа. Это начало весьма ное, и намъ придется часто прилагать его къ дѣлу. ьмемъ теперь другой—крайній случай. Положимъ, что обѣ оды, имѣющія соединиться, равны числомъ. Какія услоеобходимы для того, чтобы онѣ слились подъ одинъ ій типъ? Надобно, чтобы каждое отдѣльное лицо одной оды вступило въ кровную связь съ лицомъ другой. обно, чтобы каждое недѣлимое приняло дѣятельное уча въ сліяніи породъ, потому что́ легкіе оттѣнки не измѣотъ типа.

Условія эти необходимы, но вы согласитесь, что ихъ выпить не легко. Мы не говоримъ о совершенной невозкности такого численнаго равенства, потому что безусловотрицаніе, или утвержденіе рѣдко можетъ быть позвою. Однако, допустивъ возможность равныхъ чиселъ съихъ сторонъ, мы все-таки не получимъ никакого права разтывать на подобный случай въ дѣйствительности. Можнопредположить попарное соединеніе всѣхъ лицъ, принадщихъ обѣимъ породамъ? Такое смѣшеніе породъ не моъ быть слѣдствіемъ произвола, свободнаго выбора со роны участниковъ, а развѣ необходимости? Но какъ допуть этого рода необходимость безъ особенныхъ, исключи-

тельныхъ, едва-ли встрѣчающихся въ исторіи обстоятс
Тѣмъ не менѣе, мы разсмотримъ результаты, которые
были-бы развиться изъ этихъ обстоятельствъ. Примѣр
будетъ заимствованъ изъ царства животныхъ.

Вамъ извѣстно, что человѣкъ совокупляетъ разны
животныхъ по своему произволу, и что помѣсь, п
дящая отъ такихъ совокупленій, носитъ на себѣ нѣ
изъ отличительныхъ признаковъ отца и матери. Та
зуется новый, хотя средній, и потому самому опредѣ
типъ. Представляя отдѣльныя черты сходства съ
родителями, помѣсь является чѣмъ-то совершенно
нымъ отъ нихъ обоихъ.

Факты эти извѣстны всѣмъ; мы не знаемъ других
надлежащихъ къ тому-же разряду. Однако, есть
которые обличаютъ иное, для насъ особенно важное
леніе природы. Женевскій аптекарь, г. Коладонъ (С
развелъ у себя, для опытовъ надъ смѣшеніемъ по
уясненія нашихъ понятій объ этомъ предметѣ, зна
ное число бѣлыхъ и сѣрыхъ мышей. Изучая ихъ
онъ нашелъ способъ ихъ совокуплять. Тогда онъ
длинный рядъ опытовъ, соединяя постоянно бѣлых
съ сѣрою. Вы, вѣроятно, ожидаете въ результатѣ п
Ничуть не бывало. Мышенки рождались бѣлыми и
рыми, со всѣми признаками чистой породы. Мети
было вовсе; не было ничего пестраго или сѣраго
обѣими породами. Типъ той или другой возстановл
вершенно. Случай этотъ, правда, чрезвычайный; но
который мы привели выше, не принадлежитъ к
обыкновенныхъ. Слѣдовательно, обоимъ есть мѣ
природѣ; ни тотъ, ни другой не владычествуетъ
чительно.

Наблюдая отношенія, существующія между пород
приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: когда с
ются породы различныя, не принадлежащія къ одно
напримѣръ: оселъ и лошадь, собака и волкъ или л
ихъ произведеніемъ всегда бываетъ ублюдокъ. На
если породы сходны между собою, то онѣ при совок
могутъ воспроизводить въ чистотѣ первоначальны
которой-нибудь изъ двухъ. Вотъ основныя начала, к
приложеніе плодотворно для науки. Тѣмъ не менѣе,
держимся отъ такихъ приложеній, пока не докаж
подобное направленіе существуетъ также въ приро
вѣка. Предварительно мы еще займемся этимъ во
по отношенію его къ животнымъ. Мнѣ не нужно

казательствъ для приведенныхъ мною явленій. Они до-
овѣрны, и мы должны признать ихъ, несмотря на наруж-
е противорѣчіе. Природа иногда смѣшиваетъ, иногда рѣз-
отдѣляетъ типы. Въ этомъ нѣтъ ничего противорѣча-
го ея обыкновенному ходу. Ея силы то дѣйствуютъ за
но, то находятся въ борьбѣ между собою; она произво-
гъ, хранитъ и разрушаетъ.

Но намъ не слѣдуетъ ограничиться такими общностями.
лядываясь ближе въ явленія, мы найдемъ величайшее
инство тамъ, гдѣ съ перваго взгляда замѣтили наиболѣе
отивоположностей. При смѣшеніи отдаленныхъ породъ,
людокъ носитъ на себѣ типъ, отличный отъ матери, не
отря на нѣкоторое сходство. Когда двѣ близкія между
бою породы воспроизводятъ оба типа, мать также рож-
етъ существо, на нее непохожее. Вотъ единообразіе явле-
й. Замѣтьте одно, что въ послѣднемъ случаѣ дѣтенышъ
лѣе сходенъ съ матерью, чѣмъ въ первомъ. Здѣсь, слѣ-
вательно, видно меньшее уклоненіе отъ общаго стремле-
я природы къ размноженію однихъ и тѣхъ-же типовъ.
азсмотримъ это стремленіе съ настоящей точки зрѣнія, и
я увидимъ, что уклоненіе еще незначительнѣе.

Можно сказать, что въ низшихъ классахъ животныхъ
ществуетъ только одинъ полъ, потому что всѣ особи ода-
ены одинаковыми органами произведенія, и каждая изъ
ихъ даетъ жизнь существу, совершенно съ нею сходному.
дѣсь, слѣдовательно, воспроизводится только одинъ типъ.
о въ классахъ, стоящихъ выше, два пола участвуютъ въ
роизведеніи новыхъ особей. Самка родитъ дѣтеныша, кото-
ый представляетъ сходство съ нею, или съ отцомъ. Она
роизводитъ такимъ образомъ два весьма опредѣленные и
ри сродствѣ своемъ до того различные типа, что самецъ
самка одной породы часто болѣе отличаются другъ отъ
руга, чѣмъ отъ животныхъ близкой породы, но того-же
ола. Истина нашихъ замѣчаній подтверждается, между про-
имъ, тѣмъ, что, при классификаціи мало извѣстныхъ звѣ-
ей, натуралисты нерѣдко причисляли самку и самца къ
азнымъ породамъ. Можно найти много подобныхъ примѣ-
овъ въ естественной исторіи животныхъ и птицъ.

Очевидно, что опыты г. Коладона въ цѣлости своей от-
осятся къ указанному нами разряду явленій. Самка про-
изводитъ два типа: свой собственный и типъ самца. Изъ
ивотнаго царства легко привести другіе примѣры, но такъ
акъ выводъ изъ наблюденій г. Коладона рѣзко обозначенъ.
о я довольствуюсь этимъ поразительнымъ примѣромъ.

Для насъ гораздо важнѣе открыть тѣ-же явленія шающіяся при такихъ-же условіяхъ въ физическо родѣ человѣка. Отъ наиболѣе различныхъ между со ловѣческихъ породъ происходятъ постоянно мети латъ – есть плодъ соединенія бѣлой породы съ чер такъ извѣстно, но столь-же достовѣрно воспроизвед повъ обоихъ родителей, при соединеніи двухъ бі видовъ. Я много разъ замѣчалъ это явленіе, обще пейскимъ народамъ. Оно не принадлежитъ къ числ янныхъ, но намъ до этого нѣтъ дѣла. Смѣшеніе раздѣляетъ, иногда-же соединяетъ типы. Отсюда при къ основному выводу, что народы, составляющіе ви родъ различныхъ, но близкихъ между собою, не м даже въ случаѣ такого совокупленія, какое мы пр жили выше, утратить своихъ первобытныхъ типовъ, непремѣнно сохранились-бы въ части новыхъ по Къ сохраненію ихъ содѣйствуетъ сверхъ того геог ское распредѣленіе породъ на одной почвѣ. Нельзя стить распредѣленія совершенно равнаго, исключ образованіе многихъ группъ, съ значительнымъ пер той или другой. Это условіе само по себѣ дѣлаетъ можнымъ пресѣченіе первобытныхъ типовъ.

Они исчезаютъ иногда вслѣдствіе насильственнаго ленія. Отдѣльныя части племени могутъ быть ист мечомъ непріятелей, но не цѣлый народъ, тѣмъ мен лая порода. Конечно, гуанчи исчезли съ лица земли ствіе этой причины, но они жили только на мале островахъ. Караибовъ также нѣтъ болѣе на америка островахъ, однако порода ихъ существуетъ на матер Другихъ достовѣрныхъ примѣровъ такого рода я н ибо не вѣрю распространенному между моими соотеч никами мнѣнію о конечномъ истребленіи древнихъ цевъ на почвѣ занятой саксами.—Вопросъ этотъ, ка дите потомъ, меня очень занимаетъ, и я намѣренъ тить ему краткое изслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы этотъ могъ служить примѣромъ. Замѣтьте, впрочемъ, чт отрицаю возможности такого факта, а говорю только невѣроятности. Вспомните, что британцы были не в и что они стояли на извѣстной степени образованно покажу, что послѣднее условіе значительно измѣняе ществующія между двумя народами отношенія. Каку быль могли извлечь саксы отъ совершеннаго изгнан истребленія британцевъ? Они завоевали нашъ о съ цѣлью доставить себѣ бо́льшія удобства жизни

ставляли въ то время важную часть богатствъ. Неужели ксы добровольно лишили себя такой выгоды, или пожденное ими племя отличалось такою любовью къ независимости и столь глубокимъ презрѣніемъ къ жизни, что едпочло смерть неизбѣжному порабощенію? Какъ ни льны были природное мужество и страсть къ свободѣ итанцевъ, они, однако, не обнаружили этихъ свойствъ въ оху, о которой здѣсь говорится. Доказательствомъ можетъ ужить то, что они просили римлянъ возвратиться для ъ защиты, и союзъ ихъ съ саксами, которыхъ они сами извали, не находя другого средства къ оборонѣ противъ іктовъ и скоттовъ. Подобной твердости нельзя допустить і у британцевъ, ни у другихъ народовъ. Небольшое чио людей могло обречь себя на вѣрную гибель; отъ цѣго народа этого нельзя ожидать. Даже римляне клали ужіе и сдавались.

Но съ другой стороны надобно предположить почти оль-же невѣроятную твердость и въ народѣ-истребителѣ. адобно допустить постоянство жестокости и звѣрства, котого нѣтъ въ человѣческой природѣ. Подобное предполоеніе было сдѣлано и подвергалось разсмотрѣнію въ эпоху воеванія Китая Чингисъ-ханомъ. Это происшествіе, можетъ ть, единственное въ исторіи, до того странно, что заслуиваетъ подробнаго изложенія. Я передамъ его словами бель-Ремюза: „въ то время, когда Чингисъ возвратился ъ своего похода на западъ Еліу, Ту-цай нашелъ случай азать племенамъ Китая услугу еще болѣе важную. Житцы были пусты; не было ни одной мѣры хлѣба; ни одного уска ткани. Тогда было представлено совѣту, что, такъ къ китайцы не приносятъ никакой пользы государству, слѣдовало-бы истребить все населеніе покоренныхъ облаей и обратить эти земли въ хорошія пастбища, которыя огутъ служить большимъ пособіемъ для завоевателей. инъ Ту-цай былъ въ состояніи отвратить это страшное редложеніе. Онъ объяснилъ хану, что войска его, подвиись къ южнымъ предѣламъ Китая, будутъ имѣть надобсть во многихъ предметахъ, которые легко получать при праведливомъ распредѣленіи поземельныхъ повинностей, орговыхъ пошлинъ и налоговъ на соль, вино, желѣзо, ксусъ, произведенія горъ и озеръ. Такимъ образомъ,—приилъ Ту-цай:—можно получить въ годъ 500 тысячъ унцій ребра, 80 тысячъ штукъ разныхъ тканей, болѣе 40 тысячъ инталовъ хлѣба, однимъ словомъ—все нужное для содержанія войскъ. Нельзя, слѣдовательно, сказать о т[illegible]

селеніи, что оно безполезно для государства". По
послѣ этого, что доводы Ту-цая убѣдили его слуша
хотя монголы были страшно жестоки.

Народъ,—я разумѣю здѣсь многочисленное насел
можетъ лишиться весьма обширныхъ владѣній. Случаи
теперь, конечно, рѣдки и встрѣчаются только у дикихъ
риканскіе туземцы, напримѣръ, уступили европе
огромное пространство земли. Въ самомъ дѣлѣ, имъ
было жить вмѣстѣ по причинѣ рѣзкой противополож
Дикарь не имѣетъ собственности, ничего не знаетъ,
чему не годенъ. Но въ исторіи Стараго материка рѣчь
не о дикаряхъ, а о варварахъ, т. е. племенахъ, у кот
есть уже зародыши образованности.

У варваровъ существуетъ нѣкоторая промышле
Отсюда происходитъ невозможность добровольныхъ, и
сильственныхъ переселеній цѣлаго народа. Вожди, п
гающіе походъ съ цѣлью завоеваній, не въ состояніи
за собою всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Человѣкъ,
раго есть собственность, разсчитываетъ: разсчеты не у
одинаковы;—одни идутъ, другіе остаются. Въ случаѣ з
нія, побѣдителю не-для чего изгонять прежнее насел
покоренной почвы. Ему, конечно, необходимъ простор
ливо, если онъ ведетъ кочевую жизнь; но онъ д
ствуется удаленіемъ только части побѣжденныхъ, и
нужны подати, рабы и помощники. Оставшіеся въ я
жители дѣлятся потомъ на двѣ половины: одни,
даемые стремленіемъ къ независимости, доброволь
кидаютъ родимый край, другіе заключаютъ какую-
сдѣлку съ побѣдителями. Вотъ заключенія, которыя
вывести, если не изъ исторіи, то изъ знанія человѣ
природы. Скажу болѣе—исторія подтверждаетъ эти
ченія. Можно думать, что вслѣдствіе частныхъ и огро
переворотовъ, испытанныхъ кочевыми народами Аз
одинъ изъ нихъ не остался въ предѣлахъ первобытн
дины. Однако Абель-Ремюза, занимаясь татарскими
нами, находилъ ихъ всѣхъ на прежнихъ мѣстахъ,
исторія и филологія снабжали его достаточными дан

Говоря о гипотезѣ д-ра Причарда, я коснулся
образованности и показалъ, что факты, приводимые имъ
щиту своего мнѣнія, объясняются болѣе естественным
зомъ черезъ смѣшеніе разныхъ породъ на одной
Прибавлю, что мы рѣшительно не въ состояніи опредѣ
точностью, какое вліяніе имѣетъ образованность на ф
пропорціи тѣла въ отдѣльныхъ породахъ.

Нельзя, слѣдовательно, ни утверждать ни отрицать пе-
змѣнъ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого вліянія.
прочемъ, вопросъ о переходѣ отъ дикаго состоянія къ
росвѣщенію насъ не касается, ибо онъ относится къ эпохамъ
оль отдаленнымъ и темнымъ, что онѣ выходятъ изъ пре-
ѣловъ исторіи. Миѳологія и баснословныя преданія рисуютъ
зданную воображеніемъ картину прошлаго. Но исторія не
казываетъ намъ въ дикомъ состояніи ни одного народа,
оторый потомъ самъ изобрѣлъ или заимствовалъ отъ другихъ
уки и искусства. Подобное изложеніе сдѣлается возможнымъ
времеменемъ, когда у дикихъ племенъ Новаго міра (4) со-
ршится этотъ переходъ, самый трудный изъ всѣхъ, ка-
е предстоятъ человѣческимъ обществамъ. Разсказы о немъ
лышатъ только далекіе потомки наши.

Дѣйствія образованности, уже зрѣлой, на формы и про-
орціональность тѣла народа, котораго физическія примѣты
змѣнились, вслѣдствіе его отрѣшенія отъ дикаго быта, мо-
ть быть замѣчены только въ частныхъ случаяхъ, потому
го образованность не одинаково распредѣляется по сосло-
іямъ, и низшія мало въ ней принимаютъ участія. Вы, безъ
омнѣнія, будете согласны со мной; но я пойду еще далѣе,
пираясь на непосредственные опыты. Вездѣ, гдѣ удавалось
предѣлить одинъ или нѣсколько типовъ, я находилъ эти
пы во всѣхъ рядахъ общества, въ городахъ и селеніяхъ,
ъ крестьянина и осѣдлаго работника, погруженныхъ въ
лубочайшее невѣжество и бѣдность, до лицъ, принадлежа-
дихъ къ древнимъ и пользующимся славою всякаго рода
амиліямъ. Эти сословія представляютъ, навѣрно, всѣ сте-
ени просвѣщенія; однако одинъ и тотъ-же типъ существу-
ъ во всѣхъ. Онъ, слѣдовательно, можетъ сохраняться при
сѣхъ видоизмѣненіяхъ общественнаго быта. Другихъ дока-
тельствъ намъ не нужно, и мы не поведемъ далѣе нашихъ
слѣдованій. Мнѣ кажется, что я разсмотрѣлъ эту сторону
анимающаго насъ предмета съ самыхъ важныхъ точекъ
рѣнія и не упустилъ изъ виду ничего необходимаго для
знанія истины. Вопросъ былъ сложенъ и теменъ: я ста-
лся его упросить и пояснить; надѣюсь, что вы вмѣстѣ со
ною пришли къ убѣжденію, что главные физическіе при-
наки народа могутъ въ большинствѣ населенія оставаться
измѣнными чрезъ длинный рядъ вѣковъ, не смотря на
іяніе климата, смѣшеніе породъ, иноплеменныя нашествія
успѣхи образованности. Не забудьте, что мы ограничили
аши розысканія историческими временами, которыя насту-
ютъ для каждаго народа вмѣстѣ съ началомъ [illegible]свѣ-

щенія. Мы, слѣдовательно, должны встрѣтить у нынѣ
народовъ, при измѣнившихся оттѣнкахъ и въ боль
меньшей мѣрѣ, тѣ же черты, которыми они отличал
эпоху ихъ вступленія въ исторію. Пришествіе новых
менъ размножаетъ, какъ показано выше, а не смѣш
типы, которыхъ число увеличивается по числу народ
вслѣдствіе ихъ смѣшеній между собою. Но старые п
жаютъ существовать, хотя и въ меньшемъ объемѣ, п
чинѣ распространенія среднихъ породъ. Такимъ обра
народовъ болѣе или менѣе образованныхъ, первобы
возникавшіе впослѣдствіи типы, если они принад
значительнымъ частямъ населенія, могутъ сущес
одновременно и не исключать другъ друга. Напротив
они принадлежатъ малому числу, то они или исч
или оставятъ мало слѣдовъ. Позволительно ихъ отыс
потому что есть причины, способныя сохранить ихъ;
должно удивляться отрицательному результату по
Успѣхъ былъ-бы гораздо удивительнѣе.

Начала, которыя насъ привели къ общему выво
могутъ намъ также при его приложеніи. Прошу н
терять изъ виду то, что́ мы сказали выше о числите
отношеніи и географическомъ распредѣленіи плем
одной почвѣ. Черезъ наблюденіе мы узнаемъ нас
исторія сообщаетъ данныя о прошломъ; сравненіем
дѣляется отношеніе между тѣмъ и другимъ, когда
довъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія, были
условія, необходимыя для удержанія прежнихъ типо
видѣли, что эти условія преимущественно встрѣчал
большихъ массахъ; отсюда слѣдуетъ, что великіе
древности легче другихъ могутъ быть узнаны въ сво
томкахъ.—Не будемъ-же жалѣть о томъ, что отъ насъ
заютъ мелкія примѣси, вошедшія въ составъ этихъ
возбуждающія любопытство наше. Надобно умѣть у
собственную любознательность. Зато опредѣленія на
дутъ точнѣе, потому что разнообразіе типовъ толь
ваетъ съ толку и затрудняетъ изслѣдователя. Такое д
производитъ, между прочимъ, на умъ смутное воспом
разливѣ варваровъ, разрушившихъ Римскую имп
долго потомъ не вошедшемъ въ обычные берега. Д
списокъ народовъ пугаетъ воображеніе Можно по
что обширныхъ владѣній имперіи было недостаточ
помѣщенія однихъ варваровъ. Читатель раздѣляетъ
наведенный ими на римлянъ: они кажутся ему без
ными. Однако, нѣкоторые историки записали числа,

и намъ данныя, на основаніи которыхъ можно соста
ебѣ болѣе вѣрное понятіе. Есть, что ускользаетъ отъ
внимания, и чего не должно терять изъ виду.
емъ главные примѣры: они послужатъ къ очищенію
ума отъ множества помрачавшихъ его предубѣжде-
греческихъ, и латинскихъ писателей нельзя, конечно,
уть въ намѣреніи уменьшать число враговъ. Напро-
они увеличивали его, дабы скрыть позоръ своего по-
. Вестготы, вандалы, гунны, герулы, остготы, лонго-
норманны,—одни вслѣдъ за другими нападаютъ на
Что осталось въ Италіи отъ этого множества варва-
Вестготовъ, вандаловъ и гунновъ не-зачѣмъ даже
, потому что они только прошли по полуострову. Н
о, какія были силы геруловъ и остготовъ, когда они
въ Италію, но для меня довольно того, что герулы,
по водвореніи своемъ въ Италіи, должны были вести
ь кровавую борьбу съ остготами и потерпѣли пора
Объ ослабленіи побѣдителей можно составить свое
по той малочисленной рати, которую они противо
ли Велизарію, хотя у нихъ было время и средства
ться. Ихъ было сначала 50.000 человѣкъ, изъ кото
цѣлѣлъ семитысячный отрядъ, положившій оружіе и
ленный въ Константинополь (5).—Въ Италіи сохрани
езъ сомнѣнія, остатки этихъ народовъ, хотя о нихъ
минается болѣе: но какое значеніе могли они имѣть
всѣ италіанскаго населенія, какъ-бы ни было оно
но предшествовавшими несчастіями? Долѣе другихъ
лись лонгобарды, которые владѣли значительною
края, получившею отъ нихъ свое названіе. Но сколько
ло въ началѣ? Можетъ быть, 100.000 человѣкъ. Нор-
, которые завоевали почти всю южную Италію, было
весьма немного: но въ этой горсти людей находились
ы и Амадисы исторіи (6). Галлія получила новое имя
ихъ властителей вслѣдствіе пришествія франковъ:
однако, извѣстно, какъ малочисленна была дружина
ига. Впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель покорилъ
г. человѣкъ всю Англію. Эти великія, достопамятныя
нія преобразили совершенно существовавшій до нихъ
къ вещей, но не могли произвести большихъ пере-
въ типахъ покоренныхъ народовъ. Если потомки за
лей частью сохранили физическія примѣты своихъ
въ, то они составляютъ отдѣльныя небольшія группы
ются въ массѣ населенія. Тѣ-же явленія повторяются
исторіи другихъ заво[illegible] особенно такихъ, [illegible]

совершились посредствомъ одного нашествія. Вообш цѣлый народъ, а только часть его, иногда очень м идетъ войною на другой и покоряетъ его.

Таковъ былъ обыкновенный ходъ вещей въ историч намъ хорошо знакомыя, времена. Здѣсь нѣтъ надоб входить въ разборъ цѣлей завоеванія. Но сколько завое совершено съ цѣлями чисто-политическими, для утверж собственнаго превосходства и преобладанія надъ дру государствами, а не для того, чтобы согнать народъ с родной почвы и поселиться на ней. Вамъ извѣстн римляне при основаніи своего владычества постоянно ствовали такимъ образомъ. Я не безъ намѣренія пр въ примѣръ римлянъ и варваровъ, разрушившихъ им Вы, вѣроятно, напередъ угадали приложеніе.

Бываютъ, однако, завоеванія другого рода, произво великія перемѣны чрезъ послѣдовательныя нашествія о и того-же народа. Ихъ волны идутъ одна за другою, смотря на значительные промежутки и бѣдность с источника, постепенно накопляются и образуютъ бол существующія массы. Такъ, саксы овладѣли Британіей порода ихъ продолжается до сихъ поръ.—Другая пр смѣшенія народовъ, не столь поражающая воображені столь-же дѣйствительная, заключается въ древнемъ и с вѣковомъ рабствѣ. Если источникомъ рабства была которую вели между собою родственныя, но не слит одинъ народъ племена, то коренные типы не подверг измѣненію. То-же самое можно сказать о тѣхъ слу когда война шла между сосѣдними народами одной по Если-же рабы доставлялись изъ чуждыхъ странъ п ствомъ военныхъ набѣговъ или торговли, то они, вслѣ своего разнообразнаго и пестраго происхожденія, соста смѣсь, принадлежавшую къ неопредѣлимой части насе Предположивъ даже,—ибо надобно имѣть въ виду в возможность,—что нѣкоторыя изъ этихъ породъ рабов перевѣсу своему надъ другими, могли уцѣлѣть до н времени, мы найдемъ, что ихъ типы, составлявшіе пр лежность классовъ наименѣе многочисленныхъ, не пр вляютъ препятствій къ опредѣленію признаковъ, хара зующихъ цѣлый народъ. Разумѣется, что здѣсь дѣло преимущественно о древнемъ невольникѣ, оторванном своей родины и перенесенномъ на почву и къ племен торыя ему равно чужды.

Мы обращались съ нашими вопросами къ исторіи ственной и къ исторіи гражданской. Изъ согласія о

но, что прямые потомки всѣхъ великихъ народовъ, извѣ-
ıхъ въ древности, должны существовать и теперь.—За-
ьте, что этотъ выводъ не перестаетъ быть истиннымъ
е въ тѣхъ случаяхъ, когда у насъ нѣтъ средствъ его
ɔрить на дѣлѣ, потому что происхожденіе отдѣльныхъ
ь и ихъ сходство съ предками суть два различныхъ
а, которые могутъ быть соединены въ природѣ, но не
сны быть смѣшиваемы между собою въ умѣ нашемъ.
ɔ сихъ поръ высказывалъ въ видѣ предположенія мою
ıь, что у древнихъ народовъ были характеристическіе
ı, потому что, прежде всего, намъ надобно было убѣ-
ся въ переходѣ этихъ типовъ къ позднѣйшимъ поко-
ямъ, не смотря на дѣйствіе измѣняющихъ, нами уже
мотрѣнныхъ, причинъ. Убѣдившись въ этомъ, мы перей-
, къ другому вопросу.—Вотъ еще новая выгода, проис-
щая отъ принятаго нами взгляда на предметъ.—Изъ
шествующаго разсужденія ясно, что если такіе типы
ествовали прежде, то они существуютъ и въ наше время.
, намъ предстоящій очевиденъ: мы должны сначала
дѣлить посредствомъ наблюденій, есть-ли вообще и
ько различныхъ типовъ у народа, подлежащаго изу-
ю. Открывъ такіе типы, слѣдуетъ восходить къ ихъ на-
. Я могу, наконецъ, отдать вамъ отчетъ въ моихъ на-
ценіяхъ, познакомивъ васъ напередъ съ тѣми основаніями,
оторыя они опираются. Вы должны знать существенные
пніе признаки, изъ которыхъ слагается типъ.
ризнаки, заимствованные изъ формъ и размѣровъ го-
и чертъ лица, занимаютъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто.
готчасъ поймете сами въ чемъ дѣло, безъ предваритель-
изложенія началъ классификаціи въ естественныхъ
ахъ. По какимъ примѣтамъ мы узнаемъ человѣка? Не
росту, не по дородству его, не по цвѣту кожи или во-
, а по лицу, т. е. по формѣ головы и по отношеніямъ
порціямъ), существующимъ между чертами лица. Доста-
о взглянуть на одну эту часть тѣла, чтобы узнать че-
ка, котораго нельзя отличить отъ толпы, если будемъ
его смотрѣть съ другой стороны. Такъ ваятель изобра-
ъ человѣка въ бюстѣ. Сходство тотчасъ становится оче-
ымъ. Возьмите, потомъ, составленное въ ясныхъ и точ-
ь выраженіяхъ описаніе того-же человѣка; описаніе
ъ относиться къ нему, но не дастъ намъ вполнѣ опре-
ющаго и отличающаго его отъ другихъ понятія. Слово
ъ состояніи передать оттѣнковъ, составляющихъ особен-
ь недѣлимаго, и описаніе относится ко всѣмъ создан-

нымъ по одному образцу, т. е. наиболѣе сходнымъ собою индивидуумамъ. Другого, лучшаго способа для т опредѣленія тождества породъ, по моему мнѣнію, найти, потому что онъ ближе всякаго другого предста отличительные признаки недѣлимаго, отвлекая отъ н ныхъ мною выше, какъ мнѣ кажется, преходящихъ ковъ (¹). Ихъ перемѣна не измѣняетъ человѣка. Я при къ соображенію видоизмѣненія волосъ, цвѣта кожи, когда они составляютъ общую принадлежность, тог получаютъ даже большое значеніе; но взятыя отдѣлы суть нѣчто второстепенное и никакъ не могутъ сл признаками породъ, кромѣ крайнихъ случаевъ.—За что чѣмъ строже я настаиваю на тождествѣ типовъ болѣе должны вамъ внушать довѣрія мои приложе исторіи.—Весьма можетъ быть, что природа, произво роды, дѣйствовала съ бо́льшею свободою. Я даже не ваюсь въ этомъ, потому что, придерживаясь преимущес одного образца, она, вслѣдствіе причинѣ намъ неизвѣс уклоняется отъ него въ разныя стороны и доход этихъ уклоненіяхъ до такъ-называемыхъ уродовъ. О чивая такимъ образомъ типъ, устраняя сходства, не няющія въ себѣ всѣхъ существенныхъ признаковъ, мы шаемъ число приложеній, но сообщаемъ имъ за то точности.

Чѣмъ обширнѣе группа съ опредѣленными уже п ками, тѣмъ достовѣрнѣе будутъ извлеченные нами в потому что такую группу нельзя принять за случайн лоненіе, не принадлежащее къ характеристикѣ на —Вотъ почему я старался въ разсказѣ о моихъ на ніяхъ дать вамъ понятіе о пестротѣ и разнообразіи с и тѣхъ-же впечатлѣній. Послѣ сказаннаго доселѣ, вы с довѣріемъ слѣдовать за мною, ибо въ подобныхъ метахъ участіе происходитъ отъ основанной на чемъ-н надежды дойти до истины. Вы, можно сказать, будете спутникомъ въ моихъ странствованіяхъ по Франціи, и части Швейцаріи. Вы будете присутствовать при наблюденіяхъ, но мы приступимъ къ ихъ приложенію тогда, когда соберемъ ихъ въ достаточномъ числѣ и в лежащемъ объемѣ.—Тотчасъ по прибытіи на границу гундіи, я началъ замѣчать совокупность формъ и чер торыя составляли особенный типъ. Чѣмъ далѣе я тѣмъ рѣзче и чаще выдавался этотъ типъ. Онъ очен попадался мнѣ вдоль дороги отъ Оксера къ Шалону. ѣхалъ въ послѣдній городъ въ торговый день и посп

ынокъ, дабы разсмотрѣть лица окрестныхъ поселянъ. гія изъ этихъ лицъ, къ удивленію моему, вовсе не по-ли на тѣ, которыя я видѣлъ прежде. Типы тѣхъ и дру-ь были до такой степени различны, что представляли ршенную противоположность между собою. Описывать здѣсь не мѣсто. Я это сдѣлаю впослѣдствіи, когда рѣчь ѣтъ объ ихъ историческомъ названіи. Въ то время я не волилъ себѣ никакихъ заключеній, потому что видѣлъ ько небольшую часть провинціи и не могъ различать менъ, которыми она была населена. Я довольствовался ъ, что замѣтилъ эти факты и сохранилъ ихъ въ памяти, ожиданіи возможности употребить ихъ въ дѣло. Преоб-ающій и весьма характеристическій типъ, который я за-тилъ до Шалона, попадался мнѣ часто на глаза во все долженіе моей поѣздки по Бургундіи. Сущность его не тѣнилась въ Ліонской области, но оттѣнки были уже не Тоже можно сказать о Дофинэ. Тотъ-же самый харак-ъ формъ и пропорцій, но съ перемѣною цвѣта кожи, про-жается въ Савойи до Монъ-Сени. Признаюсь, такое сход-о чертъ у значительнаго числа людей, живущихъ на про-анствѣ между Оксеромъ и Альпами, меня не мало уди-ло, хотя оно согласовалось съ моими мнѣніями. Разумѣется, не весь народъ былъ вылитъ въ одну форму, но я на-лъ только одинъ рѣзко обозначенный типъ, за исклю-ніемъ небольшой группы, видѣнной мною въ Шалонѣ.

Если-бы, слѣдуя другому плану, я положилъ въ осно-ніе моихъ наблюденій цвѣтъ кожи, а не формы и отно-нія частей, то нашелъ бы на обширномъ пространствѣ жду Оксеромъ и Монъ-Сени различныя племена бургун-въ, ліонцевъ, дельфинатцевъ и савояровъ, а не одно-еменный народъ съ разными оттѣнками цвѣта.

На этой землѣ жило въ глубокой древности оно изъ пле-нъ галльскихъ. Намъ все равно, какое именно. Впослѣд-віи римляне покорили этотъ народъ, смѣшались съ нимъ. сли-бы вамъ нужно было опредѣлить, какому изъ обоихъ еменъ принадлежитъ описанный мною типъ, вы не усо-лились-бы признать его галльскимъ, потому что меньшее исло не въ состояніи передать своихъ внѣшнихъ призна-въ большему. Но римское владычество уступаетъ мѣсто ругому—бургундскому. Вы должны будете, однако, остаться ри прежнемъ выводѣ, не смотря на послѣдующее завоева-ie края франками. Отношенія остаются тѣ-же.

Таково будетъ по необходимости ваше мнѣніе. Не скажу, то оно было и моимъ, потому что у меня въ то время не

образовалось еще никакого. Я былъ слишкомъ занятъ
нею стороною моихъ наблюденій и не заботился о
заключеній. Предо мною лежала Италія, и обѣщал
множество достойныхъ вниманія предметовъ. Я не
ни пройти равнодушно мимо произведеній древняго и
искусства, ни посвятить имъ исключительнаго изученія
шая часть путешественниковъ заботятся только о том
бы посмотрѣть на эти памятники, и довольствуются
минаніями, соединенными съ искаженными остатки
шихъ вѣковъ. Но на этихъ самыхъ обломкахъ, на
прахѣ древности, составляющихъ предметъ восторга
клоненія для путешественниковъ, можетъ быть, сущес
еще потомки людей, создавшихъ эти памятники, и
наютъ собою предковъ. Вотъ что́ мнѣ хотѣлось по
въ надеждѣ, что, въ случаѣ успѣха, изслѣдованія м
лучатъ для меня такую-же прелесть, какую имѣю
археолога самые счастливые поиски.

Проѣзжая чрезъ Флоренцію, я воспользовался слу
какой доставляла герцогская галлерея, для изучені
скаго типа. Я обратилъ преимущественно вниманіе н
первыхъ императоровъ, потому что они происходи
древнихъ фамилій и не принадлежали, какъ мно
ихъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Въ нихъ
чательно не только сходство формъ и пропорцій,
существуетъ между многими, но характеръ до такой
рѣзко опредѣленный, что его нельзя забыть и не
Вы можете составить себѣ достаточное о немъ понятіе
нувъ на бюсты Августа, Секста Помпея, Тиверія, Гер
Клавдія, Нерона, Тита, которые находятся въ Пари
музеѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ точное описаніе
типа: вертикальный поперечникъ коротокъ, вслѣдств
лицо широко; такъ какъ верхушка черепа довольн
ская, а нижній край челюсти почти горизонтальн
очеркъ головы подходитъ спереди къ формѣ четвер
ника. Это очертаніе до такой степени существенно
лежитъ типу, что та-же, но вытянутая въ длину
сохраняя всѣ прочія черты и представляя совершен
добіе римлянина, перестаетъ быть характеристическ
ковыя части головы выше ушей выпуклы, лобъ
носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается св
оканчивается не доходя до конца; основа носа гориз
пая. Передняя часть подбородка округлена.

Вы узнаете эти примѣты на бюстахъ и статуяхъ
мною названныхъ, и другихъ, о которыхъ я не упом

вы не вездѣ найдете эти признаки, потому что типъ не жетъ быть всеобщимъ въ народѣ.

Эти замѣчанія глубоко врѣзались мнѣ въ память, хотя е много о нихъ думалъ. Вниманіе мое было развлечено ожествомъ предметовъ, на пути изъ Флоренціи въ Римъ, резъ Перуджію. Я полагалъ притомъ найти представите- ї древняго римскаго народа не на дорогѣ, а у цѣли моего гешествія. Но сверхъ ожиданія я узналъ ихъ, по поразиьному сходству, уже на Монте-Джераландро, у самаго ода въ папскія владѣнія. Тѣ-же самыя примѣты были ою замѣчены на значительномъ числѣ лицъ по всей догѣ, въ Перуджіи, Сполето и т. д. до Рима. Мы ѣхали лымъ обществомъ, и всѣ мы должны были признать неоримое сходство. Не считаю нужнымъ прибавлять, что омянутыя примѣты существуютъ и въ Римѣ, не смотря пеструю смѣсь населенія. Объ этомъ уже говорили дру-. Но такихъ признаковъ типа не должно искать исклюительно въ какомъ нибудь одномъ предмѣстіи или уголкѣ ма: они встрѣчаются вездѣ, у лицъ обоего пола и всѣхъ словій. Сходство относится не къ одному только бюсту, къ цѣлому стану. Вы знаете, что римляне были средняго ста. Я не могу опредѣлительно сказать, какъ далеко этотъ пъ идетъ на югъ. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или, по айней мѣрѣ, не довольно рѣзко выступаетъ для того, что- і его можно поставить въ числѣ характеристическихъ осоинностей столицы. Тамъ преобладаетъ другая форма, о торой здѣсь не мѣсто говорить. Судя по нѣкоторымъ туицамъ, я имѣю причины предполагать, что типъ, названый нами римскимъ, продолжается въ верхней части Неаолитанскаго королевства. Во всякомъ случаѣ онъ распрораненъ къ сѣверу отъ Рима не только въ направленіи къ еруджіи, какъ я сказалъ, но и въ другую сторону, къ іеннѣ, Витербо и далѣе.

Эти наблюденія, при всей ихъ ограниченности, доставютъ намъ полезныя и приложимыя къ исторіи свѣдѣнія. Я вовсе не думаю утверждать, что цѣлый народъ вылитъ въ ну форму. Достаточно и того, что есть такая общая большинству форма. Выше сказано, что черты, характеризующія нѣшнихъ жителей этихъ странъ, принадлежали и древему ихъ населенію. Доказательствомъ можетъ служить то обоятельство, что типъ императоровъ повторяется въ многочисенныхъ изображеніяхъ простыхъ воиновъ и частныхъ люей, которыхъ представляютъ найденные здѣсь барельефы бюсты, Что-же теперь думать о римскомъ народѣ? Можно

ли допустить, что онъ произошелъ отъ Энея и образуя чуждое Италіи и заключенное въ предѣлахъ города племя? Городское населеніе обыкновенно вы изъ сельскаго, особенно въ обширныхъ странахъ, и былъ населенъ такимъ-же образомъ. Многіе изъ сос народовъ, между прочимъ сабины и бо́льшая част сковъ принадлежали тогда, какъ и теперь, къ одной съ римлянами. Но политическое раздѣленіе италіа племенъ, различіе ихъ именъ и интересовъ были до степени значительны, что историки почти всегда пр вали имъ различное происхожденіе. Микали и Нибу нѣе поняли эти отношенія, и факты, мною излагаем жны служить къ подкрѣпленію ихъ мнѣній,

Иностранцы могутъ поселиться среди какого-нибу рода, властвовать надъ нимъ, образовать его, измѣні имя и языкъ, не касаясь его общихъ физическихъ о Небольшое число людей въ состояніи одержать верх толпою и дѣйствовать на ея мнѣнія; но мы уже видѣ организмъ не такъ уступчивъ. Я не знаю у какого, наго или пришлаго, народа заимствовали этруски свой, учрежденія и искусства. Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ (3). Очевидно только то, что часть населе хожа на другія, названныя мною, племена. Исторія го намъ, что населеніе Этруріи было смѣшанное, а набл формъ подтверждаетъ ея свидѣтельство. Я не вході разборъ всѣхъ составныхъ элементовъ этой смѣси, крылъ одинъ, котораго происхожденіе было для меня время загадкою.

Одинъ изъ отличнѣйшихъ римскихъ живописцевъ кола, написалъ портреты четырехъ великихъ поэтовъ Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса. Этюды его были лены по всѣмъ памятникамъ того времени. Онъ был добръ, что показалъ мнѣ собраніе своихъ рисунковъ. нивая ихъ между собою, я пришелъ къ заключені портреты Данта должны быть очень похожи, потому ч почти не разнились одинъ отъ другого. Къ тому-ж порціи его лица были такъ опредѣленны, и черты такъ судя по описанію, составленному однимъ изъ друзе рентинскаго поэта, что живописцу трудно было-бы не п на сходство. У него была продолговатая и нѣсколько голова, лобъ высокій и развитый, носъ загнутый ко къ низу съ вздернутыми ноздрями (ailes du nez rel подбородокъ выдающійся.

Этотъ крѣпко обозначенный образъ произвелъ на

ıубокое впечатлѣніе. Я не искалъ, впрочемъ, въ Тосканѣ ›вторенія такого типа, но, по странному случаю, пріѣхавъ ь границу по сіенской дорогѣ, я встрѣтилъ, или, можетъ ıть, впервые замѣтилъ въ Радикофани нѣсколько сходныхъ › нимъ лицъ. Одно изъ нихъ представляло живое подобіе анта. Еще прежде, въ первый мой проѣздъ черезъ Флоıнцію, я нашелъ въ галлереѣ великаго герцога нѣсколько ıкихъ фигуръ, между статуями и бюстами медичейской амиліи. Онѣ попадались мнѣ также въ тамошнемъ обществѣ. Но я въ то время не обратилъ должнаго вниманія ı это явленіе и не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совоупности чертъ. Послѣднее пребываніе мое въ Тосканѣ было родолжительнѣе, и я имѣлъ возможность убѣдиться въ ›мъ, что замѣченный мною прежде типъ есть настоящій ›сканскій. Мы видѣли, что онъ существовалъ въ эпоху анта; я прибавлю, что къ нему должно причислить мноıхъ великихъ мужей флорентинской республики. Даже на амятникахъ этрусскаго искусства онъ обратилъ на себя мое ниманіе. Я продолжалъ наблюдать его въ Болоньѣ, Феррѣ, Падуѣ и въ селеніяхъ, лежащихъ между этими гороами. Въ Венеціи онъ не только часто встрѣчается, но существовалъ постоянно въ удивительномъ количествѣ. Онъ ыдается такъ рѣзко, что его нельзя не узнать. Доказательтвомъ можетъ служить голова Данта. Сходство такъ велико, то поражаетъ даже людей, которые не знаютъ, что такое ипъ или порода, и замѣчаютъ только отдѣльныя явленія. І стоялъ однажды въ Венеціи, въ галлереѣ венеціанской ıколы, передъ картиною, ка которой изображенъ былъ одинъ ıзъ святыхъ, родившихся въ томъ краѣ. Видя, что я смотрю ъ большимъ вниманіемъ, мой чичероне замѣтилъ мнѣ, что та голова очень похожа на голову Данта. О количествѣ, ъ какомъ этотъ типъ былъ распространенъ здѣсь прежде, ı могъ судить по портретамъ дожей, собранныхъ въ бывшемъ дворцѣ ихъ. Я былъ пораженъ лежащимъ на всѣхъ тихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы.

По мѣрѣ приближенія моего къ Милану, типъ этотъ попадался мнѣ все чаще. Иногда характеристическія черты го являлись въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ, что подходили къ каррикатурѣ. Разъ мнѣ случилось остановиться часа на два въ одномъ селеніи: я отправился на площадь, гдѣ было собрано много крестьянъ. Я не могъ наглядѣться на нихъ, по причинѣ ихъ совершеннаго сходства ъ однимъ изъ типовъ, видѣнныхъ мною во Франціи. Мнѣ казалось, что я перенесся на шалонскій рынокъ, гдѣ, какъ

я уже сказалъ вамъ, меня поразилъ у крестьянъ характеръ головы совершенно отличный отъ того, какой я до тѣхъ поръ видѣлъ въ Бургундіи. Тамъ меня изумило различіе, а здѣсь— сходство. Ошибиться было невозможно. Вспомните, въ какой чистотѣ и какъ часто я находилъ этотъ типъ въ Италіи. Я долженъ былъ признать существованіе рѣзко отмѣченной и многочисленной породы, распространенной по всему сѣверу италіанскаго полуострова. Но развѣ я не въ Цизальпинской Галліи и не видалъ такого-же народа въ настоящей Галліи, по ту сторону Альповъ? Почему-же не признать его, согласно съ исторіею, за галловъ? Для полнаго убѣжденія въ предполагаемомъ тождествѣ обоихъ населеній надлежало, однако, совершить много новыхъ наблюденій. Я долженъ былъ слѣдить за этимъ типомъ съ одного мѣста на другое, на какъ можно большемъ пространствѣ. Обратный путь мой шелъ черезъ ту часть Швейцаріи; которая нѣкогда принадлежала галламъ. Я могъ, слѣдовательно, найти тамъ одну изъ двухъ породъ, а можетъ быть и обѣ.

Ронская долина начинается у сѣвернаго склона Симплона. Первые жители, встрѣчаемые путешественникомъ, даже на вершинѣ горы,—германцы. Они отличаются отъ сосѣдей наружностью и языкомъ, ибо говорятъ по нѣмецки. Далѣе, въ Валѣ, измѣняются въ одно время языкъ и черты. Я слышу уже французское нарѣчіе и узнаю племя, съ которымъ познакомился въ Савойѣ, съ тѣми-же чертами и даже цвѣтомъ лица. Подъѣзжая къ Женевѣ, я встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ съ другимъ типомъ. Въ самой Женевѣ ихъ уже было много: они совершенно походили на людей, видѣнныхъ мною въ сѣверной Италіи и Шалонѣ. Все населеніе очевидно принадлежало къ двумъ отдѣльнымъ, рѣзко противоположнымъ между собою породамъ: у одной голова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній; у другой продолговатая голова, высокій и широкій лобъ, носъ загнутый концомъ къ низу съ приподнятыми ноздрями (ailes du nez), подбородокъ сильно выдающійся и высокій ростъ. Необходимымъ слѣдствіемъ совокупнаго жительства этихъ породъ на одной почвѣ было образованіе многочисленныхъ среднихъ формъ. Я съ удовольствіемъ отмѣчалъ въ помѣсяхъ характеристическія черты и искаженныя пропорціи чистыхъ типовъ. Слѣдуя порядку, въ какомъ они поставлены выше, я буду впредь называть эти типы первымъ и вторымъ. Имѣя въ виду продолжать тѣ-же наблюденія на новыхъ мѣстахъ, я рѣшился ѣхать къ Макону и Шалону черезъ Бресскую область (Bresse). Мнѣ хотѣлось,

такимъ образомъ, связать цѣпью непрерывныхъ изслѣдований часть населенія, принадлежащихъ ко второму типу. Я нашелъ дѣйствительно на большой дорогѣ, въ Бресской области, такую-же смѣсь тѣхъ-же элементовъ, но отношеніе частей было другое. Первый типъ преобладалъ до такой степени, что я едва могъ находить слѣды второго. Но послѣдній явился снова близь Макона, вдоль рѣчнаго берега и по подымающейся въ гору дорогѣ къ Шалону. Къ счастью, я пріѣхалъ въ Шалонъ въ самый день рынка и получилъ возможность повѣрить мои воспоминанія чрезъ сравненіе съ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Изъ этихъ наблюденій и другихъ, сдѣланныхъ мною еще прежде въ прочихъ частяхъ Франціи, можно будетъ, если не ошибаюсь, извлечь столь-же крѣпкое, сколько нежданное подтвержденіе главныхъ идей, высказанныхъ вами въ изданной вами „Исторіи галловъ“.

Но я долженъ предварительно означить въ Галліи границы, въ которыхъ находятся данныя для предпринятыхъ мною сближеній. Такъ какъ я не былъ въ южныхъ областяхъ, примыкающихъ къ Пиринейскимъ горамъ и Средиземному морю, то не буду говорить о племенахъ басковъ и лигуровъ, которыя тамъ жили. Вы принимаете, что остальная Галлія принадлежала въ древности двумъ великимъ семьямъ народовъ, которыя различались по языку, обычаямъ и общественному быту. Числительное отношеніе ихъ между собою намъ неизвѣстно, но изъ нихъ состояла вся масса населенія. Я, съ своей стороны признаю, что настоящіе жители тѣхъ частей Франціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подходятъ подъ два до того опредѣленные и различные типа, что ихъ нельзя смѣшивать. Если-бы съ той эпохи, когда, по вашимъ словамъ, эти два племени стали единственными владѣтелями почвы, не было никакихъ инородныхъ примѣсей, то мы были-бы въ правѣ принять оба типа за принадлежность двухъ семей галльскихъ народовъ. Но съ тѣхъ поръ многіе другіе народы покоряли цѣлый край или нѣкоторыя его части. Какъ-же провести черту различія? Въ самомъ началѣ этого письма, при изложеніи общихъ понятій, мы постановили правило, имѣющее руководить насъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Оно уже не разъ было прилагаемо нами къ дѣлу. *Меньшее число никогда не передаетъ своего типа большему.* Вамъ извѣстно, какъ несоразмѣрно было отношеніе завоевателей, поселившихся въ Галліи, къ туземному населенію. Мы ограничимся пока этимъ замѣчаніемъ. Дальнѣйшіе доводы будутъ представлены послѣ.

Изъ двухъ племенъ, названныхъ вами галльскимъ и кимрскимъ, первое было, вѣроятно, самое многочисленное, потому что, по вашимъ словамъ, оно составляло древнѣйшее населеніе Галліи и занимало почти все ея пространство до появленія кимровъ. Изъ этого начальнаго историческаго раздѣленія жителей Галліи я заключаю, что первый типъ, который показался мнѣ наиболѣе многочисленнымъ, принадлежалъ галламъ, а второй—кимрамъ. Сравнивая ихъ географическое распредѣленіе, мы приходимъ къ тому-же выводу. Вы говорите, что упомянутыя племена жили отдѣльно: 1) восточную Галлію занимали галлы, въ тѣсномъ смыслѣ Цезаря, которыхъ вы называете тѣмъ-же именемъ; 2) въ сѣверной Галліи, которая заключала въ себѣ Белгику Цезаря и Арморику, обитали племена, соединенныя вами подъ одно общее названіе кимровъ. Изъ вашего изложенія событій, относящихся къ восточной части, видно, что между тамошними галлами не могло быть большихъ чуждыхъ примѣсей, потому что кимры никогда не врывались туда съ оружіемъ въ рукахъ. Замѣтьте, что я нашелъ рѣзко означенный типъ, который мы признали галльскимъ, именно въ той части Франціи, которая соотвѣтствуетъ восточной Галліи въ ея протяженіи съ сѣвера на югъ, т. е. въ Бургундіи, Ліонской области, Дофинэ и Савойѣ. Типъ этотъ такъ распространенъ тамъ, что я сначала не замѣтилъ никакого другого, за исключеніемъ одной мѣстности. Только на возвратномъ пути, занимаясь исключительно этимъ предметомъ, я встрѣтилъ второй типъ въ другихъ мѣстахъ той-же полосы.

Не смотря на черту, проведенную вами между землями, принадлежавшими обоимъ племенамъ, полагаю, что вы не думаете раздѣлять ихъ безусловно и не отрицаете возможности смѣшеній между ними. Такія смѣшенія были неизбѣжны, что видно даже изъ вашихъ изслѣдованій, приписывающихъ религіозныя вѣрованія друидизма кимрамъ, отъ которыхъ, по вашимъ словамъ, они были заимствованы обитавшими въ восточной полосѣ Галліи галлами. Намъ дѣла нѣтъ до времени, когда они пришли въ соприкосновеніе. Довольно того, что мы знаемъ, что и тѣ и другіе были многочисленны, что они жили рядомъ и слились впослѣдствіи въ одинъ народъ. Время, разумѣется, привело новыя переселенія и смѣшенія. Я буду держаться вашихъ названій для бо́льшаго согласія нашихъ розысканій. У перваго типа, которому вы дали имя галльскаго, голова округлена такъ, что приближается къ сферической формѣ; лобъ средній, немного выпуклый и опускающійся (fuyant) къ вискамъ;

глаза большіе и открытые. Носъ начиная съ переносицы (depression à naissace), почти прямой, т. е. въ немъ нѣтъ значительнаго сгиба; конецъ носа и подбородка закругленные; ростъ средній. Вы видите, что черты здѣсь совершенно согласуются съ формою головы, и что это подробное описаніе можетъ быть выражено немногими словами, такъ какъ я сдѣлалъ выше, сказавъ что *голова болѣе круглая, чѣмъ овальная, черты округленныя и ростъ средній* *)

Обратимся теперь къ сѣверной полосѣ Галліи, гдѣ были главныя жилища кимрскихъ племенъ. Мы найдемъ здѣсь поводъ къ удивительнымъ сближеніямъ съ тѣмъ что́ было сказано прежде. Я объѣхалъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ путешествій большую часть бельгійской Галліи Цезаря, отъ устьевъ Соммы до устьевъ Сены. И что-же? Я замѣтилъ здѣсь въ первый разъ соединеніе чертъ, составляющихъ второй типъ. Иногда онъ являлся мнѣ въ такихъ рѣзкихъ очеркахъ, поражалъ меня: голова продолговатая, лобъ возвышенный и широкій, носъ горбатый и загнутый книзу, ноздри вздернутыя, подбородокъ большой и выдающій впередъ, ростъ высокій. Мы остаемся на этихъ основныхъ наблюденіяхъ; они занимательны и важны для нашихъ будущихъ изслѣдованій. по обширности своихъ приложеній. Ограничимся пока одною Франціею, продолжая начатое нами сравненіе. Достовѣрно, что этотъ типъ, видѣнный мною потомъ въ Бургундіи, не могъ принадлежать германскому племени, отъ котораго эта провинція получила свое названіе, потому что онъ существуетъ на обширномъ пространствѣ въ Нормандіи и Пикардіи, куда никогда не проникали бургунды. Съ другой стороны, онъ не можетъ принадлежать скандинавскимъ норманамъ, потому что встрѣчается въ бургундіи и другихъ областяхъ восточной Галліи, гдѣ вовсе не было норманскихъ поселеній. Такимъ образомъ существованіе одного и того-же типа въ двухъ названныхъ нами провинціяхъ исключаетъ бургундовъ и нормановъ и застав-

---

*) Ни г. Дюмуленъ, ни Бори де Санъ-Венсанъ не обратили вниманія на различія, существующія между древними жителями Галліи, и довольствовались общею характеристикою этихъ племенъ. Ихъ описанія должны, слѣдовательно, относиться къ типу, наиболѣе распространенному, т. е. чистымъ галламъ Цезаря. Г. Дюмуленъ говоритъ положительно о головѣ болѣе круглой, чѣмъ овальной, что составляетъ признакъ перваго типа. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нимъ: другихъ противорѣчій быть не можетъ, ибо онъ не входитъ въ подробный разборъ чертъ. Г. Бори говоритъ, что лобъ опускается къ вискамъ. Это естественное слѣдствіе округленной формы головы. Вы видите согласіе этихъ писателей съ моимъ описаніемъ.

ляетъ насъ возвратиться другимъ путемъ къ белгам заря, которыхъ вы называете кимрами. Другая гал порода находится тамъ также съ своими характери скими чертами.

Сколько мнѣ извѣстно, никто не думалъ утвержда норманы истребили или выгнали вонъ все туземное н ніе Нейстріи. Кромѣ фактовъ, мною уже изложенныхъ жденіе которыхъ необходимо приводитъ къ заключені нынѣшніе жители края суть потомки древнихъ галлов кимровъ), есть еще одно историческое обстоятельство, к совершенно согласуется съ нашимъ выводомъ. Но какъ только они овладѣли Нейстріею и поселились в приняли языкъ новой родины и забыли свой собстве скудные остатки котораго сохранились въ юридически мятникахъ. При всей жестокости и даже кровожад какую они обнаруживали во время своихъ набѣговъ, маны въ устройствѣ гражданскаго быта могли служить цомъ для другихъ народовъ Средняго вѣка. Они раз въ качествѣ непріятелей; сдѣлавшись владѣльцами начинаютъ беречь и совершенствовать пріобрѣтенное.

Я не знаю, сохранилась-ли часть ихъ потомства съ чительными признаками своего происхожденія. Ни въ к случаѣ потомство это не могло быть многочисленно, п что народъ-завоеватель далеко уступалъ числомъ пор ному имъ населенію. Мы уже показали въ началѣ на изслѣдованій, что древніе типы могутъ быть находимы т въ большихъ массахъ, и имѣли возможность оправда мнѣніе на дѣлѣ. Надобно притомъ вспомнить, какія вы представляетъ Франція для успѣха подобныхъ розыс обширное пространство; населеніе значительное во всѣ мена, вслѣдствіе плодородной почвы и хорошаго кли менѣе чужеземныхъ примѣсей, чѣмъ у другихъ нарс у которыхъ находимъ тѣже составныя породы; нако болѣе точныя историческія свидѣтельства о различіи т ныхъ племенъ. Только однажды вся Галлія вела жес борьбу противъ чуждыхъ ей пришельцевъ, которые, чемъ добивалась политической власти, а не исключител обладанія почвою. По окончаніи борьбы, она благодея вала подъ римскимъ владычествомъ. Вмѣсто сопротив франкамъ, она помогала имъ такъ, что, не утративъ ні изъ собственнаго населенія, она получила незначите приращеніе извнѣ. Такое стеченіе обстоятельствъ, со ствующихъ къ сохраненію внѣшнихъ признаковъ на должно внушить сильное довѣріе къ тѣмъ выводам

торыхъ мы дошли, особливо, когда вспомнимъ предосто-жности, принятыя нами для избѣжанія ошибокъ при опре-еніи рѣзкихъ признаковъ породъ.

Опираясь на эти основанія, мы можемъ спокойно про-лжать наше сравненіе, не затрудняя себя розысканіями о аличныхъ племенахъ, которыя тѣснились и смѣняли другъ уга на одной и той-же почвѣ. Опредѣливъ однажды фи-ческія примѣты обѣихъ галльскихъ породъ, мы безъ уда узнаемъ ихъ въ другихъ, нѣкогда принадлежавшихъ ъ предкамъ земляхъ, если только они сохранялись тамъ достаточномъ количествѣ.

Начнемъ съ Англіи. Южную часть Великобританіи, въ ъемѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшней Англіи въ собствен-мъ смыслѣ, занимали, по вашему мнѣнію, тѣже кимры, торые владѣли сѣверною Галліею. Надобно теперь узнать, ли-ли у нихъ одинакіе признаки. Но въ Англіи господ-вуетъ мнѣніе, что потомство этого народа не существуетъ ѣе. Я не считаю нужнымъ напоминать вамъ о томъ, что ло сказано мною въ началѣ этого письма; выводы, мною редставленные, до такой степени согласны съ законами еловѣческой природы, что сами тотчасъ представятся ва-ему разуму. Къ тому-же вопросъ становится въ настоя-емъ случаѣ чисто фактическимъ и опирается на свидѣ-льство чувствъ. Я васъ могу увѣрить, что характеристи-ческій типъ народа, которому нѣкогда принадлежала сѣвер-ая Галлія, существуетъ до сихъ поръ въ Англіи, и что обще онъ распространенъ по всему пространству саксон-ихъ завоеваній. Онъ представляетъ намъ, слѣдовательно, ревнихъ британцевъ, владѣтелей края до пришествія сак-овъ. Вы называете ихъ кимрами. Если о британцахъ не оворится болѣе въ исторіи покоренныхъ саксами земель, о это потому только, что у нихъ не было ни политической зависимости, ни даже собственнаго гражданскаго быта. они умерли для исторіи, особливо той, какую тогда писали,— о не погибли; остатки ихъ уцѣлѣли въ такихъ размѣрахъ, акіе приличны великому, хотя постигнутому несчастіемъ ароду. Я сказалъ уже, что въ Англіи утвердилось мнѣніе совершенномъ истребленіи и изгнаніи тамошнихъ британ-евъ. Оно дѣйствительно основано на преувеличенныхъ звѣстіяхъ лѣтописей; однако, при болѣе внимательномъ теніи этихъ памятниковъ, мы найдемъ въ нихъ признаніе, то остатки покореннаго народа были обращены въ тяжкое абство. Общій ходъ европейской исторіи въ теченіе Сред-ихъ вѣковъ доставилъ снова низшимъ, образовавшимся

изъ завоеванныхъ нѣкогда племенъ, классамъ гражда
свободу. Возвративъ понемногу, при содѣйствіи уси
шейся промышленности, права свои, но утративъ пр
имя, британцы вступили во всѣ сословія общества. У
эти шли медленно; самое начало ихъ не было замѣч
потому гордость завоевателей и позоръ побѣжденны
изгладились: многіе прямые потомки британцевъ го
до сихъ поръ своимъ мнимымъ происхожденіемъ от
совъ или нормановъ *).

Мнѣ остается упомянуть о Швейцаріи и сѣверной И
Вы принимаете, на основаніи историческихъ свидѣтел
гельветовъ за галловъ; я не сомнѣваюсь въ истинѣ в
предположенія, потому что нашелъ у нынѣшнихъ шве
цевъ отличительные признаки галльскаго племени.
говорите, что они были смѣшаны съ кимрами. Я
правѣ утверждать, что это смѣшеніе существовало п
но могу доказать его на дѣлѣ въ настоящее время
томъ въ такимъ размѣрахъ, которые заставляютъ п
лагать, что оно произошло уже давно. Нынѣшняя Ш
рія раздѣляется на двѣ неравныя части: одну восто
гдѣ, можно сказать, говорятъ только по-нѣмецки; д
южную и западную, въ которой также господствуетъ
цузскій языкъ, какъ въ самой Франціи, что весьма
ственно, ибо населеніе вдвойнѣ принадлежитъ Галл
признанному мною происхожденію отъ галловъ и ким

Могли-ли-бы мы безъ предъидущихъ розысканій
крытыхъ нами фактовъ узнать галловъ въ сѣверной И
между сикулами, лигурійцами, этрусками, венетами,
лянами, готами и лангобардами? Но у насъ есть путев
нить. Ваши изслѣдованія и согласіе всѣхъ историков
оспоримо доказываютъ, что галльскія племена нѣкогда
дычествовали въ сѣверной Италіи между Альпами и
нинами. Мы находимъ тамъ ихъ постоянныя жилищ
первыхъ лучахъ исторіи; самыя достовѣрныя свидѣтел
представляютъ ихъ намъ со всѣми признаками велика
рода, отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ
Рима. Вотъ все, что мнѣ нужно; мнѣ нѣтъ надобност

*) Мы уже замѣтили, что когда двѣ породы живутъ рядомъ на почвѣ, то языкъ самой многочисленной изъ двухъ не всегда полу перевѣсъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о небо части населенія, сохранившей въ какомъ-нибудь углу свое древне рѣчіе. Въ княжествѣ Валлискомъ, гдѣ были смѣшаны обѣ породы, кимровъ не такъ часто встрѣчается, какъ типъ галловъ, которы принимаете за древнѣйшихъ обитателей Великобританіи.

ться другими народами, которые послѣ смѣшались съ
ами; не для чего говорить объ ихъ числительномъ от-
ніи, о свойствѣ ихъ языка и продолжительности ихъ
ыванія въ Италіи. Достаточно того, что галлы тамъ жили
ольшомъ числѣ. Я видѣлъ черты ихъ соплеменниковъ
'рансальпійской Галліи, и узнаю эти-же черты въ Цис-
ійской. Вотъ уже фактъ общій намъ обоимъ, относи-
но Италіи. Но такъ какъ вы отличаете отдѣльныя от-
и одного и того-же племени, я съ своей стороны дол-
ь допустить такое-же раздѣленіе. Вы отличаете въ Цис-
ійской и Трансальпійской Галліи галловъ и кимровъ.
идѣлъ кимровъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы
отводите, но въ другихъ, вами не показанныхъ. По-
имъ,—не смотря на трудность сказать что-нибудь утвер-
ельное о столь отдаленнномъ времени, — что, въ эпоху
ихъ первыхъ поселеній въ Италіи, кимры и галлы жили
ознь, не соединяясь между собою. Изъ приведенныхъ
и свидѣтельствъ видно, однако, что они вмѣстѣ воевали
тивъ римлянъ, и что, слѣдовательно, смѣшеніе ихъ могло
изойти уже тогда. Циспаданская Галлія была, по вашимъ
вамъ, во власти кимровъ, которыхъ вы изображаете какъ
родъ чрезвычайно безпокойный, постоянно занятый дале-
ми и опасными походами. При первомъ столкновеніи рим-
нъ съ галлами въ Италіи, вы уже отличаете кимровъ.
и были сосѣдями этрусковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляла
значительная для такого народа граница Аппенинскихъ
ръ. Вѣроятно, что они неоднократно переходили черезъ
е, прежде чѣмъ заставили трепетать римлянъ; можно
же предположить, что многіе изъ нихъ поселились среди
русковъ. Дѣло въ томъ, что я нашелъ ихъ племенной
пъ въ сѣверной Тосканѣ и убѣдился изъ наблюденія па-
тниковъ, что онъ существовалъ уже въ древности. Вспом-
те, что сѣверная часть Италіи, лежащая между Альпами
Аппенинами, составляетъ обширную равнину, которую
ресѣкаетъ рѣка По. Если кимры сначала заняли только
іспаданскую Галлію, то неужели война, которая всегда
чти ведетъ къ большимъ перемѣщеніямъ, и миръ, слѣд-
віемъ котораго бываютъ обыкновенно сближеніе и смѣшеніе
еменъ, не могли въ теченіи вѣковъ разсѣять этотъ народъ
всему пространству равнины. Ужасъ, наведенный гро-
вшимъ нашествіемъ Аттилы, не заставилъ-ли большую
сть населенія искать убѣжища на островахъ Адріатиче-
аго моря, находящихся у устьевъ По, по берегамъ кото-
го издревле жили кимры? Вы, вѣроятно, не забыли, что я

находилъ ихъ типъ на старь
решними жителями Венеціи.

Гораздо рѣже попадались
знаки другой, т. е. чисто галл
чаѣ не можетъ даже быть с
всего видѣть и всего изслѣ
долженъ указать на пробѣлы,
деніяхъ. Изъ сказаннаго мною
галльскій типъ рѣдокъ въ Ит
ленности своей онъ мнѣ встр
ному замѣчанію, сдѣланному
думать, что онъ болѣе распр
показалось. Въ одной изъ ми
нашелъ календарь на одномъ л
съ картинкою, изображавшею
смѣялись другъ надъ друго
каррикатуры галльскаго типа
здѣсь въ древности населен
были изображены въ особенно
бы съ намѣреніемъ выставит
полной противоположности ме
даже различіе роста: фигура
станомъ, а галлъ средняго ро
безъ сомнѣнія, ни объ естеств
ности, но онъ изобразилъ въ
торыя у него часто были не
рѣзкую между собою против
этомъ, что когда римляне и
войнъ своихъ съ этими племе
галловъ, то рѣчь, по всей
кимрахъ.

Они сначала обитали въ
какъ они были ближе къ ри
на нихъ напали. Голова галл
на вывѣскѣ, находившейся в
лежала этому племени. Когда
ріи свидѣтельство римлянъ о
относите эти слова къ кимрам
примѣтъ, которыя вы вовсе н
а вслѣдствіе историческихъ до
принятое вами различіе. Я не
пришелъ съ своей стороны к
отличались величиною отъ г
средняго роста. Древніе писат

Въ м
но, я
тому
въ мои
заклю
стотѣ
Судя
ланѣ,
ѣмъ ми
жныхъ
лавшіе
ная лиц
самы
лавшаго
тистиче
ленномъ
ренныя от
ими типам
отличаетс
альщикъ
наукахъ,
ромъ видѣ
ками и п
ность. Я
но пов
чрезвыча
тности, иде

анской обл
амъ, то пре
исполина,
фо

о жителяхъ восточной Европы: о славянахъ и венграхъ
мнѣ не случилось посѣтить ихъ родину, однако, у мен
полная возможность наблюдать ихъ отличительные
Войска австрійскаго императора въ королевствѣ Ло
Венеціанскомъ почти исключительно состоятъ изъ
цевъ, чеховъ, моравовъ, поляковъ и венгровъ. Во вре
его пребыванія въ сѣверной Италіи, я воспользовал
чаемъ для изученія этихъ народовъ. Комендантъ,
Свинбурнъ, принялъ меня весьма вѣжливо и благос
и не только позволилъ мнѣ посѣщать казармы и п
дить нужныя наблюденія, но даже разрѣшилъ мнѣ
съ собою живописца, который долженъ былъ снимат
треты съ указанныхъ мною лицъ. Эти приказанія бы
точности исполнены, и я нашелъ всѣ удобства, какихъ
желать. Я прежде всего старался опредѣлить тѣ чер
торыми каждое племя отличается отъ другихъ. Авст
начальство было такъ благосклонно ко мнѣ, что соб
въ одномъ мѣстѣ значительное число людей одного
же происхожденія и языка. Я могъ, такимъ образом
блюдать ихъ на досугѣ, всматривался въ совокупнос
подствующихъ чертъ и сравнивалъ между собою разл
народы. Но мнѣ не удалось найти у нихъ отличител
племенныхъ знаковъ. Я вскорѣ замѣтилъ, что мног
этихъ людей походили другъ на друга, хотя были ур
цами разныхъ странъ, и, наконецъ, успѣлъ отличить
этимъ народамъ типъ. Я не думаю утверждать, что вс
вянскіе народы вылиты въ одну форму; но очевидн
есть извѣстныя характеристическія примѣты, которыя
повторяются у всѣхъ ихъ.

Очеркъ головы, взятый спереди, представляетъ поч
гуру четвероугольника, потому что длина не многим
вышаетъ широту; макушка плоская, а направленіе че
горизонтальное. Носъ короче разстоянія, отдѣляющаг
основаніе отъ подбородка; онъ идетъ почти прямо отъ
носицы, т. е. въ немъ нѣтъ опредѣленнаго сгиба. Там
такой сгибъ можно замѣтить, носъ является нѣсколь
гнутымъ, такъ что конецъ легко приподнятъ къ верху;
няя часть довольно широка, оконечность закруглена.
нѣсколько впалые, лежатъ на одной линіи, и когда въ
есть нѣчто особенное, то они менѣе, чѣмъ имъ слѣдо
бы быть по общимъ размѣрамъ головы. Брови не гус
близко подходятъ къ глазамъ, особенно у внутренняго
отъ котораго они часто идутъ вкось. Невыдающійся ро
довольно тонкими губами гораздо [redacted] къ носу, чѣм

нцу подбородка. Къ этимъ признакамъ надобно прибавить ще одинъ весьма странный, хотя общій всему племени, менно: рѣдкую, за исключеніемъ усовъ, бороду.

Таковъ типъ, повторяющійся съ большею или меньшею редѣленностью у поляковъ, силезцевъ, моравовъ, чеховъ венгерскихъ славянъ. Онъ также весьма распространенъ Россіи. Я не видалъ самъ русскихъ въ то время, но мѣлъ случай убѣдиться въ моемъ предположеніи потомъ. особенности полагаюсь я на свидѣтельство одного русаго путешественника, который принялъ показанные ему ною рисунки, изображающіе другихъ славянъ, за портреты усскихъ крестьянъ. Конечно, у этихъ народовъ существуютъ другія очертанія головы, что я могъ замѣтить; но для редѣленія этихъ признаковъ съ цѣлью, какую я изложилъ выше, и для изслѣдованія ихъ въ отношеніи къ вопросамъ, насъ занимающимъ, надобно было-бы ѣхать самому въ славянскія земли и употребить много трудовъ и ремени.

Я, однако, воспользовался этими наблюденіями для уясненія одного темнаго историческаго вопроса. Германія, даже въ наше время, можетъ относительно этнографіи быть разѣлена на двѣ части: западную, занятую чистыми германцами, и большую половину восточной, гдѣ населеніе смѣшанное изъ германцевъ и славянъ. При самомъ началѣ историческихъ временъ, Эльба раздѣляла эти два племени. Собственная Австрія, которой жители говорятъ только по нѣмецки, лежитъ ниже Силезіи, Моравіи и Богеміи съ одной стороны, выше Каринтіи и Карніоліи съ другой. Она, можно сказать, вставлена въ раму земель, которыхъ основное населеніе есть славянское. Я заключилъ отсюда, что Австрія въ древности, до покоренія ея германцами, принадлежала славянамъ, быть можетъ съ примѣсью какого-нибудь другого племени. Вся эта восточная полоса досталась германцамъ вслѣдствіе завоеванія. Нельзя-ли предположить, что они смѣшались въ настоящей Австріи съ тамошними славянами и истребили ихъ языкъ, такъ какъ на сѣверѣ они истребили языкъ пруссовъ? Мнѣ хотѣлось найти подтвержденіе моей догадки въ народномъ австрійскомъ типѣ. Къ частью, артиллерія состояла изъ настоящихъ австрійцевъ. попросилъ, чтобы мнѣ показали уроженцевъ Вѣны и ея крестностей, доказаннаго, по возможности, нѣмецкаго происхожденія. Ихъ собрали, и я тотчасъ отличилъ два рѣзко обозначенные типа: одинъ чисто славянскій, другой германскій. Для различенія ихъ [illegible] собою достаточно фор-

головы. Австрійцы съ славянскими примѣтами, безъ с
нихъ примѣсей, походили совершенно на портреты, сі
ные по моему порученію съ другихъ славянъ.

Часть населенія Венгріи принадлежитъ, какъ я ск
къ славянскому племени. Сколько я могъ замѣтить,
кая полоса этого края, захватывающая почти всю о
ность и болѣе или менѣе заходящая внутрь, заселен
вянами, т. е. племенемъ, которое носитъ на себѣ при
выше мною описанные, и говоритъ славянскимъ язы
Среднія-же части Венгріи занимаетъ другой народъ, у
раго языкъ совершенно особенный. Онъ слыветъ у
мадьярскимъ; мы называемъ его венгерскимъ.

Если замѣчаніе мое вѣрно, то изъ него слѣдуетъ,
висимо отъ свидѣтельства исторіи, что между славяна
селилось племя, имъ чуждое. Извѣстно, что до наш
варваровъ эти области были заселены даками и пр. 1
не знаемъ, какіе это были народы. Быть можетъ, он
надлежали къ той-же породѣ, которая до сихъ пор
хранилась въ тѣхъ странахъ и занимаетъ цѣлую
вину Европы. Я предлагаю, впрочемъ, этотъ вопрос
моходомъ и не намѣренъ посвящать ему дальнѣйши
зысканій.

Что-же за народъ, или смѣсь народовъ, господст
нынѣ въ средней Венгріи, называетъ себя мадьярами
ветъ у насъ подъ именемъ венгровъ?

Я занимался этимъ вопросомъ со стороны отличій
и пришелъ къ весьма любопытнымъ для меня выв
Скажу вамъ прежде всего, что большая часть насе
слывущаго за мадьярское или за потомковъ древних
гровъ, принадлежитъ славянской породѣ. Я наблюдал
дей, которыхъ родной языкъ былъ мадьярскій, и н
между ними много такихъ, которые, несмотря на
свой, чертами лица обличали славянское происхож
Древніе мадьяры, конечно, говорили не по-славянс
докажу также, что у нихъ были совсѣмъ другія черты
Вотъ новое доказательство въ пользу мнѣнія, что сл
нѣкогда обладали нынѣшнею Венгріею. Они соедин
съ пришельцами и приняли ихъ языкъ; съ другой сто
часть венгровъ, вслѣдствіе несоразмѣрнаго смѣшенія,
тила свой народный типъ. Политическое преобладаніе
гровъ доставило господство ихъ языку; числительный
вѣсъ славянъ упрочилъ существованіе ихъ типа.

Я долго и напрасно искалъ между австрійскими
сками совокупности физическихъ признаковъ, отлич

отъ видѣнныхъ мною дотолѣ и приложимыхъ къ древнимъ венграмъ, или какому-нибудь другому племени, поселившемуся, по свидѣтельству исторіи, въ той странѣ. Мнѣ пришло, наконецъ, въ голову то, что я самъ видѣлъ въ другихъ мѣстахъ и слышалъ въ Миланѣ отъ одного италіанскаго ученаго, путешествовавшаго въ Венгріи. Онъ встрѣтилъ въ средней части края венгровъ небольшого роста и особеннаго вида, которыхъ считалъ потомками древнихъ завоевателей, т. е. гунновъ или мадьяровъ. При осмотрѣ тюрьмы (bagne) въ Венеціи, мнѣ показали нѣсколько венгровъ, изъ которыхъ одинъ, ростомъ ниже средняго, поразилъ меня своей наружностью. Я не могъ не вскрикнуть: вотъ гуннъ! Извините меня за это преждевременное восклицаніе. Вы увидите, что оно было не совсѣмъ неосновательно. Мои воспоминанія навели меня, наконецъ, на настоящую дорогу. При наблюденіяхъ моихъ въ миланскомъ замкѣ, о которыхъ я отдалъ вамъ отчетъ, я имѣлъ предъ собою только гренадеровъ и вообще великорослыхъ солдатъ. Я спросилъ: нѣтъ-ли венгровъ небольшого роста. Мнѣ показали одного; другихъ не было. Однако, я, къ великому удовольствію моему, узналъ тотъ-же складъ головы, который поразилъ меня въ Венеціи. Черты были менѣе рѣзки, но сходство было очевидное. Тогда мнѣ указали на казармы св. Франциска, гдѣ было много венгровъ такого роста, какой мнѣ былъ нуженъ. Я тотчасъ туда отправился и, благодаря любезности начальства, по распоряженію котораго люди были собраны, получилъ возможность удостовѣриться въ частомъ повтореніи искомаго типа. Ожиданія мои не были обмануты: я нашелъ его съ бо́льшими или ме́ньшими измѣненіями на всѣхъ представившихся мнѣ лицахъ. Я выбралъ, для снятія съ него портрета, венгра изъ окрестностей Дебречина, напоминавшаго формы и пропорціи, видѣнныя мною въ Венеціи. Когда живописецъ принялся за работу, за солдатомъ пришелъ унтеръ-офицеръ и вызвалъ его. Такое приказаніе показалось мнѣ сначала страннымъ: но потомъ, когда мнѣ объяснили поводъ къ нему, я нашелъ, что оно было довольно основательно. Меня обвиняли въ выборѣ самаго безобразнаго изъ солдатъ, котораго вездѣ считали за урода, представителемъ венгерскаго народнаго типа. Правда, что онъ былъ некрасивъ; но онъ представляетъ типъ во всей чистотѣ его, и я не могъ упустить случая. Къ счастью, у меня были средства къ оправданію. Я посла[illegible]церамъ портреты нѣсколькихъ [illegible]асныхъ собою [illegible] которые по моему желанію [illegible]исованы въ [illegible] озна-

ченіемъ ихъ именъ и мѣста рожденія. Я поручилъ ска
имъ при томъ, что послѣдній выборъ мой палъ на безоб
наго человѣка потому только, что я принималъ его за
томка древняго, поселившагося между ними племени.
воды мои были хорошо приняты и доставили мнѣ позв
ніе кончить портретъ.

По описанію типа, вы можете, м. г., судить объ его
комъ характерѣ и о тѣхъ слѣдахъ, какіе онъ долженъ б
оставить въ своихъ естественныхъ видоизмѣненіяхъ
помѣсяхъ. Голова круглая, лобъ мало развитый, низкі
уходящій назадъ; положеніе глазъ косое, такъ что внѣш
уголъ приподнятъ къ верху; носъ довольно короткі
сплюснутый, ротъ выдается впередъ; губы широкія;
очень толстая, вслѣдствіе чего задняя часть головы каж
плоскою и какъ-бы образуетъ прямую линію съ затылк
борода жидкая; ростъ малый. Вы согласитесь теперь,
восклицаніе, вырвавшееся у меня при видѣ венгра въ
неціи, было отчасти оправдано воспоминаніями, вызванн
во мнѣ безобразіемъ этого лица и именемъ его роді
Конечно, отсюда нельзя еще заключать о тождествѣ э
типа съ гуннскимъ; но у меня есть въ запасѣ другіе дов
столь сильные, что послѣ нихъ не можетъ остаться н
кого сомнѣнія. Мой портретъ писанъ съ натуры; я не
имствовалъ ни одной черты изъ книгъ; я даже не загля
валъ въ нихъ въ то время. Сравнимъ-же составленное м
описаніе съ древними свидѣтельствами о гуннахъ, кото
собраны г. Демуленомъ. Вотъ что Прискъ говоритъ
Аттилѣ: онъ былъ малъ ростомъ; грудь у него была
рока; голова чрезмѣрно большая; глаза маленькіе; *бо*
рѣдкая; *носъ сплюснутый*; цвѣтъ лица смуглый. У Амм
Марцелина находимъ еще одну черту: гунны старѣютъ б
бороды; у нихъ всѣхъ члены широкіе и крѣпкіе, шея
стая. Іорнандъ представляетъ почти полное описаніе г
новъ. Они, по его словамъ, безобразны, смуглы, малорос
глаза у нихъ небольшіе и расположены криво; н
сплюснутый; безбородое лицо походитъ на безобразн
комъ мяса.

Вотъ точныя, подробныя и совершенно согласныя мея
собою описанія. Сравните ихъ съ тѣмъ, что я сказалъ
одномъ изъ типовъ нынѣ существующихъ въ Венгріи. Сл
мои могутъ быть приняты за древнее описаніе гунновъ.
другой стороны, приведенныя мною свидѣтельства древни
писателей примѣняются съ небольшими измѣненіями
породѣ людей, еще живущей въ Венгріи. Я не упомяну

цвѣтѣ кожи, потому что не нашелъ въ немъ ничего осо-
знаго; къ тому-же эти оттѣнки цвѣта переходчивы и съ
удомъ сохраняются, какъ я замѣтилъ выше *).

Итакъ, теперь достовѣрно, что у древнихъ гунновъ былъ
ъ-же типъ, который я встрѣтилъ у венгровъ. Отсюда слѣ-
этъ, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія про-
ходитъ отъ гунновъ; иначе надобно будетъ принять по-
ленiе въ этомъ краю другого народа. За нашествіемъ гун-
зъ въ 5-мъ столѣтіи (собственно въ 4-мъ) слѣдовало мадь-
ское въ 9-мъ. Мы можемъ убѣдиться въ сходствѣ или
личіи внѣшнихъ признаковъ у этихъ двухъ народовъ
лько при пособіи тѣхъ началъ, которыя были выстав-
ны мною во введеніи къ этому письму, при изложеніи
цихъ понятій.

Надобно узнать, въ какой степени описанный нами
нскій типъ господствуетъ въ въ той части нынѣшняго
нгерскаго населенія, которая говоритъ по-мадьярски. Лич-
я мои наблюденія доказываютъ его существованіе и даже
тавляютъ предполагать, что онъ весьма распространенъ. Я
утверждаю, что онъ существуетъ во всей чистотѣ своей;
его можно узнать при большихъ или меньшихъ измѣне-
ихъ въ помѣсяхъ, отъ него происходящихъ. Свидѣтельство
ухъ знаменитыхъ естествоиспытателей убѣждаетъ меня
этомъ окончательно. Проѣзжая черезъ Женеву, я пока-
лъ мое собраніе портретовъ г. Декандолю, принимающему
вое участіе въ этой отрасли естественныхъ наукъ, на ко-
рую онъ обращалъ постоянное вниманіе въ своихъ путе-
ствіяхъ. Посмотрѣвъ рисунки, изображавшіе славянскія
емена, онъ съ перваго взгляда узналъ фигуру малорос-
го венгра, который служилъ мнѣ типомъ, и сказалъ, что
самой Венгріи она встрѣчается очень часто. Г. Бёданъ
eudant), совершившій, какъ вамъ извѣстно, минералоги-
ское путешествіе въ тотъ край, обратилъ вниманіе на
ожество предметовъ, между прочимъ на человѣческія
роды; онъ также призналъ показанное ему мною изобра-
ніе за мадьярское или чисто венгерское. Онъ замѣтилъ
лько, что верхняя округлость головы слишкомъ сглажена,
что, впрочемъ, существенные признаки отъ этого не
мѣнились.

---

*) Судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, гунны были смуглаго
и темно-желтаго цвѣта. Большая голова Аттилы могла быть его лич-
ю особенностью. У того венгра, котораго я видѣлъ въ Венгріи, голова
ла нѣсколько велика для его роста, но я не знаю, можно-ли
черту общею принадлежно[illegible]па.

Этотъ типъ въ чистотѣ своей и смѣшеніяхъ слиш
распространенъ и потому не можетъ, на основаніи ила
ныхъ нами общихъ началъ, быть принятъ за исключите
гуннскій. Какъ ни многочисленно было это племя при
женіи своемъ въ Европу, которой оно стало бичемъ,
потомъ разсѣялось и внесло значительныя утраты; п
ніе ихъ государства, вскорѣ послѣ смерти Аттилы, не
содѣйствовало къ уменьшенію ихъ числа. Говорятъ д
что они были совершенно истреблены въ то время; но
знаемъ, какъ должно принимать подобныя выраженія.
добно думать, что національныя черты гунновъ были
хранены и распространены мадьярами въ 9-мъ вѣкѣ.

Сильное впечатлѣніе, произведенное наружностью гун
на народы, застигнутые ихъ нашествіемъ, объясняется, св
страшнаго безобразія пришельцевъ, еще и тѣмъ, что эта
ружность была совершенно чужда не только европейск
но даже извѣстнымъ въ то время азіатскимъ племен
Нечего, слѣдовательно, удивляться тому, что современ
лѣтописцы описали черты столь рѣзкія и отличитель
съ точностью, какой можно было-бы требовать отъ но
натуралистовъ. Васъ вѣроятно поразило сходство ихъ
браженій съ составленнымъ мною описаніемъ части ны
няго населенія Венгріи; но сходство это простирается
мало не ослабѣвая, еще далѣе, до другихъ весьма отда
ныхъ народовъ. Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною,
и не занимаетесь отдѣльно этими вопросами. Кому не
вѣстно особенное устройство головы, которымъ отлича
великая отрасль рода человѣческаго, названная имен
монгольской. Тождество ея съ гуннскою, очевидно, и не
буетъ для подтвержденія знаній естествоиспытателя.
не нужно ссылаться на славное имя Палласса, который уз
въ описаніяхъ гунновъ древними писателями приз
монгольской породы, ни приводить въ свидѣтели г. Д
лена, который изъ такого-же сравненія вывелъ тѣ-же
ключенія.

Доказавъ сходство, мы должны извлечь изъ него по
ные для науки выводы. Въ основаніе мы положимъ
сколько новыхъ фактовъ и соображеній.

Вы знаете, что монгольскій типъ принадлежитъ не од
народу этого имени, а множеству другихъ, обитающихъ
восточной Азіи. Онъ до такой степени распространенъ т
что, по всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ, господств
почти во всей восточной половинѣ этой части свѣта. П
рѣзавъ Азію вертикальною линіею, проходящею между обо

Индійскими полуостровами у устьевъ Гангеса, вы раздѣлите ее на двѣ почти равныя между собою половины. Эти половины представляютъ такія-же рѣзкія различія въ своемъ географическомъ положеніи, какъ и въ наружномъ видѣ племенъ, ихъ населяющихъ. Почти во всѣхъ обитателяхъ восточнаго отдѣла лежитъ одинъ общій имъ отпечатокъ: голова у нихъ круглая, лобъ мало развитъ и загнутъ назадъ, носъ сплюснутый, скулы выдаются впередъ, ротъ нѣсколько выпуклый, губы толстыя, борода рѣдкая, ростъ средній или малый. Черты племенъ, населяющихъ вторую половину, представляютъ въ совокупности признаковъ своихъ родственное сходство съ европейскими. Поэтому мнѣ нѣтъ надобности ихъ описывать.

Я вовсе не думаю утверждать, что проведенная нами мысленно линія совершенно раздѣляетъ двѣ большія семьи человѣческаго рода. На западъ отъ нея, мы найдемъ рядъ народовъ, совершенно сходныхъ съ монгольскою породою. Ихъ можно встрѣтить не только на крайнихъ предѣлахъ Азіи, но даже въ Европѣ. Однако, они такъ незначительны числомъ въ сравненіи съ облегающею ихъ массою остальнаго, вовсе непохожаго на нихъ, населенія, представляютъ столь поразительное сходство съ жителями восточной Азіи и тянутся такою непрерывною цѣпью отъ этихъ обширныхъ пространствъ, что мы не можемъ не отнести туда ихъ колыбели. Такой выводъ, извлеченный изъ естественныхъ наукъ, вполнѣ подтверждается историческими преданіями и сравненіемъ языковъ, возводящими къ одному и тому-же источнику всѣ народы монгольскаго типа, разсѣянные по западной Азіи и сосѣднимъ частямъ Европы. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ вѣтви этого племени, находимыя въ западной Азіи и въ Россіи, вышли изъ одного гнѣзда. Но что скажемъ мы, сдѣлавъ еще шагъ впередъ и встрѣтивъ тѣ-же общія черты у части жителей Венгріи? По аналогіи фактовъ, изложенныхъ нами выше, не въ правѣ-ли мы заключить изъ такого сходства о единствѣ происхожденія, не справляясь ни съ языкомъ, ни съ преданіями, ни съ исторіею мадьяровъ? Этотъ родъ наведенія не въ состояніи, однако, привести насъ къ дальнѣйшимъ результатамъ: онъ не можетъ открыть намъ ни времени переселенія ихъ предковъ, ни странъ ими занятыхъ, или пройденныхъ, ни обстоятельствъ ихъ исторіи, предшествующихъ ихъ появленію въ Венгріи. Мы должны искать въ другихъ наукахъ разрѣшенія этихъ вопросовъ. По словамъ ученыхъ филологовъ, основа мадьярскаго языка есть финнская; но физическіе

признаки настоящихъ финновъ совсѣмъ другіе. Сравне
народныхъ типовъ и языковъ приводитъ къ разнымъ, но
противоположнымъ между собою выводамъ. Въ настояще
случаѣ мы находимъ, что часть нынѣшняго населенія В
гріи пришла первоначально изъ восточной Азіи и что,
другой стороны, она находилась въ тѣсной связи съ фі
скими племенами, отъ которыхъ заимствовала свой язы
еще до пришествія своего на новую родину. Подтверждаетъ
исторія такое происхожденіе мадьяровъ и послѣдующія и
отношенія? Мы должны были-бы принять и то и другое. да
безъ ея дополнительныхъ свидѣтельствъ, но она, какъ ва
извѣстно, обратила вниманіе на этотъ великій вопросъ
собственнымъ путемъ пришла къ такимъ-же заключенія
какъ и мы. Задача была трудная. Дегинь, въ своихъ изс
дованіяхъ о народахъ восточной Азіи, показалъ намъ пер
бытныя жилища Гіонгъ-ну, ихъ могущество и упадокъ; о
прослѣдилъ ихъ странствованія и сношенія съ финнски
племенами и, наконецъ, узналъ ихъ въ тѣхъ гуннахъ, ко
рые овладѣли Венгріею (9).

Такимъ образомъ, исторія указываетъ намъ на вост
ную Азію, какъ на колыбель народа, поселившагося въ В
гріи, и котораго предки были тѣсно связаны съ финна
Она, слѣдовательно, согласна съ физіологіею относитель
ихъ происхожденія и съ сравнительнымъ языковѣдѣніе
въ вопросѣ объ ихъ отношеніи къ финнамъ.

Если-бы исторія всегда была въ состояніи находить п
пособіи памятниковъ, ей одной принадлежащихъ, достов
ное начало и кровную связь народовъ, то мы не имѣли
надобности въ дополнительныхъ объясненіяхъ другихъ нау
Но, восходя къ этимъ вопросамъ, она часто подвергает
опасности сбиться съ прямой дороги, и ея заключенія
рѣдко оставались-бы сомнительными безъ новыхъ доводо
почерпнутыхъ изъ чуждыхъ ей источниковъ. Къ этому р
ряду принадлежатъ изслѣдованія Дегиня о гуннахъ. О
пріобрѣли сначала общее довѣріе, но потомъ, вслѣдст
успѣховъ исторической критики, подверглись сомнѣнію. Абе
Ремюза, котораго приговоръ имѣетъ большой вѣсъ, слѣду
щимъ образомъ отозвался о мнѣніяхъ Дегиня: ихъ мож
защитить, но трудностей много, и предметъ вообще требує
новаго пересмотра. Въ этомъ именно и состоитъ занимате
ность нашихъ розысканій. Съ одной стороны, Дегинь, исхо
изъ Монголіи, думаетъ слѣдить за однимъ и тѣмъ-же н
родомъ въ его далекихъ странствованіяхъ и сношеніяхъ
финнами до прихода въ Венгрію; съ другой—я узнаю, по

личительнымъ и рѣзкимъ признакамъ породы, въ той части нынѣшняго населенія Венгріи, которая говоритъ финскимъ нарѣчіемъ, потомковъ племени, вышедшаго изъ восточной Азіи. Но я иду еще далѣе. Я нахожу, что этотъ типъ распространенъ въ такомъ количествѣ, что его нельзя считать исключительною принадлежностью гунновъ и ихъ потомства, но что онъ былъ у нихъ общій съ древними мадьярами, народомъ, по языку близкимъ съ финнами и поселившимся въ Венгріи четыре столѣтія послѣ гунновъ. На этомъ основаніи я утверждаю, что между гуннами и мадьярами существовала родственная кровная связь.

По мадьярскимъ преданіямъ, вождь ихъ Арпадъ, который привелъ ихъ въ Венгрію, происходилъ отъ Аттилы. Народное преданіе подтверждается въ этомъ случаѣ свидѣтельствомъ физіологіи. Что касается до собственно финнскаго типа, то онъ вѣроятно существуетъ въ томъ-же населеніи, но еще не былъ описанъ, и я не имѣлъ случая изучить его.

Изъ сравненія языковъ, съ цѣлью составить ихъ классификацію, въ Германіи возникла въ наше время цѣлая наука лингвистики. Вамъ извѣстна важность этой науки при рѣшеніи многочисленныхъ историческихъ вопросовъ, ибо вы сами пользовались ею съ успѣхомъ. Она равно занимательна и для физіолога, потому что обращаетъ его мысль на великія задачи и служитъ ему проводницею въ его изслѣдованіяхъ о сродствѣ народовъ, хотя сродство языковъ не всегда совпадаетъ съ близостью породъ. Впрочемъ, оно очень часто ей соотвѣтствуетъ.

При сравненіи языковъ почти исключительно разсматриваются: ихъ лексикографическое содержаніе, т. е. слова; способъ употребленія этихъ словъ, составляющій предметъ грамматики, и духъ языковъ,—выраженіе недостаточно опредѣленное и ясное, вслѣдствіе чего я не буду на немъ останавливаться. Вниманіе филологовъ было также обращено и на произношеніе, но вообще имъ слишкомъ мало занимались. Такъ какъ оно нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ къ области физіологіи, то изъ него можно извлечь нѣсколько соображеній относительно нашего предмета. Вотъ почему я не терялъ его изъ виду при изученіи породъ и дошелъ до результатовъ, которые не лишены занимательности. Начнемъ съ фактовъ общеизвѣстныхъ. Взрослый человѣкъ можетъ научиться правильно говорить на иностранномъ языкѣ, но ему не такъ легко будетъ усвоить себѣ надлежащее произношеніе. Рѣчь его будетъ согласна съ грамматикою и обычаемъ, слогъ правиленъ и чистъ, но ему не удастся вос-

произведеніе звуковъ въ должной чистотѣ. По строенію фр
онъ можетъ показаться туземцемъ, но выговоръ почти все
обличитъ иностранца. Употребляя слова и обороты чуж
языка, онъ сохранитъ часть звуковъ, свойственныхъ его р
ному. Онъ положитъ ударенія не на тотъ слогъ, или за
нитъ звукъ для него непривычный и трудный другимъ,
лѣе ему знакомымъ. Если-бы онъ даже захотѣлъ отказат
совершенно отъ родного языка и забыть его, то въ гол
его сохранятся неизгладимые слѣды прежней рѣчи, по
торымъ можно будетъ узнать его происхожденіе. Нѣтъ
лѣе общаго и вѣрнаго способа отличить иностранца отъ
земца. Такимъ образомъ, у отдѣльнаго человѣка выговор
особенности удареній переживаютъ слова и обороты за
таго имъ языка. Тоже самое, и еще въ большей степ
можно сказать о цѣломъ народѣ. Лицо можетъ до безко
ности разнообразить свои отношенія къ той средѣ, въ к
рую оно перенесено; цѣлому народу это невозможно.

Случается, что народъ принимаетъ новый языкъ отъ
большого числа пришельцевъ; но по недостатку непос
ственныхъ сношеній, ему трудно усвоить себѣ вполнѣ и
редать въ чистотѣ чуждое ему слово. Оно искажается
отдѣльныхъ выраженіяхъ, оборотахъ и выговорѣ свое
Принимая иностранный, живой языкъ, народъ поступа
съ нимъ такъ-же, какъ мы поступаемъ съ мертвыми я
ками. Каждый произноситъ ихъ по-своему: нетрудно от
чить въ этомъ случаѣ англичанина, француза, нѣмца, ит
анца, или испанца. Перемѣнивъ языкъ, народъ переда
своимъ потомкамъ часть первоначальнаго произношенія,
тораго слѣды не стираются въ продолженіе многихъ вѣко
и при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ служить при
комъ общаго происхожденія. Я обязанъ знаменитому М
цофанти, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ
лоньѣ, подтвержденіемъ моихъ, заимствованныхъ изъ д
гихъ источниковъ, мнѣній объ англійскихъ британцахъ.

Самое рѣзкое отличіе англійскаго языка отъ друг
употребительныхъ въ новой Европѣ, заключается въ ч
вычайной неправильности выговора. Познакомившись
основными звуками какого-нибудь другого языка, можно,
пособіи нѣкоторыхъ правилъ, довольно хорошо произнос
слово, даже не понимая ихъ значенія. Правильное прои
шеніе англійскихъ словъ возможно только при соверш
номъ знаніи языка. Говоря со мною, Меццофанти сказа
что это свойство англійскаго языка досталось ему въ
слѣдство отъ галльскаго. Мнѣ незачѣмъ было спраши

его о томъ, какимъ путемъ совершилась эта передача, потому что мнѣ такъ-же, какъ ему, извѣстно было отношеніе британцевъ къ галламъ. Такимъ образомъ, онъ сообщилъ мнѣ новое и нежданное доказательство въ подкрѣпленіе другихъ фактовъ, убѣдившихъ меня въ томъ, что британцы не переставали существовать на англійской почвѣ, послѣ покоренія ея саксами. Племя ихъ считали вымершимъ. Но филологъ узнаетъ ихъ потомковъ по звукамъ голоса, такъ, какъ я узнаю ихъ по чертамъ лица. Этихъ доводовъ, кажется, достаточно.

Къ сожалѣнію, Меццофанти, превосходящій всѣхъ современниковъ изумительнымъ знаніемъ языковъ, таитъ отъ насъ основу своего знанія. Онъ обязанъ имъ не огромной памяти своей и не врожденной, можно сказать, способности замѣчать и удерживать въ головѣ отдѣльныя слова и ихъ сочетанія, но уму въ высокой степени аналитическому, который проникаетъ въ духъ языковъ и усваиваетъ его себѣ. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что болѣе изучаетъ духъ, чѣмъ букву. Что мы знаемъ о духѣ языковъ? Почти ничего. Еслибы Меццофанти сообщилъ намъ результаты своихъ наблюденій, изъ нихъ образовалась-бы, быть можетъ, новая наука.

Изъ его словъ видно, какое вліяніе можетъ имѣть на произношеніе новаго языка другой, давно умершій, и какою прочностью и живучестью одарены звуки, повидимому, летучіе и преходящіе.

Наблюденія, сдѣланныя мною надъ нарѣчіями сѣверной Италіи, доставятъ намъ еще одинъ примѣръ.

Нарѣчія генуезское, піемонтское, миланское и бресчіанское принадлежатъ сѣверной Италіи, т. е. тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда жили галлы. При всемъ разнообразіи, у нихъ есть общіе всѣмъ признаки, которыми они существенно отличаются отъ нарѣчій южной Италіи. Нельзя-ли найти въ этихъ общихъ и характеристическихъ чертахъ остатковъ прежняго, т. е. галльскаго языка? Удостовѣриться въ этомъ не трудно. Поселившіеся по обѣимъ сторонамъ Альповъ галлы, отказавшись отъ собственнаго языка въ пользу латинскаго, должны были измѣнить послѣдній сообразно съ началами, которыя изложены нами выше. Мы сравнимъ эти обѣ отрасли галльскаго племени сначала относительно выговора, признака чрезвычайно важнаго для того, кто умѣетъ его цѣнить, и съ измѣненіемъ котораго искажается весь языкъ.

Французы, по крайней мѣрѣ парижане, утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ особенности выговора, то-есть они не воз-

вышаютъ голоса и не кладутъ удареній преимущественно на извѣстные слоги. Тѣмъ не менѣе, у нихъ есть такая особенность, которую люди хорошаго общества стараются, по возможности, не давать чувствовать. Удареніе полагается вообще на послѣдній слогъ; простой народъ значительно возвышаетъ при этомъ голосъ, въ особенности сельскіе жители въ цѣлой Франціи. Наоборотъ, настоящіе италіанцы отбрасываютъ удареніе на предпослѣдній слогъ; гласная, которою оканчивается слово, представляетъ латинское склоняющееся окончаніе. Французы, замыкая слово удареніемъ, сократили его. Таково направленіе языка даже въ тѣхъ словахъ, гдѣ за удареніемъ слѣдуетъ еще слогъ; въ такомъ случаѣ онъ не выговаривается и его по справедливости называютъ нѣмымъ.

Это свойство, сообщенное трансальпинскими галлами принятому ими латинскому нарѣчію, доведено, кажется, до еще большой степени у ихъ цисальпинскихъ соплеменниковъ. Когда я пріѣхалъ въ Италію черезъ Піемонтъ, меня приводила въ отчаяніе привычка жителей сокращать латинскія слова, ставя удареніе на послѣднемъ слогѣ. Слова мнѣ весьма извѣстныя подвергаются тамъ такимъ усѣченіямъ, что я не успѣвалъ ихъ разслушать.

Изъ всѣхъ свойствъ языка, ударенія, не смотря на свою важность, наименѣе обращаютъ на себя вниманіе, и потому мы перейдемъ къ другимъ болѣе замѣтнымъ признакамъ. Въ французскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, которыми онъ существенно отличается отъ кореннаго италіанскаго. Въ томъ числѣ французское U. Вамъ извѣстно, какъ трудно южнымъ италіанцамъ выговорить этотъ звукъ, котораго у нихъ не существуетъ. Онъ могъ-бы служить для нихъ тѣмъ, чѣмъ шибболетъ былъ для іудеевъ. Однако, принадлежащее Трансальпинской Галліи *u* произносится и въ Цисальпинской, отъ западныхъ Альповъ до рѣки Минчіо, въ нарѣчіяхъ генуэзскомъ, піемонтскомъ, миланскомъ, бресчіанскомъ и т. д. Въ этихъ-же нарѣчіяхъ мы находимъ даже французское *eu*, выраженное тѣми-же буквами, еще болѣе трудное для италіанца, чѣмъ U. Есть слова, въ которыхъ оно звучитъ такъ, какъ въ французскихъ feu, peu, neuf и т. д. Если-бы намъ не было извѣстно происхожденіе этихъ народовъ, то можно было-бы подумать, что они заимствовали приведенные нами звуки. Но они были сами галлы и потому не имѣли надобности въ такомъ заимствованіи. Принявъ латинскій языкъ, галлы, жившіе по обѣимъ сторонамъ Альпъ, видоизмѣнили его по однимъ и тѣмъ-же началамъ.

Другая особенность французскаго выговора относительно италіанскаго заключается въ богатствѣ и разнообразіи такъ называемыхъ носовыхъ звуковъ. У италіанцевъ, живущихъ къ югу отъ Аппенинскихъ горъ, этихъ звуковъ нѣтъ вовсе. Въ нарѣчіяхъ сѣверной Италіи они встрѣчаются очень часто.

Я собралъ много другихъ фактовъ такого рода, но не считаю нужнымъ приводить ихъ, полагая, что сказаннаго уже достаточно.

Не могу оставить Италіи, не упомянувъ о небольшомъ народѣ, котораго предки, говорятъ, играли великую роль въ исторіи и особенно занимаютъ васъ. Въ горахъ между Виченцою и Вероною живетъ иноплеменное населеніе. Его принимаютъ за остатокъ разбитыхъ Маріемъ кимвровъ. Ихъ называютъ даже этимъ именемъ, а также жителями семи или тринадцати общинъ, смотря по провинціи. Знакомство съ ними было для меня заманчиво во всѣхъ отношеніяхъ, и потому я принялъ намѣреніе посѣтить ихъ если можно лично, или, по крайней мѣрѣ, собрать о нихъ самыя точныя свѣдѣнія. Говорятъ, что какой-то датскій принцъ былъ у нихъ и узналъ своихъ соплеменниковъ. Если они въ самомъ дѣлѣ говорятъ датскимъ нарѣчіемъ и происходятъ отъ кимвровъ, которые сражались съ Маріемъ, то ихъ нельзя смѣшивать съ отраслью галловъ, которую вы называете кимрскою. Въ противномъ случаѣ надобно предположить, что они перемѣнили языкъ еще во времена Марія, съ чѣмъ вы, конечно, не согласитесь. Не доѣзжая еще до тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ, я убѣдился, что ихъ нельзя считать за выходцевъ изъ Херсонеса Кимврійскаго. Въ Болоньѣ Меццофанти показалъ мнѣ написанную на ихъ языкѣ молитву Господню. Судя по образцу, нарѣчіе это вовсе не датское, а нѣмецкое, до такой степени чистое и легкое, что я не нашелъ ни одного непонятнаго мнѣ слова. Когда я пріѣхалъ въ Виченцу и потомъ въ Верону, время года не благопріятствовало путешествію въ горы. Ледъ, снѣга и дурныя дороги заставили меня отказаться отъ моего намѣренія. Молодой веронскій графъ Орти въ нѣкоторой степени вознаградилъ меня за эту неудачу, приказавъ отыскать въ городѣ нѣсколько изъ этихъ горцевъ, которые часто тамъ бываютъ. Мнѣ доставлена была возможность ихъ видѣть и говорить съ ними. Не позволяя себѣ никакихъ заключеній о ихъ наружномъ видѣ, по причинѣ малаго числа видѣнныхъ мною лицъ, я могу сказать мое мнѣніе объ ихъ языкѣ. Я заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по нѣмецки, онъ отвѣчалъ мнѣ по свои[illegible] мы совершенно по[illegible] другъ

друга. Я удостовѣрился окончательно, что ихъ нарѣчіе отнюдь не скандинавское, а нѣмецкое.

Эти соображенія, извлеченныя изъ сравненія языковъ, достаточно доказали мнѣ, что горцы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не могутъ быть потомками Маріевыхъ кимвровъ. Мнѣ еще не были извѣстны историческія изслѣдованія, изданныя въ то время графомъ Джіованелли объ этихъ мнимыхъ кимврахъ *). Графъ Орти былъ такъ любезенъ, что сообщилъ ихъ мнѣ. Впослѣдствіи докторъ Лабіо доставилъ мнѣ экземпляръ этой книги. Графъ Джіованелли, руководимый побужденіями, сходными съ тѣми, которыя я изложилъ выше, и другими, о которыхъ я умалчиваю, искалъ въ писателяхъ, принадлежащихъ временамъ упадка Римской имперіи, слѣдовъ нѣмецкаго народа, поселившагося въ сѣверной Италіи до пришествія лангобардовъ. Онъ нашелъ достовѣрныя свидѣтельства объ этомъ событіи, съ точнымъ опредѣленіемъ времени, обстоятельствъ и причинъ. Въ панегирикѣ Эннодія Теодориху остготскому находятся слѣдующія слова: „Ты принялъ безъ ущерба для римскихъ землевладѣльцевъ въ предѣлы Италіи цѣлое племя аллемановъ, которые, лишившись по собственной винѣ прежняго короля своего, пріобрѣли такимъ образомъ новаго. Племя, постоянно грабившее наши области, стало стражемъ Римской имперіи; бѣгство изъ родины обратилось ему въ пользу, ибо оно нашло себѣ у насъ болѣе богатую землю“. Письмо, написанное Кассіодоромъ отъ имени Теодериха, короля Остготскаго, къ Хлодвигу, королю франковъ, объясняетъ причины и обстоятельства, при которыхъ совершилось это переселеніе аллемановъ: „Побѣдоносная десница ваша покорила племена аллемановъ, пораженныя уже другими тяжкими для нихъ событіями и проч. Остановите напоръ вашъ противъ изнуренныхъ остатковъ, ибо они пріобрѣли право на пощаду, потому что, какъ сами видите, бѣжали подъ защиту вашихъ родственниковъ. Будьте милосердны къ тѣмъ, которыхъ страхъ заставилъ укрыться въ нашихъ владѣніяхъ... Достаточно и того, что царь ихъ палъ вмѣстѣ съ гордынею своего народа“ **).

Отсюда ясно, что мнимые кимвры суть южные германцы, принадлежавшіе къ союзу аллемановъ, которыхъ имя распространилось потомъ на всѣ племена германскія. Такимъ

---

*) Delle origine delle sette et tredici communi e d'altre popolazioni Allemane abitanti fra l'Adige e la Brenta nel Trentino nel Veronese e nel Vicentino. Memoria del Bened. Giovanelli Trento, 1828.

**) Gassiod. Variar. 11. 41.

образомъ опровергается сильное возраженіе противъ родства, предполагаемаго вами между кимврами и кимрами ([10]). Впрочемъ, изслѣдованія мои о физіологическихъ признакахъ народовъ не имѣютъ ничего общаго съ этою частью вашей исторіи и совершенно отъ нея независимы.

Я исполнилъ обѣщанія, высказанныя мною въ началѣ этого письма и въ самомъ заглавіи, доказавъ, что у народовъ, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, существуютъ опредѣленные типы, переходящіе отъ одного поколѣнія къ другому. Выводы мои подтверждаются свидѣтельствами исторіи. Я постановилъ начала и приложилъ ихъ къ народамъ, занимающимъ большую часть Европы; всѣми силами стараясь найти истину, я не позволялъ себѣ рѣзкихъ, догматическихъ приговоровъ и не отступалъ отъ осторожности, необходимой при обсужденіи предмета столь новаго и труднаго. Поэтому смѣю надѣяться, что мои убѣжденія будутъ приняты вами, и что они возбудятъ участіе не въ однихъ васъ. Я могъ-бы распространить объемъ моей статьи, увеличивъ число приводимыхъ доказательствъ, но вопросъ отъ этого не сталъ-бы яснѣе. Къ тому-же я берегъ время моихъ читателей. Предметы, обращающіе на себя и дробящіе ихъ вниманіе, такъ многочисленны и разнообразны, что писатель долженъ заботиться о краткости изложенія. Иначе его не станутъ читать. Вотъ почему я приводилъ только самые сильные доводы, стараясь, впрочемъ, о томъ, чтобы сжатость не вредила ясности. Вы не будете, слѣдовательно, обвинять меня въ поверхностномъ изложеніи предмета, потому что я на небольшомъ числѣ страницъ коснулся столь многихъ вопросовъ.

Возможныя приложенія такъ многочисленны, что, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній, превышаютъ силы отдѣльнаго лица. Я ограничился тѣми, за которыя могъ отвѣчать. У насъ нѣтъ еще матеріаловъ для полнаго обзора европейскихъ народовъ. Сколько любопытныхъ вопросовъ могло-бы рѣшить изученіе древности германскаго народа, занимающаго пространство отъ Альповъ до Скандинавіи, и которому мы обязаны столь многими стихіями новой образованности. Какъ желательно было-бы узнать покороче живущія въ южной Франціи и въ сѣверной части Пиринейскаго полуострова племена, которыхъ, по имени ихъ предковъ, начинаютъ называть иберами. Критическое изученіе языковъ и историческія изслѣдованія уже доставили намъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, но никто еще не пытался опредѣлить различные типы, характеризующіе отдѣльныя семьи европей-

скаго населенія. Я достаточно видѣлъ этихъ типовъ для того, чтобы сказать утвердительно, что ихъ существуетъ нѣсколько, но не довольно для распредѣленія ихъ на группы и для уясненія ихъ отношеній къ исторіи. До сихъ поръ не описанъ даже типъ басковъ, хотя высокая древность этого народа и его владычество въ Иберіи доказаны знаменитымъ ученымъ *), хотя вы говорите о немъ въ вашей исторіи галловъ, хотя труды г. Форіеля обѣщаютъ пролить на него новый свѣтъ ([11]).

Можно надѣяться, что такіе пробѣлы скоро исчезнутъ, Эти народы — сосѣди Франціи и почти со всѣхъ сторонъ прилегаютъ къ ней. Надобно только внимательно изслѣдовать ихъ и не довольствоваться поверхностнымъ обзоромъ. Намъ лучше извѣстны наши антиподы, чѣмъ сосѣди,—дикія племена, чѣмъ народы съ древнею образованностью,—такіе, у которыхъ вовсе нѣтъ историческихъ памятниковъ, чѣмъ другіе, озарившіе свѣтомъ исторію не только своей, но и чужой древности.

Ученые, принимавшіе участіе въ послѣднихъ, предпринятыхъ съ цѣлью открытій, путешествіяхъ, обращали особенное вниманіе на наблюденія такого рода. Благодаря ихъ трудамъ, жители многочисленныхъ острововъ Тихаго океана лучше и тщательнѣе описаны, чѣмъ обитатели почти всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наука болѣе-бы выиграла чрезъ собраніе точнѣйшихъ свѣдѣній о народахъ и земляхъ Стараго материка.

Двѣ ученыя экспедиціи отправлены въ Грецію и Египетъ.

Если меня не обманываетъ память моя, то на гробницѣ египетскаго царя, о которой я говорилъ вамъ выше, представлены два весьма различные, существовавшіе въ Египтѣ, типа: одинъ, принадлежавшій простому народу, другой— высшимъ сословіямъ. Доселѣ обращали вниманіе только на послѣдній. Онъ, говорятъ, еще существуетъ у коптовъ. Вѣроятно, между ними сохранился и другой; я предложу этотъ вопросъ ученымъ, которые могутъ рѣшить его на мѣстѣ. Сравненіе этихъ двухъ типовъ съ прочими, которые находятся въ самомъ Египтѣ у коптовъ или у феллаховъ, въ Нубіи, въ Аббисиніи, даже, быть можетъ, въ Аравіи, населеніе которой, по моему мнѣнію, не есть однородное, можетъ привести къ разрѣшенію важныхъ вопросовъ.

Другая экспедиція, отправленная въ Морею, по малому

*) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelst der Baskischen Sprache; von Wilh. von Humboldt. Berlin 1821.

объему отмѣреннаго для ея наблюденій пространства, едва-ли будетъ въ состояніи отличать въ нынѣшнемъ населеніи потомство пеласговъ отъ настоящихъ эллиновъ. Невѣроятно, чтобы первые были совершенно истреблены или вытѣснены изъ всѣхъ частей Греціи. Малтъ-Брунъ, опираясь на собственныя и чужія розысканія, нашелъ слѣды пеласговъ въ языкѣ ихъ прежней родины. Можетъ быть теперь или впослѣдствіи, по заключеніи мира и открытіи болѣе обширныхъ сношеній, представится возможность возстановить, посредствомъ основательнаго, соединеннаго съ здравою критикою, изученія типовъ, первоначальное различіе между пеласгами и эллинами въ новой Греціи, такъ какъ мы возстановили различіе галловъ и кимвровъ во Франціи.

Между тѣмъ я могу сообщить вамъ о жителяхъ Мореи нѣсколько новыхъ свѣдѣній, которыми подтверждаются мои общіе выводы. У насъ обыкновенно толкуютъ о характеристическихъ признакахъ греческой головы безъ точныхъ и ясно опредѣленныхъ понятій. Однако, точность въ этомъ случаѣ тѣмъ необходимѣе, что памятники греческаго искусства не представляютъ одного общаго имъ всѣмъ характера и отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ.

Большая часть боговъ и лицъ, принадлежащимъ героическому времени, изображены по одному образцу, составляющему такъ называемый идеалъ красоты. Формы и размѣры головы и чертъ до того правильны, что ихъ можно описать съ математическою точностью. Типъ этотъ узнается тотчасъ по правильному овалу лица, прямому лбу и носу и отсутствію раздѣляющей ихъ впадины. Въ цѣломъ такъ много гармоніи, что существованіе означенныхъ чертъ необходимо условливаетъ прочія имъ соотвѣтствующія. Но не таковъ характеръ лицъ принадлежащихъ историческому періоду. Почти всѣ они, философы, ораторы, воины, поэты отличаются отъ описаннаго выше типа и составляютъ отдѣльную группу. Она столько-же далека отъ первой, сколько приближается къ обыкновеннымъ европейскимъ лицамъ. Я не считаю нужнымъ говорить о ней подробнѣе.

Если-бы у насъ не было другихъ средствъ, кромѣ памятниковъ греческаго искусства, то мы были-бы въ правѣ принять героическій или миѳическій типъ, вслѣдствіе его противоположности съ дѣйствительностью, за чисто-идеальный. Но воображеніе наше легче создаетъ уродовъ, чѣмъ образцы красоты. Это начало такъ вѣрно, что оно одно въ состояніи убѣдить насъ въ дѣйствительномъ существованіи означеннаго типа въ древней Греціи и тѣхъ странахъ, ко-

торыя заимствовали отъ нея свое населеніе. Быть можетъ, онъ существуетъ и доселѣ. Можно только предположить, что онъ былъ всегда весьма рѣдокъ, а теперь, если сохранился, сталъ еще рѣже.

Гг. Штакельбергъ и Бронштедъ, путешествовавшіе въ Мореѣ, сообщили мнѣ весьма любопытныя для меня наблюденія. Они утверждаютъ, что героическій типъ уцѣлѣлъ тамъ во всей чистотѣ своей и въ такомъ количествѣ, что составляетъ отличительный характеръ части населенія. Въ горахъ Аркадіи живутъ теперь влахи, которыхъ языкъ, смѣшанный съ ново-греческимъ, вошелъ въ употребленіе у окрестныхъ жителей. Горные пастухи даже носятъ имя влаховъ, что подало поводъ къ заключенію объ ихъ происхожденіи отъ этого народа, а не отъ древнихъ аркадцевъ. Я не могу допустить такого мнѣнія. Г. Штакельбергъ нашелъ между ними много чисто греческихъ лицъ; а г. Бронштедъ увѣрялъ меня, что прекрасныя формы греческаго типа встрѣчались ему если не чаще, то столь-же у пастуховъ Аркадіи, какъ у майнотовъ, которые представляютъ потомство лакедемонцевъ. Итакъ, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, типъ этотъ сохранился на небольшомъ пространствѣ многократно опустошенномъ мечемъ, огнемъ, голодомъ и язвою, среди населенія, которое никогда не было многочисленно, и въ продолженіи долгой своей зависимости отъ жестокихъ властителей, не разъ вызывало и испытывало всѣ ужасы ихъ мести.

Но число настоящихъ потомковъ древнихъ эллиновъ еще значительнѣе, чѣмъ можно думать, судя по тому, что́ я сказалъ выше.

Мы видѣли, что въ Греціи сверхъ героическаго существовалъ еще другой типъ, представителей котораго находимъ въ большей части великихъ людей историческаго времени. Послѣдній типъ былъ особенно распространенъ въ древности, чему доказательствомъ служатъ тѣ-же памятники. Онъ преобладаетъ и въ настоящее время. Меня убѣждаетъ все, что́ я видѣлъ лично или слышалъ отъ другихъ. Впрочемъ, здѣсь не нужно доказательствъ, потому что явленіе это есть необходимый выводъ изъ предыдущаго. Едва-ли какой народъ сохранилъ съ такою вѣрностью, какъ греки, языкъ своихъ предковъ. Ни у одного не найдемъ бо́льшаго количества древнихъ обычаевъ, нравовъ и преданій. Стѣны Аргоса, Микенъ и Тиринѳа, которыхъ древность была признана въ гомерическія времена, стоятъ донынѣ. Странствующіе рапсоды до сихъ поръ поютъ тѣмъ-же напѣвомъ и тѣми-же

словами о достопамятныхъ событіяхъ; они сами представляютъ живое подобіе тѣхъ предшественниковъ, о которыхъ вызываютъ воспоминаніе; сходство наружныхъ чертъ подкрѣпляется въ этомъ случаѣ сходствомъ происшествій. Новые греки стоятъ относительно образованности ниже своихъ предковъ, жившихъ въ лучшія времена ихъ исторіи; но ихъ можно смѣло сравнить съ предшествовавшими поколѣніями, которыя приготовили позднѣйшую славу. Природа осталась та-же. При равно благопріятныхъ условіяхъ, она способна къ такому-же развитію. Необразованныя и грубыя поколѣнія, подъ вліяніемъ финикіянъ и египтянъ, развили, съ безпримѣрною у другихъ народовъ быстротою, науки и искусство. Почему-же потомкамъ ихъ не совершить, при пособіи окружающаго ихъ европейскаго просвѣщенія, еще болѣе скорыхъ успѣховъ.

Не подумайте, что, указывая на существованіе въ Греціи двухъ типовъ, я отношу ихъ къ двумъ историческимъ породамъ той страны. Подобныхъ вопросовъ нельзя рѣшать съ такою поспѣшностью. У меня были подъ рукою всѣ нужныя данныя, когда дѣло шло объ отысканіи связи между историческими наименованіями галльскихъ племенъ и рѣзкими типами, которые я нашелъ между ними. Въ настоящемъ случаѣ такихъ данныхъ недостаточно; поэтому я ограничусь немногими замѣчаніями, могущими принести пользу тѣмъ изслѣдователямъ, которые займутся этимъ вопросомъ на мѣстѣ.

Первый изъ означенныхъ типовъ безъ сомнѣнія чистый; этого нельзя сказать утвердительно о второмъ. Онъ могъ произойти отъ соединенія перваго съ какимъ-нибудь другимъ, намъ неизвѣстнымъ. Въ немъ нѣтъ ни однообразія, ни оригинальности. Его надлежало-бы прослѣдить по всему пространству Греціи, принимая это имя въ самомъ обширномъ его значеніи. Мы между прочимъ встрѣтимъ тамъ народъ еще недостаточно изслѣдованный. Онъ говоритъ языкомъ ему одному принадлежащимъ; пришелъ неизвѣстно откуда, и неизвѣстно когда занялъ настоящія жилища свои. По крайней мѣрѣ люди, въ которыхъ я предполагалъ наиболѣе свѣдѣній по этому предмету, не могли сказать мнѣ ничего достовѣрнаго. Албанцы суть, вѣроятно, остатокъ древнѣйшаго населенія. Они въ Греціи тоже, что баски по обѣимъ сторонамъ Пиринеевъ, бретонцы во Франціи, валлисцы въ Англіи, наслѣдники эрсскаго языка въ Шотландіи и Ирландіи. Такъ какъ иностранное происхожденіе албанцевъ не можетъ быть доказано ни преданіями, ни исторіею, ни сравненіемъ языковъ, то почему не принять ихъ за пе-

ласговъ *). Я видѣлъ албанцевъ въ Венеціи и заказалъ нихъ портреты; но я не рѣшусь высказать идей, прин шихъ мнѣ тогда въ голову, пока не увѣрюсь положитель что видѣлъ настоящій албанскій типъ, и пока приведенн выше догадки о происхожденіи этого народа не буд признаны истинными или ложными ([12]).

Аравія, Персія и Индія требуютъ также особеннаго вн манія. Великіе результаты, къ которымъ привело насъ недавнее время изученіе языковъ индійскаго полуостро заставляютъ желать, чтобы путешественники, или европ цы, поселившіеся въ томъ краѣ, занялись опредѣленіе преобладающихъ въ Индіи типовъ. Можно думать, основное различіе тамошнихъ языковъ, показанное г. Бр нуфомъ (сыномъ), совпадаетъ отчасти съ различіемъ физ логическихъ примѣтъ, которыми отмѣчены отдѣльныя инд скія племена. Такая аналогія замѣтна съ самаго нач исторіи, свидѣтельствующей, что два древнѣйшіе нар Индіи представляли рѣзкую противоположность по цв кожи и географическому положенію ([13]).

Потомки персовъ существуютъ до сихъ поръ подъ и немъ парсовъ или гебровъ. Сравнительное изученіе ти гебровъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ они теперь н вутъ, при пособіи данныхъ, заимствованныхъ изъ сродст языковъ, вѣроятно содѣйствовало-бы къ уясненію темны историческихъ вопросовъ **). Я сказалъ выше, что насе

---

*) Господство славянскаго языка въ сѣверной и западной Греціи жетъ привести къ мнѣнію о преобладаніи славянскаго типа. Но я имѣ случай замѣтить, что этого типа нѣтъ ни у кроатовъ, ни у далмат цевъ. Г. Беданъ сдѣлалъ тоже замѣчаніе. Все это заставляетъ насъ мать, что потомки древнихъ грековъ существуютъ въ большомъ чис даже между народами, говорящими другимъ языкомъ. Впрочемъ, исто и языкъ албанцевъ доказываютъ, что и они не чистой породы. Вы утв ждаете, что нѣкогда земля ихъ была заселена галлами. Я самъ видѣ въ Далмаціи кимрскія лица. Искомый нами типъ будетъ только то достовѣрно опредѣленъ, когда его найдутъ въ частяхъ Греціи или странахъ, гдѣ прежде жили пеласги. Къ тому-же, надобно, чтобы отъ сое нения его съ героическимъ типомъ происходили признаки, характе зующіе лица историческаго періода.

**) Г. Бюрнуфъ (сынъ), изучая отношенія языковъ санскритскаго зендскаго къ европейскимъ, нашелъ, что первый ближе къ греческо а второй—къ германскимъ. Не странно-ли, что я, съ своей стороны, им причины думать, что идеалъ греческой красоты существуетъ или сущ ствовалъ въ Индіи. У меня подъ глазами памятники. Между тѣмъ, дѣнныя мною на гробницѣ египетскаго царя фигуры, которыхъ Бельцо называетъ персами, представляютъ величайшее сходство съ однимъ и самыхъ рѣзкихъ германскихъ типовъ. Фигуры эти, впрочемъ, обезоб жены въ атласѣ Бельцони.

в Аравіи, по моему мнѣнію, не есть однородное. Какая угая страна представляетъ любителямъ этнографіи болѣе ширное поприще для изслѣдованій? Изъ всѣхъ народовъ, іобрѣтшихъ громкое имя въ исторіи, можетъ быть, одни абы никогда не подвергались чужеземному игу; немногіе роды ходили такъ далеко отъ своей родины и разселись на такомъ обширномъ пространствѣ; близкое сходство абскаго языка съ другими расширяетъ еще болѣе сферу ихъ отношеній.

Въ предлагаемыхъ вамъ изслѣдованіяхъ я строго возрживался отъ всякихъ уклоненій отъ моего предмета. Я алъ типы въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно ществуютъ; указывалъ на совокупность и свойство приаковъ, изъ которыхъ они слагаются; разсматривалъ ихъ ществованіе въ данномъ періодѣ, а не въ безграничномъ емени; однимъ словомъ, я довольствовался тѣмъ, что гъ узнать положительно, и не заходилъ далѣе. Очевидно, о собранные мною факты и извлеченные изъ нихъ выды могутъ быть замѣнены другими; я самъ указалъ на ловія ихъ существованія и видоизмѣненій. Ограниченный, кимъ образомъ, предметъ представляетъ, внѣ своихъ преловъ, полный просторъ мнѣніямъ всякаго рода.

Называя типомъ совокупность опредѣленныхъ признавъ, я употребляю слово, имѣющее одно и то-же значеніе разговорномъ языкѣ и въ естественныхъ наукахъ, и, тамъ образомъ, устраняю возможность какого-либо недоумѣ относительно мѣста, принадлежащаго въ общей классикаціи тѣмъ группамъ, къ которымъ относится это выраніе. Оно равно прилично породѣ и ея отрасли, роду и ду и т. д. Подъ первобытнымъ или чистымъ типомъ, я зумѣю такой, который образовался не изъ соединенія друкъ, намъ извѣстныхъ. Болѣе обширнаго значенія я не ю этому выраженію.

Первобытные типы опредѣляются слѣдующимъ образомъ. добно замѣтить самыя рѣзкія различія отдѣльныхъ лицъ потомъ привести въ извѣстность дѣйствительно-ли эти бенности повторяются довольно часто для образованія ппъ, болѣе или менѣе значительныхъ, смотря по объему еленія. Результатомъ существованія нѣсколькихъ типовъ одной и той-же почвѣ будутъ многочисленныя помѣси, тавныя стихіи которыхъ узнать не трудно, если число хій ограничено. Правда, что отъ двухъ породъ могутъ оизойти множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Непредуежденный наблюдатель не будетъ знать, на чемъ ему остано-

вить глаза; безконечная смѣсь и пестрота явленій, особен
тамъ, гдѣ преобладаютъ смѣшанныя породы, заставять
думать, что общихъ и постоянныхъ признаковъ нѣтъ во
Лица, принадлежащія къ чистымъ породамъ, покажутся
въ такомъ случаѣ новыми видоизмѣненіями, усложняющ
безвыходный хаосъ. Но хаосъ этотъ уяснится и придетъ
порядокъ, когда вниманіе изслѣдователя обратится на кр
нія противоположности. Тогда онъ получитъ возможно
усмотрѣть, что онѣ повторяются часто съ однообразн
признаками. Обѣ крайнія группы увеличиваются въ объе
по мѣрѣ усиленныхъ наблюденій, и чѣмъ рѣзче выска
вается противоположность ихъ формъ, тѣмъ несомнѣн
становится ихъ первобытность. Поднявшись такимъ об
зомъ до основныхъ типовъ, мы для достиженія послѣд
степени достовѣрности, должны прослѣдить ихъ въ ра
образныхъ оттѣнкахъ, которые образуются отъ ихъ совок
леній.

Мы упомянули о возможности преобладанія смѣш
ныхъ породъ. Случиться можетъ, что отъ двухъ чист
типовъ произойдетъ, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ и ра
мѣрныхъ соединеній, третій средній, наиболѣе распрос
ненный. Поэтому не должно принимать числительный п
вѣсъ породы за доказательство ея первобытности, но надо
употребить средства, мною указанныя, для рѣшенія воп
объ ея происхожденіи.

Я не говорилъ въ этомъ письмѣ о нравственных
умственныхъ свойствахъ, особенно характеризующихъ
группы, которыхъ внѣшніе признаки мною описаны. Предм
этотъ входилъ въ составъ моихъ изслѣдованій и находи
въ связи съ ихъ цѣлью, но его можно было на время о
вить въ сторонѣ. Если-бы я былъ въ состояніи въ немно
словахъ удовлетворить любознательности читателей, то, ко
но, не усомнился-бы сообщить вамъ мои замѣчанія. Но воп
этотъ труднѣе всѣхъ тѣхъ, о которыхъ шла рѣчь въ мо
письмѣ, отчасти по самой природѣ своей, но особенно по ра
образію точекъ зрѣнія, съ которыхъ его можно разсма
вать. Есть, впрочемъ, одна общая: вездѣ и во всѣ вре
приписывались отдѣльнымъ народамъ особенныя нравст
ныя свойства и наклонности ума. Причины этихъ отл
не входили въ соображеніе. Для упрощенія задачи надо
слѣдовательно, устранить всякое изслѣдованіе о причин
и довольствоваться рѣшеніемъ вопроса о существов
нравственныхъ отличій, соотвѣтствующихъ внѣшнимъ
знакамъ, которыми отмѣчены отдѣльныя группы рода я

ескаго. Но въ такомъ случаѣ мы придемъ не къ необхо-
ой связи, а къ простому совпаденію, открывающему
рище самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Тѣмъ не
ѣе, опредѣленное наблюденіями отношеніе между нрав-
ннымъ характеромъ и физіологическими признаками
а или народа могло бы, независимо отъ вопроса о при-
ахъ, доставить любопытные и удовлетворительные для
хъ выводы (14).

Даже при такой наружной простотѣ, задача эта слиш-
ъ сложная, и я не могу приступить къ ней въ настоя-
ъ случаѣ. Я поставилъ себѣ цѣлію разобрать физіоло-
ескіе признаки человѣческихъ породъ въ связи ихъ съ
оріею и указалъ только на самые очевидные и положи-
ьные изъ нихъ. Желая скрѣпить новый союзъ исторіи
физіологіею, я боялся поколебать его разборомъ неясныхъ
твлеченныхъ отношеній.

Примѣчанія Т. Н. Грано

1) Греческій писатель, о которомъ здѣсь идет
дотъ, доказывающій происхожденіе жителей Колхи
сходствомъ внѣшнихъ признаковъ и общимъ этим
чаемъ обрѣзанія. (Кн. II, гл. 104). Свидѣтельства
гихъ писателей привели Вольнея къ заключенію, ч
надлежали къ черной, эѳіопской породѣ. Неоснов
мнѣнія теперь не подлежитъ сомнѣнію. Уже Блумен
что въ Египтѣ существовали три различные типа:
скій и барабрскій или берберскій *), который вс
другихъ. Первый подтверждаетъ слова Геродота и
древнихъ о египтянахъ. Онъ отличается выдаю
челюстями, толстыми губами, широкимъ и плоским
пуклыми глазами. Характеристическіе признаки вт
изъ длиннаго и тонкаго носа, продолговатыхъ глазъ
идутъ, подымаясь отъ переносицы къ вискамъ; вы
ушей; короткаго туловища и длинныхъ ногъ. Трет
скій типъ, въ которомъ многіе видятъ результатъ с
ской и эѳіопской крови, представляетъ нѣчто средне
первыми. Въ немъ особенно замѣтна полнота мягки
роткій подбородокъ, повислыя щеки, глаза на вык
наклонность къ тучности **). Новѣйшія изслѣдованія

*) Племя Барабра, по мнѣнію многихъ этнографовъ,
Риттера, родное Берберамъ сѣверной Африки, живетъ в
Впрочемъ, оно не похоже на Блуменбахово описаніе. Бар
рини (такъ называютъ ихъ въ Каирѣ) отличаются стройн
вымъ тѣлосложеніемъ. Prichard, II. 184. Вотъ что говорит
путешественникъ, г. Рафаловичъ: тѣлосложенія всѣ они
весьма стройнаго; верхнія и нижнія оконечности у н
длинны, но отличаются художественнымъ совершенство
руки и ноги малы и красивой щегольской формы, как
мускулы развиты бѣдно, икръ почти нѣтъ; жира въ по
чаткѣ не встрѣчаешь. Записки Географ. общества, кн. IV
**) Prichard, Naturgeschichte des Menschengeschlechts, na
Auflage des Englischen Originals mit Anmerkungen und Zus
geben von R. Wagner. T. II, стр. 252.

сподствуетъ въ
мужчинъ загo-
ное, костлявое
узкій; большіе
олосы густые,
-рыжимъ; носъ
ля; ротъ боль-
ложеніе сухое
, выше сред-

принадлежали
ожнаго мате-
щихъ между
бовъ замѣтно

у, не суждено
зованности, о
теперь другое,
породы, посте-

весьма незна-
реселенцы. Все
ь; самое могу-
къ сѣверу отъ
съ, способныхъ
дійцевъ съ XVI
влыми пришель-
овѣка. Другіе до
изъ немногихъ
зипи (т. е. между
ось только 30.000
отъ преслѣдующаго
обширныя пустыни,
сутъ своихъ красно-
кной гибели. Крѣпкіе
дичи, составляющей
я не могутъ отрѣ-
), начатое европей-
ла около 40, по
цевъ. Читатели

mrissen. T. I,

замѣтили въ муміяхъ особенную форму зубовъ, но теперь доказано что это явленіе было слѣдствіемъ свойства пищи, которую употреб ляли египтяне, или обычая подпиливать зубы, существующаго и другихъ народовъ *). Нельзя также не вспомнить о самомъ древ немъ изъ извѣстныхъ намъ френологическихъ наблюденій. Осматри вая поле битвы при Пелузіумѣ, Геродотъ нашелъ, что черепа персовъ которые были здѣсь убиты и погребены отдѣльно отъ побѣжденных ими противниковъ, значительно уступали въ твердости и крѣпо черепамъ послѣднихъ. Персидскій черепъ,—говоритъ онъ,—можн пробить насквозь маленькимъ камешкомъ; египетскій едва можн разбить большимъ камнемъ; (кн. III, гл. 12). Изслѣдованія новых ученыхъ служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго нам о пестромъ составѣ египетскаго населенія. Изъ четырехъ египет скихъ череповъ, описанныхъ Зоммерингомъ (Sömmering), два ни мало не отличаются отъ европейскаго, и одинъ представляетъ чист африканскую форму. Въ собраніи Блуменбаха находились три че репа египетскихъ: одинъ изъ нихъ носилъ на себѣ большую част признаковъ эѳіопской породы; другой походилъ совершенно на череп бенгальскаго индійца **).

2) Причардъ ***), повидимому, противорѣчитъ Эдвардсу, говоря что евреи болѣе или менѣе приняли внѣшніе признаки тѣхъ наро довъ, среди которыхъ живутъ съ давняго времени. Въ сѣверных странахъ Европы они обыкновенно русы. У англійскихъ евреевъ— голубые глаза и свѣтлые волосы; у нѣмецкихъ и польскихъ очен часто встрѣчаются рыжія бороды. Въ Индіи можно видѣть совер шенно черныхъ евреевъ. Но Эдвардсъ допускаетъ перемѣну в цвѣтѣ кожи и волосъ и доказываетъ только неизмѣняемость форм и пропорцій.

3) Гуанчами назывались древніе жители Канарійскихъ остр вовъ ****), принадлежавшіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, атлантическо или берберской породѣ. Самыя достовѣрныя и полныя свѣдѣнія племени гуанчей собраны Сабиномъ Бертело (Sabin Berthelot) в этнографическомъ отдѣлѣ его сочиненія Histoire naturelle des Il Canaries. Бертело доказываетъ, между прочимъ, что гуанчи не бы совершенно истреблены испанцами, и говоритъ по этому пово слѣдующее: „три столѣтія иноплеменнаго владычества не изгладить народныхъ чертъ. Онѣ сохранил гахъ у горныхъ пастуховъ и въ жи

*) Ibid.
**) Prichard, II, 249.
***) II, 2. 615.
****) Мы употребляем обыкновенно дается, лямъ одного остров

емействахъ. Африканскій типъ господствуетъ въ
ıаетъ себя тотчасъ замѣтить. У мужчинъ заго-
нѣе смуглый цвѣтъ кожи; овальное, костлявое
ныя; лобъ выпуклый и нѣсколько узкій; большіе
иногда зеленоватаго цвѣта; волосы густые,
еходящіе отъ черныхъ къ темно-рыжимъ; носъ
ба; ноздри широкія; губы толстыя; ротъ боль-
но расположенные зубы; тѣлосложеніе сухое
зко обозначены; ростъ, вообще, выше сред-

племени, которому нѣкогда принадлежали
ачительная часть противоположнаго мате-
доль приморскихъ странъ, лежащихъ между
зонской рѣки. Число караибовъ замѣтно

мъ Новаго свѣта, повидимому, не суждено
отъ дикаго быта къ образованности, о
ь. Они представляютъ намъ теперь другое,
скорбное зрѣлище цѣлой породы, посте-
мли.

ерной Америкѣ было уже весьма незна-
и первые европейскіе переселенцы. Все
ревышало 200.000 душъ; самое могу-
ъ племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ
пяти тысячъ человѣкъ, способныхъ
ро-американскихъ индійцевъ съ XVI
енной борьбѣ съ бѣлыми пришель-
о послѣдняго человѣка. Другіе до
е время состоятъ изъ немногихъ
сторону Миссиссипи (т. е. между
кеаномъ), считалось только
на западъ, отъ преслѣдующихъ
породы. Но обширныя
горъ, не спасутъ своихъ
имъ неизбѣжной гибели.
стребленіе

наши могутъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Кетлина о нра
обычаяхъ сѣверо-американскихъ туземцевъ потрясающій ра
о погибели народа мандановъ, нѣкогда сильнаго и многочисле
Въ 1838 году ихъ оставалось только 2000. Оспа истребила
послѣдній, оставшійся въ живыхъ вождь племени, добровольн
рилъ себя голодомъ.

Благія вліянія европейской образованности мало замѣт
бытѣ сѣверо-американскихъ дикарей. Скорѣе можно принят
она противна ихъ нравственной природѣ и дѣйствуетъ на
разрушительно. Примѣры, впрочемъ рѣдкіе, племенъ, вед
осѣдлую жизнь подъ надзоромъ и властью Вашингтонскаго п
тельства и занимающихся земледѣліемъ и ремеслами, не
служитъ опроверженіемъ указанныхъ нами фактовъ *). Благор
и самоотверженныя усилія христіанскихъ миссіонеровъ не бы
сихъ поръ увѣнчаны желаннымъ успѣхомъ. Изъ однообразных
лобъ католическаго духовенства и проповѣдниковъ, принад
щихъ ко всѣмъ сектамъ протестанства, видно, что христіа
распространяется только внѣшнимъ образомъ, не проникая в
бину одичалыхъ и загрубѣвшихъ въ язычествѣ сердецъ. Ос
ваясь на собственныхъ и сдѣланныхъ другими учеными наб
ніяхъ такого-же рода, извѣстный естествоиспытатель и путеше
никъ Марціусъ говоритъ, что семейство чисто американской
не можетъ существовать среди бѣлаго населенія долѣе 4-г
5-го поколѣнія; что оно обыкновенно вымираетъ ранѣе, ка
отравленное несродною ему образованностью. Съ другой сто
многочисленные остатки древности, находимые на огромномъ
странствѣ между Висконсиномъ и Флоридою, служатъ явнымъ
зательствомъ, что здѣсь нѣкогда жили земледѣльческіе народы
комые съ употребленіемъ серебра, мѣди и свинца; колоссал
развалины городовъ и памятниковъ всякаго рода, въ Сред
Южной Америкѣ еще громче говорятъ о прошедшей цивилиза
способности краснаго человѣка къ высшей гражданствен
Астрономическія свѣдѣнія мексиканцевъ и перуанцевъ не п
жатъ сомнѣнію. У бразильскихъ дикарей сохранились юридич
символы, въ которыхъ нельзя не узнать обломковъ цѣлой си
сложныхъ общественныхъ отношеній. Сличеніе этихъ данны
настоящимъ бытомъ американскихъ туземцевъ привело Мар
къ слѣдующему заключенію, которое, въ случаѣ, если вѣр
его будетъ доказана, выражаетъ великій и общій всему чело
ству законъ историческаго развитія. Такъ называемое дикое со

---

*) Кетлинъ и другіе отдаютъ рѣшительное преимущество дики
свободнымъ индійцамъ надъ тѣми, которые живутъ подъ властью Сѣ
Американскихъ Штатовъ и приняли уже нѣкоторую образованност

ваетъ двоякое; одно предшествуетъ образованности, какъ , соотвѣтствующая дѣтству народной жизни степень развитія; наступаетъ для народа впослѣдствіи, тогда, когда онъ исто-ю дна запасъ отмѣренныхъ ему Провидѣніемъ духовныхъ , какъ отжившій организмъ, разлагается на стихійныя части Американцы прошли, по мнѣнію Марціуса, чрезъ возможный хъ, по природнымъ условіямъ, періодъ образованности и на-я теперь во второмъ состояніи дикости, изъ котораго нѣтъ ъ выхода, кромѣ смерти. Коренное американское населеніе авляетъ явные признаки такого разложенія. Оно распалось бныя части, составляющія около 1.400 отдѣльныхъ народовъ ленъ, имѣющихъ свои языки и нарѣчія. Нѣкоторые языки ись исключительнымъ достояніемъ немногихъ семействъ. Ря-живущія племена, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, не аютъ другъ друга. Этотъ процессъ разложенія, очевидно, на-много вѣковъ тому назадъ. Мексика и государство перуан-инковъ приходили уже къ упадку въ эпоху покоренія ихъ цами. На сѣверѣ, первые англійскіе мореходы нашли дикарей, ихъ охотою и неспособныхъ даже отвѣчать на вопросы о за-ныхъ строителяхъ огромныхъ земляныхъ укрѣпленій, насыпей ганов, которыми усѣяна равнина Миссиссипи *).

провергая мнѣніе Марціуса, другой ученый путешественникъ, **), говоритъ, что оно можетъ быть допущено только относи-о Сѣверной Америки, но что на югѣ, особенно въ Перу, ту-я порода не только не вымираетъ, но даже грозитъ истребле-, потомкамъ бѣлыхъ завоевателей края. На это можно возра-тѣми-же цифрами, какія находятся въ сочиненіи самого Чуди ю свидѣтельствуютъ объ уменьшеніи индійскаго населенія въ ии трехъ послѣднихъ вѣковъ ***). Но еще важнѣе въ этомъ пеніи сильное возрастаніе смѣшанныхъ или цвѣтныхъ породъ, сходящихъ отъ соединеній европейской, африканской и амери-кой крови. Разнообразныя помѣси, составляющія результатъ хъ соединеній, уже получили рѣшительный перевѣсъ надъ на-цими креолами, т. е. потомками европейцевъ, и должны, пови-му, рано или поздно образовать господствующее населеніе ой Америки. Фактъ этотъ былъ замѣченъ еще Азерою (D. Felix Azara, Voyage en Amérique méridionale. Paris, 1809), ко-й говоритъ, по поводу парагвайскихъ метисовъ: „метисы (про-дящіе отъ соединенія европейской и индійской крови) состав-

*) Martius. Die Vergangenheit und Zukunft der amerikanischen Mensch-въ Deutschen Vierteljahrsschrift. 1839. Ч. II. стр. 235—270.
**) Peru. T. II. стр. 369.
***) Тамъ-же T. II, стр. 367.

ляютъ въ Парагваѣ большинство такъ называемыхъ испан
Мнѣ кажется, что они превосходятъ европейскихъ испанцев
стомъ, красотою формъ и даже бѣлизною кожи. Эти факты
вляютъ думать, что породы облагораживаются вслѣдствіе смѣ
и что европейская возьметъ верхъ надъ американскою". Опред
движеніе цвѣтнаго населенія въ республикахъ Южной Амери
возможно по недостатку точныхъ статистическихъ свѣдѣній
приведемъ однако нѣсколько цифръ, заимствованныхъ нам
путешествія въ Бразилію Rugendas'a (Voyage dans le B
Paris, 1825).

	Бѣлыхъ.	Цвѣтныхъ.	Негровъ.	Ин
Въ 1824 г., въ Мексикѣ считалось:	1.360.000;	2.070.000;	8.400;	3.4
„ „ „ „ Гватемалѣ „	190.000;	320.000;	10.000;	9
„ „ „ „ Колумбіи „	600.000;	720.000;	470.000;	8
„ „ „ „ Ла-Платѣ „	475.000;	305.000;	70.000;	1.1
„ „ „ „ Бразиліи „	843.000;	628.000;	1.987.500;	3

Надобно при этомъ замѣтить, что въ жилахъ большей
лицъ, причисляющихъ себя къ бѣлой, т. е. аристократическ
родѣ, течетъ также смѣшанная кровь. О разнообразіи и чис
мѣсей такого рода можно судить по длинному списку ихъ на
который помѣщенъ въ упомянутомъ нами сочиненіи Чуди о
Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ названій:

Плодъ бѣлаго человѣка и негритянки называется: Mulato.
— бѣлаго и индіанки . . . . . Mestizo.
— индійца и негритянки . . . . . Chino.
— бѣлаго и мулатки . . . . . Cuarteron.
— бѣлаго съ местицею . . . . . Creole.
— бѣлаго съ чиною . . . . . China blanc
— бѣлаго съ квартераною . . . . . Quintero.
— негра и мулатки . . . . . Zambo negr
— негра и местицы . . . . . Mulato oscu
— негра съ чиною . . . . . Zambo chin
— индійца съ мулаткою . . . . . China oscur

Мы кончимъ наши замѣчанія словами одного изъ отличнѣ
знатоковъ предмета, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. „Не под
сомнѣнію, — говоритъ Пöппигъ,—что краснокожій человѣкъ
носитъ близости европейской образованности и умираетъ въ е
сферѣ, какъ отъ ядовитаго дуновенія, безъ содѣйствія кр
напитковъ, заразительныхъ болѣзней или войны. Многократн
пытки правительствъ не въ силахъ были водворить въ этой
привычекъ нравственно-гражданской жизни, ибо ей недостае
собности къ самоусовершенствованію. Такой недостатокъ д
безполезными глубоко-обдуманные и человѣколюбивые планы

нія, которые изложены въ сочиненіяхъ даровитыхъ и благонамѣ-нныхъ людей, и оправдываетъ сравненіе американскихъ туземъ-въ съ тою низшею, но отмѣченною особенною физіономіею расти-льностью, которая развивается на почвахъ только-что возникшихъ ъ моря и исчезаетъ при появленіи растеній высшаго рода. Какъ возстаетъ наше чувство противъ подобнаго предположенія, но мъ не менѣе мы смотримъ на американцевъ, какъ на обреченную бели отрасль человѣчества. Опустѣвшія пространства займетъ дру-ая, болѣе крѣпкая духомъ, дѣятельная семья народовъ, идущихъ съ остока. Повинуясь своему призванію, она постоянно подвигается ередъ и покоряетъ себѣ самыя отдаленныя и дикія пустыни Но-аго міра, между тѣмъ, какъ туземное племя ложится къ смертному у и скоро исчезнетъ даже изъ памяти новаго народа. Быть мо-етъ, что менѣе, чѣмъ чрезъ столѣтіе, изслѣдованія о первыхъ жи-ляхъ цѣлой части свѣта сдѣлаются частью археологіи, и только огда будетъ возможно понять и почувствовать вполнѣ трагическую загадочную сторону исторіи американскихъ племенъ *).

5) Изъ рѣчей, которыя Прокопій (de Bel. Goth. III. 4. 21) лагаетъ въ уста Тотилѣ, видно, что у готовъ было до 200.000 ловѣкъ, способныхъ носить оружіе. Вообще, число готовъ въ Ита-іи было гораздо значительнѣе, чѣмъ полагаетъ Эдвардсъ. То-же мое можно сказать и о лангобардахъ.

6) Число нормановъ, основавшихъ государство Обѣихъ Сици-ій, было въ самомъ дѣлѣ ничтожно въ сравненіи съ объемомъ по-оренныхъ ими областей. Но въ дружинѣ и совѣтѣ норманскихъ нязей было мѣсто всякому смѣлому и даровитому человѣку, не-мотря на его родину и происхожденіе. Фридрихъ II (Гогенштау-енъ), въ войскѣ котораго были всегда большіе отряды, составлен-ые изъ однихъ магометанъ, наслѣдовалъ политику своихъ норман-кихъ предшественниковъ.

7) Исторія подтверждаетъ мнѣніе Эдвардса о томъ, что цвѣтъ ожи и волосъ не можетъ служить надежнымъ признакомъ природы подверженъ значительнымъ перемѣнамъ. Въ сочиненіи Причарда, ѣ собрано наиболѣе относящихся къ нашему предмету фактовъ наблюденій, приведено много примѣровъ такого перехода волосъ кожи отъ одного цвѣта къ другому. Греческіе и римскіе писатели оворятъ о галло-кимрскихъ племенахъ, что они были бѣлокуры. евніе ирландскіе памятники называютъ ирландцевъ русыми и логоловыми. Но теперь во Франціи, въ Ирландіи и въ сѣверной отландіи, именно тамъ, гдѣ наиболѣе сохранилось остатковъ древ-ійшаго, т. е. кельтическаго или галло-кимрскаго населенія, тем-ые волосы составляютъ господствующій признакъ, а свѣтлые—

*) Статья „Indier“ въ энциклопедіи Эрша и Грубера.

исключеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, особенн городахъ, замѣчено то-же явленіе *). Между финнскими племе есть русые и черно-волосые.

8) Оставляя въ сторонѣ неразрѣшенный и едва-ли разрѣш на основаніи чисто-историческихъ свидѣтельствъ вопросъ о п хожденіи этрусковъ, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣск словъ о внѣшнихъ признакахъ этого загадочнаго народа, наск мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ, сохранившимс памятникахъ этрусскаго искусства, въ особенности на саркофа Изображенныя лица представляютъ полныя, округленныя фо глаза у нихъ большіе; носъ довольно короткій и широкій; под докъ толстый и нѣсколько выдающійся впередъ. Вообще, въ з малорослыхъ и даже неуклюжихъ фигурахъ съ большими голо короткими и толстыми руками, можно, говоритъ Причардъ, у „obesos et pingues Etruscos“ **). Борода у нихъ бритая. положеніяхъ видно спокойствіе и даже нѣкоторая изнѣжен Типъ, замѣченный Эдвардсомъ, очевидно пришлый, и привился слѣдствіи, потому что масса тосканскаго населенія сохраняет сихъ поръ главныя характеристическія черты древнихъ этрусс „Изумительно,—говоритъ Нибуръ,—до какой степени рѣзко чаются другъ отъ друга, даже въ настоящее время, различныя мена, составлявшія населеніе древней Италіи. Другъ мой Ар обратилъ мое вниманіе на этотъ предметъ. Когда вы буде Италіи,—сказалъ онъ мнѣ,—замѣтьте на тосканской границѣ личіе породъ. Эта граница отдѣляла этрусковъ отъ лигуров крайнему удивленію моему, я встрѣтилъ у этрусковъ тѣ-же фо тѣ-же круглыя и полныя лица, какія находятся на древнихъ п никахъ“ ***).

9) Предположеніе Дегиня о тождествѣ гунновъ и гіон-ну об своимъ распространеніемъ Гиббону, который принялъ его на и внесъ, какъ доказанный фактъ, въ свое великое твореніе деніи Римской имперіи. Самъ Дегинь былъ такъ убѣжденъ въ нѣ своей гипотезы, что не счелъ даже нужнымъ подкрѣпить е ложительными доводами. Ему достаточно было сходства звук нѣкоторыхъ внѣшнихъ сближеній. Позднѣйшія изслѣдованія этомъ предметѣ были, повидимому, неизвѣстны Эдвардсу. Мы жимъ въ немногихъ словахъ ихъ результаты. Народъ, который именемъ гунновъ навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣт въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабощеніемъ, состоялъ пестрой смѣси племенъ турко-монгольскаго и финнскаго происх

*) Prichard. T III, отд. 1, стр. 211—223.
**) Prichard. T. III, отдѣлъ 1, стр 287.
***) Vorträge über alte Länder und Völkerkunde, стр. 329.

Іхъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, исконодины финновъ, куда зашли племена, вытѣсненныя войною и ми неизвѣстными намъ причинами изъ жилищъ своихъ въ ей Азіи. Опредѣлить время прихода невозможно. Настоящіе , въ тѣсномъ смыслѣ, были по всей вѣроятности монголы. Въ ерждение нашихъ словъ мы приведемъ слова извѣстнаго наоріенталиста, отца Іакинѳа. „Поколѣніямъ, т. е. владѣтельдомамъ (родамъ), занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ назмонголовъ, не потому, чтобы они происходили изъ дома оловъ, но потому, что сей домъ, усилившись, наконецъ, всѣ я поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и солъ какъ-бы новое государство, которое мало-по-малу привыкли вать монголами-же, по прозванію господствующаго дома. Симъ зомъ разныя монгольскія поколѣнія и прежде назывались обі именами: татаньцевъ, киданей, хойхоровъ (уйгуровъ), тулевъ, сяньбійцевъ, хунновъ и проч.“ *). Владычество хунновъ гунновъ въ Монголіи, носившей такимъ образомъ ихъ имя, олжалось отъ 214 г. до Р. Х.—93 г. по Р. Х.; съ другой сто, надобно замѣтить, что это имя было далеко распространено востокѣ. Оно находится, между прочимъ, въ клинообразной над персепольской, содержащей въ себѣ названія народовъ, вхоихъ въ составъ персидскаго государства, и разобранной Ласомъ. Гунны (Hunâ), о которыхъ здѣсь говорится, занимали обть, лежащую къ югу отъ Колхиды **). По словамъ Козьмы, совшаго въ VI-мъ столѣтіи по Р. Х. особенныя свѣдѣнія о тогней Индіи ***), такъ называемые бѣлые гунны жили вдоль сѣнаго берега рѣки Инда и составляли могущественный народъ. да распалось государство Аттилы, имя гунновъ перешло на мноизъ племенъ ему подвластныхъ, хотя эти племена по происхонію своему и не принадлежали къ грознымъ пришельцамъ IV-го а. Подобное явленіе повторилось въ исторіи монгольскихъ заваній. Современники называли монголами не однихъ только сомениковъ Чингисъ-Хана, но всю разнородную массу, изъ коой слагались его ополченія. Аттила и его племя принадлежатъ, видно, къ монгольской породѣ (замѣтимъ, впрочемъ, что Причардъ числяетъ финновъ къ одной породѣ съ монголами). Описанія временныхъ писателей, на которыхъ ссылается Эдвардсъ, такъ ожительны и согласны между собою, что не позволяютъ сомнѣться въ своей вѣрности. Монгольскій типъ выступаетъ передъ ми во всей своей опредѣленности. Іорнандъ какъ-бы предвидѣлъ

*) Записки о Монголіи, 1, 157.
**) Ritter, Erdkunde VII, 93—95.
***) Въ извѣстномъ сочиненіи Christiana topographia.

будущія возраженія и споры и заключилъ заимствованное і
Приска изображеніе наружности гуннскаго царя, слѣдующим
вами, которыхъ нельзя не принять въ соображеніе: „онъ нос
себѣ признаки своего происхожденія (originis suæ singa
tuens)“. Слѣдовательно, Аттила можетъ служить намъ пред
телемъ цѣлаго типа, котораго характеристическія черты въ
соединялись. Клапротъ *) говоритъ, что страхъ, наведенны
нами, имѣлъ вліяніе на древнихъ писателей и былъ отчасти
чиною того, что они представили намъ черты этого наро
искаженномъ и обезображенномъ видѣ. Но описанія Ам. Ма
лина, Приска, Сидонія Аполлинарія, Іорнанда соотвѣтствую
вершенно настоящему монгольскому типу, и если мы будем
трѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, то не найдемъ въ них
чего преувеличеннаго или каррикатурнаго. Мы укажемъ м
читателямъ на записки о Монголіи отца Іакинфа. Тамъ нах
(Т. I, стр. 169), описаніе монголовъ, которое совершенно схо
тѣмъ, что Іорнандъ говоритъ объ Аттилѣ и гуннахъ вообще.

Связь мадьяровъ съ гуннами доказать не трудно. Мадьяр
надлежатъ, какъ извѣстно, къ финнскому (чудскому) племени,
рое составляло значительную часть народа, или, правильнѣ
зать, ополченія. Выше сказано, что имя гунновъ пережил
государство. Оно досталось, между прочимъ, въ наслѣдство н
рымъ изъ финнскихъ племенъ, которыя вообще не заявили в
ріи воинственнаго характера, сообщеннаго имъ временнымъ
неніемъ съ турко-монголами. Угры или венгры, именующі
мадьярами, долѣе другихъ сохранили этотъ характеръ и па
связи своей съ гуннами. Извѣстный францисканскій монахъ
брекъ, ѣздившій въ 1253 году посломъ къ монгольскому хан
воритъ о народѣ паскатировъ, (башкировъ), у которыхъ
языкъ съ венграми. Изъ земли башкировъ, по словамъ это
тешественника, вышли гунны, впослѣдствіи названные венгр

Мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь мнѣніе ученых
нимающихъ гунновъ за славянъ. Что гунны увлекли въ
движеніи славянъ, не подлежитъ сомнѣнію; равно достовѣрн
что имя гунновъ осталось во многихъ славянскихъ мѣстно
нѣкогда имъ подвластныхъ; но смѣшивать эти два племени
можно.

10) Лучшее изслѣдованіе о „Семи и тринадцати общи
принадлежитъ Шмеллеру (Schmeller, Über die sogenannte
bern der VII und XIII Communen und ihre Sprache;
щено въ запискахъ Баварской Академіи наукъ. 1838. Т. I
3, стр. 557 и д.). Мы заимствуемъ изъ этого изслѣдова

*) Tableaux historiques de l'Asie, стр. 238.

ющіе факты. Тринадцать веронскихъ общинъ (tredeci communi) нимаютъ самыи возвышенныя мѣста въ горахъ, изъ которыхъ текаетъ рѣка Проньо. Этотъ небольшой народъ состоитъ изъ 000 душъ нѣмецкаго происхожденія; подъ владычествомъ венеанской республики онъ пользовался многими нынѣ несуществующими правами. Еще въ концѣ VIII столѣтія, всѣ чиновники 13 общинъ должны были разумѣть нѣмецкій языкъ, который употреблялся и въ проповѣдяхъ духовенства. Въ настоящее время нѣмецкій языкъ сохранился только въ двухъ мѣстечкахъ, Гіаццѣ и Кампоонтано, въ которыхъ считается вмѣстѣ около 1800 душъ. На востокъ оттуда, на высотѣ между Астико и Брентою, лежатъ семь общинъ (sette communi), образовавшія подъ владычествомъ Венеціи родъ небольшой, одаренной значительными правами, республики. Населеніе состоитъ изъ 30.000 душъ. Въ южной части этихъ общинъ нѣмецкій языкъ уже вышелъ или выходитъ изъ употребленія. Онъ сохранился только въ немногихъ мѣстностяхъ и то преимущественно у женщинъ и дѣтей. Мужчины всѣ могутъ говорить по-италіански. Богатые и почетные люди даже не употребляютъ другого языка. Жители тринадцати и семи общинъ выдаютъ себя за потомковъ тѣхъ кимвровъ, которыхъ Марій разбилъ при Веронѣ. Но языкъ ихъ обличаетъ другое происхожденіе. Шмеллеръ, отличный знатокъ этого предмета, нашелъ, что жители общинъ говорятъ баваро-тирольскимъ нарѣчіемъ верхне-нѣмецкаго языка, которое соотвѣтствуетъ XII и XIII столѣтіямъ. По всей вѣроятности, эти колоніи составились изъ вызванныхъ тріентскими епископами, которые много занимались горными промыслами, нѣмецкихъ рудокоповъ. Окрестные жители до сихъ поръ называютъ жителей общинъ потомками рудокоповъ (Canopi—Knappen, Bergknappen).

11) Кромѣ приведеннаго Эдвардсомъ сочиненія В. Гумбольдта, читатели наши найдутъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній объ исторіи басковъ въ „Исторіи южной Галліи подъ германскимъ владычествомъ“ Форіеля (Т. II, 340—357). Но знаменитый авторъ не успѣлъ изложить вполнѣ своихъ изслѣдованій объ этомъ народѣ, быть можетъ древнѣйшемъ обладателѣ галльской почвы, отнятой у него кельтами.

12) Въ 1835 году вышло сочиненіе Ксиландера: „Die Sprache der Albanezen oder Schkipetaren“, изъ котораго видно, что языкъ албанцевъ не походитъ на греческій и не обличаетъ вовсе близкаго родства между этими народами.

13) Лассенъ въ своемъ классическомъ твореніи объ индійскихъ древностяхъ („Indische Alterthumskunde“, стр. 361), принимаетъ также двѣ главныя породы въ восточной Индіи, арійскую и деканскую, которыхъ физіологическія отличія еще не были достаточно опредѣлены. Но, кромѣ этихъ двухъ породъ, индійскій полу-

островъ заключаетъ въ себѣ много племенъ неизвѣстнаго намъ происхожденія.

14) Эдвардсъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственныхъ свойствахъ отдѣльныхъ человѣческихъ породъ. При настоящемъ состояніи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса, но нельзя также не признать, что опредѣленіе физіологическихъ признаковъ народа тогда только получитъ настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени. Эдвардсъ доказываетъ неизмѣняемость породъ въ физіологическомъ отношеніи. То-же самое начало можно провести и въ исторіи нѣкоторыхъ народовъ, сохранившихъ основныя черты своего первобытнаго характера чрезъ всѣ перевороты и внѣшнія вліянія, которымъ они подвергались въ теченіи столѣтій. Надобно пока собирать факты для соображеній. Въ одной изъ слѣдующихъ частей сборника *) мы представимъ нашимъ читателямъ сводъ современныхъ свидѣтельствъ о характерѣ галловъ отъ выступленія ихъ на театръ исторіи до новыхъ временъ.

---

*) „Сборникомъ“ Грановскій называетъ „Магазинъ Землевѣдѣнія“, въ которомъ была напечатана эта статья. Обѣщанной статьи о галлахъ Грановскій не написалъ.

Прим. ред.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла 1-го въ 1799 году.

Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Николая I-го. Пять томовъ. Сочиненіе полковника Милютина. СПБ. 1853.

Большей части русскихъ читателей, вѣроятно, уже давно извѣстны первые три тома „Исторіи войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I-го". Вышедшими недавно IV и V томами достойнымъ образомъ заключается превосходный трудъ полковника Милютина. Его книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто въ обще-европейской исторической литературѣ.

Въ ожиданіи подробнаго, уже приготовленнаго для „Московскихъ Вѣдомостей" отчета, мы поздравляемъ нашу публику съ важнымъ пріобрѣтеніемъ и считаемъ не излишнимъ познакомить ее въ бѣгломъ обзорѣ съ содержаніемъ двухъ послѣднихъ томовъ книги г. Милютина. При этомъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ ея значеніи для новѣйшей исторіи вообще.

Дѣйствія русскихъ войскъ, отправленныхъ въ 1799 году императоромъ Павломъ I-мъ противъ Франціи, составляютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи войнъ, вызванныхъ французскою революціею. Театромъ этихъ дѣйствій были Италія, Швейцарія и Голландія. Успѣхъ не вездѣ увѣнчалъ предпріятія русскихъ полководцевъ, но славы намъ досталось довольно. Отвѣтственность за неудачи должна большею частью пасть на тогдашнихъ союзниковъ Россіи, которыхъ своекорыстная политика, оплошность и нерѣшительность положили преждевременный конецъ подвигамъ русскихъ армій. Несмотря на важность этихъ событій, въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ ни одного удовлетворительнаго сочиненія о войнѣ 1799 года. Исторія

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

россійско-австрійской кампаніи, изданная въ 1825 году С. С. Фуксомъ, содержитъ въ себѣ только поверхностный обзоръ дѣйствій Суворова съ весьма любопытными, но не всегда точно переведенными съ оригиналовъ, и вообще небрежно напечатанными приложеніями. Авторъ, который, какъ извѣстно, находился во все продолженіе кампаніи при особѣ Суворова, завѣдывалъ его походною канцеляріею и велъ всю оффиціальную переписку, былъ, очевидно, не въ состояніи воспользоваться выгодами своего положенія. Многочисленныя сочиненія, вышедшія за-границею о кампаніяхъ 1799 года, не могутъ, не смотря на относительныя достоинства свои и даже желаніе нѣкоторыхъ писателей представить безпристрастную оцѣнку событій, удовлетворить требованіямъ исторической истины, потому что они составлены на основаніи одностороннихъ источниковъ, безъ всякаго знанія обильныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Россіи. Читатели найдутъ обстоятельное подтвержденіе нашихъ словъ въ краткомъ, но весьма отчетливо и добросовѣстно составленномъ указателѣ источниковъ и событій, которыми пользовался г. Милютинъ для своей книги. Указатель этотъ приложенъ къ IV-му тому и самъ по себѣ заслуживаетъ благодарности всѣхъ занимающихся новѣйшею исторіею Европы. Изъ этого приложенія нетрудно составить себѣ понятіе объ отношеніи г. Милютина къ его предшественникамъ.

„Исторія войны Россіи съ Франціею“, есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный. Автору хорошо извѣстно все, что было писано до него объ его предметѣ, но онъ заимствуетъ свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно изъ оффиціальныхъ актовъ и другихъ памятниковъ, большею частью еще не изданныхъ и хранящихся въ государственныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Можно смѣло сказать, что книга, о которой здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ первый разъ полное и правдивое изложеніе какъ военныхъ событій, такъ и дипломатическихъ сношеній, происходившихъ въ 1799 году. Приведенные полковникомъ Милютинымъ дипломатическіе акты и документы другого рода проливаютъ яркій и для большинства западныхъ историковъ, можетъ быть, нежданный свѣтъ на дѣйствія союза, образовавшагося противъ Франціи въ предпослѣдній годъ XVIII-го столѣтія. Высокое прямодушіе императора Павла, рыцарское безкорыстіе, съ какимъ онъ принялъ участіе въ борьбѣ, представляютъ странную противоположность съ образомъ дѣйствій другихъ союзниковъ. Въ 1799 году республиканской Франціи грозила несравненно

бо́льшая опасность, чѣмъ въ 1792. Суворовъ не походилъ на герцога Брауншвейгскаго. Читатели узнаютъ изъ книги г. Милютина обстоятельства, остановившія побѣдное шествіе великаго полководца и не позволившія ему прибавить къ длинному ряду прежнихъ подвиговъ новые, еще болѣе громкіе и уже зрѣло обдуманные и приготовленные къ исполненію.

Г. Милютинъ пользовался сокровищами открытыхъ ему по волѣ Государя Императора государственныхъ архивовъ не только какъ трудолюбивый и добросовѣстный собиратель, но какъ истинный историкъ, умѣющій извлекать изъ массы разнородныхъ матеріаловъ ихъ внутренній смыслъ и сущность. Приложенія къ „Исторіи войны Россіи съ Франціею", занимающія цѣлую половину книги, составляютъ сами по себѣ драгоцѣнный подарокъ исторіи, но, повторяемъ, не въ этомъ одномъ заключается заслуга г. Милютина. Его собственное изложеніе событій отличается необыкновенною ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманеннаго никакими предубѣжденіями и тою благородною простотою, которая, по нашему мнѣнію, составляетъ необходимую принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія. Намъ рѣдко случалось читать книгу, въ такой степени поучительную и увлекательную, а, между тѣмъ, авторъ, очевидно не заботился о сообщеніи своей книгѣ того рода занимательности, который болѣе всего требуетъ публика, читающая историческія сочиненія. Онъ оставилъ въ сторонѣ анекдотическую часть, столь рѣзко выдающуюся впередъ въ жизни Суворова, сдѣлавшагося еще при жизни героемъ преданій, ходившихъ не только въ простомъ народѣ. но и въ высшихъ классахъ русскаго и всего европейскаго общества. Зато немногія характеристическія черты, мастерски вставленныя полковникомъ Милютинымъ въ его разсказъ, тѣмъ сильнѣе поражаютъ читателя.

Четвертый томъ „Исторіи войны Россіи съ Франціею" содержитъ въ себѣ изложеніе военныхъ дѣйствій нашихъ въ Швейцаріи и оканчивается рѣшительнымъ разрывомъ между австрійскимъ и русскимъ дворами. Каждому изъ насъ случалось слышать разсказы стариковъ и читать отдѣльные эпизоды изъ чудеснаго похода, совершеннаго въ Швейцаріи русскими войсками, по выходѣ ихъ изъ Италіи. Въ самой Швейцаріи, подвиги нашихъ соотечественниковъ оставили неизгладимое впечатлѣніе въ памяти жителей. Непривычные къ горной природѣ солдаты взбирались въ виду смѣлаго и предпріимчиваго непріятеля на вершины Альповъ по тро-

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

пинкамъ, пробитымъ только одними охотниками. Мы не м
жемъ не привести нѣсколькихъ страницъ, заимствованны
нами изъ главы 58-й, носящей названіе: „С. Готардъ“:

„Со стороны Италіи позиція на С. Готардѣ была поч
недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая д
вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по круто
свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные потоки С
речіа и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя и
ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ пу
становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бур
или въ зимнія вьюги; нерѣдко, одиночные путники погиба
отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали верши
горы. Здѣсь, на высотѣ 6.800 футовъ надъ уровнемъ океа
находился страннопріимный домъ— Госписъ (Hospice, Ospizi
въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ; эти благочест
вые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникам
подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзши
въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ сп
сали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ ве
въ Швейцарію свою малочисленную армію... Обходное дв
женіе князя Багратіона и Барановскаго къ верховьямъ рѣч
Соречіа заставило республиканцевъ начать отступленіе. Одн
ко-жъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливали
на выгодныхъ позиціяхъ и, наконецъ, поднялись на саму
вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ од
лѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасн
преграды мѣстности. Бригада Гюденя, уже подкрѣпленн
ближайшими войсками Луазона, заняла сильную позиц
впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція
фронта, однако-жъ войска Фёрстера и Швейковскаго отваж
пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убійстве
нымъ огнемъ: укрываясь за утесами и каменьями, республ
канцы цѣлили, какъ изъ бойницъ. Первый приступъ бы
отбитъ съ сильною потерею; но войска русскія ничего
считали невозможнымъ: одушевленныя присутствіемъ Сув
рова и Великаго Князя Константина Павловича, они сно
взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбит
Потеря была еще сильнѣе прежняго: уже до 1.200 человѣ
выбыло изъ строя. Однако-жъ упрямый Суворовъ оставал
непреклоннымъ и рѣшился во что́-бы то ни стало выбить н
пріятеля изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивлен
французовъ на С. Готардѣ, фельдмаршалъ опасался
колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никаких
извѣстій. Время было дорого; день уже приближался к

ечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ебра С. Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, ъ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, о подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и ривычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на ти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайости, гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ удто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По времнамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, овсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни, огда Суворовъ въ третій разъ повелъ аттаку на С. Готардъ. Въ то-же время и князь Багратіонъ появился, наконецъ, на нѣжной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С. Готардъ. Утомленныя до изнеможенія, войска стягивались мало-помалу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель (пріоръ), 70-лѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ, святой отецъ, — сказалъ ему Суворовъ:—какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу“... Усердно молился русскій полководецъ на вершинѣ С. Готарда. Послѣ молебствія вошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и горохомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настоятелемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги отшельниковъ и благодарилъ ихъ за гостепріимство. Образованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и начитанности русскаго генерала. Они разстались весьма довольные другъ другомъ; Суворовъ, напутствуемый благословеніями капуциновъ, отправился къ войскамъ“.

Слѣдующая 59-я глава содержитъ въ себѣ описаніе дѣйствій Суворова отъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Урнерское подземелье и атаки Чортова моста до вступленія ихъ въ Муттенскую долину. Нигдѣ и никогда, быть можетъ, не обнаружились геній и отвага безсмертнаго полководца, какъ въ эти два дня (15-го и 16-го сентября), при сопряженномъ съ трудностями всякаго рода переходѣ отъ Альторфа до Муттена, на разстояніи всего 16 верстъ. Но подъятые труды и устраненныя препятствія не приве-

ітовъ. При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ
ікъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ. Не
ло было на душѣ; подъ-часъ ворчали солдаты на погоду,
оры, на голодъ; но унынія не знали; не заботились
е о томъ, что окружены непріятелемъ; не боялись ни-
ько встрѣчи съ французами. Напротивъ того, русскіе
ко и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобы
ти, наконецъ, изъ тяжкаго положенія. Въ успѣхѣ боя
о не сомнѣвался, несмотря на всю несоразмѣрность въ
хъ, несмотря на всѣ преимущества на сторонѣ непрія-
. Французы имѣли въ горной войнѣ гораздо болѣе на-
а и сноровки, чѣмъ русскіе; умѣли искусно пользоваться
ностью; стрѣляли мѣтко; имѣли хорошую артиллерію. За-
русскіе брали отвагою и штыками; вездѣ, гдѣ только
ли, бросались прямо въ рукопашную схватку, и на го-
ный желудокъ, молодецки расправлялись съ противни-
ъ. Самъ Суворовъ переносилъ съ изумительною твердостью
труды физическіе и страданія нравственныя. То подъ
демъ проливнымъ, то въ мятель и вьюгу, 70-лѣтній пол-
одецъ ѣхалъ бодро на казачьей лошадкѣ, въ обыкно-
ной своей легкой одеждѣ. Можно представить себѣ, какъ
жно было тревожить фельдмаршала опасное положеніе
арміи. По свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ приближен-
ъ его, были минуты, когда онъ даже отчаявался спасти
войско; однакожъ и тутъ сохранилъ всю свою силу, ду-
ную и твердую рѣшимость спасти, по крайней мѣрѣ, честь
скаго оружія.—„Не дамъ костей своихъ врагамъ“,—го-
илъ онъ:—„умру здѣсь, и пусть на могилѣ моей будетъ
пись: Суворовъ, жертва измѣны, но не трусости“... Пе-
ь войсками фельдмаршалъ старался неизмѣнно сохранять
ужность спокойную. Въ числѣ весьма извѣстныхъ анек-
овъ о Суворовѣ, разсказываютъ, будто-бы въ Муттенской
инѣ находясь совершенно въ безвыходномъ положе-
, полководецъ нашъ, чтобы скрыть тревожное состояніе
ли своей, велѣлъ подать шкатулку, въ которой всегда
илъ онъ съ собою всѣ свои ордена и другіе знаки Монар-
хъ милостей; медленно раскладывалъ передъ собою всѣ
украшенія, любовался ими и приговаривалъ: „вотъ это
Очаковъ! это за Прагу!“... и такъ далѣе. Однажды на по-
ѣ, когда колонна съ необыкновенными трудами проби-
ась по недоступнымъ горамъ, солдаты, въ присутствіи
ого Суворова, начали было ворчать: „Старикъ нашъ вы-
лъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!“... Слыша
ственными ушами, фе[illegible]шалъ обратился къ ср[illegible]

свитѣ и громко сказалъ: „Какъ они хвалятъ меня! Помил
Богъ! Такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и Польшѣ“.
другой разъ, также на походѣ, замѣтивъ, что солдаты
бились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ во всю с
затянулъ пѣсню: „Что дѣвушкѣ сдѣлалось? Что крас
случилось?“.. Общій хохотъ раздался въ колоннѣ, и солда
ободрились. На ночлегахъ и привалахъ Суворовъ иногда п
ходилъ къ солдатскому кружку, вмѣшивался въ разгово
по обыкновенію шутилъ, смѣшилъ разными поговорка
Появленіе стараго вождя еще имѣло дивное вліяніе на в
ско. Суворовъ умѣлъ оживить его въ обстоятельствахъ
мыхъ безотрадныхъ. Указывая впереди высокія горы и
неприступную позицію непріятельскую, фельдмаршалъ толк
твердилъ о побѣдѣ, о славѣ, о милости царской; по прежне
называлъ солдатъ: „чудо-богатыри“, „чада Павловы“,—и
прежнему отвѣчали ему восторженные клики: „рады с
раться, отецъ нашъ! веди, всюду пойдемъ за тобою!“..

Остальная часть IV тома посвящена послѣднимъ д
ствіямъ русскихъ войскъ на театрѣ войны и удаленію
ворова съ этого театра. Главное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ
нимаютъ сношенія Россіи съ другими членами образов
шагося противъ Франціи союза. Читатели найдутъ зд
чрезвычайно много новаго и въ высокой степени занимате
наго. Мы укажемъ для примѣра на сардинскія дѣла, въ
торыхъ такъ рѣзко обнаруживались съ одной стороны
ликодушная политика императора Павла, съ другой—ко
стные виды тогдашняго австрійскаго правительства.

Въ V томѣ разсказана несчастная участь англо-русс
экспедиціи въ Голландіи, гдѣ Германа постигла та-же суд
какую Корсаковъ испыталъ въ Швейцаріи. И въ этомъ с
чаѣ мы въ правѣ сказать, не навлекая на себя упрека
патріотическомъ пристрастіи, что виною неудачи были отча
слишкомъ медленныя дѣйствія нашихъ союзниковъ. Ист
этого похода, сколько намъ извѣстно, въ первый р
является на русскомъ языкѣ. Авторъ „Исторіи войны Ро
съ Франціею“ представляетъ самый ясный и отчетливый
водъ изъ сочиненій иностранныхъ писателей, свѣренн
и дополненныхъ имъ при пособіи богатыхъ и еще неизд
ныхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Неудач
экспедиція не осталась, однако, безъ выгодъ для англича
которые овладѣли значительною частью батавскаго фл
Чрезъ это они въ сущности достигли своей главной цѣ
Всѣ невыгоды и главный уронъ понесли русскіе.
17.000 человѣкъ, отправленныхъ изъ Ревеля въ авгу

799 года, къ январю 1800 г. осталось на лицо только 10.539 че-
овѣкъ, въ томъ числѣ 3.308 больныхъ. Весьма любопытенъ,
о новости подробностей и ясному взгляду на цѣлое, раз-
казъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ австрійцевъ противъ фран-
зовъ въ Италіи, и объ участіи, какое принимали въ этихъ
йствіяхъ русскія войска, находившіяся на эскадрѣ адми-
ла Ушакова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ глава, въ
торой разсказана осада Анконы. Едва-ли гдѣ раскрылись
къ явно непріязненные намъ виды нашихъ союзниковъ.
а тѣмъ слѣдуетъ основанное на оффиціальныхъ актахъ
зложеніе политическаго состоянія Европы въ промежуткѣ
ъ конца кампаніи 1799 г., до возстановленія общаго мира
ъ 1801г. Послѣдніе дни Суворова и его кончина описаны въ
собой главѣ.

Къ сочиненію г. Милютина приложены многочисленные
ланы и карты, необходимые не для однихъ только воен-
ыхъ читателей. Изъ бѣглаго очерка, нами представленнаго,
итатели могутъ составить себѣ понятіе о богатствѣ содер-
анія двухъ послѣднихъ томовъ сочиненія, которое, по всей
вѣроятности, не замедлитъ обратить на себя вниманіе уче-
ыхъ западной Европы. Автору можно спокойно ждать ихъ
риговора, ибо онъ является передъ ними съ трудомъ но-
ымъ и оригинальнымъ значительно раздвигающимъ кругъ
ашихъ знаній о великихъ событіяхъ, происходившихъ въ
вропѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Исправляя ошибочныя
нѣнія, пущенныя въ ходъ иностранными писателями,
слѣдствіе явнаго недоброжелательства Россіи, или по не-
вѣдѣнію, полковникъ Милютинъ сохраняетъ вездѣ высокое
безпристрастіе, воздающее по заслугамъ и врагамъ, и союз-
никамъ. Книга его можетъ вызвать возраженія, но никто
не станетъ у нея оспаривать значенія первокласснаго истори-
ческаго труда.

Чтенія Нибура о древней исторіи.

B. G. Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte an der Universität zu B gehalten. 3 Bde. Berlin. 1847—1851.

I.

Изданіе историческихъ и филологическихъ лекцій, чит ныхъ Нибуромъ въ Бонскомъ университетѣ, предприня его сыномъ, наконецъ, приближается къ концу. Чисто-ис рическій отдѣлъ уже весь готовъ. Семь вышедшихъ до сі поръ томовъ содержатъ въ себѣ курсы древней этнограф древней исторіи (Востокъ и Грецію) и римской исто Курсы эти составлены большею частью по запискамъ бі шихъ слушателей Нибура, потому что въ его собственны бумагахъ оказалось мало пособій для издателей. Въ тече двадцати лѣтъ, прошедшихъ со смерти великаго истори идеи, высказанныя имъ съ каѳедры Бонскаго университ находились въ исключительномъ обладаніи его слушател Многое было пущено въ ходъ не только подъ чужимъ и немъ, но даже въ искаженномъ видѣ. Теперь лекціи на чатаны, и любознательные читатели могутъ сами оцѣні большую или меньшую степень добросовѣстности и умѣн съ какими пользовались этимъ богатымъ источникомъ немногіе, которые имѣли къ нему доступъ. Но, кромѣ и общаго значенія въ наукѣ, лекціи Нибура представляі для насъ занимательность другого рода. Мы знали авт „Римской исторіи“ какъ геніальнаго критика и глубо мысленнаго изслѣдователя; теперь онъ является намъ новой стороны, превосходнымъ повѣствователемъ, муже живого, увлекательнаго слова. Читая лекціи Нибура, моя понять вполнѣ глубокое впечатлѣніе, которое онѣ произ дили на его аудиторію. У него не найдемъ того обдуманна академическаго краснорѣчія, которымъ отличаются чте знаменитыхъ французскихъ профессоровъ, напр. Гизо и

ильмена; его рѣчь проста и чужда всякихъ риторическихъ крашеній, но въ ней есть теплота и сила, происходящая въ сознанія преподавателя, что предметъ, имъ излагаемый, ходится совершенно въ его власти, вполнѣ ему покоренъ. ибуръ былъ одаренъ необыкновенною способностью переноиться въ прошедшее не только воображеніемъ, но личнымъ частіемъ. Въ этомъ заключается творческая, чисто-поэтическая сторона его таланта. Когда онъ начиналъ говорить какомъ-либо значительномъ лицѣ греческой или римской сторіи, онъ тотчасъ извлекалъ изъ своей изумительной памяти ю современную обстановку, припоминая малѣйшія подробости и отношенія, и становился самъ въ ряды горячихъ риверженцевъ, или враговъ описываемаго лица. О немъ ожно безъ преувеличенія сказать, что онъ пережилъ сердемъ борьбы всѣхъ великихъ партій Греціи и Рима. Улить Нибура въ пристрастіи не-трудно, тѣмъ болѣе, что онъ находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и ниталъ себя въ правѣ произносить рѣшительные приговоры адъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исторіи; но самые рѣзкіе и несправедливые изъ этихъ приговоровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что ъ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой-нибудь усользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ, или скорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложеія исторіи, конечно, не можетъ служить образцомъ или приѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру. Но обыновенный преподаватель, который вздумаетъ идти по его ѣдамъ и позволитъ себѣ такія частыя сближенія явленій ревней и новой исторіи, такой смѣлый языкъ относительно ицъ и событій, неизбѣжно навлечетъ на себя заслуженный прекъ въ смѣшной самонадѣянности и произволѣ.

Изъ трехъ выше названныхъ нами курсовъ первое мѣсто ринадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія „Чтеніямъ о древней сторіи“ въ особенности послѣдней части, которая содержитъ ъ себѣ изложеніе судебъ Греціи, отъ начала македонскаго адычества до смѣны его римскимъ. Нибуръ, какъ видно зъ его переписки, много занимался этимъ временемъ, бѣдымъ источниками и печальнымъ по содержанію, но весьма ажнымъ для римской исторіи. Онъ читалъ древнюю исторію въ Бонскомъ университетѣ два раза: лѣтомъ 1826 года въ зимнемъ семестрѣ 1829—30. Сверхъ того, издатели ользовались въ видѣ дополненій лекціями 1845 года, объмлющими исключительно періодъ отъ Херонейской битвы о паденія Коринѳа. Въ порядкѣ разсказа Нибуръ слѣдова-

всѣмъ извѣстному извлеченію, составленному Юстиномъ изъ утраченнаго сочиненія Трога Помпея.

Исторіи древняго Востока, или, лучше сказать, семитическихъ и зендскихъ племенъ,—потому что Китай не входитъ вовсе, а Индія только эпизодически въ составъ разсматриваемыхъ нами чтеній,—Нибуръ посвятилъ самую малую часть своего курса, главное содержаніе котораго составляетъ греческая исторія. Вообще, первыя 18 лекцій не могутъ вполнѣ удовлетворить читателя, знакомаго съ великими открытіями и трудами, совершенными съ 1830 года на поприщѣ восточныхъ древностей; но нельзя также не подивиться вѣрности взгляда, которымъ Нибуръ смотрѣлъ на настоящее состояніе и будущія судьбы своей науки. „Мы стоимъ,—говоритъ онъ, на порогѣ новой эры для древней исторіи. Прошедшіе вѣка Ниневіи, Вавилоніи и Персіи выступятъ наружу, и древнѣйшія времена подымутся изъ мрака совершенно ясными и опредѣленными въ своихъ частностяхъ. Конечно, у этихъ народовъ нѣтъ индивидуальнаго, собственно человѣческаго, того, что есть у грековъ, римлянъ и новыхъ народовъ, но ихъ бытъ и его измѣненія уяснятся совершенно. Новое настоящее наступитъ для древняго міра, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ появятся такія изслѣдованія объ исторіи упомянутыхъ народовъ, въ сравненіи съ которыми наши теперешнія знанія будутъ тѣмъ-же, чѣмъ была химія сто лѣтъ тому назадъ въ сравненіи съ химіею Берцеліуса“. (1. 74). Не забудемъ, что эти слова были сказаны съ каѳедры Бонскаго университета въ 1829 году, когда ни Ботта, ни Лейярдъ не думали начинать своихъ розысканій, и полковникъ Ролинсонъ еще не думалъ приступать къ разбору клинообразныхъ надписей.

При всей относительной краткости и неполнотѣ своей, отдѣлъ „Чтеній о древней исторіи“, посвященный Востоку, содержитъ въ себѣ много прекрасныхъ и поучительныхъ страницъ. Надобно при этомъ вспомнить, что Нибуру былъ извѣстенъ не одинъ только древній Востокъ, и что знанія его не были исключительно почерпнуты изъ книгъ. Еще въ ранней молодости онъ составилъ себѣ весьма живыя и подробныя представленія о странахъ и народахъ Азіи, по разсказамъ отца своего, знаменитаго путешественника Карстена Нибура. Впослѣдствіи эти свѣдѣнія были дополнены обширною начитанностью и личными сношеніями съ путешественниками всякаго рода, которыхъ Нибуръ любилъ распрашивать обо всемъ, на что не находилъ удовлетворительнаго отвѣта въ книгахъ. Собранные такимъ образомъ и

чищенные критикою матеріалы служили ему пособіемъ для ровѣрки древнихъ свидѣтельствъ. Такія сличенія привели го къ слѣдующему сужденію о степени достовѣрности Геро-ота относительно исторіи азіатскихъ народовъ. Нибуръ по-агаетъ, что отецъ исторіи странствовалъ въ качествѣ купца, подобно другимъ грекамъ того времени, которыхъ любозна-ельность и врожденная цѣлому народу предпріимчивость лекли за предѣлы греческаго міра. Эти странствующіе тор-овцы, удовлетворяя двоякой потребности знанія и корысти, аходили глубоко въ Азію съ произведеніями своей родины другими товарами, купленными или вымѣненными на до-огѣ. По мнѣнію Нибура, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Геро-отомъ, не всѣ равнаго достоинства. Такъ, напр., Ассирія и авилонія изображены превосходно, потому что историкъ ылъ самъ въ тѣхъ краяхъ, вѣроятно, разумѣлъ тамошніе зыки и собралъ на мѣстѣ, изъ хорошихъ источниковъ, ужныя ему свѣдѣнія; но Мидію онъ зналъ плохо, по чужимъ азсказамъ, вслѣдствіе чего его собственное изложеніе сбив-иво и исполнено противорѣчій. Тоже замѣчаніе можно сдѣ-ать относительно Египта. Природныя свойства страны и я историческія судьбы съ царствованія Псамметиха, т. е. ъ того времени, когда начинаются точныя и достовѣрныя реданія, описаны какъ нельзя лучше; но тамъ, гдѣ у Геро-ота не было средствъ къ собственному изслѣдованію фак-овъ, онъ принималъ ихъ на вѣру и повторялъ безъ повѣрки се слышанное имъ отъ жрецовъ объ египетской древности. Чисто-гелленская ясность ума и мѣткая наблюдательность Геродота обнаруживаются преимущественно при изображе-іи народныхъ свойствъ и особенностей. Въ этомъ отноше-іи, онъ едва-ли имѣетъ себѣ равныхъ между древними, за исключеніемъ одного Тацита. Замѣченное Геродотомъ родство между колхидянами и египтянами, противъ котораго воз-гаетъ большая часть новыхъ ученыхъ, нашло въ Нибурѣ ильнаго заступника. Но еще съ большимъ жаромъ защи-щаетъ онъ сказанія греческаго историка о племенахъ вос-очной Европы противъ нападокъ Шлецера. „Показанія Геро-ота,—говоритъ онъ,—часто подвергаются насмѣшкамъ со стороны людей довольно ученыхъ, но не основательныхъ въ своихъ сужденіяхъ. Таковъ былъ Шлецеръ. У него не было вкуса, хотя онъ могъ-бы оказать великія заслуги исторіи, если-бы подъ конецъ не опустился и не облѣнился, вдав-шись въ несчастную полипрагматію, въ которой запутался. Онъ хотѣлъ быть политикомъ, дабы получить большее за-ченіе, не заботился о [illegible]щеніи своихъ свѣдѣній, [illegible]

какъ онъ былъ весьма живой человѣкъ, то писалъ горячо и заносчиво. Противъ древнихъ, всего классическаго и въ особенности противъ Геродота, онъ питалъ рѣшительную ненависть. Вообще онъ настоящій варваръ. Онъ занялъ-бы высокое мѣсто въ наукѣ и оставилъ-бы по себѣ великую память, если-бы не помрачилъ ее самъ. Ему кажется смѣшнымъ Геродотъ, утверждающій положительно, что сѣверъ богатъ золотомъ, а теперь вниманіе цѣлой Европы обращено на уральскіе золотые рудники. Слѣдовательно, Геродотъ и скандинавскіе жители, говорящіе о пермскомъ золотѣ и также осмѣянные Шлецеромъ, правы. Эти рудники перестали разрабатываться, или были преданы забвенію вслѣдствіе невѣжества монгольскихъ племенъ. Золото древняго міра добывалось частью изъ этихъ странъ, преимущественно изъ Урала, частью изъ Лидіи, Ѳракіи и Македоніи; потомъ изъ галльскихъ рудниковъ, частію съ границъ Египта и Нубіи; небольшое количество приходило изъ Аравіи и черезъ Карѳагенъ изъ внутренней Африки. Изъ этихъ источниковъ древніе получали такъ много золота, что оно относительно было дешевле, чѣмъ теперь, и сравнительная его цѣнность съ серебромъ была ниже. Аѳинскій золотой статеръ, который у древнихъ равнялся 20 драхмамъ, въ настоящее время стоитъ 32 драхмы серебра". (1. 135). Мы нарочно привели характеристическій отзывъ Нибура о Шлецерѣ. Русскимъ читателямъ, конечно, покажется страннымъ упрекъ въ лѣности и легкомысліи, обращенный къ автору изслѣдованій о Несторѣ.

Возвратимся къ Геродоту. Четвертая книга его творенія даетъ нашему автору поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Геродотъ оставилъ намъ до того удавшееся ему описаніе скиѳовъ, что тотъ, кто не ослѣпленъ предразсудками, не только можетъ узнать этотъ народъ въ его настоящемъ видѣ, но даже опредѣлить породу, къ которой онъ принадлежалъ. Съ этимъ описаніемъ согласно и прекрасное, не уступающее Геродотову, изображеніе того-же народа Гиппократомъ въ сочиненіи De aëre, aquis et locis. Мнѣніе людей, которые въ новѣйшія времена вообразили себѣ, что скиѳы, видѣнные Геродотомъ, не составляли опредѣленнаго народа, но что онъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ вообще кочевыхъ жителей украинскихъ степей, непонятно и свидѣтельствуетъ о большомъ легкомысліи. Безспорно, что позднѣйшіе писатели, уже съ Плинія и Мелы, приходили въ затрудненіе отъ этого имени и называли имъ всѣхъ жите-

лей Украйны безъ разбора. Впослѣдствіи этотъ обычай распространился далѣе. Источники III-го столѣтія называютъ скиѳами германскія племена, жившія въ тѣхъ странахъ. Готы, герулы и т. д. носятъ въ изящномъ литературномъ языкѣ имя скиѳовъ; такимъ образомъ, Дексиппъ далъ своей исторіи готскихъ нашествій названіе Σκυθικά.... Изъ словъ Геродота и еще болѣе изъ словъ Гиппократа видно, что скиѳы были монгольское племя. Послѣдній говоритъ, что они были мясисты и жирны, съ весьма мало обозначенными суставами и сочлененіями мускуловъ и костей. Это поразительная особенность монгольскихъ народовъ. У нихъ круглое лицо, круглый черепъ, странный разрѣзъ глазъ; но замѣчательнѣе всего то, что мускуловъ и костей почти не видно. Они какъ-будто исчезаютъ. Опредѣленность формъ теряется подъ толстою и жирною кожею. При сравненіи народовъ южной Европы съ сѣверными, мы найдемъ между ними рѣзкое различіе: у южныхъ жителей, у италіанцевъ, у грековъ и еще въ бо́льшей степени у настоящихъ азіатцевъ и у барбаресковъ очертаніе мускуловъ на рукахъ и на ногахъ бросается въ глаза. Этого вовсе нѣтъ у египтянъ, что́ имѣло величайшее вліяніе на ихъ ваяніе. У другихъ, названныхъ мною, южныхъ племенъ, мускулы въ такой необыкновенной степени развиты и обозначены, что я понялъ, почему древніе ваятели и художники не нуждались въ анатоміи. Ваятель могъ изучить на живомъ тѣлѣ все, что́ ему было нужно знать изъ анатоміи: мертвая наука не нужна была тому, кто могъ прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ. Прекрасно натянутая кожа не скрывала ихъ. Великое различіе между статуями древнихъ и новыхъ художниковъ заключается, слѣдовательно, не въ лицахъ, хотя оно обнаруживается и здѣсь, потому что новые ваятели облегчаютъ себѣ дѣло, давая лицамъ одно общее выраженіе, а въ игрѣ мускуловъ. Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ это различіе, надобно сравнивать древнія и новыя статуи при факельномъ освѣщеніи. Такое изученіе доставляетъ большое удовольствіе. Древніе статуи оживаютъ и представляютъ на поверхности своей безконечное богатство, все разнообразіе живыхъ мускуловъ; наоборотъ, въ новыхъ мы не находимъ этой прозрачности: онѣ совершенно гладки; въ нихъ не видно жизни и движенія. Даже произведенія великихъ мастеровъ кажутся мертвыми. Барельефы Торвальдсена можно поставить на ряду съ древними, но не статуи его. У египтянъ мускулы крѣпки, но имъ недостаетъ живости и развитія: этотъ недостатокъ въ произведеніяхъ египетскаго ва-

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES

янія происходитъ частью отъ свойства массы, которую он
употребляли для статуй, ибо они держались несчастной мысл
что надобно выбирать самые крѣпкіе, жесткіе матеріалы. Н
сколько племена германскія и сарматскія стоятъ въ этом
отношеніи ниже южныхъ европейцевъ, настолько превосх
дятъ они монголовъ. Въ описаніи Геродота мы узнаѐ
послѣднихъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ монгольск
происхожденія скиѳовъ служатъ отдѣльныя черты ихъ бы
У нихъ, между прочимъ, были паровыя бани, въ которы
они доводили себя до опьянѣнія, посыпая на раскаленн
камни въ закрытыхъ палаткахъ одуряющія зелья. Такой-
обычай существовалъ прежде у камчадаловъ. Наконец
нельзя не узнать монголовъ по неопрятности, страсти
пьянству и войлочнымъ палаткамъ. (I, 179—181).

Приведенныя нами слова показываютъ, къ какимъ р
нообразнымъ соображеніямъ подавали Нибуру поводъ св
дѣтельства древнихъ писателей.

Персидская исторія занимаетъ въ „Чтеніяхъ“ болѣе мѣс
нежели исторія другихъ народовъ Востока. Любопытно мн
ніе Нибура о національномъ характерѣ персовъ. Несмот
на владычество чуждыхъ народовъ, несмотря на внутре
ніе перевороты и смѣшенія съ другими племенами, чер
древнихъ персовъ сохранились у поклонниковъ огня
Іездѣ и Керманѣ. Черты эти гораздо жестче, чѣмъ у п
совъ-магометанъ. Это столько-же странно, какъ и велик
различіе, существующее между коптами-христіанами и магом
танскими жителями Египта, хотя послѣдніе, должно быть,
кіе-же потомки египтянъ, принявшихъ исламъ. Отсюда вид
что національныя черты измѣняются не однѣми внѣшни
причинами, какъ, напримѣръ, климатомъ, но подвержен
вмѣстѣ съ характеромъ народа вліянію религіи и обра
жизни. Къ особенностямъ персовъ всѣхъ вѣковъ прин
лежатъ доведенныя до высочайшей степени раболѣпіе и
зость. Персъ никогда не былъ свободнымъ и гордымъ
ловѣкомъ; въ этомъ отношеніи онъ не только рѣзко отличает
отъ араба, но даже отъ соплеменнаго ему курда. Кур
гордъ, прямодушенъ, не поддается гнету и предпочитае
всему приволье жизни подъ шатромъ; персіянинъ, нап
тивъ, рабъ въ полномъ смыслѣ слова; у него, притомъ, мн
дарованій, ума, и онъ умѣетъ облекать свои пороки въ п
ятную и красивую форму. Для него не существуетъ други
понятій, кромѣ шаха и раба. Характеръ персовъ рѣзко в
дается въ Геродотовомъ разсказѣ о Прексаспѣ и Камби
Камбисъ, поразивъ Прексаспова сына стрѣлою въ серд

спросилъ у отца, похожъ,-ли онъ теперь на пьянаго *). Прексаспъ отвѣчалъ ему: сами боги не могли-бы удачнѣе выстрѣлить. Этотъ отвѣтъ отца надъ трупомъ сына совершенно въ персидскомъ духѣ, и каждый персидскій вельможа отвѣчалъ-бы такимъ-же образомъ.—Къ тому-же, персы чрезвычайно жестоки, что видно въ изобрѣтенныхъ ими казняхъ и утонченныхъ пыткахъ, напримѣръ, въ жизни Артаксеркса. Это свойство сохранилось у нихъ до нынѣшняго времени... Востокъ рано развратился, и нигдѣ не найдемъ мы такой нравственной порчи, какая проходитъ черезъ всю исторію древняго Востока. Отъ Средиземнаго моря до Китая и Японіи азіатскіе народы испорчены и нравственно развращены: исправить ихъ можетъ только европейское владычество (I, 153.). Не смотря на всѣ недостатки, ошибки и неудачи англичанъ, ихъ иго, по мнѣнію Нибура, полезно и благотворно для Индіи. Эту мысль онъ высказываетъ нѣсколько разъ.

Въ немногихъ страницахъ, посвященныхъ Дарію Истаспу, показано вполнѣ важное значеніе его царствованія. Дарію безспорно обязано государство, случайно сложившееся изъ завоеваній его предшественниковъ, возможностью двухсотлѣтняго существованія. Его учрежденія не только сохранились до временъ македонскаго владычества, но проникли даже въ Индію, гдѣ ихъ застали европейцы. Индійскія субы соотвѣтствуютъ вполнѣ персидскимъ сатрапіямъ, и положеніе субадаря, относительно ввѣренной ему области и верховной власти, представляетъ поразительное сходство съ положеніемъ сатраповъ. Самыя войны Дарія носятъ на себѣ другой характеръ, нежели войны Кира и Камбиса. Видно, что онѣ были предприняты съ цѣлью придвинуть государство къ естественнымъ границамъ. На юго-западѣ такою границею сдѣлался Индъ. При послѣдующихъ персидскихъ царяхъ народы Пятирѣчья (Пенджаба) свергли съ себя иноземное владычество, и Александръ долженъ былъ воевать въ странахъ, нѣкогда покоренныхъ Даріемъ. Геродотъ говоритъ, что, кромѣ индусовъ, арабы повиновались сыну Истаспа. Въ настоящее время невозможно опредѣлить ни объемъ, ни степень персидскаго владычества въ Аравійскомъ полуостровѣ, но стоитъ замѣтить, что одно изъ послѣднихъ предпріятій, задуманныхъ Александромъ, было направлено противъ Аравіи. Можно предположить, что македонскій за-

*) Прексаспъ передалъ Камбису отзывы персовъ, которые обв[illegible] Кира сына въ излишней скло[illegible] къ вину. Герод. III, 34—35.

воеватель имѣлъ въ виду возстановленіе на востокѣ гр
ницъ, данныхъ Даріемъ своему государству. Знаменит
походъ Дарія противъ скифовъ объясняется двоякою цѣл
Съ одной стороны надобно было однажды на всегда об
печить сѣверныя области персидской монархіи отъ набѣго
кочевыхъ хищниковъ, покорить или отбросить далѣе въ
степи эти безпокойныя племена. Съ другой стороны, надо
было овладѣть всѣми берегами Чернаго моря и обратить
въ персидское озеро. Мы уже видѣли, какую важность имѣ
для древняго міра земли, лежавшія на сѣверъ отъ Пон
Эвксинскаго. Кромѣ золота, шедшаго изъ далекой Ски
черезъ упомянутое море въ Грецію, послѣдняя получала с
черноморскихъ колоній значительную часть произведен
которыя ей нужны были для удовлетворенія самыхъ не
ходимыхъ потребностей ея населенія. Оттуда получала с
всякаго рода соленую и вяленую рыбу, составлявшую, ка
извѣстно, главную пищу грековъ. Значительное количес
потреблявшагося въ Греціи хлѣба получалось тѣмъ-же
темъ. Предметы вывоза изъ Греціи далеко не равнялись
ною съ предметами ввоза. Аѳины, находясь на высшей с
пени богатства и промышленной дѣятельности, постоян
отправляли въ черноморскія колоніи много денегъ, кро
товаровъ, такъ что торговый балансъ склонялся, по вы
женію Нибура, на сторону колоній.

Мы не послѣдуемъ за великимъ историкомъ въ его
слѣдованіяхъ объ источникахъ греческой исторіи, составля
щихъ довольно обширное и поучительное введеніе къ сам
исторіи. Намъ еще не разъ придется приводить впосл
ствіи мнѣнія Нибура объ отдѣльныхъ писателяхъ греческ
древности. Скажемъ, однако, напередъ, что, при всей
ніальности своей, при необычайной способности сводить
одно цѣлое разсѣянные по разнымъ памятникамъ отрыв
изъ утраченныхъ нами писателей, Нибуръ не всегда ос
вался вѣренъ собственному требованію осторожной крити
Увлекаясь творческимъ воображеніемъ, онъ, на основа
немногихъ сохранившихся строкъ, произносилъ пригово
надъ цѣлымъ твореніемъ и опредѣлялъ его большую и
меньшую для насъ важность. Чтенія, посвященныя имъ
чалу греческой исторіи, содержатъ въ себѣ много остро
ныхъ, обличающихъ глубокаго знатока, замѣчаній и на
ковъ, но въ цѣломъ не представляютъ особенной занимате
ности читателю, знакомому съ позднѣйшими трудами по э
части. Любопытно было-бы впрочемъ, прослѣдить въ част
стяхъ вліяніе нибуровыхъ идей и предположеній на сов

нное состояніе науки. Мы предоставляемъ такой трудъ
ленымъ, исключительно посвятившимъ себя изученію древ-
рости. Книга Грота, извѣстная читателямъ „Пропилеевъ“ изъ
одробнаго и основательнаго разбора, составляемаго профес-
ромъ Леонтьевымъ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ,
ныя доказательства того вліянія, о которомъ мы упомя-
ли. Взглядъ Грота на развитіе аѳинской исторіи и на ха-
ктеръ аѳинскаго народа, навлекшій автору обвиненіе въ
пристрастіи, представляетъ удивительное сходство съ тѣмъ,
о Нибуръ сказалъ о томъ-же предметѣ за много лѣтъ до
ихода въ свѣтъ перваго тома „Греческой исторіи“. Здѣсь,
разумѣется, рѣчь идетъ не о простомъ заимствованіи чужихъ
ыслей, а о томъ законномъ и неизбѣжномъ дѣйствіи, ко-
рое геніальные умы обнаруживаютъ на дальнѣйшія судьбы
своей науки. Недоказанныя ими предположенія, ихъ бѣглые
намеки составляютъ обильное наслѣдіе для послѣдующихъ
поколѣній и опредѣляютъ надолго въ ту или другую сторону
ѣятельность этихъ поколѣній.

Глубокое сочувствіе Нибура къ Аѳинамъ и главнымъ
ичностямъ аѳинской исторіи высказывается на каждой
раницѣ. Аѳины стоятъ у него по праву на первомъ планѣ
ри изложеніи великой борьбы Греціи съ персами. Изложе-
ію этихъ событій предшествуетъ общая оцѣнка греческой
изни до V-го столѣтія до Р. Х.

„Къ существенно-характеристическимъ чертамъ отдѣль-
ыхъ эпохъ принадлежитъ особенно чрезвычайное различіе
ъ болѣе или менѣе быстромъ движеніи жизни, которая въ
звѣстой эпохѣ движется съ неимовѣрною скоростью, въ
ругія-же времена тянется медленно и незамѣтно, такъ что
ѣлыя поколѣнія проходятъ безъ всякихъ видимыхъ пере-
ѣнъ. Я уже указалъ на этотъ разнообразный ходъ
сторіи въ моихъ чтеніяхъ о новѣйшей исторіи. Та-
ого рода соображенія вносятъ дѣйствительную жизнь
ъ древнюю исторію и ставятъ ее рядомъ съ современною,
реживаемою нами исторіею. Не удивительно, что на нее
обще смотрятъ, какъ на нѣчто такое, чего въ дѣйстви-
льности никогда не было: обыкновенно ее не понимаютъ,
при сужденіи о событіяхъ древности прилагаютъ совсѣмъ
е тѣ законы, какіе прилагаются къ новой исторіи, которая,
ъ свою очередь, совсѣмъ не такъ понимаема, какъ-бы должно
понимать ее. Упомянутое нами различіе въ болѣе или ме-
ѣе ускоренномъ ходѣ событій въ особенности поразительно
ъ греческой исторіи. Уже къ началу персидскихъ войнъ
обнаруживается усиленное движеніе жизни; съ этого вре-

мени до конца пелопонезской войны, въ продолженіи 80-ти лѣтъ, развитіе совершается съ такою быстротою, что народъ проходитъ, можно сказать, всѣ крайности добра и зла, всѣ возможныя измѣненія въ литературѣ и всемъ бытѣ и переходитъ съ неудержимою скоростью отъ увядающей юности къ совершенной зрѣлости. Нѣчто подобное видѣли мы въ новѣйшей исторіи Германіи отъ вступленія на престолъ Фридриха II-го въ 1740 году до конца прошедшаго столѣтія. Такія времена обозначаются обыкновенно именемъ одного лица, какъ, напр., вѣкъ Перикла, Людовика XIV, Фридриха Великаго. Но эти лица, именами которыхъ обозначаются извѣстныя эпохи, суть сами произведенія своего времени и не столько независимые дѣятели, сколько его органы... Иногда-же проходятъ цѣлыя столѣтія безъ всякихъ великихъ и существенныхъ измѣненій. Такое однообразіе жизни находимъ мы въ Италіи въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ; такое-же время представляютъ намъ первый и второй вѣкъ римской имперіи, въ особенности-же второй и третій".

„Конечно, въ до-писистратовской Греціи не было совершеннаго застоя, было даже много жизни, но эта жизнь въ сущности вращалась на одномъ мѣстѣ и не подвигалась впередъ. Въ такія эпохи медленнаго развитія мало обнаруживается внѣшней дѣятельности, люди почти не живутъ въ современности, зависятъ отъ прошедшаго и обращаютъ свои мысли болѣе къ послѣднему, назадъ, нежели впередъ, къ будущему. Тамъ, гдѣ подобное состояніе народа есть здоровое, оно обличаетъ юную, готовую къ великому развитію жизнь: таково было, напр., въ англійской литературѣ время, предшествовавшее Шекспиру, въ италіанской—время передъ Дантомъ, то есть XIII-е столѣтіе. Но бываютъ также періоды, когда такой застой не предвѣщаетъ никакого развитія, а только представляетъ продолженіе стараго, существующаго безъ внутренней жизни, безъ способныхъ развернуться въ будущемъ зародышей, и потому обреченнаго на неизбѣжную смерть. Такимъ образомъ во Флоренціи литература XV-го столѣтія продолжала свое существованіе до XVIII-го. Въ эпохи юности, когда въ тишинѣ созрѣваетъ великое,— причемъ, конечно, можетъ случиться и то, что самыя значительныя явленія уже совершились и замкнули собою періодъ предшествовавшаго развитія,—въ такія эпохи исторія представляетъ намъ нѣчто особенное. Человѣкъ погруженъ всею своею дѣятельностью въ гражданскую жизнь, исполняетъ свой долгъ, но событія, около него совершающіяся, теряютъ для него занимательность тотчасъ по совершеніи.

акъ, напр., изъ первой миланской хроники XI-го столѣтія
ядно, что тогдашніе люди не приписывали ни себѣ, ни
овременникамъ своимъ никакого значенія, и что ихъ вни-
аніе исключительно было обращено на прошлое. Германцы
I-го столѣтія также считали себя и своихъ современниковъ
самыхъ обыкновенныхъ людей. Вообще та эпоха не гор-
ится собою, не считаетъ себя героическою, и только лич-
ости, принадлежащія прошедшему, привлекаютъ къ себѣ
участіе. Въ подобномъ состояніи находилась Греція почти
самыхъ персидскихъ войнъ; этимъ объясняется, почему
огда не было исторіи и даже прозы вообще, почему мало
аботились о настоящемъ и о только-что минувшемъ: вни-
аніе было обращено къ героическому періоду, какъ къ
ему-то высшему: Этотъ періодъ составлялъ живой міръ,
ъ которомъ греки, какъ потомки героевъ, видѣли самихъ
ебя, въ которомъ они жили и дѣйствовали. Отсюда проис-
одитъ и то, что древнѣйшіе эпическіе поэты почти до
0-й олимпіады заимствуютъ содержаніе своихъ пѣсенъ изъ
дныхъ источниковъ съ Гомеромъ, который представилъ
ероическій періодъ во всей его красотѣ. Но по мѣрѣ того,
акъ исчезало могущество и обаяніе прошедшаго, какъ уси-
ивалась занимательность и содержаніе настоящаго, это на-
тоящее, уже значительно развитое, самодовольно сознавшее
вое достоинство, стало переносить поэзію отъ прошедшаго
ъ себѣ самому и такимъ образомъ образовался поэтическій
азсказъ. Но такъ какъ въ настоящемъ было много такого,
его нельзя было передать стихами, то за поэтическимъ
азсказомъ послѣдовалъ историческій, въ которомъ событія
добнѣе сохранялись для памяти. Прежде другихъ выступилъ Гекатей и разсказалъ о томъ, что въ его памяти случилось, что онъ самъ видѣлъ въ своихъ путешествіяхъ, и что слышалъ о различныхъ народахъ. За повѣствованіями этого рода слѣдуетъ прагматическая исторія". (1, 361—363.)

Нибуръ подвергаетъ строгой, но едва-ли вполнѣ справедливой критикѣ сказанія Геродота о персидской войнѣ. Нельзя, напримѣръ, никакъ согласиться, что у Геродота не было предшественниковъ, и что онъ пользовался только одними преданіями, да творепіемъ эпическаго поэта Херила. Самое сравненіе разсказовъ, ходившихъ въ Греціи въ послѣдней половинѣ V-го столѣтія о Ксерксовомъ походѣ, съ разсказами, живущими въ устахъ египетскихъ арабовъ о французской экспедиціи 1799 года, никакъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть допущено. Ни въ народномъ характерѣ, ни въ степени образованности, на которой стояли Геродо-

товы современники, не было ничего общаго съ египетскими арабами въ концѣ прошлаго столѣтія. Извѣстно, какъ сильно воображеніе восточныхъ народовъ дѣйствуетъ на историческое изложеніе ближайшихъ событій. Это явленіе объясняется самымъ свойствомъ восточной исторіи, состояніемъ тамошней науки и всѣмъ складомъ мысли, составляющимъ характеристическое отличіе азіатца отъ европейца. Бонапартъ явился въ Египтѣ существомъ высшаго рода и произвелъ на умы поклонниковъ пророка впечатлѣніе до того сильное, что оно наложило особенную печать чудеснаго на всѣ событія, связанныя съ исторіею французской экспедиціи. Подобный процессъ рѣшительно не могъ совершиться въ ясномъ и отчетливомъ умѣ грека; въ противномъ случаѣ намъ пришлось-бы отказаться отъ утвержденнаго вѣками критической разработки довѣрія къ источникамъ греческой исторіи вообще. Невозможно также предположить, что до Геродота никто не далъ себѣ труда записать подробности борьбы, рѣшившей споръ между греческимъ и варварскимъ міромъ, особливо если примемъ мнѣніе самого Нибура, утверждающаго, что Геродотъ началъ писать свое твореніе въ первое десятилѣтіе Пелопонезской войны, слѣдовательно, около 70-ти лѣтъ послѣ Мараѳонской битвы и около 60-ти послѣ Платейской. Впрочемъ, въ лекціяхъ своихъ 1826 года Нибуръ упоминалъ о Харонѣ Лампсакскомъ, который написалъ двѣ, не дошедшія до насъ книги о персидскихъ войнахъ и былъ предшественникомъ Геродота. Предположеніе Нибура о подложности этого сочиненія, которое могло, по его словамъ, появиться вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ подобныхъ произведеній въ александрійскую эпоху, не имѣетъ рѣшительно основанія. Мы не имѣемъ также никакого права принимать утраченную поэму Херила Самосскаго за одинъ изъ источниковъ Геродота. Херилъ, какъ доказано всѣми новѣйшими изслѣдованіями, былъ моложе отца исторіи, могъ отъ него заимствовать историческія данныя для задуманнаго поэтическаго труда и никакъ не могъ служить образцомъ или путеводителемъ Геродоту.

Трудно также сказать, почему именно Нибуръ думаетъ, что находящееся въ VII-й книгѣ Геродота исчисленіе племенъ, составлявшихъ войско Ксеркса, и описаніе ихъ оружія заимствованы историкомъ цѣликомъ у Херила. Скорѣе можно сдѣлать обратное заключеніе. Описаніе оружія въ особенности, кажется, Нибуру нелѣпымъ и вовсе не согласнымъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о древней Азіи. Смѣемъ думать, что великій творецъ „Римской исторіи“ произнесъ это обвине-

ніе на Геродота въ минуту критическаго увлеченія, если позволено такъ выразиться. Пестрый составъ персидскаго войска, въ который входили дружины почти всѣхъ азіатскихъ и нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ, объясняетъ разнообразіе оружій. На мараѳонскомъ полѣ найдены были стрѣлы съ заостренными камнями въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ дикари Тихаго Окена. Стрѣлы эти лежали въ землѣ рядомъ съ металлическимъ оружіемъ, обличавшимъ совсѣмъ другую степень цивилизаціи, Если между падшими при Мараѳонѣ ратниками Датиса и Артаферна находились дикари, незнакомые съ употребленіемъ металловъ, то какъ можемъ мы удивляться разнообразію одеждъ и вооруженій въ войскѣ Ксеркса, которое далеко превосходило и числомъ, и составомъ войско, бывшее подъ Мараѳономъ? По словамъ Геродота, въ ополченіи, которому Ксерксъ дѣлалъ смотръ на Дорискской долинѣ, было 46 различныхъ племенъ. Безпристрастный читатель найдетъ въ наружномъ описаніи этихъ племенъ много любопытнаго, очень мало неправдоподобнаго и ничего безобразно-нелѣпаго (fratzenhaftes). Напротивъ, самое разнообразіе одежды и оружія превосходно характеризуетъ не только войско, но и самое государство, которому служили рядомъ либіецъ, употреблявшій вмѣсто копья обожженный съ конца колъ, кочевой сагартъ, вооруженный однимъ кинжаломъ, да арканомъ, въ родѣ южно-американскаго лассо, и мало-азіатскій грекъ, облеченный въ блестящій, но тяжелый доспѣхъ, котораго отдѣлка могла быть достаточнымъ доказательствомъ его умственнаго превосходства надъ другими соратниками. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о недостовѣрности Геродотовыхъ извѣстій относительно числа Ксерксовыхъ воиновъ; вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, надъ которыми историку не зачѣмъ долго останавливаться. Ясно, что цифры Геродотовы невѣрны; но какое средство поправить его ошибку? Ѳукидидъ едва-ли не самый точный и положительный историкъ древняго міра, былъ не въ состояніи опредѣлить число грековъ, сражавшихся при Мантинеѣ. Какъ-же можно требовать вѣрныхъ цифръ отъ Геродота, особливо когда дѣло идетъ о войскѣ, число котораго, вѣроятно, не было извѣстно самому персидскому царю? Греческому историку не оставалось ничего другаго, какъ только собрать слухи, ходившіе о безчисленномъ множествѣ враговъ, и внести собранныя имъ извѣстія въ свою книгу. Вообще, Востокъ мало дорожитъ вѣрностью въ статистическихъ данныхъ и мало объ нихъ заботится; едва-ли когда-либо была съ точ-

ностью опредѣлена числительная сила большой азіатской арміи. Гротъ приводитъ по этому-же поводу весьма любопытное мѣсто изъ записокъ барона Тота. Во время войны русскихъ съ турками въ 1770 году, когда турецкая армія стояла у Бабадага, близъ Балканскихъ горъ, великій визирь потребовалъ къ себѣ барона Тота и спросилъ у него: какова велика числомъ турецкая армія? Тотъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и что въ случаѣ надобности онъ самъ-бы обратился къ визирю съ этимъ вопросомъ. Визирь сказалъ прямо, что ему совершенно неизвѣстно число ввѣренныхъ ему войскъ.— Откуда-же мнѣ знать то, что вамъ не извѣстно?—отвѣчалъ Тотъ.—Изъ австрійскихъ газетъ; вѣдь, вы ихъ читаете,—сказалъ великій визирь.,

Съ другой стороны нельзя не согласиться, что въ Геродотовыхъ разсказахъ о Ксерксовомъ походѣ есть многое, чего теперь при недостаткѣ другихъ свидѣтельствъ, невозможно понять или объяснить. Огромное превосходство персидскаго флота надъ греческимъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Почему-же Ксерксъ не отрядилъ часть этого флота для разоренія береговъ Пелопоннезскихъ? Выгоды такой мѣры были очевидны и не требовали глубокихъ соображеній. Вообще, во всѣхъ дѣйствіяхъ персидскаго флота есть что-то непонятное; онъ рѣшительно не пользуется своимъ числительнымъ перевѣсомъ и сражается съ греками при постоянно неблагопріятныхъ для себя условіяхъ, въ узкихъ проливахъ, гдѣ греки не могли быть обойдены съ фланговъ, а персамъ невозможно было развернуть всей своей боевой линіи. То-же самое можно замѣтить и о сухопутномъ войскѣ Ксеркса. Оно дѣйствуетъ съ какою-то осторожностью, похожею на робость, непостижимую при такихъ силахъ. Разоривъ Аѳины персы оставили въ покоѣ Элевзинъ, лежащій отъ Аѳинъ на разстояніи какихъ-нибудь четырехъ нѣмецкихъ миль. Конница персидская, составлявшая, по всей вѣроятности, лучшую часть арміи, и которой нечего было бояться встрѣчи съ врагами, потому что у грековъ почти вовсе не было конницы, не предпринимаетъ, однако, ничего рѣшительнаго и не ходитъ далѣе Ѳріасійскаго поля, сколько намъ извѣстно. На Мегару, граничащую съ Аттикой, персы не сдѣлали даже и покушенія. Какимъ образомъ все населеніе Аттики могло найти пристанище и достаточное продовольствіе на небольшомъ островѣ Саламинѣ и Трезенѣ? Всѣ эти вопросы, предложенные Нибуромъ, остаются и вѣроятно навсегда останутся нерѣшенными. Многое, но не все объясняется робкимъ характеромъ Ксеркса и его неопытностью въ военномъ дѣлѣ.

Превосходно характеризуетъ Нибуръ дѣятельность Ѳемистокла, который, по его справедливому замѣчанію, не оцѣненъ еще надлежащимъ образомъ. Онъ является намъ не съ столь опредѣленными чертами, какъ, напримѣръ, Периклъ или Демосѳенъ. Но Ѳукидидъ питалъ къ нему глубочайшее уваженіе и вполнѣ сознавалъ важность совершенныхъ имъ подвиговъ и оказанныхъ заслугъ. Кому, какъ не Ѳемистоклу, обязаны Аѳины флотомъ, укрѣпленіемъ гавани и города, успѣшнымъ исходомъ Персидской войны и главными основами своего будущаго величія? Къ сожалѣнію, не всѣ планы Ѳемистокла были исполнены. По отступленіи персовъ, онъ хотѣлъ оставить совершенно разоренныя ими Аѳины и выстроить новый городъ въ Пиреѣ. Новыя, придвинутыя къ самому морю, Аѳины представили-бы болѣе удобствъ торговому населенію, и легче была-бы защита противъ врага. Аѳиняне изъ благоговѣйной привязанности къ мѣсту, гдѣ жили ихъ предки, гдѣ стоялъ храмъ Аѳины-Пліады и Эрехѳея и т. д., отвергли совѣтъ Ѳемистокла,—и, конечно, горько каялись въ этомъ, когда Лисандръ явился передъ ихъ городомъ. Ѳемистоклъ опредѣлилъ отношенія иностранцевъ въ Аѳинахъ, доставилъ метёкамъ не только выгодное и болѣе прочное положеніе, но даже открылъ имъ возможность къ достиженію гражданства въ Аѳинахъ. Если-бы его идеи получили дальнѣйшее развитіе въ эпоху аѳинской гегемоніи, то, конечно, союзники не поддались-бы такъ легко обѣщаніямъ Спарты. Главною причиною ихъ отложенія была политическая исключительность аѳинянъ, не хотѣвшихъ дѣлиться съ союзными городами своимъ гражданствомъ. Это было уже замѣчено и древними. Мѣра, принятая Ѳемистокломъ относительно метёковъ, доставила опустошенному городу въ самомъ скоромъ времени населеніе, далеко превышавшее то, которое во время персидскаго нашествія принуждено было искать убѣжища на островѣ Саламинѣ.

„Обыкновенно, продолжаетъ Нибуръ, Ѳемистоклу противопоставляютъ Аристида, какъ мужа добродѣтельнаго, человѣку искусному и ловкому, чрезъ что у послѣдняго нѣкоторымъ образомъ отрицается добродѣтель, и онъ самъ является какимъ-то грѣшникомъ. Настоящая причина этого мнѣнія заключается въ необычайномъ величіи Ѳемистокла, вызвавшемъ зависть. Согласно съ исходящимъ изъ сущности политеизма воззрѣніемъ (το θειον μθονερόν), самые боги завистливыми глазами смотрѣли на счастье Поликрата. Это понятно. Греческіе боги смотрятъ недовѣрчиво на возвышенныя стремленія человѣчества, потому что эти стремле-

нія слишкомъ приближаютъ къ нимъ человѣка. Такая идея лежитъ въ основѣ политеизма и античныхъ воззрѣній на прошедшее и настоящее. Φθόνος, недоброжелательство боговъ къ человѣку, проходитъ черезъ всю исторію.

„Большинство съ трудомъ выноситъ все великое и прекрасное, и чтобы отдѣлаться отъ этого тяжелаго для него чувства, оно заботливо ищетъ слабостей и недостатковъ великихъ людей. Не изъ искренняго уваженія къ добродѣтели, а для того, чтобы унизить умственное величіе, мелкія души противопоставляютъ великому мужу, не лишенному, впрочемъ, нравственной чистоты, другого, у котораго эта нравственная чистота является дѣйствительнымъ, но при томъ исключительнымъ свойствомъ. Рѣдко оправдываются слова Горація: virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi; обыкновенно ограниченная честность и отрѣшенная отъ генія нравственность высоко цѣнятся даже послѣ смерти, какъ-будто только подъ такимъ условіемъ могутъ существовать эти качества во всей полнотѣ своей. Люди, въ которыхъ нѣтъ ничего чистаго, радуются возможности славить добродѣтель, именно тамъ, гдѣ она не опирается на высокій разумъ. Такая зависть имѣла большое вліяніе на сужденіе о Ѳемистоклѣ и Аристидѣ. Я прошу не обвинять меня въ намѣреніи снять съ Аристида вѣнецъ его славы. Я вѣрю всѣмъ похваламъ, которыя ему воздаются; я вѣрю, что его добродѣтель вполнѣ заслужила то уваженіе, которое питала къ нему древность; но я возражаю противъ тѣхъ сравненій, въ которыхъ онъ почти всегда возвышается на счетъ Ѳемистокла. Ѳемистоклъ выше. Для друзей Аристида, для всѣхъ, его видѣвшихъ и знавшихъ чистоту его мнѣній, жизнь его имѣла безконечное значеніе, но Ѳемистоклъ несравненно болѣе сдѣлалъ для спасенія и величія родины. — Вообще, объ Аристидѣ думаютъ, что онъ былъ очень бѣденъ, но это несправедливо. Уже Димитрій Фалерскій основательно замѣтилъ, что Аристидъ никакъ не могъ быть бѣденъ, потому что онъ былъ архонтомъ эпонимомъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ самому богатому классу гражданъ, то-есть къ πεντακοσιομεδιμνοι, потому что въ его время эту должность могли занимать только пентакосіомедимны, которые всѣ были эвпатриды; это былъ еще листокъ изъ вѣнца эвпатридовъ. Всѣ толки о бѣдности Аристида произошли отъ того, что по смерти его республика дала приданое его дочери. Мы видимъ здѣсь то-же самое отношеніе, какъ и при общественныхъ погребеніяхъ великихъ римлянъ, напримѣръ, Валерія Публиколы; отсюда также вы-

вели заключеніе, что люди, которыхъ погребала на свой счетъ *plebes*, а иногда *plebes* и *curiae* вмѣстѣ, умирали въ крайней бѣдности. Новые писатели пошли еще далѣе: они вообразили себѣ, что Валерій Публикола умеръ нѣкоторымъ образомъ въ богадѣльнѣ. Такое участіе республики было не бездѣлица, потому что въ Римѣ большіе похороны обходились очень дорого, и когда сенатъ и народъ принимали на себя издержки, то они оказывали почесть покойнику и услугу его наслѣдникамъ.

Нельзя при этомъ случаѣ не отдать должной справедливости благодарной воспріемлемости аѳинскаго народа ко всѣмъ великимъ и патріотическимъ идеямъ. Когда Ѳемистоклъ предложилъ употребить на постройку флота принадлежавшіе всѣмъ гражданамъ доходы съ серебряныхъ рудниковъ, предложеніе его было тотчасъ принято. А, между тѣмъ, бо́льшая часть тогдашнихъ аѳинянъ едва добывали себѣ насущный хлѣбъ и, конечно, лишались многаго, жертвуя государству своею скромною долею доходовъ съ рудниковъ. Впрочемъ, такія черты не рѣдки въ аѳинской исторіи! Величайшіе люди Аѳинъ—Ѳемистоклъ, Периклъ и Демосѳенъ—хорошо знали эту сторону національнаго характера и умѣли на нее дѣйствовать въ видахъ общей пользы.

Нибуръ вполнѣ убѣжденъ въ совершенной невинности Ѳемистокла. Онъ приписываетъ его изгнаніе ненависти Спарты, которая не могла ему простить аѳинскихъ укрѣпленій и вообще заслугъ его Аѳинамъ; къ тому-же въ самыхъ Аѳинахъ противъ Ѳемистокла образовалась сильная аристократическая партія, во главѣ которой стоялъ сынъ Мильтіада, Кимонъ, временно затмившій Ѳемистокла, который не былъ полководцемъ, славою своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности побѣдою при Эвримедонтѣ. Трудно себѣ представить, какихъ цѣлей могъ достигнуть Ѳемистоклъ, участвуя въ преступныхъ замыслахъ Павсанія, раскрывшаго впервые передъ лицомъ всей Греціи темную сторону спартанскаго характера. Извѣстно, какіе слухи ходили въ древности о самоубійствѣ Ѳемистокла и о причинахъ, побудившихъ его къ такому поступку. Во времена Аристофана уже господствовало убѣжденіе, что Ѳемистоклъ предалъ себя смерти, дабы избавиться отъ необходимости служить персидскому царю, осыпавшему его благодѣяніями, противъ своихъ соотечественниковъ; слѣдовательно, мнѣніе ближайшаго потомства уже было на сторонѣ великаго гражданина, падшаго жертвою несправедливости современниковъ. Самый родъ смерти, избранный Ѳемистокломъ и вызвавшій

справедливое сомнѣніе, объясняется слѣдующимъ образо
Нибуромъ. „Конечно,—говоритъ онъ:—Ѳемистоклъ не мо
отравить себя бычачьею кровью, потому что кровь четве
погихъ неядовита. Но сто лѣтъ тому назадъ синильная ки
лота добывалась у насъ изъ крови. Почему-же не допусти
что древніе, о химическихъ свѣдѣніяхъ которыхъ мы сли
комъ низко думаемъ, знали, хотя и не вполнѣ, средство и
влекать изъ крови самый смертельный изъ всѣхъ ядов
Если у этого препарата не было никакого особеннаго имен
то его могли за-просто называть бычачьею кровью“. Вообщ
Нибуръ безпрестанно нападаетъ на господствующее еще в
наше время представленіе о состояніи отдѣльныхъ наукъ
искусствъ въ древнемъ мірѣ. Приводимъ слѣдующія слов
сказанныя по поводу Кимоновыхъ побѣдъ надъ персам
„я давно уже замѣтилъ, что мореплаваніе, морская такти
древнихъ и устройство ихъ галеръ подвергаются слишком
презрительнымъ отзывамъ. Галеры должно представля
себѣ какъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ пароходам
Главная цѣль была одна и та-же: возможность независимо
отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма бы
похоже на устройство пароходовъ; мѣсто нынѣшнихъ м
шинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали суд
силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и течені
Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скора
бѣга, съ какъ-можно меньшею массою, дабы движущая сил
находилась какъ-можно въ большемъ отношеніи къ это
массѣ. Въ своемъ родѣ, онѣ представляли нѣчто ужасно
На случай благопріятнаго вѣтра, на нихъ, какъ и на пар
ходахъ, имѣлось небольшое число парусовъ.“

Жалобы, вызванныя гегемоніею Аѳинъ, были отчаст
справедливы. Нигдѣ эти отношенія не изложены съ таким
высокимъ безпристрастіемъ и съ такою вѣрностью, какъ
Ѳукидида. Но Ѳукидидъ не во всемъ оправдываетъ союзни
ковъ, почти добровольно, вслѣдствіе собственнаго равнод
шія къ общему дѣлу Греціи, подпавшихъ подъ владыч
ство Аѳинъ. Требованія ихъ не всегда были справедлив
ибо большею частью основаны были на ариѳметическомъ ра
четѣ. Жители Наксоса и Пароса разсуждали, напримѣр
такимъ образомъ: „въ Аѳинахъ 20,000 гражданъ, у нас
5,000: наши отношенія, слѣдовательно, какъ 4 : 1; зато есл
у всѣхъ союзниковъ 100,000 гражданъ, то Аѳинамъ прина
лежитъ только пятая часть власти“. Нибуръ справедли
вооружается противъ такого чисто внѣшняго и, по его сл
вамъ, презрѣннаго способа опредѣлять взаимныя отношен

эновъ политическаго союза. Не числомъ своихъ гражданъ
не однимъ флотомъ завоевали Аѳины то высокое положе-
, которое онѣ занимали въ Греціи, и котораго законность
оспариваетъ у нихъ всеобщая исторія.

Самыя гордыя надежды Ѳемистокла на будущее величіе
цного города были не только оправданы, но и превзой-
ны въ эпоху Перикла. Мы смѣло можемъ назвать эту эпоху
ымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Да и, вообще,
за-ли какой народъ достигалъ такого гармоническаго и
сторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда
инянe. Образованность, которая обыкновенно бываетъ при-
лежностью немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное
ложеніе, гражданъ, была въ Аѳинахъ доступна всѣмъ и каж-
му и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе аѳинянина
ершалось жизнью, а не въ школѣ. Онъ могъ обойтись безъ
мотности, и не смотря на то, стать наряду съ самыми
свѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ
такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо.
зъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ
стической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей
памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось посто-
нымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ,
которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ора-
ы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, при-
шавшія всѣхъ къ участію, бесѣды философовъ, непрерыв-
е толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ глав-
хъ интересовъ общественной жизни, наконецъ дѣйствія
аматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлью не
остую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажде-
мъ назиданіе, довершали умственное развитіе аѳинянина,
орому обстоятельства отказали въ возможности учиться
молодости. Одна способность чувствовать красоты эсхи-
зыхъ или софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о вы-
комъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ аѳинянъ того вре-
ни. Имъ не нужно было сложной завязки, хитро веденной
триги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ при-
ждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе пи-
тели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ.
всему сказанному, къ необыкновенной воспріемлемости
гато одареннаго природою южнаго племени, надобно при-
вить историческія обстоятельства, въ высшей степени
агопріятныя. Аѳины были торговое и промышленное го-
дарство; ихъ жители предавались самой разнообразной
ятельности, но въ итогѣ у аѳинскаго гражданина было

несравненно болѣе досуга, неж
трудомъ человѣка нашего врем
заключается въ условіяхъ част
сложной, какъ наша. Жена и
гражданина большую часть до
жилъ мало. Вся его дѣятельно
и частная, проходила подъ от
номъ обмѣнѣ мыслей и впеча
нами. Такой быть неминуемо
ныхъ личностей, которыя со
собрались въ Аѳины. Со вре
средоточіемъ гелленской умс
ція обѣдняла великими худ
цами своими въ единствени
утверждать права на славу.
техническая часть искусств
развивалось въ Аѳинахъ, п
тественное слѣдствіе торго
находило приложенія къ п
шей до Пелопоннезской во
то аѳинскіе богачи гордил
на свой счетъ государс
хоровъ, выставленныхъ из
леній, и другими обязате
торыя въ эпоху, нами оп
стными, но служили до
нія въ республикѣ.

Конечно, не Перикл
и великія явленія, кот
его именемъ, но онъ ст
болѣе, нежели кто либо
основана была на безп
денія другимъ и на д
ственнаго мужа. По об
даже выше Ѳемистокл

Отдавая справедли
Нибуръ произноситъ
которыми измѣненіям
аѳинскихъ государств
далеко не вполнѣ из
просовъ принадлежи
власть ареопага не бы
лежитъ сомнѣнію. Бы
допустилъ такую пео

ихъ опасеній усиливавшемуся демосу, сохранить въ государ-
вѣ сильное, на охранительномъ началѣ основанное учрежде-
е, которое могло оказать великія услуги въ критическія ми-
ты народной жизни. Нибуръ полагаетъ, что во время пер-
дскихъ войнъ ареопагъ пользовался неограниченною вла-
ью, соотвѣтствовавшею римской диктатурѣ. Мы оставляемъ
о мнѣніе на отвѣтственности великаго историка. Извѣстно,
о при Периклѣ, по предложенію друга его Эфіальта, су-
бная власть ареопага была значительно ограничена. Но въ
мъ собственно состояло это ограниченіе, мы достовѣрно
знаемъ.

„Периклъ и Эфіальтъ заботились объ усиленіи народнаго
бранія. Объ нихъ обоихъ можно сказать, что они не знали,
о дѣлали, потому что они безспорно повредили респуб-
кѣ. Гдѣ обращеніе крови совершается съ такою быстро-
о, какъ въ аѳинскомъ народѣ, тамъ не для чего ускорять
льсъ; лучше внести какія-нибудь замедленія въ ходъ
лъ, потому что застоя нечего бояться. Эфіальтъ былъ,
зъ сомнѣнія, вполнѣ честный человѣкъ, его нельзя упрек-
ть ни въ эгоизмѣ, ни въ честолюбіи; но, по моему мнѣ-
о, такое обвиненіе падаетъ на Перикла, котораго я ни въ
комъ случаѣ не могу оправдать. Периклъ сознавалъ свое
іяніе на народъ, который жилъ его жизнью; его убѣжденія,
сказанныя имъ умно и съ жаромъ, проникали въ душу
рода. Всѣ его предложенія принимались. Отношеніе его
ареопагу было совсѣмъ другое. Слово Перикла не имѣло-
такого могущества, если-бы ему пришлось говорить пе-
дъ ограниченнымъ по числу членовъ собраніемъ аре-
ага. Онъ вообще не имѣлъ возможности высказать передъ
еопагомъ своего мнѣнія, потому что не засѣдалъ въ немъ
не имѣлъ надежды вступить въ него съ тѣхъ поръ, какъ
ніе архонта перестало быть избирательнымъ. Если-бы но-
зводители не замѣнили избранія жребіемъ, то Периклъ
дъ-бы сдѣлаться эпонимомъ, вступить въ ареопагъ и
же подчинить его себѣ. Теперь ему пришлось употребить
угія средства.—Ареопагъ представляетъ замѣчательный
имѣръ того, что́ называется esprit de corps, въ лучшемъ
ыслѣ этого, выраженія. Такой esprit de corps существо-
ть до французской революціи въ парижскомъ парламентѣ,
ораго члены передавали другъ другу достоинство и не-
исимость, отражавшіяся на всемъ ихъ образѣ жизни.
ткомысленный членъ парламента былъ презираемъ даже
ими людьми, которые охотно мирились съ легкомысліемъ
го остального міра. Такимъ-же наслѣдственно передаю-

щимся духомъ отличаются члены извѣстныхъ фамилій Англіи; онъ составляетъ сущность, основу, на которой д жатся государственныя учрежденія, замѣняя внутренни побужденіемъ отсутствіе прекратившагося внѣшняго прин денія. Въ такихъ государствахъ, какъ Англія, политичес мнѣнія существуютъ неизмѣнно въ отдѣльныхъ сем ствахъ впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Какой-нибу Россель, измѣнившій видамъ и перешедшій на сторону ризма, былъ-бы чудовищнымъ явленіемъ. Это настоящая благотворная аристократія. У ареопага былъ также с духъ: легкомысленный, презрѣнный человѣкъ, по слова сказаннымъ Исократомъ въ эпоху общаго разложенія, вс пая въ ареопагъ, долженъ по необходимости измѣнить принять другой образъ мыслей. Поэтому, ареопагъ былъ п восходнымъ учрежденіемъ. Онъ состоялъ изъ выбывш изъ должности архонтовъ, которые засѣдали въ немъ все продолженіе остальной жизни своей. Но такъ ка ареопагъ былъ представителемъ охранительныхъ нача выраженіемъ разума въ республикѣ, то поступленію въ не должно было предшествовать испытаніе, особливо съ тѣ поръ, какъ архонты стали избираться по жребію; иначе о обратился-бы во вздорное учрежденіе. Всякій избранный жребію архонтъ обязанъ былъ выдерживать испытаніе въ ч стотѣ жизни (δοκιμασία) предъ вступленіемъ въ должность; томъ, сложивъ съ себя званіе архонта, при переходѣ ареопагъ онъ подвергался вторичному испытанію. Такъ ступали италіанскіе города Среднихъ вѣковъ съ своими дестами. Периклъ и Эфіальтъ унизили могущество эт судилища, по словамъ Аристотеля, глубочайшаго знато отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій". (II, стр. 29—

Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы судилище, полнявшееся, какъ видимъ, по жребію, а не по избран могло быть проникнуто до такой степени однимъ и тѣмъ- духомъ,—какъ говоритъ Нибуръ.—Случай могъ ввести ареопагъ членовъ недостойныхъ, которые никакъ не по чили-бы доступа къ нему если-бы прежнее избраніе о лось въ силѣ. Съ другой стороны, непонятно, почему риклъ долженъ былъ отказаться отъ надежды быть арх томъ и потомъ членомъ ареопага. Если-бы онъ дѣйст тельно домогался этихъ почестей, то, вѣроятно, достигъ ихъ и по жребію. Преобразованіе ареопага представл болѣе трудностей.

Справедливѣе намъ кажутся другія замѣчанія Нибу Онъ оправдываетъ Перикла въ допущеніи бѣдныхъ кл

ь аѳинскаго народа къ участію въ богатствахъ республи-
и, достигнувшей высшей степени благосостоянія и по-
авшей огромные доходы. Не хорошъ былъ, по мнѣнію
ура, только способъ, употребленный Перикломъ, т. е. пла-
за участіе въ народныхъ и судебныхъ собраніяхъ. Но
сь, кажется, у Перикла была еще другая цѣль: онъ хо-
ь доставить бѣднѣйшему аѳинянину возможность поль-
ться своими правами и воспитать его для жизни вполнѣ
кданской. Въ этомъ заключается различіе между зако-
и Перикла и римскими leges frumentariae, которые Ни-
ь съ ними сравниваетъ. Вождь аѳинскаго демоса имѣлъ
виду не одно утоленіе голода бѣдныхъ классовъ, но и
гвенное ихъ развитіе. Его мѣры нѣкоторымъ образомъ
вѣтствовали мѣрамъ новыхъ правительствъ касательно
однаго просвѣщенія. Впрочемъ, при избыткѣ населенія,
орымъ уже начинали страдать Аттика и вся остальная
ція, при закрывшейся возможности высылать колоніи въ
жнихъ размѣрахъ, Периклъ могъ еще имѣть въ виду
дупрежденіе государственныхъ переворотовъ.

Пелопоннезскою войною кончилось кратковременное, но
несшее плодъ для всей дальнѣйшей исторіи человѣче-
ı, процвѣтаніе греческой жизни. Война эта носитъ на
ѣ особенный характеръ разрушенія: у враждовавшихъ
оонъ не было опредѣленной, ясно обозначенной цѣли.
ръ могъ, слѣдовательно, кончиться только совершенною
ѣдою одной и уничтоженіемъ другой. Но и побѣдите-
ъ дорого обошлось торжество: proprium periculum fece-
t, qui vicerunt.

„Цвѣтущее состояніе Греціи передъ Пелопоннезскою вой-
о относится къ послѣдующему времени такъ, какъ Гер-
ія предъ Тридцатилѣтнею войною—къ Германіи послѣ
дцатилѣтней войны, или Италія до нашествія францу-
ъ при Карлѣ VIII—къ Италіи послѣ этого нашествія. Это
кно сказать не только о нравственныхъ и духовныхъ от-
пеніяхъ, но и о разореніи страны, хотя съ этой стороны
ція менѣе пострадала (?). Юношескій возрастъ Греціи
чился рано, вмѣстѣ съ эпическими и первыми лиричес-
ими поэтами; Пелопоннезскою войною замыкается свѣжая
а зрѣлаго возраста. Сравнивая даже Демосѳена, одного
ь величайшихъ умовъ, являвшихся въ исторіи, почти
иноко стоящаго между своими современниками, съ людьми,
вшими до Пелопоннезской войны, мы найдемъ, что поэ-
я уже исчезла. Она не долго сохранилась въ жизни послѣ
денія Аѳинъ, какъ отраженный горами блескъ заходящаго

солнца. Въ вѣкъ Августа люди, которыхъ молодость сов
даетъ съ междоусобными войнами и битвою при Акціумѣ,
вершили, по водвореніи относительной тишины и спокойст
безсмертные труды, но труды эти по происхожденію свое
принадлежатъ прошедшему. То-же самое можно сказать
Пелопоннезской войнѣ въ приложеніи ко всей литерату
и къ цѣлому складу жизни. За движеніемъ, вызванны
Пелопоннесскою войною, слѣдуетъ общая усталость; ка
во Франціи черезъ 10-ть лѣтъ послѣ начала революціи пр
кращаются всѣ стремленія къ созданію новыхъ формъ, ост
навливаются умственная производительность и предпріи
чивость, такъ и въ Греціи все было утомлено и хило. Ме
танія и надежды были истощены и изношены. Война нач
лась съ большою свѣжестью силъ; многое въ жизни и иску
ствѣ уже достигло высшей степени развитія; многое пр
ближалось къ этой степени. Трагедія еще до войны стоя
такъ высоко, что не могла уже выше подняться; значитель
нѣйшія драмы явились, правда, въ самые годы войны, н
онѣ суть плоды предыдущаго развитія. Въ комедіи бы
много безъименныхъ мастеровъ: величайшій между ни
Аристофанъ. Но въ трагедіи съ Софокломъ нѣкого сравни
Ходъ образовательныхъ искусствъ былъ другой; они шл
впередъ и во время войны и послѣ, и достигли такой ок
ченности, тонкости и красоты, о которыхъ прежде не имѣ
понятія. Къ тому-же времени принадлежитъ образованіе
развитіе прозы, которая дотолѣ не существовала какъ иску
ство. Могущество и богатство Греціи были истреблены во
ною. До 431 года Греція была цвѣтущею страною, но б
гатство ея истощилось, и даже области, не испытавшія р
зоренія, потерпѣли сильные удары вслѣдствіе напряжен
и поборовъ Спарты. Къ этому присоединилось глубок
нравственное огрубѣніе, общее разложеніе; чувства нен
висти и озлобленія окрѣпли; чувства довѣрія и распол
женія къ ближнимъ вымерли. Вмѣстѣ съ ними погиб
невозвратно юношеское воззрѣніе на будущее время. Лю
несли жизнь, какъ долгъ; жили безъ радостей, безъ н
деждъ на нѣчто лучшее, свѣтлое, на исполненіе мечтан
и замысловъ".

„Пелопоннезская война есть самая безсмертная изъ всѣх
войнъ, потому что она обрѣла величайшаго историка и
всѣхъ, доселѣ существовавшихъ. Ѳукидидъ достигну
высшаго, доступнаго историку совершенства, касатель
твердости, ясности и живого изложенія. Въ послѣдне
отношеніи съ нимъ, можетъ быть, сравнился-бы Тацит

если-бы до насъ дошли утраченныя книги его исторіи: въ гѣхъ, которыя сохранились, онъ еще не является намъ очевидцемъ и участникомъ въ событіяхъ, подобно Ѳукидиду. У Тацита нѣтъ такой непринужденности и наглядности. Ѳукидидъ пишетъ такъ, какъ-будто онъ еще присутствуетъ при описываемомъ и видитъ его своими глазами. Въ этомъ онъ неподражаемъ; вѣроятно въ послѣднихъ книгахъ Ливія была такая-же наглядность, хотя въ другомъ родѣ. Мы находимъ ее также въ рѣчахъ у Саллюстія. Можетъ быть она была и въ утраченныхъ книгахъ его. Прежнія порицанія Ѳукидида безсмысленны: у него и у Демосѳена каждое слово тяжело вѣситъ". О Ксенофонтѣ Нибуръ отзывается очень строго: онъ находитъ, что Ксенофонтъ относится къ Ѳукидиду, какъ Глеймъ въ Гёте. „Его исторія никуда не годится: она написана лживо, нерадиво, на скорую руку". Не безъ причины удивляется Нибуръ Ксенофонтову пристрастію къ Спартѣ въ виду несчастій, которыя ея гегемонія навлекла на Грецію.

Прекрасно характеризуетъ Нибуръ послѣдніе годы Перикловой жизни, совпадающей съ началомъ Пелопоннезской войны. „Достовѣрно,—говоритъ онъ:—что Периклъ сдѣлался предметомъ многочисленныхъ нападеній; это объясняется обстоятельствами. По происхожденію онъ принадлежалъ къ аристократіи; по наклонностямъ и убѣжденію онъ стоялъ за демосъ и старался укрѣпить его. Но такъ какъ онъ окончательно разорвалъ прежнія, еще до него ослабленныя связи, существовавшія въ государствѣ, то порядокъ вещей, имъ созданный, не могъ быть органическимъ. Его правленіе не было творческое, органически развивающее, но чисто личное: благоденствіе и вліяніе Аѳинъ зависѣли отъ его лица; это была счастливая анархія подъ вліяніемъ великаго человѣка. Для будущаго не было создано ничего крѣпкаго. Но кто знаетъ, падаетъ-ли вина такого ощущенія на великаго мужа? Кто можетъ утвердительно сказать, что въ этомъ ходѣ вещей не было необходимости? Часто за счастливѣйшею эпохою слѣдуетъ неизбѣжно время упадка; счастье отдѣльныхъ лицъ или поколѣній ведетъ за собою упадокъ цѣлаго. При Периклѣ выступила наружу въ Аѳинахъ личность во всей силѣ своей. Покорность исчезла въ народѣ. Въ молодости Перикла государствомъ правили Ѳемистоклъ и Аристидъ, потомъ Ѳемистоклъ и Кимонъ, Кимонъ одинъ, наконецъ самъ Периклъ съ нѣсколько старшимъ его годами Кимономъ, и еще позже—съ Ѳукидидомъ Алопекскимъ. Они составляли совокупность великихъ аѳинскихъ государствен-

ныхъ мужей. Но въ послѣдніе годы Перикла выступаетъ на сцену толпа даровитыхъ людей, которые хотятъ управлять государствомъ. У нихъ было знаніе государственнаго дѣла и извѣстная степень образованности, въ особенности риторической, которая въ молодости Перикла была исключительною принадлежностью немногихъ, подобно ему замѣчательныхъ людей, и которою Периклъ самъ, можетъ быть, обладалъ не въ такой высокой степени, какъ его молодые соперники. Ни у кого изъ этой толпы не было, впрочемъ, укрѣпленной на прочномъ основаніи системы. Весьма немногіе изъ нихъ (Алкивіадъ былъ еще очень молодъ) хотѣли вызвать къ жизни тѣни древней аристократіи; большая часть состояла изъ демагоговъ, людей честолюбивыхъ, смотрѣвшихъ на Перикла, какъ на устарѣвшаго, заслонявшаго имъ дорогу человѣка, высокое положеніе котораго составляло предметъ желаній каждаго изъ нихъ. Такъ возникли нападки противъ Перикла, по печальному, но совершенно естественному ходу человѣческой жизни, который также повторяется въ литературѣ и наукѣ. Великіе люди пробиваютъ новые пути, но тѣ, которые обязаны имъ всѣмъ своимъ значеніемъ и существованіемъ, смотрятъ на нихъ, особливо въ смутныя времена, какъ на препятствія, мѣшающія ихъ собственному ходу. Гдѣ пульсъ народной жизни бьется медленнѣе, тамъ могутъ быть отношенія другого рода". (II, стр. 54).

Нелѣпые толки о личныхъ причинахъ, будто-бы побудившихъ Перикла къ начатію войны, не заслуживаютъ опроверженія. Оправданіе аѳинскаго государственнаго мужа находится въ безпристрастномъ разсказѣ Ѳукидида, который отнюдь не принадлежалъ къ числу его безусловныхъ почитателей. Пелопоннезская война была дѣломъ необходимости. Столкновеніе между Спартою и Аѳинами было неизбѣжно: происшествія въ Корцирѣ служили только внѣшнимъ поводомъ. Но начало войны было несчастливо для аѳинянъ. Они, очевидно, не ожидали разоренія, которому подверглась Аттика со стороны Пелопоннезцевъ, истреблявшихъ оливковыя деревья, виноградники и вообще собственность земледѣльческаго класса. Праздное, заключенное въ стѣнахъ великаго города, населеніе смотрѣло издали на эти опустошенія, и какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сваливало вину на людей, стоявшихъ во главѣ правительства, въ особенности на Перикла. Эти жалобы усилились съ появленіемъ страшнаго мора въ Аѳинахъ. Замѣчательно, что зараза, съ такою силою дѣйствовавшая въ Аттикѣ, весьма

ібо обнаружилась въ Пелопоннезѣ. Извѣстно, что Нибуръ
иписываетъ заразительнымъ болѣзнямъ большое истори-
ское значеніе. По его мнѣнію, великія заразы почти всегда
впадаютъ съ эпохами упадка цивилизацій. Онѣ служатъ
бежами между отходящимъ, вымирающимъ порядкомъ
щей и зарождающимся новымъ. Читатели наши найдутъ
„Чтеніяхъ о древней исторіи“ много относящихся къ
эму предмету остроумныхъ, хотя не вполнѣ доказанныхъ
едположеній. Могучимъ органомъ поднявшейся противъ
рикла оппозиціи была комедія, игравшая въ обществен-
мъ мнѣніи такую-же роль, какую играютъ въ новой Европѣ
литическіе журналы. Изъ комедій Аристофана видно, ка-
і средства употребляли комическіе поэты для достиженія
оихъ цѣлей. Пользуясь безграничною свободою, они не
адили ни лицъ, ни учрежденій. Можно себѣ представить,
кое впечатлѣніе производили на массу зрителей эти смѣ-
ія до цинизма выходки противъ мужей, занимавшихъ выс-
я должности въ республикѣ, эти недоказанныя обвине-
ія, или, лучше сказать, клеветы, поднятыя въ грязи пло-
адныхъ толковъ и облагороженныя изящною поэтическою
ормою. Аристофанъ былъ безспорно величайшій комиче-
ій поэтъ всѣхъ вѣковъ, но ссылаться на его мнѣнія о со-
еменныхъ ему дѣятеляхъ аѳинской исторіи безразсудно.
ъ немъ съ особенною силою и, можно сказать, съ ожесто-
ніемъ отразилось мнѣніе извѣстной политической партіи,
въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ другомъ, его творенія
огутъ служить историческимъ источникомъ.

Мы уже замѣтили выше любовь Нибура къ Аѳинамъ.
о чувство высказывается почти на каждой страницѣ его
эсказа о Пелопоннезской войнѣ. Къ Спартѣ онъ рѣши-
льно нерасположенъ, и мы вполнѣ сочувствуемъ великому
торику. Спартанцы первые сообщили войнѣ тотъ жесто-
й характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ преды-
щихъ междоусобій, происходившихъ на греческой почвѣ.
рибавимъ къ этому, что жестокость Спарты была обдуман-
ія, холодная; она истекала изъ политическаго разсчета,
ежду тѣмъ, какъ самыя темныя дѣла аѳинскаго демоса со-
ершены были подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія и не-
ідко вели за собою раскаяніе. Спартанцамъ вмѣняютъ въ
юбенное достоинство ихъ снисхожденіе къ провинившимся
еначальникамъ. Строгость, которую обнаруживали аѳи-
ане въ подобныхъ обстоятельствахъ, часто называютъ не-
агодарностью. Но Спарта не менѣе была строга, [illegible]ѣло
ло объ опущеніи ея [illegible]нныхъ выгодъ. Оп[illegible]

сходительна только въ тѣхъ случаяхъ, когда вина обра
лась ко вреду другихъ. Исторія представляетъ много п
мѣровъ безнаказаннаго нарушенія договоровъ и оскорб
ній всякаго рода, нанесенныхъ союзникамъ со стороны сп
танскихъ сановниковъ. Въ доказательство того, какъ м
можно полагаться на разсказы, пущенные въ ходъ недоб
желателями Аѳинъ. Нибуръ приводитъ слѣдующій лю
пытный фактъ: аѳинскій полководецъ Пахесъ оказалъ р
публикѣ важную услугу покореніемъ возставшей Митиле
Вмѣсто награды, онъ былъ преданъ суду, и предупреди
грозившій ему приговоръ добровольною смертью. Въ тако
видѣ дошли эти происшествія до потомства. Примѣръ П
хеса служитъ, говорятъ, разительнымъ доказательство
легкомыслія и несправедливости аѳинянъ. Но въ греческ
анѳологіи сохранилось стихотвореніе, показывающее совсѣ
съ другой стороны все это дѣло. При взятіи Митилены, П
хесъ изнасиловалъ двухъ тамошнихъ благородныхъ жен
которыя потомъ принесли на него жалобу его соотечество
никамъ. Побѣдоносный полководецъ могъ разсчитывать
ненависть аѳинянъ противъ глубоко ихъ оскорбивших
митиленцевъ, но чувства правды и сожалѣнія къ несчас
нымъ жертвамъ взяли верхъ надъ народнымъ озлобленіем
Пахесъ долженъ былъ умереть. Спартанскимъ начальн
камъ сходили съ рукъ и не такіе поступки. Единственн
спартанецъ той эпохи, внушающій къ своей личности гл
бокое сочувствіе и уваженіе,—Брасидъ. Къ сожалѣнію, о
погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Кромѣ великихъ дарованій, онъ отл
чался благородствомъ и возвышеннымъ, рѣдкимъ между е
соотечественниками, воззрѣніемъ на обще-греческія дѣл

Относительно Клеона, Нибуръ раздѣляетъ господству
щее и едва-ли справедливое мнѣніе. Въ VI-мъ томѣ Грот
вой „Исторіи Греціи“ находится превосходная и, по наше
мнѣнію, вѣрная оцѣнка дѣятельности и характера Клеон
Этому человѣку пришлось заступить мѣсто Перикла сре
самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ геніальны
дарованій, которыхъ, конечно, у Клеона не было. Но, съ др
гой стороны, едва-ли возможно допустить, чтобы человѣ
до того жалкій и ничтожный, какимъ Клеона изображаю
Ѳукидидъ и Аристофанъ, могъ выдвинуться впередъ и
толпы образовавшихся въ блестящую эпоху Периклова вл
дычества государственныхъ людей. Въ продолженіи нѣсколь
кихъ лѣтъ Клеонъ заслоняетъ всѣхъ своихъ соперников
пользуется постояннымъ вліяніемъ на народъ и обнаруж
ваетъ въ отдѣльныхъ, пристрастно противъ него переда

ыхъ намъ, случаяхъ ясный и здравый взглядъ на совре-
енныя событія. Примѣромъ можетъ служить дѣло о взятіи
острова Сфактеріи, подробно и обстоятельно разобранное
ротомъ. Оно приноситъ большую честь Клеону. Несчастье
го заключается въ непріязни, которую къ нему питали ве-
ичайшій поэтъ и величайшій историкъ того времени. Ѳу-
ididъ, обыкновенно столь безпристрастный и спокойный
ѣнитель людей, очевидно не любитъ Клеона. Онъ сооб-
щаетъ намъ всѣ ошибки послѣдняго и едва намекаетъ на
бстоятельства, которыми эти ошибки въ нѣкоторой степени
правдываются. Ѳукидидъ, между прочимъ, строго осуждаетъ
Клеона за жестокія мѣры, предложенныя имъ противъ жи-
елей Митилены и Скіоне. Зачѣмъ-же умалчиваетъ онъ
мя оратора, предложившаго еще худшія, болѣе несправе-
дливыя мѣры противъ мелійцевъ, и не произноситъ надъ
имъ такого-же приговора? Безразсудно было со стороны
ѳинянъ отправленіе Клеона во Ѳракію, гдѣ онъ долженъ
ылъ встрѣтиться съ геніальнымъ Брасидомъ и защищать
ротивъ него важнѣйшія колоніи республики, отъ которыхъ
ависѣло въ то время рѣшеніе войны. Но самое это довѣріе
оказываетъ, что Клеонъ не былъ въ глазахъ своихъ со-
раждан тѣмъ презрѣннымъ шутомъ, какимъ намъ его
редставляютъ.

Смерть Брасида была несчастьемъ для цѣлой Греціи. Онъ
динъ могъ примирить враждебныя стороны на условіяхъ
азумныхъ и умѣренныхъ. Значительныя личности Алки-
іада и Лисандра, опредѣляющія ходъ происшествій во вто-
ой половинѣ Пелопоннезской войны, далеко ниже Брасида
ъ безкорыстіи и чистотѣ намѣреній.

„Имя Алкивіада, — говоритъ Нибуръ:—принадлежитъ къ
исслу самыхъ громкихъ именъ древняго міра; о немъ много
олкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристичe-
кихъ, отличительныхъ свойствъ. Большею частью говорятъ
объ его красотѣ, объ его любезности, забывая то, что въ
немъ главное, что составляетъ его значеніе. Его внѣшнія
качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили
ему, заслоняя собою его блестящія дарованія. Мы, вообще,
представляемъ себѣ Алкивіада, какъ человѣка, любующагося
собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя за-
бавы, и упускаемъ изъ виду ту сторону его характера, ко-
торую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе [illegible]ают
его настоящимъ образомъ; новые писатели част[illegible]ются
о немъ не только не[illegible]енно, но даже съ пре[illegible]мъ;
весьма извѣстныя [illegible]я содержатъ въ о[illegible]и-

тельно опрометчивыя, даже презрительныя сужденія о
Алкивіадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ н
обыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демонически
явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опред
ляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ и, перевѣшивая вл
ніемъ одной своей личности счастье и политику цѣлы
государствъ. Ѳукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ и
лишнемъ пристрастіи къ Алкивіаду, говоритъ положитель
что отъ него зависѣла судьба Аѳинъ, и что если-бы Алк
віадъ не отдѣлилъ сначала поневолѣ, потомъ доброволь
своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопо
незской войны принялъ-бы совсѣмъ другой оборотъ, и ч
одно это лицо могло рѣшить споръ въ пользу аѳинянъ. Э
господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительн
писатели древняго міра смотрѣли на Алкивіада съ эт
точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ объ нем
иначе и говорятъ о немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, к
тораго никакъ нельзя поставить на ряду съ великими г
сударственными мужами древности. Аристофанъ, которы
по уму не уступаетъ Ѳукидиду, но безконечно расходит
съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе об
Алкивіадѣ въ „Лягушкахъ“ въ видѣ шутки, но въ таке
время, когда Алкивіада надобно было снова поднять въ о
щественномъ мнѣніи. Это сужденіе содержитъ въ себѣ вс
что можно сказать объ Алкивіадѣ. По словамъ Аристофан
появленіе такого чудовищнаго, демоническаго существа в
республикѣ составляетъ, конечно, несчастье и опасность; н
тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчинитьс
и не оказывать ему безполезное сопротивленіе. У Алкивіад
совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи
не знаю никого, съ кѣмъ-бы его можно было сравнит
Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову. Онъ также ра
началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавш
строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто дру
гое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкивіада. У Алки
віада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а ти
ранническая натура, φύσις τυραννική. Онъ не могъ никакъ пр
норовиться къ государству и законамъ, не могъ спокойн
довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ем
было политическими учрежденіями его родины. Цезарь был
не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ з
конности и стремился выше, но это стремленіе у него был
прикрыто, стояло на второмъ планѣ, до извѣстной поры е
жизни; вообще, онъ до самаго своего консульства был

ражданиномъ республики. Къ тому же, Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкивіада, напротивъ, не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѳины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли-бы отъ другого гражданина; но дѣлать было нечего,— только при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на Алкивіада. Нельзя, впрочемъ, не признать, что съ лѣтами онъ становится значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружились патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту-же власть и то-же положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ,—Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ; но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѳинахъ или внѣ Аѳинъ, тамъ, гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ, или начальствовать надъ войсками, тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что его окружало. Онъ сознавалъ эту власть и пользовался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ сознаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ-же не признаютъ надъ собою ни божественнаго, ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они стаптываютъ ни во что. Таковъ былъ Алкивіадъ. Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ большей степени Мирабо, въ меньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкивіаду. Наполеонъ былъ слишкомъ практическій [illegible]. Такая-же, сохранившая [illegible] чистоту натура бы[illegible]

ѳена: это высшее въ исторіи, но тотчасъ является завис и начинаетъ грызть. Впрочемъ, подобныя лица рѣдко ост ются чистыми; большею частью, они отдаются дьяволу. К тилина былъ человѣкъ въ этомъ родѣ, а не дюжинный зл дѣй". (II, стр. 106—111).

Страшная участь аѳинскаго флота и сухопутныхъ войс подъ Сиракузами опредѣлила позднѣйшія мнѣнія о пре пріятіяхъ аѳинянъ въ Сициліи. Мы привыкли смотрѣть сиракузскую экспедицію только чрезъ развязку ея, нане шую Аѳинамъ ударъ, отъ котораго онѣ не могли оправиться Нибуръ не повторяетъ обвиненій, которыя обыкновенно по этому поводу возводятся на Аѳины и, въ особенности, на Ал кивіада. Мысль о завоеваніи Сициліи могла придти въ го лову истинно государственному человѣку и легко могла быть осуществлена при тогдашнихъ средствахъ аѳинско республики и при постоянныхъ междоусобицахъ сицилі скихъ городовъ. О выгодахъ такого завоеванія можно с ставить себѣ понятіе уже изъ того обстоятельства, что Си цилія снабжала хлѣбомъ Пелопоннессъ. Цвѣтущее состоян острова, на которомъ впослѣдствіи сошлись, споря о вл дычествѣ надъ историческимъ міромъ, Римъ и Карѳаген великолѣпіе его городовъ и обширная торговля этихъ го родовъ явствуютъ изъ всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ. В Сициліи, по геніальной мысли Алкивіада, должна бы рѣшиться Пелопоннезская война. Что́ могли противопост вить отрѣзанныя отъ своей житницы Спарта и ея союзник аѳинамъ, усиленнымъ всѣми богатствами Сициліи? Аѳинян не сомнѣвались въ успѣхѣ задуманнаго ими предпріяті Мало того, они думали о распространеніи своихъ владѣні на западъ, о покореніи Сардиніи и самаго Карѳагена. В надеждахъ этихъ не было ничего преувеличеннаго и н сбыточнаго: войны Діонисія и Агаѳокла обличаютъ внутре нюю слабость тогдашняго Карѳагена. А, между тѣмъ, могу щество сиракузскихъ вождей никакъ не могло выдержа сравненія съ могуществомъ Аѳинъ, не говоря о геніи Ал кивіада, передъ которымъ ничтожны и Діонисій, и Агаѳокл Нибуръ прекрасно сравниваетъ по этому поводу характер римскихъ и аѳинскихъ войнъ. Римляне воевали потом что безъ войнъ или внутреннихъ смутъ имъ было нечег дѣлать: скука одолѣвала цѣлый народъ. Аѳиняне такж скучали праздностью, но отъ избытка внутреннихъ сил отъ жажды новыхъ ощущеній и великихъ событій. Впр чемъ, аѳинянину было хорошо и дома. „У него были вел кіе праздники, поэты и воспріемлемость для всего прекра

го. Аттическіе поэты по преимуществу заслуживаютъ на-
нія благотворительныхъ мужей; ихъ звуки, какъ лира
фіона, укрощали дикія страсти толпы и занимали ее со-
о. Когда сердца были преисполнены пѣсенъ и дивныхъ
гедій, тогда въ Аѳинахъ всѣ были счастливы и веселы,
кто не чувствовалъ своей бѣдности, не искалъ сильныхъ
певныхъ потрясеній". Но именно при такомъ настроеніи
рода, онъ легко поддавался на великія, представленныя
у съ политической стороны, предпріятія. Римлянинъ
ѣлъ въ виду практическую цѣль, результатъ войны; аѳи-
нинъ находилъ наслажденіе въ подвигѣ, хотя и онъ да-
ко не былъ чуждъ политическаго разсчета. При содѣй-
віи Алкивіада, успѣхъ сицилійской экспедиціи почти
подлежалъ сомнѣнію. Даже первыя дѣйствія Никія были
зольно удачны, но мнительность и робкая осторожность
ого несчастнаго полководца дали дѣлу другой оборотъ.
кій не воспользовался первымъ впечатлѣніемъ, произве-
нымъ прибытіемъ аѳинянъ въ Сиракузы, пропустилъ
агоцѣнное время и далъ Алкивіаду возможность принять
ь Спарты тѣ мѣры, конечнымъ слѣдствіемъ которыхъ
ло паденіе Аѳинъ.

Роковой геній Алкивіада раскрылся по всей полнотѣ
ей въ эпоху его изгнанія. Алкивіадъ открылъ спартан-
мъ глаза на опасность, которая имъ грозила, и былъ ви-
зникомъ новой, болѣе рѣшительной системы войны. Вмѣ-
ежегодныхъ вторженій въ Аттику, пелопоннезцы за-
ли, по его совѣту, на разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль
ь Аѳинъ небольшой городокъ Декелею, укрѣпили его и
прерывными разореніями не давали оправиться сельскому
селенію. На помощь Сиракузамъ былъ отправленъ Гилиппъ,
стоящій представитель тогдашняго спартанскаго харак-
а, соединявшій съ достоинствами искуснаго полководца со-
шенное отсутствіе политической чести или, лучше ска-
ть, честности. Алкивіаду-же были обязаны Аѳины вмѣша-
льствомъ Персіи въ Пелопоннезскую войну и отпаденіемъ
чительной части своихъ прежнихъ союзниковъ. Персид-
й флотъ пришелъ на помощь къ спартанцамъ, которые,
рхъ того, получали отъ персидскаго царя значительное
ежное пособіе. Узкая, антинаціональная политика Спарты
наружилась гораздо прежде Анталкидова мира: уже во
мя Пелопоннезской войны, Спарта продала персамъ не-
висимость своихъ мало-азіатскихъ соплеменниковъ. Ес[illegible]
Алкивіадъ не останови[illegible] во-время и не употре[illegible]
-же дѣятельности, каку[illegible] бнаружилъ ко вреду А[illegible]

въ ихъ пользу, то участь послѣднихъ рѣшилась-бы нѣсн
кими годами ранѣе. Тѣ самые сатрапы, которыхъ онъ
дилъ оказать пособіе Спартѣ, сдѣлались орудіями его
вершенно измѣнившихся намѣреній.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ познако
читателей со всѣми подробностями Нибурова изложенія
слѣднихъ годовъ Пелопоннезской войны. По нашему
нію, это одинъ изъ самыхъ удачныхъ отдѣловъ въ „Ч
яхъ о древней исторіи". Заживо затронутая событіями,
дѣленными отъ насъ разстояніемъ двадцати двухъ вѣ
личность историка высказывается въ каждомъ сужденіи,
произносимомъ. Не всѣ эти сужденія справедливы; о
гихъ мы даже рѣшительно не знаемъ, на какихъ данныхъ
основаны, но едва-ли найдется мыслящій читатель, сп
ный устоять противъ впечатлѣнія этихъ горячихъ, д
щихъ чувствомъ современника, страницъ.

Несчастья, испытанныя Аѳинами, привели многихъ г
данъ къ убѣжденію въ необходимости внутреннихъ пре
зованій. Политическія формы Перикловой эпохи, устан
шіяся подъ вліяніемъ исключительно демократичес
идей, не могли соотвѣтствовать требованіямъ республ
нуждавшейся въ крѣпкой, способной сосредоточить въ
ихъ рукахъ всѣ государственныя силы, власти. Нибуръ
ведливо замѣчаетъ, что въ тогдашнихъ Аѳинахъ не
правительства въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Ли
вліяніе Перикла замѣняло отчасти недостатокъ учре
ній; Периклъ стоялъ во главѣ народа и сообщалъ р
ніямъ народныхъ собраній нѣкоторую послѣдовательно
единство; у него не было преемниковъ: Алкивіадъ
вался впередъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые его
бенно занимали, но онъ не имѣлъ того цѣльнаго зна
въ республикѣ, какое принадлежало его опекуну. Ко
Аѳинамъ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, нуженъ былъ
таторъ, а политическіе реформаторы, о которыхъ мы у
нули выше, заботились только объ установленіи про
аристократическаго элемента. Попытки эти оказались,
и слѣдовало ожидать, неудачными.

Въ числѣ лицъ, игравшихъ въ то время значител
роль, есть одно, надъ которымъ нельзя не задуматься
рику. Мы говоримъ о Ѳераменѣ. Мужественная кончин
періодъ владычества 30-ти тирановъ, къ числу кото
онъ самъ принадлежалъ, доставила Ѳерамену назаслу
ную славу героическаго характера. Разбирая подробн
предыдущую жи[illegible]которые новые историки пришл

заключенію совсѣмъ другого рода. Шлоссеръ въ своей древней исторіи (т. I, отд. II) называетъ Ѳерамена предателемъ и, вообще, произноситъ надъ нимъ самый жестокій приговоръ. Мнѣніе Нибура кажется намъ достойнѣе истиннаго историка, умѣющаго цѣнить вліяніе времени и обстоятельствъ на дѣйствія отдѣльныхъ людей.

„Ѳераменъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ характеровъ древней исторіи; я когда-нибудь буду писать о немъ. Онъ былъ отличный полководецъ, счастливъ, неутомимъ, искусенъ; онъ обладалъ необыкновеннымъ, быть-можетъ необработаннымъ наукою, но могучимъ краснорѣчіемъ. Притомъ онъ былъ, чего наименѣе можно было ожидать, человѣкъ благонамѣренный и справедливый; его огорчала всякая неправда и все неразумное, но такъ какъ онъ жилъ только въ настоящемъ, въ текущемъ мгновеніи, то онъ не заботился ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Этимъ объясняются его внезапные переходы отъ одной партіи къ другой, когда та, къ которой онъ принадлежалъ, его болѣе не удовлетворяла или не принимала его справедливыхъ совѣтовъ. Такимъ-же образомъ отставалъ онъ отъ новой партіи, когда былъ ею недоволенъ, или когда старая обращалась къ нему съ разумными предложеніями. Такая измѣнчивость доставила ему прозваніе котурна. Сандаліи дѣлались на одну ногу, котурнъ на обѣ, такъ что его можно было надѣвать по произволу на правую и на лѣвую ногу. Ѳераменъ часто мѣнялъ партіи. О немъ много было писано, но тѣ немногіе новые историки, которые имъ занимались, не справились съ нимъ. Я понимаю его совершенно и думаю, что характеръ его можно изобразить вполнѣ. Не смотря на всѣ его заблужденія и грѣхи, я не могу его не любить: онъ тяжело искупилъ свои проступки. Человѣкъ, которому угрожаетъ паденіе, и падающій вслѣдствіе похвальныхъ побужденій, лучше того, кто остался чистымъ по неспособности и отсутствію соблазновъ. Поэтому, Ѳераменъ меня не отталкиваетъ отъ себя; напротивъ, я раздѣляю чувство, которое онъ вообще внушалъ въ древности. Цицеронъ его любитъ, хотя онъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ отдѣльные поступки его жизни и вовсе не былъ намѣренъ ихъ защищать. У него есть, конечно, дѣла, которыхъ нельзя оправдывать, но которыя можно извинить, потому что за ними слѣдуетъ всегда прекрасное обращеніе къ лучшему и желаніе загладить дурное: сердце у него было самое открытое, которое не боялось признаться въ собственной винѣ и ревностно стремилось къ ея исправленію.

Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые смотрѣли на тогдашнюю порчу аѳинской демократіи, какъ на нѣчто, чему надлежало положить конецъ, которые желали перемѣны учрежденій и надѣялись этою перемѣною водворить въ Греціи миръ“ (II, 168). Далѣе говоритъ о немъ Нибуръ: „Веселость, съ которою онъ выпилъ за здоровье Критія чашу съ цикутою, обличаетъ спокойствіе человѣка необычайныхъ силъ, но утомленнаго жизнью, отъ которой онъ хочетъ отдѣлаться, какъ отъ тяжкой ноши“ (II, 202). Къ сожалѣнію, до насъ не дошло превосходное сочиненіе, написанное Ѳерамеиомъ въ оправданіе себя. У Лисія (Contra Eratosch. p. 127, Reis). находятся подлинныя мѣста. Рѣчь, которую Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Ѳерамену, по мнѣнію Нибура, поддѣльная и написана самимъ историкомъ. Вообще, Нибуръ, какъ мы уже показали выше, не любитъ Ксенофонта и говоритъ тутъ-же (201), что всѣ его рѣчи на одинъ ладъ; ѳракійцы, персы, аѳиняне, люди всѣхъ партій говорятъ у него однимъ и тѣмъ-же языкомъ, то-есть нѣсколько распущеннымъ (etwas liederlicher Manier) языкомъ самого Ксенофонта.

Смуты, предшествовавшія изгнанію 30-ти тирановъ и возстановленію аѳинской независимости, подали поводъ Нибуру къ слѣдующимъ словамъ, которыя съ одной стороны характеризуютъ его лично, съ другой могутъ служить превосходнымъ образцомъ истиннаго воззрѣнія на людей, призванныхъ дѣйствовать въ смутныя времена исторіи.

„Эти событія представляютъ намъ поучительное доказательство того, что не должно судить о нравственномъ достоинствѣ человѣка по цвѣту политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и что нельзя сказать: такой-то принадлежитъ къ такой-то партіи, слѣдовательно, онъ дурной человѣкъ, или, наоборотъ—хорошій. Подобныя сужденія составляются безъ труда, но въ нихъ нѣтъ истины; исторія учитъ насъ другому, лучшему: часто подъ знаменами самаго благороднаго дѣла стоятъ самые порочные люди, и наоборотъ, въ рядахъ дурной партіи мы нерѣдко встрѣчаемъ благороднѣйшихъ людей, воображающихъ, что они дѣлаютъ добро, тогда какъ поступки ихъ вредны и неразумны, потому что они ошиблись въ цѣли или недальновидны. Это явленіе повторилось и въ Аѳинахъ. Ѳразибулъ былъ отличный, безукоризненный гражданинъ; но съ нимъ вмѣстѣ, въ числѣ начальниковъ, стоялъ за правое дѣло и участвовалъ въ возстановленіи прежняго порядка Анитъ, впослѣдствіи обвинитель Сократа. Обвинитель Сократа, виновникъ его ги-

ели едва-ли могъ быть хорошимъ и добрымъ человѣкомъ: онъ былъ религіозный лицемѣръ. Наоборотъ, между находившимися въ городѣ противниками Ѳразибула были вѣроятно превосходные люди Самъ Сократъ и, безъ сомнѣнія, большая часть его друзей оставались въ городѣ *). Я навѣрно былъ-бы въ Пиреѣ или въ Филѣ, но никакъ не бросилъ-бы камня въ того, кто остался въ Аѳинахъ, а только пожалѣлъ-бы о немъ" (II, 211).

Въ слѣдующей статьѣ мы отдадимъ читателямъ „Пропилеевъ" отчетъ въ содержаніи остальныхъ „Чтеній о древней исторіи", посвященныхъ печальнымъ, но поучительнымъ временамъ упадка греческой жизни.

II.

За Пелопоннезскою войною слѣдуетъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи" обзоръ исторіи персидской до возстанія младшаго Кира противъ Артаксеркса. Читателямъ „Пропилеевъ" извѣстно, какое участіе принимали въ этомъ возстаніи греческіе наемники, которыхъ походъ и отступленіе подробно описаны въ лучшемъ изъ сочиненій Ксенофонта. Мы привели уже мнѣніе Нибура объ этомъ писателѣ. Какъ-бы некотя признаетъ Нибуръ достоинство Анабазиса; но отзывъ его о личности самого сочинителя слишкомъ строгъ, хотя и въ немъ есть доля истины. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на превосходный отдѣлъ, посвященный отступленію 10-ти тысячъ грековъ въ IX-мъ томѣ Гротовой „Исторіи Греціи". Нибуръ вмѣняетъ Ксенофонту въ вину самое участіе его въ походѣ. Другіе шли, говоритъ, онъ, наемниками ради денегъ,—Ксенофонтъ пошелъ изъ энтузіазма. Трудно найти въ Анабазисѣ признаки такого энтузіазма. Причины, побудившія молодого аѳинскаго всадника, Сократова ученика, стать въ ряды Кировыхъ мисѳофоровъ, были весьма просты. Послѣ Пелопоннезской войны жизнь въ униженныхъ Аѳинахъ не представляла ничего особенно привлекательнаго даровитому и жаждавшему дѣятельности юношѣ. Другъ его, беотіецъ Проксенъ писалъ ему изъ Сардъ, гдѣ онъ находился при особѣ Кира, о предстоящихъ персидскому государству переворотахъ и звалъ его къ себѣ. Ксенофонтъ принялъ охотно это приглашеніе. Не легко было греку, въ особенности аѳинянину, устоять противъ троякаго

---

*) Надобно при этомъ вспомнить, что Ѳразибулъ и его [illegible] лись въ Пиреѣ, а олигархи съ своими приверженцами—въ [illegible].

искушенія: войны, славы и странствованій по землям которыхъ въ Греціи ходили только смутные слухи.

Клеарха и другихъ начальниковъ греческаго наем войска въ службѣ Кира Нибуръ не безъ основанія сра ваетъ съ полководцами Тридцатилѣтней войны, о котор говоритъ слѣдующее: „Досадно, что на такихъ людей с рятъ, какъ на героевъ; это признакъ совершеннаго незн исторіи; у Банера, какъ и у Клеарха, были таланты в каго полководца; но, подобно Папенгейму, онъ явля намъ чудовищемъ, какихъ, слава Богу, не встрѣчаемъ въ вѣйшихъ войнахъ Европы“.

Сраженіе при Кунаксѣ положило конецъ наступательн движенію грековъ; но съ него начинается тотъ рядъ в кихъ подвиговъ, которые доставили сборной наемной жинѣ всемірно-историческое значеніе. Мы не считаемъ в нымъ повторять всѣмъ знакомыя подробности отступл 10 тысячъ грековъ. Но едва-ли до того времени могло виться въ душѣ грека такое глубокое сознаніе собствен превосходства надъ народами Востока. Воины Марае Ѳермопилъ и Платеи стояли на родной почвѣ; непрія превосходилъ ихъ числомъ; за то на ихъ сторонѣ с много другихъ условій успѣха. Но спутники Ксеноф находились совсѣмъ въ другомъ положеніи. Имъ надлеж прокладывать себѣ путь на родину чрезъ земли имъ в неизвѣстныя, населенныя племенами, которыхъ имена до не доходили до греческаго уха; имъ предстояла равно т ная борьба съ природою горныхъ и холодныхъ странъ голодомъ и, наконецъ, съ врагами, которые напирали на н со всѣхъ сторонъ, спереди и сзади. Прибавимъ къ тому, лучшіе ихъ вожди были у нихъ отняты измѣною при сам началѣ отступленія. Надобно было замѣнить ихъ люд новыми, едва извѣстными войску и не успѣвшими еще служить его довѣрія. Между этими новыми вождями пе мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія Ксенофонту. У Г есть нѣсколько умныхъ, по этому поводу написанныхъ с пицъ (томъ IX, страницы 113—118). Онъ показываетъ, до кой степени Ксенофонтъ былъ обязанъ своимъ быстр возвышеніемъ и вліяніемъ на умы сподвижниковъ той стемѣ воспитанія, которая принадлежала къ числу отли тельныхъ признаковъ аѳинскаго гражданина и была од изъ причинъ его несомнѣннаго превосходства надъ ост ными греками. Въ рядахъ грековъ, которыхъ Киръ собр подъ свои знамена и привелъ къ Кунаксѣ, были, коне люди болѣе опытные, чѣмъ Ксенофонтъ, въ военномъ д

столь-же мужественные. Между ними было много ветера-
эвъ Пелопоннезской войны. Но когда войско падало духомъ
ь виду почти неодолимыхъ препятствій, когда самые храб-
ые думали только о честной смерти, тогда аѳинянинъ Ксе-
эфонтъ, привыкшій къ волненіямъ народнаго собранія, на-
эдилъ слова и идеи, возстановлявшія бодрость и надежду.
роки софистовъ и риторовъ принесли пользу на бранномъ
олѣ. Ксенофонтъ равно умѣлъ, по словамъ Грота, мыслить,
эворить и дѣйствовать. Только въ Аѳинахъ могъ онъ найти
словія для такого гармоническаго и разнообразнаго разви-
я способностей, данныхъ ему природою.

Гротъ почти совершенно согласенъ съ Нибуромъ отно-
ительно возможныхъ результатовъ сраженія при Кунаксѣ.
обѣда Кира могла-бы обнаружить большое вліяніе на
часть древняго міра. Киръ вполнѣ сознавалъ значеніе гре-
еской образованности, по крайней мѣрѣ въ политическомъ
мыслѣ. Онъ былъ окруженъ греками и доставилъ-бы не-
омнѣнно на Востокѣ гелленизму то вліяніе, которое онъ
ріобрѣлъ вслѣдствіе Александровыхъ завоеваній. Эти за-
оеванія могли даже сдѣлаться невозможными, если-бы
иру удалось осуществить свои планы. За то преобразо-
анное, скрѣпленное греческими элементами персидское
осударство могло-бы явиться опаснымъ врагомъ для Греціи
разыграть относительно упадавшихъ республикъ ту роль,
оторая потомъ досталась на долю Македоніи.

Участіе, принятое спартанцами въ Кировомъ предпріятіи,
влекло ихъ въ войну съ Артаксерксомъ. Когда Агезилай
ринялъ начальство надъ спартанскимъ войскомъ въ Ма-
ой Азіи, при немъ было только 30 настоящихъ спартан-
евъ. Они занимали главныя должности въ арміи, состоявшей изъ періэковъ и вольноотпущенныхъ гелотовъ. Число
партанскихъ гражданъ въ то время не превышало тысячи.
осударство должно было по необходимости беречь ихъ
олько въ качествѣ начальниковъ или офицеровъ вообще.
Мнѣніе Нибура о самомъ Агезилаѣ представляетъ рѣзкую
противоположность съ похвалами, которыми обыкновенно
сыпаютъ спартанскаго царя его древніе и новые біографы.
Агезилая дѣйствительно нельзя причислить къ великимъ
людямъ Греціи. Онъ былъ хорошій полководецъ и былъ
нуждъ той жестокости, которою вообще отличались его со-
отечественники, въ особенности современникъ и соперникъ
его Лисандръ. У него было много личныхъ друзей; но онъ
простиралъ свою пріязнь до непозволительнаго пристрастія.
При нѣкоторомъ добродушіи, у него были чи[illegible]ртан-

скіе пороки, презрѣніе къ праву, глубокій эгоизмъ и отс
ствіе всякаго высшаго, гелленскаго національнаго чувс
Счастливый возвратъ 10 тысячъ грековъ внушилъ Аге
лаю мысль о возможности легкихъ завоеваній въ Персіи;
несмотря на довольно усиленный ходъ его дѣйствій
Малой Азіи, онъ не совершилъ ничего важнаго. Побі
его надъ персами весьма незначительны въ сравненіи
побѣдами Александра или даже съ битвами V-го столѣ
Вообще, въ немъ есть нѣчто узкое и ограниченное; скаже
впрочемъ, въ оправданіе Агезилая, что ему недостало в
мени для полнаго раскрытія плановъ, съ которыми
пришелъ въ Азію. Онъ принужденъ былъ поспѣшить в
вратиться въ Грецію, потому что большая часть прежн
союзниковъ Спарты подняли противъ нея оружіе и за
вили ее думать о собственной безопасности.

Недавняя гегемонія Спарты была потрясена въ сво
основахъ коринѳскою войною. Греческія республики, о
жившись отъ Аѳинъ, во время Пелопоннезской войны
пытали уже сладость спартанскаго владычества и гор
жалѣли о своихъ прошлыхъ отношеніяхъ. Ненависть
надменной Спартѣ сдѣлалась общимъ чувствомъ гречес
міра. Къ сожалѣнію, Аѳины были не въ состояніи восп
зоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Причиною тому б
бѣдность республики, которая еще не успѣла оправит
отъ недавнихъ бѣдствій и потому требовала тяжелыхъ жер
отъ островов, которые охотно перешли снова на ея
рону. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ намъ впо
оцѣнить великія услуги, оказанныя въ эту эпоху Аѳин
Ѳразибуломъ и Конономъ. Безъ послѣдняго едва-ли было
возможно быстрое возстановленіе аѳинскихъ укрѣпле
Извѣстно, что Кононъ помогъ въ этомъ случаѣ своимъ
гражданамъ деньгами, которыя онъ получилъ отъ пер
скаго правительства и отъ Эвагора, царя кипрскаго.

Нибуръ указываетъ на два важныя явленія, характе
зующія эпоху коринѳской войны, именно на первыя попы
образованія союзовъ, имѣвшихъ цѣлью независимость
ческихъ республикъ, и на измѣненія, введенныя въ гр
скую тактику Ификратомъ. Относительно Анталкидова м
великій историкъ согласенъ съ большею частью писате
упоминающихъ объ этой покорной сдѣлкѣ спартанцевъ
персами. Здѣсь не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣ
Никогда еще политическій эгоизмъ Спарты не высказыва
съ такимъ безстыдствомъ.

Новая, скрѣпленная условіями Анталкидова мира, г

Спарты была еще тягостнѣе первой и неминуемо вела
зстанію порабощенной, но еще не совершенно обезси-
ій Греціи. Извѣстно, какимъ рядомъ политическихъ
упленій, какими нарушеніями народнаго права спар-
і вызвали къ бою Ѳивы, дотолѣ мало замѣтныя въ гре-
й исторіи. Въ великой личности Эпаминонда воплотились,
о сказать, и гнѣвъ Греціи на унизительное иго и па-
ы мыслящихъ умовъ на политическое возрожденіе ро-
. Пораженіе спартанцевъ при Левктрѣ было событіе
анное, удивившее самихъ побѣдителей. Нравственное
тлѣніе, произведенное этою битвою, было для Спарты
ѣе понесеннаго ею урона въ людяхъ, хотя и послѣд-
ылъ довольно значителенъ. Впродолженіе восьми лѣтъ
инондъ былъ первымъ человѣкомъ въ греческомъ мірѣ
жалъ въ своихъ рукахъ его судьбу. Умирая, онъ унесъ
бою не только созданное имъ величіе Ѳивъ, но цѣлую
му политическихъ идей. Многое изъ начатаго имъ съ
ми намѣреніями обратилось впослѣдствіи ко вреду
и, потому именно, что Эпаминонду не удалось довер-
свое дѣло. Онъ ясно понималъ, что возстановленіе
скихъ республикъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ су-
зовали до Пелопоннезской войны, было невозможно.
о исчезавшихъ гражданскихъ доблестей, отсутствіе тѣхъ
ныхъ силъ, на которыя преимущественно опиралась
исимость государствъ, побѣдившихъ при Саламинѣ и
Платеѣ, онъ хотѣлъ замѣнить внѣшними ручательствами
нтіями) политической независимости для отдѣльныхъ
бликъ. Съ этою цѣлью возвратилъ онъ свободу Мессе-
старался связать въ одинъ союзъ разрозненные между
города Аркадіи. Лучшаго оплота нельзя было проти-
тавить честолюбивымъ видамъ Спарты. У частіемъ своимъ
ѣлахъ Ѳессаліи и Македоніи онъ тѣснѣе связалъ судьбу
странъ съ судьбами Греціи, дотолѣ мало о нихъ по-
ывшей. Предвидѣлъ-ли Эпаминондъ опасность, кото-
грозила отсюда Греціи? Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ,
его зоркаго взгляда не скрылась важность этихъ земель,
ь спѣшилъ ввести ихъ въ задуманную имъ систему
осильныхъ государствъ. На гегемонію Ѳивъ Эпами-
ь смотрѣлъ какъ на нѣчто преходящее. Не ее поста-
онъ цѣлью своихъ подвиговъ. Съ законною, дозволен-
только истинно великимъ людямъ гордостью шелъ онъ
существленію своей теоріи, своей личной задачи. Ѳивы
или ему только орудіемъ. Въ политической дѣятель-
і Эпаминонда мы найдемъ гораздо болѣе теоретическихъ

элементовъ, чѣмъ у Ѳемистокла, или даже у Перикла, шихъ въ эпоху отношеній болѣе простыхъ и естествен Сраженіе при Мантинеѣ положило конецъ подвигамъ минонда. Передъ смертью онъ спросилъ, кто изъ ѳиванс полководцевъ остался въ живыхъ. Лучшіе пали, тѣ, рымъ онъ довѣрилъ завѣтныя думы свои. Роль Ѳивъ кончена; имъ оставалось только съ честью выйти изъ бо утратившей смыслъ. Цицеронъ называетъ Эпаминонда чайшимъ мужемъ Греціи; почти то-же говоритъ о нем либій. Ихъ мнѣніе основано на высокихъ свойствахъ скаго вождя, а не на результатахъ его дѣятельности самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить лицо болѣе чи болѣе благородное, менѣе причастное къ мелкимъ страс и побужденіямъ. Къ идеальному образу Эпаминонда с лись приблизиться лучшіе между позднѣйшими поли скими дѣятелями Греціи, Тимолеонъ и Филопеменъ. гражданинъ Ѳивъ и какъ эллинъ, онъ вполнѣ совер долгъ свой, и мы не въ правѣ обвинять его за то, что брошенное имъ, не взошло благодатною жатвою. Онъ билъ Спарту и какъ-бы втянулъ въ греческія дѣла донію. Возрожденная Мессенія не забыла въ виду о бѣды своихъ частныхъ страданій и отомстила Спарт счетъ всей Греціи, поддерживая въ Пелопоннезѣ вы македонскихъ государей.

Послѣдній отдѣлъ „Чтеній о древней исторіи“, за чающій въ себѣ періодъ македонскаго преобладанія в ціи, проникнутъ горькимъ, въ частностяхъ пристраст противъ Македоніи чувствомъ. Такое чувство со сто Нибура весьма понятно и придаетъ его разсказамъ теплое и вызывающее сочувствіе читателя. Нибуръ, ко не хуже другихъ понималъ жестокую историческую не димость, жертвою которой сдѣлались греческія госуда Онъ указываетъ самъ на причины упадка, на глубокую греческой жизни, на неизбѣжную казнь, но соверш этой казни внушаютъ ему отвращеніе. Подчасъ это щеніе заходитъ слишкомъ далеко; оно нарушаетъ споко чисто историческаго созерцанія. Историкъ становится вѣкомъ: онъ готовъ обнажить мечъ и стать въ ряды з никовъ давно проиграннаго дѣла. Онъ, очевидно, неспр ливъ противъ Александра, даже противъ тѣхъ гре которые преклонились предъ яркою звѣздою македон завоевателя. Мы уже не разъ указывали на рѣдкія с ности Нибура переноситься въ прошедшее и жить въ всѣмъ сердцемъ. Признаемся, мы, съ своей стороны, н

жемъ отказать въ сочувствіи великому историку, негодующему противъ Македоніи. Можно-ли быть равнодушнымъ зрителемъ безжалостнаго истребленія всего живого и свѣтлаго въ Греціи? Кто изъ македонянъ, за исключеніемъ Великаго Александра, можетъ называться истиннымъ эллиномъ?

„Въ Филиппѣ,—говоритъ Нибуръ:—надобно умѣть отличить явленіе природы отъ нравственнаго существа. Филиппъ былъ безспорно необыкновенный, изъ ряду выходящій человѣкъ, и мнѣніе древнихъ, что создатель македонскаго государства совершилъ подвигъ болѣе трудный, чѣмъ Александръ, который приложилъ къ дѣлу уже готовыя силы, совершенно вѣрно. Другой вопросъ, былъ-ли онъ добрый и благородный человѣкъ. Что въ немъ были благородныя наклонности, этого я не намѣренъ отрицать. У него есть чисто человѣческія, прекрасныя черты; онъ былъ другъ друзей своихъ и умѣлъ являться съ свѣтлой стороны тѣмъ, кто былъ къ нему близокъ. За то онъ ставилъ цѣль свою выше всего: никогда мысль о чести, о вѣрности, о добродѣтели, о совѣсти, не могла отвлечь его отъ предположенной цѣли. Александръ стоялъ выше его по воспитанію. Филиппъ провелъ дѣтство свое при полуварварскомъ дворѣ, которому неизвѣстно было даже чувство стыда. Онъ съ колыбели говорилъ по-гречески; но духъ у него былъ не греческій. Конечно онъ былъ въ Ѳивахъ. Однако извѣстіе о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ домѣ Эпаминонда, должно быть принято съ значительными ограниченіями. И кто можетъ сказать, что молодой князь былъ въ состояніи оцѣнить скромную и безъискусственную доблесть Эпаминонда“!

Нибуръ отзывается, впрочемъ, съ должнымъ уваженіемъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ и дѣятельности Филиппа. Укажемъ для примѣра на стр. 321 и 322 тома II-го, гдѣ въ немногихъ словахъ изъяснена важность Филипповыхъ нововведеній въ войскѣ.

Къ лучшимъ мѣстамъ въ „Чтеніяхъ о древней исторіи“ принадлежатъ страницы, посвященныя Демосѳену. Нибуръ нашелъ въ аѳинскомъ ораторѣ родную себѣ душу. Отзывы его о Демосѳенѣ исполнены глубокой, почтительной любви.

„Демосѳену было тогда (когда онъ выступилъ противъ Филиппа за Олинѳъ) около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ находился на настоящей высотѣ мужскаго возраста, когда юношеская живость умѣряется опытомъ и размышленіемъ. О немъ много говорено; древность имъ много занималась. Теперь рѣчи его читаются болѣе ради ихъ собственнаго превосходства, а не ради эпохи и личности Демосѳена, которая

гораздо важнѣе сама по себѣ, нежели изслѣдованія о жалкомъ времени, когда онъ жилъ: новѣйшіе ученые больше говорятъ о немъ, чѣмъ знаютъ его. Изученіе такихъ личностей, какъ напримѣръ Цицеронъ и Гете, еще важнѣе, нежели чтеніе ихъ твореній, потому что только такимъ образомъ мы можемъ узнать, до какой степени эти люди отличаются отъ обыкновенныхъ, и какъ высоко они стоятъ надъ общимъ уровнемъ. Поэтому письма ихъ бываютъ весьма поучительны. Въ рѣчахъ Демосѳена надобно болѣе всего обратить вниманіе на самую личность оратора. Едва-ли встрѣтимъ въ исторіи положеніе болѣе трагическое. Истина рано открылась Демосѳену; онъ видѣлъ, какія неисправимыя ошибки совершались вокругъ него, и какъ все шло къ погибели, а онъ не имѣлъ возможности помочь. Задолго до прихода бѣды, онъ скорбно слѣдилъ за ея приближеніемъ, тогда какъ другіе обманывали себя надеждами и легкомысленно жили день за днемъ. Демосѳенъ испилъ съ чистѣйшею любовью къ родинѣ горькую чашу предвидѣнія. Такой человѣкъ, конечно, не могъ быть веселъ: всѣ его рѣчи проникнуты скорбію, задумчивостью и печалію. Въ нихъ нѣтъ веселости. Въ рѣчахъ Цицерона, именно въ тѣхъ, которыя были сказаны непосредственно послѣ его консульства, есть что-то радостное, глубокое чувство счастія, чего вовсе нѣтъ у Демосѳена. Но величіе его заключается въ томъ, что онъ неутомимъ, что его не останавливаетъ никакое несчастіе, никакое оскорбленіе, что его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе его печальныхъ совѣтовъ, хотя его-же обвиняютъ впослѣдствіи въ томъ, что послушались его. Безъ отдыха придумываетъ онъ мѣры, годныя для каждой новой минуты; онъ постоянно совѣтуетъ, требуетъ и заклинаетъ.

„Онъ нашелъ дѣла, въ самомъ печальномъ положеніи: только предъ битвою при Херонеѣ, когда онъ склонилъ грековъ къ союзу съ Аѳинами, могъ онъ одно мгновеніе надѣяться на успѣхъ. Тогда насладился онъ всѣмъ счастіемъ, къ какому онъ былъ способенъ. Греція распадалась, Филиппъ былъ могуществеиъ, и всюду поднималась его партія; во многихъ городахъ измѣнники дѣйствовали за Филиппа; въ Аѳинахъ было мало такихъ, но господствовавшіе вездѣ развратъ и порча нравовъ помогали Филиппу. Нѣкоторыя республики перешли совершенно на его сторону. Въ Аѳинахъ съ Демосѳеномъ стояли нѣсколько даровитыхъ и благонамѣренныхъ, но ему совершенно чуждыхъ людей: таковъ былъ Ликургъ, человѣкъ высокой честности, но зараженный сикофантіей: accusatorem factitavit, по выраженію

Цицерона. Онъ былъ озлобленъ и находилъ удовлетвореніе въ жалобахъ и доносахъ на другихъ; Демосѳенъ никогда не обвинялъ такимъ образомъ. Еще хуже было то, что многіе весьма честные люди смотрѣли на дѣла съ самой превратной точки зрѣнія. Фокіонъ, котораго обыкновенно называютъ образцомъ добродѣтели, постоянно и болѣе нежели кто-либо другой вредилъ своему отечеству; онъ принесъ пользу только въ послѣдней крайности. Тогда его личность произвела нѣкоторое впечатлѣніе, но не его добродѣтель спасла Аѳины, а Антипатръ, вспомнившій, что Фокіонъ былъ старый противникъ Демосѳена и всѣхъ ненавистниковъ Македоніи. Онъ не былъ предателемъ, какимъ, быть можетъ, былъ Эсхинъ и навѣрно Филократъ; онъ былъ неспособенъ къ измѣнѣ, но онъ составилъ себѣ несчастное убѣжденіе въ неизбѣжномъ торжествѣ Филиппа, вбилъ себѣ въ голову, что судьба Аѳинъ уже рѣшена, и вездѣ всѣми силами противодѣйствовалъ Демосѳену, думая, что дѣло уже кончено, и что сопротивленіе можетъ сдѣлать еще болѣе тягостною для родины предстоявшую ей участь. Иронія жизни, выражаясь словами одного знаменитаго писателя, поставила его на сторону Филиппа. Въ такомъ положеніи, при общемъ распаденіи Греціи, безъ поддержки въ государствѣ, гдѣ демократія дошла до крайнихъ предѣловъ, среди измѣнчиваго, отвыкшаго отъ войны народа, съ плохими и несчастными полководцами предпринялъ Демосѳенъ борьбу съ Филиппомъ, стоявшимъ во всемъ величіи власти и дарованій. Это былъ безспорно самый смѣлый подвигъ, когда-либо предпринятый восторженнымъ и необыкновеннымъ мужемъ, сознававшимъ въ себѣ нравственную силу, способнымъ на все великое.

„Аѳины сиротствовали, когда Демосѳенъ выступилъ на сцену. Превосходство аѳинянъ заключалось въ ихъ воспріимчивости. Ни одинъ уголокъ въ мірѣ не произвелъ такого числа великихъ людей, какъ Аѳины, и нигдѣ народъ не былъ въ такой степени доступенъ впечатлѣніямъ, производимымъ великими личностями. Но время было несчастное. Народъ попалъ въ дурныя руки, и только благопріятствующая судьба спасла его отъ совершенной гибели. Къ несчастію, Платонъ отдалился отъ государства. При его великомъ умѣ, онъ-бы могъ совершить несказанное добро, еслибы подошелъ къ народу поближе и не пренебрегъ его способностью принимать впечатлѣнія. Къ тому-же самый народъ не всегда былъ воспріимчивъ и стоялъ въ то время гораздо ниже, чѣмъ во время Пелопоннезской войны, ниже,

нежели впослѣдствіи, при Демосѳенѣ. Демосѳенъ поднялъ снова аѳинянъ и развилъ въ нихъ духъ болѣе крѣпкій и благородный".

„Когда онъ явился въ народномъ собраніи, онъ нашелъ испорченный демагогами и обманываемый льстецами народъ, съ которымъ немного можно было сдѣлать хорошаго. Силою терпѣнія, таланта и патріотизма пріобрѣлъ онъ мало по малу довѣріе своихъ согражданъ, такъ что тысячи необразованныхъ людей шли за нимъ, какъ дѣти за отцомъ. Этимъ вліяніемъ онъ былъ единственно обязанъ своему слову, своимъ достоинствамъ и высокой любви къ отечеству, потому что онъ никогда не занималъ должности, которая могла-бы доставить ему средства понужденія, и жилъ въ государствѣ до того распущенномъ, что никто не былъ въ состояніи повелѣвать. Его личное вліяніе было могущественнѣе, чѣмъ самыя мудрыя рѣшенія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть: рѣчь его увлекала людей, и въ управленіи ими онъ обнаруживалъ все превосходство дарованій, полученныхъ имъ отъ Бога. Онъ принадлежалъ къ числу величайшихъ администраторовъ: изслѣдованіе его плановъ доставляетъ высокое наслажденіе. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ въ эпоху революціи, господствовало стремленіе къ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ; это стремленіе обыкновенно прежде всего развивается въ ограниченныхъ умахъ, не заботящихся о томъ, найдутся-ли для новыхъ учрежденій способные люди. Демосѳенъ вовсе не думалъ о перемѣнахъ: онъ зналъ, что можно сдѣлать изъ настоящаго и понималъ, что лучшее государственное устройство заключалось въ немъ самомъ. Ему надлежало бороться съ неистовыми нападеніями тѣхъ, кому не нравилась его роль, и съ самыми пошлыми интересами толпы. Тысячи бѣдняковъ до того были воодушевлены имъ, что отказались въ пользу государства отъ пособія, которое получали въ качествѣ державныхъ членовъ того государства; отвыкшій отъ военной службы народъ пришелъ въ воинственный восторгъ и снова привыкъ защищать отечество. Это болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Александръ, когда онъ съ 30-ю тысячами человѣкъ проникъ до Инда. Александръ могъ повелѣвать, у него была власть надъ подданными. Демосѳенъ, пробуждая возвышенныя чувства, доводилъ своихъ согражданъ до высочайшаго самоотверженія. Все выше подымались воспитанные имъ аѳиняне, все доступнѣе становились они всему прекрасному и великому. Его враги расточали клевету, но поведеніе аѳинянъ относительно Демосѳена было безукоризненное. Съ

:имъ возрожденнымъ имъ народомъ онъ могъ предпринять ло, исходъ котораго, былъ, конечно печальный; но если сраженіе при Херонеѣ могло быть отсрочено года на два, и если-бы побѣда перешла на другую сторону, что очень ко могло случиться, то Аѳины возстали-бы въ новой іѣ и молодости" (томъ II, стр. 336—341).

Демосѳена, какъ и многихъ великихъ людей, въ томъ слѣ самого Наполеона, часто обвиняли въ недостаткѣ лич-о мужества. Вотъ что говоритъ по этому поводу Нибуръ: ь день Херонейской битвы Демосѳенъ сражался, какъ и кій другой, въ рядахъ аѳинскаго войска. Въ жалкихъ ікдотахъ о жизни великихъ мужей безпрестанно повто-ется, что Демосѳенъ потерялъ свой щитъ и бѣжалъ вмѣстѣ другими. Что онъ бѣжалъ съ другими,—этому я охотно рю. Самые безстрашные полководцы бываютъ увлечены ди общаго бѣгства. Кто видалъ войну вблизи, тому это вѣстно. Даже какой-нибудь Ахиллъ не могъ-бы устоять ди разстроенной и бѣгущей массы: она непремѣнно увле-ъ его съ собою. При изученіи греческой исторіи мы во-не принимаемъ къ соображенію, что содержаніе Плу-ховыхъ біографій большею частью крайне плохо. Въ але-ндрійское время писалось очень много всякой дряни, въ бенности анекдотовъ и біографій: Плутархъ пользовался и, хотя самъ писалъ несравненно лучше. Его анекдоты мствованы изъ сборниковъ, не имѣющихъ никакого права довѣріе, и основаны частью на слухахъ, частью на свидѣ-льствахъ писателей величайшей κακομθεια; къ тому-же, у утарха вовсе нѣтъ критики. Прежде на него смотрѣли къ на одно изъ главныхъ украшеній древней литературы. личному характеру, по образу мыслей, онъ, конечно, при-длежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ писателей. Въ этомъ ношеніи у него много общаго съ Монтанемъ, съ которымъ него вообще большое сходство: для меня онъ даже еще безнѣе и благороднѣе, чѣмъ Монтань. Если-бы Плутархъ лъ въ другое время, онъ былъ бы такимъ же скептикомъ къ Монтань, и слѣдовалъ-бы господствующему вкусу; но съ какъ онъ жилъ въ эпоху суевѣрія, то онъ предался у и изо всѣхъ силъ старался быть суевѣрнымъ, что ему лѣе или менѣе удается. Ни у того, ни у другого нѣтъ итики; да они смѣялись-бы надъ нашею критикою, по-му что оба были убѣждены въ невозможности положи-льнаго знанія исторіи и потому считали главною задачею торика пріятное изложеніе происшествій. Въ этомъ закл-лась, собственно, цѣль Плутарха. Историкъ, читающій е-

съ идеями болѣе зрѣлаго времени, сто разъ выйдетъ изъ себя, если, по принятому обычаю, будетъ смотрѣть на него какъ на историческаго свидѣтеля. Онъ вовсе не историкъ. Непонятно спокойствіе, съ какимъ онъ разсказываетъ величайшій вздоръ. Я охотно его читаю и всякій филологъ долженъ читать его произведенія, не только біографіи, но и нравственныя сочиненія: у него цѣлая сокровищница отрывочныхъ извѣстій. Онъ такъ-же пріятенъ, какъ Монтань; онъ не строгій философъ, но добродушный старикъ, который чрезвычайно много читалъ и не можетъ достаточно наговориться. Первый, кто двадцать лѣтъ тому назадъ указалъ мнѣ на настоящее значеніе Плутарха, что меня въ то время весьма поразило, былъ Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ. „Я готовъ на все согласиться, лишь-бы Плутарха не считали историкомъ",—сказалъ онъ мнѣ.—Я былъ тогда еще очень молодъ, но слова его мнѣ часто приходятъ на память.—Къ тому-же Плутархъ писалъ ужасно скоро и вовсе не избѣгалъ противорѣчій. Отъ этого происходятъ такія странности! Напримѣръ: онъ не усомнился внести въ жизнь Демосѳена самыя вздорныя басни, такъ что нельзя не спросить, какъ онъ могъ отзываться съ почтительнымъ удивленіемъ объ этомъ человѣкѣ, если вѣрилъ всему тому, что самъ писалъ о немъ. Сверхъ глупой исторіи о Гарпалѣ, къ распространенію которой онъ наиболѣе содѣйствовалъ, онъ-же разсказываетъ о бѣгствѣ Демосѳена. Онъ не зналъ, можно-ли было долѣе стоять, или нѣтъ; онъ не зналъ, что такое война. Только въ книгахъ своихъ вычиталъ онъ, что надобно умирать за отечество, и не понималъ, что когда бѣжитъ цѣлое войско, тогда отдѣльному человѣку остается только бѣжать вмѣстѣ съ прочими, или быть раздавленнымъ подъ ногами бѣгущихъ". (II, 358—360).

„У Демосѳена было много весьма умныхъ современниковъ, но всѣ они стояли гораздо ниже его. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе нравственнаго различія, были его врагами и противниками. Въ числѣ такихъ былъ Демадъ, грубый матросъ, одаренный величайшимъ послѣ Демосѳена талантомъ. Демадъ былъ сынъ гребца; въ молодости онъ занимался тѣмъ-же ремесломъ; внушеніе генія побудило его выступить всенародно ораторомъ на вѣчѣ; безъ всякаго изученія, остроуміемъ, талантомъ, въ особенности способностью импровизаціи возвысился онъ до того, что пріобрѣлъ большую власть надъ народомъ и нерѣдко нравился ему болѣе самого Демосѳена. Съ безстыдствомъ, доходившимъ до прямодушія, высказывалъ онъ громко все, что думалъ самъ и

вмѣстѣ съ нимъ остальная чернь. Чернь была очень довольна, ибо онъ сообщалъ ей сознаніе, что можно быть порочнымъ, не подвергаясь поруганію. За такое сознаніе люди обыкновенно бываютъ благодарны. Демадъ—замѣчательное лицо; онъ не былъ золъ и, по моему, гораздо лучше Эсхина. У Эсхина есть притязаніе быть хорошимъ гражданиномъ; онъ осмѣливается даже поносить истинно хорошихъ гражданъ: во всемъ этомъ — ложь и обманъ. Въ ненависти Эсхина противъ Демосѳена видна и злоба посредственности противъ генія, и политическая непріязнь, и зависть умственной и нравственной низости ко всякому превосходству. Демадъ, напротивъ, смотрѣлъ на дѣло простодушно и высказывалъ прямо, что конечно прежде были другія времена, но что теперь все прежнее прошло невозвратно, и что теперь каждый долженъ больше всего заботиться о себѣ; при управленіи государственномъ надобно какъ можно болѣе добывать денегъ, чтобъ можно было весело пожить. Онъ выражался безъ застѣнчивости. Впрочемъ, у него не было ни къ кому ненависти. Отсюда объясняются его отношенія къ Демосѳену: онъ его не ненавидѣлъ, но, вѣроятно, находилъ его страшно глупымъ. Ему случалось иногда оказывать республикѣ дѣйствительныя услуги: въ смутныя времена благородный человѣкъ бываетъ часто вреденъ, а дурной полезенъ". (II. 405—407).

Съ особенною похвалой отзывается Нибуръ о Гиперидѣ, хотя еще ему не были извѣстны новѣйшія открытія, познакомившія насъ ближе съ этимъ ораторомъ. Мы сказали выше о непріязненномъ и весьма понятномъ чувствѣ, которое Нибуръ питалъ противъ македонскаго владычества въ Греціи. Къ сожалѣнію, это чувство помѣшало ему отдать должную справедливость Александру и насладиться вполнѣ этою изящною, чисто-эллинскою личностью. Нибуръ, столь недовѣрчивый къ свидѣтельствамъ писателей позднѣйшей Греціи, повторяетъ за ними всѣ недоказанныя и даже частью опровергнутыя обвиненія, возводимыя на Филиппова сына. При всемъ предубѣжденіи, Нибуръ, какъ-бы скрѣпя сердце, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ всемірно-историческое значеніе Александра: „Александръ былъ для Востока тѣмъ, чѣмъ Карлъ Великій былъ для Запада. Наряду съ Рустаномъ, онъ главный герой персидскихъ сказокъ и романовъ. Значеніе его, чрезвычайно важное для насъ, состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ видъ тогдашняго міра. Онъ началъ то, что теперь, несмотря на всѣ препятствія, приближается къ осуществленію, именно—торжество Европы надъ Азіею.

Онъ первый побѣдоносно привелъ европейцевъ на Востокъ. Роль Азіи приходила къ концу: она была обречена служить Европѣ. Александръ сдѣлался народнымъ героемъ Греціи, хотя онъ для грековъ былъ такимъ-же иноплеменникомъ, какъ Наполеонъ для французовъ".

Замѣчательно, что при оцѣнкѣ великой попытки Александра слить въ одну семью всѣ народы своего огромнаго царства, попытки, результатомъ которой была эллинизація Востока, Нибуръ становится на разстояніи 22-хъ вѣковъ горячимъ защитникомъ идей, или, лучше сказать, предразсудковъ, съ которыми долженъ былъ бороться македонскій завоеватель. Съ точки зрѣнія исключительно греческой національности, жители завоеванныхъ Александромъ странъ были варвары, и природою, и исторіею обреченные на безвыходное рабство. Это мнѣніе, принятое греческою наукою за неоспоримое положеніе, развитое до крайнихъ результатовъ народнымъ самолюбіемъ, нашло грубыхъ, но рѣшительныхъ толкователей и приверженцевъ въ макодонскихъ полководцахъ, которымъ были непонятны великодушныя стремленія ихъ государя. Эллинизмъ и варварство утратили для Александра свое племенное значеніе; онъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на двѣ различныя степени образованности. Равняя, относительно политическихъ правъ, старыхъ своихъ подданныхъ съ новыми, онъ призвалъ послѣднихъ къ участію въ недоступной для рабовъ греческой образованности. Въ языкѣ Нибура слышится странный отголосокъ мнѣній, которыя могли господствовать въ народныхъ собраніяхъ въ Греціи и въ македонскомъ войскѣ, но которымъ уже нѣтъ болѣе мѣста въ наукѣ.

Вообще, отдѣлъ, посвященный Александру Великому, неудовлетворителенъ, хотя мыслящій читатель найдетъ и здѣсь много прекраснаго и истинно-поучительнаго. Мы приведемъ для примѣра слѣдующую характеристику печальной, но не лишенной трагическаго величія эпохи. Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ братьяхъ Менторѣ и Мемнонѣ, родосскихъ выходцахъ, занимавшихъ высокія должности въ персидскомъ государствѣ.

„Они представляли,—говоритъ Нибуръ: — относительно способностей и нравственныхъ свойствъ совершенное сходство съ вождями лиги въ эпоху 30-ти-лѣтней войны: они были греки, но ничуть не лучше тогдашнихъ варваровъ, т. е. персовъ. Въ это несчастное время, злое начало въ человѣкѣ пришло къ спокойному и полному сознанію самого себя. Все чистое, благородное, совѣсть, свойственный даже

рочнымъ людямъ стыдъ дурныхъ и безчестныхъ дѣлъ совершенно исчезли, что очень нерѣдко бываетъ у жителей востока. То-же самое видимъ мы у полководцевъ лиги и валленштейнова войска, равно какъ и у современныхъ имъ испанскихъ генераловъ. Можно говорить что угодно о кастильской чести, но нѣтъ, конечно, безсовѣстнѣе кастильскихъ полководцевъ, начиная съ Фердинанда. Они показали себя в одной только Америкѣ. Спинола составляетъ похвальное исключеніе, но одна ласточка не приноситъ лѣта. У предпріимчивыхъ и даровитыхъ людей IV столѣтія до Р. Х., у грековъ и у персовъ, были тѣ-же самыя понятія, которыя мы находимъ въ книгѣ Макіавелли о государѣ: „люди—сволочь, и нихъ не надо смотрѣть какъ на братьевъ, созданныхъ по образу божества. Любовь, самоотверженіе, привязанность — глупость и ложь; все дѣло въ могуществѣ и въ удовлетвореніи страстей нашихъ“.—Макіавелли самъ не держится этихъ правилъ, но они господствовали въ его время; онъ не видалъ другихъ пружинъ для человѣческихъ поступковъ и признавалъ ихъ за самыя дѣйствительныя. Вѣрность слову считалась безуміемъ, клятва была не что иное, какъ слово, усиленное съ намѣреніемъ ловчѣе обмануть. Эта страшная порча заразила всѣхъ. Филиппъ также не избѣжалъ заразы и часто дѣйствовалъ на основаніи господствовавшихъ понятій, хотя по природѣ своей онъ былъ выше ихъ и не разъ обнаруживалъ человѣческія чувства, вовсе незнакомыя большинству. Мы еще встрѣтимся съ Мемнономъ: проклятіе, уготѣющее надъ подобными эпохами, заключается именно въ томъ, что такіе люди, какъ Мемнонъ, являются главными силами исторіи, и что благороднѣйшія личности должны вступать въ сношенія съ ними для достиженія своихъ цѣлей; вотъ, почему Демосѳенъ и греческіе патріоты принуждены были искать связи съ Мемнономъ и ожидали отъ него спасенія, хотя они его очень хорошо понимали. Болѣе ужасной участи не можетъ испытать народъ. Вотъ, что нужно знать и понимать для того, чтобы измѣрить все злополучіе тѣхъ временъ“.

Третій томъ „Чтеній о древней исторіи“ начинается вопросомъ о значеніи греческой исторіи послѣ Херонейскаго сраженія. Заслуживаютъ-ли эти времена, вообще намъ мало извѣстныя, болѣе подробнаго историческаго изложенія? Нибуръ отвѣчаетъ утвердительно.

„Паденіе Греціи не даетъ намъ права произнести надъ нею рѣшительный приговоръ и сказать, что она заслужила столь тяжкую участь. Потомки были, конечно, хуже [illegible]ковъ,

но мы съ прискорбіемъ должны извинить многія слаб
и многіе пороки угнетеннаго народа. Всѣ старыя учре
нія, даже религія, вымерли, и замѣнить утраченное б
нечѣмъ. У фантазіи обрѣзаны крылья, а тамъ, гдѣ в
фантазіи, тамъ гибнетъ все высокое и благородное: жа
наслажденій и прибыли животное заступаетъ мѣсто ра
наго существа. Человѣкъ тогда только бываетъ вел
когда у него есть цѣль, стоящая выше его животной
роды. Въ народѣ было столько-же, можетъ быть, даже б
ума, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ было несравн
больше знаній, учености, понятій; недоставало только в
каго духа предковъ и всего, что съ этимъ духомъ
связано и отъ него зависѣло. У позднѣйшихъ грековъ
ни лирики, ни эпоса. Вмѣсто древней величавой траг
у нихъ комедія. Зато они сдѣлали великіе успѣхи во вс
что непосредственно касается жизни. Въ сферѣ мышл
болѣе тонкости и школьной правильности, но настоящей
лософіи природы нѣтъ болѣе. Политической опытности м
но политическихъ ораторовъ уже не находимъ. Не
также недостатка въ историкахъ, которые превосхо
древнихъ практическимъ пониманіемъ и обширными
дѣніями: относительно государственной мудрости Пол
не уступаетъ Ѳукидиду, но у него нѣтъ того дивнаго
и той пламенной фантазіи, которая одушевляетъ твор
Ѳукидида...“ (III, 3).

Нѣсколько далѣе Нибуръ говоритъ по тому-же поводу:
послѣднею вспышкою греческихъ силъ въ Ламійской в
кончилось все. Краснорѣчіе исчезло съ перемѣною об
тельствъ. У ораторовъ не стало слушателей; могуще
слова прошло безслѣдно. Позднѣйшія рѣчи сухи и в
Никто не обращалъ болѣе вниманія на то, что оратор
рѣчь должна занимать средину между поэзіей и пр
Лирики нѣтъ, прозою писали много. Новая комедія и
сказы, заимствованные изъ обыкновенной жизни, были
большомъ ходу безъ примѣси чего-либо высшаго. Въ
лософіи возникаетъ *стоя*, произведенія времени, склонив
голову передъ рокомъ и искавшаго величія только въ
дѣльныхъ личностяхъ. Стоя есть не чисто греческое
изведеніе; въ ней гораздо болѣе восточнаго, нежели
маютъ: Зенонъ былъ не даромъ финикіянинъ. Все идет
одной цѣли: люди хотятъ утѣшить себя въ печальной с
менности, хотятъ себя убѣдить, что нѣтъ ничего истиннаго
прекрасная, свѣтлая старина есть басня, что и тогда на с
было ничуть не лучше, чѣмъ теперь. Профессоръ Тирш

горымъ я когда-то спорилъ объ этой эпохѣ, утверждалъ, о никогда умственная жизнь въ Аѳинахъ не была такъ іятна, какъ во время Менадра. Я думаю совсѣмъ другое. моему, то была пора большой утонченности, весьма расостраненной образованности, но эта образованность заклюлась въ формахъ, въ наружныхъ явленіяхъ. Прежней, изну- бьющей жизни не было".

Намъ кажется, что приведенныя выше слова Нибура юсятся не къ одной только описываемой имъ эпохѣ греской жизни, Читая ихъ, трудно удержаться отъ грустнаго здумья. Можетъ быть Нибуръ вовсе не имѣлъ въ виду какихъ аналогій, но онъ собралъ всѣ признаки, по корымъ можно узнать разложеніе общественной жизни обще. Исторія все болѣе и болѣе становится наукою, нованною на опытахъ, хотя уроки ея безплодны для большинства.

Предѣлы нашей статьи, къ сожалѣнію не позволяютъ мъ передавать русскимъ читателямъ превосходныя страцы, заключающія въ себѣ исторію послѣдней борьбы, предринятой Аѳинами за независимость Греціи. Нибуръ еще зъ возвращается къ Демосѳену, объясняетъ его участіе извѣстномъ дѣлѣ Гарпала и показываетъ, до какой епени безсмысленны обвиненія, которымъ подвергается инскій ораторъ по этому дѣлу. Тѣ-же самые люди, кото- е называютъ его трусомъ, упрекали его въ корыстолюбіи. о было дѣло партіи озлобленной и безнравственной. Слухи, пущенные дошли до нашего времени и имѣли большое іяніе на мнѣніе, сложившееся о Демосѳенѣ. Немногіе исто- ики дали себѣ трудъ повѣрить по уцѣлѣвшимъ памятни- мъ основательность обвиненій, взводимыхъ на Демосѳена. наче свидѣтельство Павсанія (II, 33. 5) обратило-бы на бя большее вниманіе. Еще менѣе найдемъ писателей, ообныхъ, подобно Нибуру, почувствовать все, что чувство- лъ Демосѳенъ, и понять вполнѣ его трагическое величіе. есьма замѣчательны также отзывы Нибура о Гиперидѣ и Фокіонѣ. Перваго онъ очень остроумно, хотя не знаемъ— сколько справедливо, сравниваетъ съ Шериданомъ.

Войны діадоховъ не внушаютъ нашему историку ника- ого участія. Онъ начинаетъ изложеніе принадлежащихъ ода событій слѣдующими словами:

„Для меня въ цѣлой исторіи нѣтъ ничего запутаннѣе ихъ войнъ. Я много разъ ихъ перечитывалъ, дабы уяснить къ себѣ, однако, несмотря на счастливую п[illegible] кото- ою былъ одаренъ съ дѣтства, я не могъ о[illegible]ѣхъ

подробностей и часто въ нихъ путаюсь. Для настоящих лекцій мнѣ надобно готовиться и наводить справки, и во таки я не могъ привести въ порядокъ пеструю массу с бытій. Путаница происходитъ отъ того, что передъ нам проходитъ цѣлая толпа людей, которые не отличаются друг отъ друга никакими достойными вниманія признаками. Во просъ постоянно одинъ и тотъ-же: который изъ этихъ ра бойниковъ одолѣетъ другихъ, — но ни одинъ изъ нихъ н внушаетъ къ себѣ сочувствія. Птоломей, по моему мнѣні еще самый лучшій; онъ былъ полезенъ Египту; правлені его было разумно: владѣнія его при немъ процвѣтали благоденствовали; но нравственно онъ не вызываетъ участі Личность его для насъ не занимательна. Единственное п характеру значительное лицо—это Эвменъ; всѣ остальн сильны только оружіемъ. Въ древнѣйшей греческой исторі великіе мужи встрѣчаются намъ на каждомъ шагу; но вс эти македонцы оставляютъ насъ совершенно равнодушными намъ все равно кто-бы ни побѣдилъ. Даже трагическа кончина Лисимаха не производитъ впечатлѣнія. Мнѣ ка жется, что я съ большимъ участіемъ смотрѣлъ-бы на бо быковъ, гдѣ благородное животное защищается противу стай направленныхъ на него собакъ. Я желалъ-бы, чтоб земля раскрылась и поглотила всѣхъ македонцевъ. Съ та кими чувствами, конечно, не легко заниматься этою часть исторіи". (III. 61).

Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отдѣлѣ „Чтеній о древней исторіи" разсѣяно множество глубокомысленныхъ замѣчаній и новыхъ взглядовъ на лица и событія. Укажемъ, между прочимъ, на характеристику Дмитрія Фалерейскаго, на страницы, посвященныя исторіи Родоса и т. д.

Исторія Пирра изложена въ „Чтеніяхъ о древней исторіи" съ особенною любовью. По нашему мнѣнію, это одн изъ лучшихъ частей въ третьемъ томѣ. Никогда еще бле стящая и геніальная, но безплодная личность эпирскаг вождя не была изображена такъ вѣрно и увлекательно. Чи татели „Пропилеевъ" вѣрно не найдутъ излишнимъ пере водъ слѣдующихъ страницъ. „Есть люди, которымъ врож дена сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтн уже въ дѣтяхъ, но исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода чарующимъ могуществомъ надъ сердцами обладал Пирръ; во все продолженіе своей жизни онъ привлекал къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрас ными свойствами воина: ни у одного государя военны свойства не представляются намъ съ такой поэтической сто

юны. Прелести двухлѣтняго ребенка не могъ противостоять
арваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего
тца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлью Пир-
овой жизни: война была его важнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ
е какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣ-
ою,—доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ
оеннаго счастія, неудача,—никогда не лишали его мужес-
тва. Онъ постоянно надѣялся воротить все потерянное. Онъ
ылъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того, про-
грываетъ-ли онъ, или выигрываетъ. Я не знаю другого пол-
оводца, который-бы такъ любилъ войну ради наслажденія,
ю доставляемаго. Разумѣется, въ томъ заключалось нѣчто
грашное для его подданныхъ: Пирръ былъ-бы ужаснымъ
вленіемъ, если-бъ въ немъ не было такъ много благород-
гва и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну
зъ корыстныхъ или властолюбивыхъ разсчетовъ; онъ вое-
алъ ради своего таланта, вслѣдствіе внутренней потребно-
ги, такъ какъ поетъ поэтъ и творитъ художникъ. Скорое
кончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охот-
икъ доволенъ оленемъ или лисицею, только по мѣрѣ труд-
остей, какія представляла охота. У Пирра было правило
икогда не доводить побѣды до послѣднихъ крайностей,
тобъ не положить слишкомъ скораго конца охотѣ (III, 172). Не
мотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни,
нъ единственный человѣкъ того времени, на котораго можно
мотрѣть съ радостью. Среди всеобщаго разврата, онъ не
бнаруживаетъ строгихъ правилъ, но тѣмъ не менѣе является
лагороднымъ человѣкомъ. Даже сообщество Димитрія По-
іоркета не могло испортить его. Дурные поступки его исхо-
ятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ,
апримѣръ, у македонскихъ государей, а изъ пылкости.
)нъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ и
рямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную
справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непо-
стоянствѣ; у него не было никакой цѣли; онъ жилъ только
для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ госу-
даря и дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ, не связанный
никакимъ долгомъ, ищущій удовлетворенія въ проявленіи
своей отваги. Молодость его была богата наслажденіями и
благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ни-
чѣмъ не запасся къ старости: такая жизнь не позволительна
государю. Подобно Карлу XII, Пирръ существовалъ не
столько для государства, сколько для себя. Только у него,
да у Алкивіада, между древними, встрѣчаемъ [illegible]стинно

рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ римлянъ такъ, какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плѣнился прекрасными сторонами римскаго характера, что поступилъ несправедливо съ своими союзниками. Желательно было-бы, чтобы такія δοφξενίαι, какая образовалась между Пирромъ и римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностью: онъ писалъ свои записки, и хотя не былъ самъ поэтомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтическій умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени. Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому, но съ эпиграммами послѣдняго ихъ никакъ нельзя сравнивать". (III. 311).

Мы заключимъ наши выписки изъ „Чтеній о древней исторіи" изложеніемъ попытокъ Агиса и Клеомена обновить спартанское государство. Превосходныя изслѣдованія Грота о Ликурговомъ законодательствѣ заключаютъ въ себѣ самую вѣрную, хотя несогласную съ основными мнѣніями О. Мюллера, оцѣнку этихъ попытокъ. Вотъ какъ смотрѣлъ на этотъ предметъ Нибуръ, за 20 лѣтъ до Грота. Упомянувъ о жалкомъ состояніи общественной нравственности въ Спартѣ, онъ говоритъ: „уваженіе спартанцевъ къ старинѣ просто смѣшно. Они берегли мертвыя формы и воображали себѣ, что сохраняютъ золотое время своей исторіи. Когда въ лирѣ прибавились двѣ новыя струны, эфоры отрѣзали ихъ: они не хотѣли допустить новыхъ мелодій! Даже въ покроѣ платья или обуви не позволялись нововведенія: такимъ образомъ спартанцы думали удержать духъ Ликурговыхъ учрежденій, а между тѣмъ роскошь и корыстолюбіе распространялись между гражданами. Только къ концу Спарты явились люди, въ которыхъ еще разъ вспыхнуло прежнее пламя, Агисъ и Клеоменъ. Плутархъ ставитъ ихъ на ряду съ Гракхами. Агисъ былъ юноша исполненный сердца, ума и любви, и потому Плутархъ его хорошо понялъ, Но Клеоменъ выходитъ изъ его сферы: онъ приписываетъ ему сентиментальность, которая такъ-же не къ лицу Клеомену, какъ и Мирабо. Агисъ былъ очень молодъ, когда онъ вступилъ на престолъ. Въ то время власть царей въ Спартѣ была такъже ничтожна, какъ власть дожей въ позднѣйшей Венеціи: все могущество перешло въ руки эфоровъ. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Спарта, оставалось не болѣе 700 граж-

нъ, которые среди великаго числа свободныхъ лакедемонъ и илотовъ занимали положеніе венеціанскихъ нобий. Изъ этихъ семи сотъ только у ста семействъ была собственность. Послѣднимъ принадлежали всѣ 9.000 участковъ ікурговыхъ, потому что законы не прилагались къ женнинамъ, у которыхъ, по этой причинѣ, скоплялись огромія богатства. У остальныхъ гражданъ не было собственноі: они были въ высшей степени бѣдны и обременены долми. Упадокъ Спарты былъ совершенный: часть ея владѣй отошла къ Аркадіи и Аргосу. Члены царской фамиліи другія знатныя лица отправлялись за границу и служили наемными дружинами иностраннымъ государямъ" (III, 9).

Въ виду такого упадка, Агисъ задумалъ переворотъ, дако превышавшій его силы, и послѣдствій котораго невозжно было опредѣлить заранѣе. Онъ хотѣлъ возстановить первобытной чистотѣ Ликурговы учрежденія. Но кто изъ временниковъ Агиса имѣлъ надлежащее понятіе объ этихъ режденіяхъ, которыя тогда утратили историческую дѣйзительность и представлялись воображенно какимъ-то идеьнымъ порядкомъ вещей? Читатели наши найдутъ у Грота дробное объясненіе этого нерѣдкаго въ исторіи явленія. оди, недовольные настоящимъ, часто обращаются къ проедшему и пересоздаютъ его сообразно съ своими надежми и требованіями. Въ прошедшемъ ищутъ они формы я будущаго. Такого рода антикварныя построенія общевенныхъ отношеній едва-ли когда имѣли успѣхъ, но они мало содѣйствовали къ порчѣ исторіи, какъ науки. Нѣтъ какого сомнѣнія, что мечты Агиса и его друзей значильно подѣйствовали на позднѣйшія, перешедшія къ намъ едставленія о Ликурговомъ законодательствѣ.

Реформа, предпринятая Агисомъ, касалась самыхъ щетливыхъ сторонъ гражданской жизни, именно отношеній бственности. Объемомъ своимъ она далеко превышала іаны Гракховъ. Агисъ думалъ отобрать у ста семействъ, рукахъ которыхъ сосредоточилась вся поземельная собвенность спартанскаго государства, ихъ огромныя владѣя и раздѣлить ихъ снова по образцу Ликурга на 19,500 іастковъ. Изъ этихъ 19,500—4,500 участковъ назначались іартанцамъ, число которыхъ должно было наполниться резъ принятіе новыхъ гражданъ; остальные 15,000 должны ыли принадлежать періэкамъ. Сверхъ того, Агисъ уничтосилъ всѣ долговыя обязательства.

„Чистота намѣреній и безкорыстіе Агиса не п[illegible]ть

никакому сомнѣнію: онъ самъ, его мать и бабка принесли о
ромныя жертвы, потому что его семейство было самое бог
тое въ государствѣ и обладало самыми обширными землям
особенно черезъ бабку Агиса, Аахидамію. Но другіе не бы
такъ безкорыстны. Почти всегда негодяи обращаютъ въ со
ственную пользу перевороты, задуманные благородными л
дьми. У меня также былъ хорошій, нынѣ уже умершій пр
ятель, который 4-го августа 1789 года съ величайшимъ сам
отверженіемъ отказался отъ значительныхъ феодальных
правъ: принося такія жертвы, онъ и люди ему подобные н
дѣялись, что другіе пойдутъ по ихъ слѣдамъ, но другіе д
мали только о собственныхъ выгодахъ. Съ Агисомъ случ
лось тоже самое, что́ съ Солономъ, о которомъ есть сл
дующее сказаніе: друзья Солона, узнавши объ его намѣр
ніяхъ, надѣлали долговъ, и когда долговыя обязательст
были уничтожены (или значительно измѣнены въ польз
должниковъ), они сохранили позорно пріобрѣтенное бога
ство (III. 383.)

Трагическая развязка Агисовыхъ замысловъ извѣстн
Онъ заплатилъ жизнью за вѣру въ возможность воскреси
прошедшее. Клеоменъ, котораго обыкновенно считаютъ пр
должателемъ Агисовыхъ начинаній, былъ человѣкъ другог
рода и другихъ силъ. Уже въ древности находимъ двояко
воззрѣніе на него: уже тогда были у него страстные по
клонники и горькіе порицатели.

„Полибій, въ качествѣ ахейца и мегалопольскаго гра
данина, питалъ противъ него горькое чувство и называет
его тираномъ, что́ очень можно допустить, потому что Кле
оменъ не боялся проливать кровь для достиженія своих
цѣлей. Другіе, которыхъ не коснулись дѣла его, смотрят
на Клеомена, какъ на послѣдняго великаго грека. Онъ был
безспорно великій человѣкъ и въ другомъ родѣ, нежел
Филопеменъ: онъ-бы могъ возстановить Грецію. Между со
временниками Филархъ былъ его пламеннымъ поклонникомъ
между позднѣйшими писателями у него также много почи
тателей, напримѣръ Плутархъ, который преклоняется пред
Клеоменомъ, но въ то-же время очень уважаетъ Арата
потому находится въ большомъ затрудненіи, когда рѣч
идетъ объ ихъ столкновеніи, хотя они такъ-же противопо
ложны другъ другу, какъ огонь и вода. Полибій не скры
ваетъ своей ненависти къ нему, но признаетъ въ немъ н
обыкновенно замѣчательнаго человѣка, великаго полководц
съ изумительнымъ характеромъ, всѣхъ увлекавшаго за со
бою и господствовавшаго надъ всѣми, кто приходилъ с

имъ въ сношеніе. Отрицать у Клеомена его огромныя дарованія, ясность взгляда и невѣроятную силу воли невозможно; были-ли его поступки справедливы и нравственны— то другой вопросъ. Здѣсь можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда доброе и милое дитя, какъ Агисъ, начинаетъ ласное дѣло и приводитъ въ движеніе тяжесть, которую однять или остановить оно не въ силахъ, то это не что ное, какъ ребячество; но когда такой исполинъ, какъ, леоменъ, предпринимаетъ подобное дѣло, и двигая массу, торая паденіемъ своимъ можетъ все задавить, носитъ въ бѣ силы, достаточныя для того, чтобы сдержать ея напоръ дать ей правильное направленіе, тогда оцѣнка предпріія должна быть совсѣмъ другая. Клеоменъ приступилъ къ воему плану обдуманно и сознательно. Для возрожденія Лаоніи онъ употребилъ частію тѣ-же мѣры, которыя сдѣлали мѣшнымъ Агиса и принесли пользу однимъ только несостоятельнымъ должникамъ. Но его пріемы были другіе. Имя партанцевъ исчезло, остались одни лакедемонцы. Положивъ конецъ этому различію, онъ далъ жителямъ Лаконіи ювую собственность. Выгоды этого раздѣла были до того значительны, что можно забыть несправедливость самого поступка. Величіе подвига заставило умолкнуть его противниковъ. Греки смотрѣли на подобныя явленія другими глами, нежели мы: если-бы Платонъ жилъ во времена Клеомена, онъ конечно не нашелъ-бы ничего дурного въ совершенныхъ имъ перемѣнахъ. Клеоменъ особенно отличается ть современниковъ своихъ высокимъ философическимъ и итературнымъ образованіемъ. Великое вліяніе стоической философіи простиралось и на него: онъ былъ окруженъ людьми замѣчательными по уму, знаніямъ, философическому бразу мыслей; Сферъ изъ Ольвіи находился при немъ съ амой юности его и имѣлъ, повидимому большое вліяніе на его. Онъ вовсе не похожъ на человѣка, получившаго спартанское воспитаніе, и на людей того времени вообще. О домашней жизни его сохранилось достовѣрное извѣстіе (изъ филарха у Атенея IV, с. 21), которое показываетъ его съ амой любезной стороны. Онъ понималъ свое положеніе, равнивалъ ничтожество спартанскихъ государей съ величіемъ македонскаго владычества и ясно видѣлъ, что только презрѣніемъ къ внѣшнему блеску и личными качествами можно возстановить значеніе Спарты. Онъ умѣлъ соединить спартанскую строгость съ изяществомъ. Въ разговорѣ онъ былъ, по свидѣтельству древнихъ, весьма пріятенъ; у него было мало потребностей, и потому онъ самъ жилъ очень

просто, но иностранцевъ принималъ и угощалъ по обыч
ихъ родины. Умомъ, веселою бесѣдою, всею личностью с
ею онъ покорилъ себѣ сердца грековъ. Въ жизни его вст
чаются два страшные поступка, которые показываютъ, к
трудно жить во времена, когда неодолимыя препятствія
граждаютъ прямой путь правды. Мы говоримъ объ умер
вленіи эфоровъ и объ убійствѣ Архидама. Эфоры составля
конечно, наростъ въ государствѣ: они исказили все госуд
ственное устройство въ Спартѣ, уничтожили царскую влас
и замѣнили ее собственною тиранніею; но Клеоменъ раз
залъ узелъ ужаснымъ и—признаться—безполезнымъ об
зомъ, потому что вліяніе его на народъ было безгранич
всѣ голоса были за него, слѣдовательно, незачѣмъ бы
проливать кровь. Онъ не былъ ни тѣмъ чистымъ герое
какимъ его представляетъ Филархъ, ни чудовищемъ. В
его время господствовали тѣ-же нравственныя начала, к
торыя впослѣдствіи проповѣдывалъ Гоббесъ: bellum con
omnes. Цѣнились только умѣнье и успѣхъ, о правдѣ
долгѣ не было рѣчи. Клеомена и Макіавелли надобно м
рять одною мѣрою.—На сколько участковъ раздѣлилъ Кле
менъ Лаконію, неизвѣстно; знаемъ только, что онъ мо
выставить четыре тысячи гоплитовъ и что принялъ въ чис
гражданъ много иностранцевъ и періэковъ. При раздѣл
собственности политическіе противники царя теряли не б
лѣе другихъ: даже изгнаннымъ имъ до возстановленія п
рядка лицамъ были отведены надлежащіе участки. Подро
ныхъ свѣдѣній о реформѣ у насъ нѣтъ. Нельзя сравнива
Арата съ Клеоменомъ: послѣдній былъ безконечно выш
Что значилъ Аратъ, уроженецъ небольшого и незначител
наго Сикіона, хотя онъ происходилъ отъ богатыхъ родит
лей, передъ спартанскимъ царемъ Ираклидомъ? Аратъ уж
былъ близокъ къ старости, а молодой Клеоменъ стоялъ
всей свѣжести силъ и начинаній; первому удалось счас
ливо совершить нѣсколько предпріятій, но всѣ знали, ч
ему недостаетъ личнаго мужества; Клеоменъ былъ герой
великій полководецъ. Аратъ зналъ только старыя формы
въ нихъ однихъ искалъ спасенія; спартанскій царь стр
мился къ созданію новыхъ формъ, сообразныхъ съ его ц
лями и съ настоящимъ. Обоихъ ихъ характеризуетъ и
тактика: Аратъ даже и не думалъ отмѣнить старинное во
енное устройство ахейцевъ; они не переняли македонско
фаланги, а удержали древнюю греческую съ короткими п
ками вмѣсто огромныхъ сариссъ, хотя ахейцы не были свя
заны никакими военными преданіями. У спартанцевъ был

ія преданія; но несмотря на суевѣрное уваженіе къ жнему вооруженію, Клеоменъ преобразовалъ спартанскую гику и ввелъ македонскую. Далѣе Клеоменъ окружилъ , вопреки спартанскимъ обычаямъ, людьми просвѣщен- и и учеными; для него не существовала спартанская λαδια, въ немъ не было ничего грубаго или изыскан- о. Напротивъ, Аратъ былъ необразованъ, разсудителенъ ограниченной сферѣ, тупъ" (III. 389—363).

Съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ объ Аратѣ можно внить еще подробнѣйшую характеристику, находящуюся 331 стр. того-же тома. Вѣрнѣе трудно опредѣлить ха- теръ и дѣятельность знаменитаго сикіонца. Въ другомъ тѣ (ст. 462), Нибуръ говоритъ, что Арату, также какъ и опемену, который, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ пре- ходилъ Арата, недоставало музъ и харитъ, т. е. той щной образованности, которая составляетъ отличитель- черту всѣхъ великихъ афинянъ.

Надѣемся, что изъ многочисленныхъ выписокъ нашихъ атели „Пропилеевъ" могутъ составить себѣ понятіе о ѣ и отчасти о самой формѣ „Чтеній о древней исторіи". такомъ случаѣ цѣль составителя этой статьи будетъ со- шенно достигнута. Разбирать по частямъ твореніе, издан- такъ долго послѣ смерти великаго историка, указывая ощутительные недосмотры и даже ошибки—дѣло безпо- ное и притомъ нетрудное. Почти цѣлая четверть вѣка шла съ того времени, когда лекціи были записаны слу- телями Нибура. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ кѣ, по крайней мѣрѣ относительно частностей; нерѣдко ь преподаватель увлекался своею творческою фантазіей, е. избыткомъ того качества, безъ котораго невозможенъ кій историкъ. Мы не скрывали этихъ увлеченій. Не приговоры Нибура справедливы, не всѣ мнѣнія его ны. Но можно смѣло сказать, что ни одна изъ его не- аведливостей или погрѣшностей не исходитъ изъ незна- или недобросовѣстности. Онъ владѣлъ всѣмъ матеріаломъ ки и распоряжался имъ честно. Въ самыхъ ошибкахъ есть нѣчто глубоко поучительное для всякаго мысля- го писателя.

О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ

(С. М. Соловьеву и К. Д. Кавелину).

Вопросъ о родовомъ бытѣ, подавшій у насъ поводъ такимъ жаркимъ и плодотворнымъ преніямъ, былъ подн почти въ одно время въ русской и въ нѣмецкой уче литературѣ. Мнѣніе, высказанное еще въ прошломъ столѣ Мезеромъ (Möser, Osnabrückische Geschichte), о разл между осѣдлыми, преданными земледѣлію племенами саксо и воинственными, полукочевыми суевами имѣло, какъ вѣстно, продолжительное вліяніе на историческія изслѣ ванія о древнемъ германскомъ бытѣ. Двойственный рактеръ этого быта, представляющаго съ одной стороны селянъ, крѣпко привязанныхъ обычаями и учрежденіями родной почвѣ, съ другой—многочисленныя, находящіяся постоянномъ движеніи толпы бездомныхъ удальцовъ, и щихъ войны и новыхъ жилищъ, получилъ въ предполо ніи Мезера готовое и удобное, хотя не подкрѣпленное до точными свидѣтельствами объясненіе.

Нынѣ рѣчь идетъ уже не о различіи между саксам суевами (хотя еще недавно Гауппъ построилъ на эт различіи всю свою теорію племенныхъ германскихъ пра а въ общинномъ и дружинномъ устройствѣ вообще. Мы Мезера въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ обратилась цѣлое, систематическое ученіе, завершителемъ котораго б Эйхгорнъ. Знаменитый историкъ нѣмецкаго права опре ляетъ характеръ древнихъ германскихъ общинъ внѣшн отношеніями собственности и сосѣдства, и только мим домъ, но съ свойственною ему дальновидностью, намекн на возможное значеніе родовыхъ или кровныхъ связей Съ необыкновенною ясностью изображаетъ онъ отличія щиннаго быта отъ дружиннаго и выводитъ отсюда глав явленія германской исторіи.

*) Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte. § 18. Примѣчаніе.

Немногія ученыя книги нашего вѣка пріобрѣли такую
омную и притомъ вполнѣ заслуженную извѣстность, какъ
сторія нѣмецкаго государственнаго и гражданскаго права“
хгорна. Пять изданій обширнаго и дорогого сочиненія
адѣтельствуютъ о запросѣ публики и о неусыпныхъ ста-
ніяхъ автора, не перестававшаго пополнять и исправлять
удъ свой. Эйхгорнъ основалъ цѣлую историко-юридиче-
ую школу, послѣдователи которой принадлежатъ не одной
рманіи. Во всѣхъ странахъ Европы ученые заговорили
ъ общинахъ и дружинахъ, прилагая эти готовыя формы
исторіи собственнаго отечества. Явленія, найденныя Эйх-
рномъ въ германской старинѣ, были признаны всеобщими,
пическими. Весьма немногимъ приходило въ голову со-
ѣніе въ дѣйствительномъ сходствѣ древне-германской
щины съ ея новыми изображеніями.

Нельзя не замѣтить однако, что національныя преду-
жденія и твердая увѣренность въ собственномъ прево-
одствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе
господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ.
мецкіе писатели утверждаютъ, что, въ эпоху ихъ первыхъ
лкновеній съ римлянами, германцы уже далеко оставили
собою дикое состояніе, и вслѣдствіе особенныхъ свойствъ,
торыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли
сравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ
же ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя
ленія древне-германскаго характера или быта аналогіями,
мствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ
торической тупости, неспособной оцѣнить германизмъ въ
самостоятельной красотѣ. Остроумное сближеніе Виль-
на германскихъ учрежденій съ афганскими не только не
ратило на себя должнаго вниманія, но даже было дурно
нято; Гизо подвергся самымъ рѣзкимъ нареканіямъ за
только, что привелъ для сравненія съ германцами отзывы
тешественниковъ о нравахъ дикихъ племенъ Америки.
временные Цезарю германцы жили, по словамъ ихъ уче-
хъ потомковъ, общинами, въ маркахъ, которыя раздѣ-
лись на находившіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга
на составлявшія частную собственность отдѣльныхъ чле-
въ пашни и усадьбы. Поземельная собственность опредѣ-
ла гражданское значеніе лица и вообще служила основою
щинныхъ отношеній. Съ другой стороны, воинственныя
клонности германцевъ находили себѣ просторъ и удовле-
ореніе въ дружинѣ, которая принимала въ ряды свои
ношей, скучавшихъ мирнымъ бытомъ общины, бе-

ныхъ людей, которые надѣялись пріобрѣсти войною собств
ность и права, съ нею соединенныя; наконецъ, всѣхъ т
кому нельзя было оставаться дома, вслѣдствіе какихъ-
будь особенныхъ обстоятельствъ, всѣхъ уходившихъ отъ к
вавой мести, преслѣдованій закона, и т. д. При тако
можно сказать, симметрическомъ порядкѣ вещей, въ ко
ромъ самыя противоположныя учрежденія были иску
прилажены одно къ другому, германцы получили возм
ность самаго полнаго и разнообразнаго развитія. Они соб
няли въ себѣ качества, которыя рѣдко или почти нико
не встрѣчаются въ одномъ и томъ-же народѣ: высок
нравственную чистоту, возможную только при условія
осѣдлой, семейной жизни, и блестящую, жаждавшую оп
ностей всякаго рода удаль, которую находимъ у юныхъ,
лукочевыхъ, стоящихъ на порогѣ исторіи и гражданств
ности народовъ. Система, которой выводы мы здѣсь въ
многихъ словахъ представили, сложилась изъ ученыхъ т
довъ и патріотическихъ мечтаній; но ей нельзя отказать
строгой послѣдовательности, а главнымъ защитникамъ е
въ глубокомъ знаніи. Къ сожалѣнію, ученики Мезера
Эйхгорна довольствовались приращеніемъ и разработк
матеріаловъ, но не умѣли выработать изъ новыхъ ма
ріаловъ новыхъ идей. Такимъ образомъ, важный вопрос
родовомъ бытѣ, съ котораго начинается исторія всяк
рода, остался внѣ сферы ихъ изслѣдованій. Примѣромъ м
жетъ служить Вайцъ, авторъ еще неконченной и во м
гихъ отношеніяхъ замѣчательной исторіи нѣмецкаго пра
написанной съ явной цѣлью дополнить результатами нов
шихъ розысканій пробѣлы, находящіеся въ трудѣ Эйхгор
Онъ, между прочимъ, нѣсколько разъ упоминаетъ и о ро
вомъ бытѣ, но относитъ его къ доисторическому поряд
вещей. „Неоспоримо“,—говоритъ онъ:—„что община и го
дарство выросли изъ семейства; но исторіи нѣтъ дѣла
этихъ переходовъ: она принимаетъ общину уже готов
совершившую предшествовавшее развитіе“ *). Такой отзы
не удовлетворительный самъ по себѣ, ибо онъ просто об
дитъ трудность, становится еще страннѣе, когда вспомни
что важность родовыхъ отношеній въ государственной жиз
древнихъ давно уже была всѣми признана. Извѣстно, ка
много занимался Нибуръ составомъ римскихъ родовъ. Е
ближе къ намъ, въ исторіи древнѣйшаго русскаго пра
коснулся того-же незабвенный Эверсъ. Между германиста

*) Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte I. 44.

ли не ошибаемся, Вильда первый посвятилъ этому пред-
ту нѣсколько замѣчательныхъ страницъ въ своей „Исто-
и нѣмецкаго уголовнаго права“. Но первое полное и си-
ематическое изслѣдованіе о родовомъ бытѣ у германцевъ
шло не ранѣе 1844 года. Мы говоримъ о книгѣ Зибеля,
тораго труды поставили въ затрудненіе послѣдователей
арой историко-юридической школы и уже вынудили у
ихъ нѣсколько значительныхъ уступокъ *). Не всѣ выводы
беля могутъ быть, впрочемъ, приняты наукою. Въ увле-
ніи полемики, онъ зашелъ слишкомъ далеко; и, не до-
льствуясь указаніемъ на неоспоримые слѣды родового
та въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ, предпринялъ построе-
е родового государства, основанное, разумѣется, не на по-
жительныхъ данныхъ, а на аналогіяхъ и наведеніи. Мы
послѣдуемъ за нимъ въ этихъ уклоненіяхъ отъ настоя-
ей цѣли изслѣдованія и ограничимся разборомъ истори-
скихъ свидѣтельствъ, которыми доказывается существо-
ніе у германцевъ родового быта со всѣми его послѣд-
віями.

Начнемъ съ вопроса о томъ, дѣйствительно-ли у герман-
ихъ племенъ была въ то время, когда съ ними познако-
лись римляне, настоящая поземельная собственность? Съ
имъ вопросомъ, очевидно, связанъ другой—о внутреннемъ
тройствѣ общинъ.

Источниками въ этомъ случаѣ намъ могутъ служить только
вѣстія, находимыя у Цезаря и Тацита. Другихъ свидѣ-
льствъ рѣшительно нѣтъ. Ссылки на памятники, возникшіе
послѣдствіи, въ эпоху переселенія народовъ и образованія
выхъ государствъ на римской почвѣ, не должны быть до-
скаемы. Четырех-вѣковыя сношенія съ Римомъ не могли
имѣть вліянія на Германію и не произвести въ бытѣ ея
селенія значительныхъ перемѣнъ. Выслушаемъ прежде
носящіяся къ нашему предмету слова названныхъ выше
сателей.

Цезарь говоритъ о племени суевовъ: „privati ac sepa-
i agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno
loco incolendi causa licet. Neque multum frumento, sed
ximam partem lacte atque pecore vivunt, multumque sunt
venationibus“, т. е. у нихъ нѣтъ вовсе частной, раздѣ-

*) Sybel. Entstehung des Deutschen Königthums, 1844. Сравн. раз-
ъ этой книги, написанный Вайцемъ и помѣщенный въ историческомъ
рналѣ Шмидта (Schmidt. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 1845 г.
III, 13—41. Тамъ-же помѣщенъ и отвѣтъ Зибеля на эту критику.
III. 294—348).

ленной межами поземельной собственности; они не о
ются болѣе года на одномъ мѣстѣ для обработки по
своихъ. Хлѣба употребляютъ мало, но большею частью
таются молокомъ и мясомъ стадъ своихъ; также много і
мышляютъ охотою. De B. G. IV. 1. Далѣе говорится о і
манцахъ вообще, при сравненіи ихъ съ галлами: „Agri
turae non student, majorque pars victus eorum in lacte, ca
carne consistit. Neque quisquam agri modum certum au
nes habet proprios; sed magistratus ac principes in annos
gulos *gentibus cognationibus que hominum, quiuna coierint*, qu
tum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno
alio transire cogunt". Земледѣліемъ мало занимаются; пі
ихъ состоитъ преимущественно изъ молока, сыра и м
ни у кого изъ нихъ нѣтъ опредѣленныхъ, отмежеванн
участковъ земли; начальники и старшины выдѣляютъ
годно землю, опредѣляя по собственному усмотрѣнію м
и количество отдѣльнымъ родамъ и семействамъ, жі
щимъ вмѣстѣ. Черезъ годъ они заставляютъ мѣнять
стки. Ibid. VI, 22.

Полтора вѣка спустя, Тацитъ пишетъ: „agri pro nur
cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inte
secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi c
porum spatia praestant. Arva per annos mutant et supe
ager". Владѣніе землею переходитъ поочередно отъ од
землевладѣльца къ другому, по числу ихъ; отдѣль
участки выдѣляются соразмѣрно съ достоинствомъ каж
изъ участниковъ. Обширныя пространства облегчаютъ
дѣлъ; пашни мѣняются ежегодно, но земли остается
довольно. Germ. стр. 26.

Свидѣтельства эти достаточно ясны. Изъ нихъ ві
состояніе народа, только-что переходящаго отъ кочевой
осѣдлой жизни, еще незнакомаго съ настоящею поземел
собственностью. Описывая образъ жизни свободныхъ
манцевъ, Тацитъ говоритъ, что они стыдились добывать
томъ то, что можно было пріобрѣсти кровью, и возла
полевыя работы на женщинъ и рабовъ. Главнымъ занят
германца была война. Въ мирное время онъ ходилъ на о
или предавался праздности *). Какъ-же согласить съ эт
показаніями великаго римскаго историка описаніе зе

*) Pigrum quin immo et iners videtur sudore acquirere quod
sanguine parare. Germ. 14. Quotiens bella non ineunt, multum vena
plus per otium transigunt dediti somno ciboque—delegata domus et
tium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex fa
c. 15. Ср. Цезаря de B. G. VI, 24.

льческой общины, обличающей своимъ устройствомъ и господствующими въ ней правами высокую степень гражданскаго развитія, на которой римляне нашли германцевъ? Но Цезеръ, Эйхгорнъ, и по ихъ слѣдамъ другіе толкуютъ извѣстія Цезаря и Тацита сообразно съ требованіями собственной системы. Они относятъ все сказанное завоевателемъ Галліи о германцахъ къ однимъ суевамъ, которые подъ начальствомъ Аріовиста перешли на лѣвый берегъ Рейна и ошлись тамъ съ римскими легіонами; слѣдовательно, говорятъ нѣмецкіе ученые, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изъ всѣхъ германцевъ одни суевы находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Цезаремъ; прочія-же, жившія за Рейномъ, племена ему были извѣстны только по слухамъ. Ошибочныя извѣстія, вкравшіяся въ записки о галльской войнѣ, перешли къ позднѣйшимъ писателямъ, между прочимъ и къ Тациту, который въ 26-й главѣ своего сочиненія о германцахъ повторилъ, не повѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ, слова Цезаря, принявшаго учрежденія отдѣльнаго племени за характеристическое отличіе цѣлаго народа. Онъ вѣрно описалъ быть дружинный, но не имѣлъ понятія объ общинѣ. Нетрудно замѣтить, сколько произвольно натянутаго въ такомъ толкованіи, отвергающемъ *оба главныя изъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ* о земледѣліи у древнихъ германцевъ. Цезарь принадлежитъ къ числу самыхъ положительныхъ, можно сказать, математически точныхъ писателей древности. Описанія его кратки, но всегда содержатъ въ себѣ все существенное о данномъ предметѣ. Зарейнскіе германцы были ему извѣстны не по однимъ слухамъ, потому что онъ лично былъ за великою рѣкою, воевалъ съ сѣверными германцами и, сверхъ того, могъ въ самой Галліи собрать подробныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народа, тѣсная связь котораго съ галльскими белгами не подлежитъ сомнѣнію. Можно-ли предположить со стороны этого геніальнаго и любознательнаго ума грубое невѣжество или непростительное равнодушіе къ вопросу о политическомъ и гражданскомъ бытѣ племенъ, съ которыми судьба уже не разъ сводила римлянъ, и которыя, вслѣдствіе новыхъ завоеваній республики, сдѣлались ея ближайшими и опаснѣйшими сосѣдями въ Европѣ. Еще съ меньшимъ правомъ заподозрѣна достовѣрность Тацитова показанія. Знаменитый историкъ жилъ около 150 лѣтъ послѣ Цезаря. Въ теченіи этого времени римляне почти не переставали воевать съ германцами и узнали ихъ короче. Тациту могли служить источниками: изустные разсказы римскихъ воиновъ, которые не только участвовали въ за-

рейнскихъ походахъ, но бывали въ плѣну у германцевъ и своими глазами видѣли образъ жизни варовыхъ побѣдителей; разсказы многочисленныхъ германцевъ, находившихся въ имперской службѣ; наконецъ, сочиненія, въ родѣ потерянной исторіи германскихъ войнъ, написанной Плиніемъ старшимъ, который, кромѣ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ событій, вѣроятно имѣлъ подъ руками другіе письменные матеріалы. Нельзя-же допустить, что Тацитъ, осмотрительности и добросовѣстности котораго отдаютъ полную справедливость всѣ изслѣдователи нѣмецкой старины, разобравшіе каждую строку его Германіи, списалъ буквально извѣстія Цезаря о поземельной собственности у германцевъ и не далъ себѣ труда глубже вникнуть въ дѣло, котораго важность не могла однако ускользнуть отъ него. Нужно-ли говорить здѣсь о покушеніяхъ насильственно измѣнить ясный смыслъ тацитовыхъ словъ и вложить въ нихъ прямое противорѣчіе Цезарю? *) Многіе объясняютъ ежегодную мѣну полей системою плодоперемѣннаго хозяйства **).

Изъ всего вышесказаннаго выходитъ, что мы по необходимости должны ограничиться относительно времени, предшествующаго переселенію народовъ, извѣстіями, которыя находятся у Цезаря и у Тацита, и принять ихъ въ ближайшемъ, буквальномъ смыслѣ, не прибѣгая къ искусственнымъ, болѣе или менѣе произвольнымъ и затемняющимъ сущность дѣла объясненіямъ.

Ни у того, ни у другого изъ этихъ писателей не упоминается о маркѣ, составляющей, по мнѣнію Эйхгорна и его школы, краеугольный камень древне-германскаго политическаго и земскаго устройства. Слово марка имѣетъ нѣсколько значеній ***). Собственно оно означаетъ границу, limes. Но сверхъ того, подъ нимъ разумѣются: a) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга ****); b) совокупность земель; принадлежащихъ общинѣ, и, наконецъ, c)

---

*) Waitz. I. 23.

**) Eichhorn I. § 14. Landau, die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwickelung. 1854. Стр. 52—63. Въ книгѣ Ландау собрано все. что можно сказать о существованіи трехпольнаго хозяйства у германцевъ. Но доводы его не убѣдительны. Онъ заключаетъ отъ позднѣйшаго къ предыдущему.

***) Наша древняя *вервь* представляетъ нѣчто соотвѣтствующее германской маркѣ.

****) Обыкновенно границею марки былъ лѣсъ. Яковъ Гриммъ (Deutsche Rechtsalterthümer, Berl. 1844) полагаетъ, что марка означала первоначально просто лѣсъ. Рубежъ или граница есть позднѣйшее, производное значеніе. На исландскомъ языкѣ Mörk значитъ лѣсъ, а Mark—рубежъ.

самая община, которой члены называются потому *commarchani*. Занятый исключительно мыслью о родовомъ бытѣ и опираясь на молчаніе римскихъ памятниковъ, Зибель, безъ всякой надобности, относитъ марку къ позднѣйшимъ временамъ *). Допуская вполнѣ достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ намъ Цезаремъ и Тацитомъ, мы, однако, не въ правѣ отрицать все то, о чемъ не говорятъ эти писатели. Мезеръ и Эйхгорнъ не безъ основательныхъ причинъ принимаютъ глубокую древность марки и причисляютъ ее къ кореннымъ германскимъ учрежденіямъ; но ихъ взглядъ на самую марку невѣренъ, потому что они не хотятъ признать перемѣнъ, которыя произошли въ ея внутреннемъ устройствѣ со временъ Цезаря до того времени, когда она предстаетъ намъ въ полномъ историческомъ свѣтѣ. Мы привели уже Эйхгорново опредѣленіе марки. Это первоначальная германская община, члены которой, или commarchani, суть простые сосѣди, соединенные землею, на которой они вмѣстѣ живутъ, и отъ нея заимствующіе свое гражданское значеніе. Только тотъ настоящій, полноправный членъ общества, у кого есть своя собственная земля. Юридическія отношенія полноправныхъ жителей марки основаны на договорѣ: ибо ихъ нельзя ни откуда вывести, кромѣ предварительнаго соглашенія участниковъ. Имѣли-ли Эйхгорнъ и его послѣдователи въ виду такой договоръ, очевидно противорѣчащій господствующему между германистами воззрѣнію на государство, мы не знаемъ, но обойтись безъ него имъ невозможно. Ихъ марка есть не органическій начатокъ гражданскаго развитія, а искусственное произведеніе человѣческой воли. Sie ist nicht naturwüchsig, по нѣмецкому выраженію.

Предъ авторитетомъ славныхъ именъ Мёзера, Эйхгорна и примыкающаго къ нимъ Я. Гримма (Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 405 и слѣд.) умолкли на время прямыя свидѣтельства источниковъ. А, между тѣмъ, многіе изъ новыхъ изслѣдователей живо чувствовали недостаточность господствующаго понятія о маркѣ. Примѣромъ можетъ служить Кембль, авторъ превосходнаго сочиненія объ англо-саксахъ **). Кембль обладаетъ высокими учеными достоинствами. Съ обширными историческими и филологическими знаніями у

*) Надобно, впрочемъ, сказать, что самъ Эйхгорнъ въ 5-мъ изданіи (стр. 57) своего сочиненія счелъ нужнымъ оговориться и нѣсколько ограничить значеніе, какое онъ прежде давалъ маркѣ. Вайцъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, полагающее ее въ основаніе политическаго устройства у германцевъ. I. 31.

**) Kemble. The Saxons in England. London, 1849. 2 то

него соединяется глубокое и живое пониманіе германско
древности. Тѣмъ не менѣе, онъ впалъ въ противорѣчіе с
самимъ собою, хотя съ другой стороны это противорѣчі
показываетъ его вѣрный историческій смыслъ. Принима
по примѣру Мёзера и Эйхгорна, марку за основу обществе
наго устройства у германцевъ, Кембль (стр. 54) называет
ее „добровольнымъ союзомъ свободныхъ людей". Такой до
бровольный союзъ предполагаетъ, какъ мы уже замѣтили
предварительное соглашеніе, договоръ, нѣчто въ родѣ contra
social. Но на предыдущихъ и слѣдующихъ страницахъ то
же книги мы находимъ совсѣмъ другое. „Марка содержит
въ себѣ совокупность земель, принадлежащихъ коренно
(original) cognatio, роду или колѣну (стр. 43)" Далѣе (на ст
56) эта мысль высказана еще яснѣе и обстоятельнѣе: „Марк
представляется мнѣ большимъ союзомъ или соединеніем
семействъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ богатства, зн
ченія и вліянія: нѣкоторыя изъ этихъ семействъ ведут
свое происхожденіе прямо отъ общаго родоначальника ил
отъ племеннаго героя; родство другихъ сомнительнѣе, по
тому что чѣмъ болѣе ростетъ населеніе и увеличивается
число родичей, тѣмъ далѣе отходятъ они отъ общаго корня
сверхъ того, можно вступить въ общину посредствомъ брака
усыновленія, даже чрезъ отпущеніе на волю; но всѣ члены
признаютъ соединяющую ихъ связь братства, родства или
sibsceaft *). Всѣ они составляютъ одну единицу относительно
другихъ, такихъ-же общинъ". Здѣсь дѣло идетъ не просто
о сосѣдяхъ, а о родичахъ, т. е. о родовомъ бытѣ, при ко
торомъ марка получаетъ иное значеніе. Къ сожалѣнію, Кембл
не пошелъ далѣе: у него не достало мужества отказаться
отъ вѣры въ существованіе поземельной собственности
цвѣтущаго земледѣлія у древнихъ англо-саксовъ. Можно
подумать, что онъ, подобно большей части нѣмецкихъ уче
ныхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ не столько съ научной
сколько съ національной точки зрѣнія. Иначе трудно понять
его нерѣшительность: опровергая главныя изъ отдѣльных
положеній старой системы, онъ остается ей вѣренъ в
цѣломъ.

Шаткія опоры, поддерживающія зданіе, воздвигнутое н
мецкимъ патріотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ опра
данія своимъ настоящимъ притязаніямъ, съ каждымъ днем
оказываются несостоятельнѣе. Теперь трудно доказать, что

*) Замѣтимъ что *sippe*, родство и родня, означаетъ также миръ. В
англо-саксонскомъ переводѣ [illegible]телія слово миръ передано чрезъ *syb*

ерманцы были изобрѣтателями земледѣлія въ сѣверной и средней Европѣ, что довели они его до высокой степени и передали потомъ славянамъ. Еще недавно, въ числѣ немногихъ и весьма неубѣдительныхъ доводовъ въ пользу того мнѣнія, находилось распространеніе германскаго плуга и его названія между славянскими племенами. Однако, Яковъ Гриммъ сомнѣвается въ германскомъ происхожденіи слова плугъ, котораго онъ не нашелъ вовсе въ древнѣйшихъ памятникахъ (готскихъ), гдѣ оно замѣнено другими, совсѣмъ не похожими на него словами: Hoha и Sulh (Deutsche Grammatik, III, 114). Лео (Malberg. Glosse) идетъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что германцы заимствовали и орудія, и выраженія, относящіяся къ земледѣлію, у кельтовъ.

Слова Цезаря: gentibus cognationibusque hominum qui una coierint—указываютъ намъ на составъ населенія первоначальной германской общины или марки. Семьи и цѣлые роды живутъ вмѣстѣ. Только родичъ, членъ рода, есть настоящій членъ общины. Противники родоваго быта, утверждающіе, что только обладаніе землею сообщало германцу значеніе полноправнаго члена марки, напрасно ссылаются на Тацита. Изъ его словъ трудно вывести такое заключеніе. У него сказано прямо, что до совершеннолѣтія или торжественнаго принятія оружія, юноши составляютъ часть отцовскаго дома, потомъ часть общины, т. е. становятся ея членами. Ante hoc (до совершеннолѣтія) domus pars videntur, mox reipublicae. Germ. c. 13. Черезъ четыреста лѣтъ послѣ Тацита, готы еще держались этого правила; юноша, способный носить оружіе, пользовался у нихъ полными правами свободнаго человѣка или гражданина: Sic juvenes nostri qui ad exercitum probantur idonei *indignum est ut ad vitam suam disponendam dicantur infirmi*, et putentur domum suam non regere, qui creduntur bello posse tractare. Gothis aetatem legitimam virtus facit, et qui valet hostem confodere, ad omni se jam debet tuitione vindicare. Cassiodori Var. 1, 38. Вообще, мы желали-бы встрѣтить хотя одно положительное свидѣтельство источниковъ въ пользу поземельной собственности и ея вліянія на общественное значеніе лица у древнихъ германцевъ. На это можно сказать, что у дошедшихъ къ намъ римскихъ писателей и въ другихъ памятникахъ очень мало данныхъ относительно родового быта у германцевъ. Конечно, такихъ данныхъ мало, но онѣ существуютъ и притомъ въ количествѣ, достаточномъ для совершеннаго оправданія опирающейся на нихъ си[illegible]отя эта система, независимо отъ частныхъ историчес[illegible]овъ, истекаетъ

изъ общихъ законовъ, которымъ подчинено въ развит своемъ всякое гражданское общество. Родовой бытъ не толь стоитъ въ началѣ такого развитія, но дѣйствуетъ на не впослѣдствіи и отражается въ учрежденіяхъ позднѣйшаг чисто государственнаго порядка.

Приведемъ, однако, главныя изъ касающихся нашег предмета свидѣтельствъ.

Сверхъ приведенныхъ выше словъ Цезаря о родахъ семьяхъ вмѣстѣ живущихъ, онъ говоритъ, что дружины Арі виста, располагаясь въ боевомъ порядкѣ, становились род къ роду, по родамъ. Germani suas copias eduxerunt, *genera timque* constituerunt... De B. G. I. 51. Тоже самое, но ещ опредѣлительнѣе и яснѣе, показываетъ Тацитъ. „Идя в битву, германцы строились клиномъ, причемъ соблюдалс извѣстный порядокъ: у каждаго рода и у каждой семь было свое опредѣленное мѣсто. Non casus nec fortuita con globatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates Germ. 7. У лонгобардовъ, по словамъ Павла Діакона, far означало часть дружины и въ то-же время родъ. II. 9. Под твержденіе этому находимъ въ лонгобардскихъ словаряхъ гдѣ fara=genealogia, generatio, parentella *). Законъ аллема новъ упоминаетъ о спорахъ, возникающихъ между родами Si qua contentio orta fuerit inter duas genealogias de termin terrae eorum. Tit. 84. Законъ вестъ-готовъ не различаетъ со сѣдства отъ родства и соединяетъ ихъ подъ одни опредѣ ленія: nec pater pro filio, nec filius pro patre, nec uxor pr marito, nec maritus pro uxore, ned frater pro fratre, nec vi cinus pro vicino. nec propinquus pro propinquo ullam calum niam pertimescat. (VI. 1. 8.).

Собранныя здѣсь свидѣтельства принадлежатъ нѣсколь кимъ столѣтіямъ и доказываютъ не только существовані родовыхъ формъ, но даже ихъ положительное вліяніе н жизнь германскаго народа какъ въ мирное, такъ и въ воен ное время. Но запасъ нашъ еще не истощенъ. Германскія нарѣчія сохранили неизгладимые слѣды давно умершаго порядка вещей. Вотъ нѣсколько сюда принадлежащихъ словъ:

Въ древнихъ рукописныхъ саксонскихъ словаряхъ латинское fratrueles переведено: gelondan, что̀ собственно значитъ: люди, живущіе вмѣстѣ, на одной землѣ **). Это Цезаревы gentes cognationesque qui una coierint, родичи=со-

*) Waitz. I. 221.
**) Kemb[illegible] Saxons in England. I. 56, 89.

ѣди. У тѣхъ-же англо-саксовъ слово maeghte употребляется ь двоякомъ значеніи: родственниковъ или родичей и земли ıвоеванной и заселенной членами одного рода *). Укажемъ ıкже на тѣсно связанныя между собою слова: Adel (Adal Odal (Uodal). Первое означаетъ родъ, второе—владѣнія ода **). Другія выраженія, характеризующія самый составъ одовыхъ общинъ и слагающагося изъ нихъ государства, удутъ приведены ниже.

Изъ сказаннаго доселѣ мы позволимъ себѣ вывести лѣдующія заключенія объ образѣ жизни и бытѣ древнихъ ерманцевъ.

Древне-германская община есть ничто иное, какъ родъ. Ілены рода живутъ сосѣдями въ деревняхъ, или отдѣльыми дворами на общей землѣ, маркѣ, обнесенной со всѣхъ торонъ лѣсомъ, болотомъ или другою природною границею ***). Это граница рода: на нее положено заклятіе. Ее храняютъ языческіе боги (являющіеся демонами послѣ ıведенія христіанства) и безчеловѣчно жестокія постановіенія исключительно родовой общины ****). Смерть ожидаетъ ıнородца, самовольно переступающаго завѣтный рубежъ. Іемля марки окружена гибелью, по словамъ древней, приеденной Кемблемъ пѣсни *****). Все, лежащее въ предѣлахъ ıарки, принадлежитъ роду. Почва дѣлилась на двѣ части; ıдна содержала въ себѣ усадьбы и пашни, въ которыхъ юдичи должны были ежегодно мѣняться участками; въ ıругой заключались общіе выгоны, луга и лѣса. Въ первой юловинѣ могъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, совершиться постепенный переходъ къ полной частной собственности; вторая несравненно долѣе носила ıарактеръ общаго владѣнія. Слѣды этого быта сохранились особенно долго на Скандинавскомъ полуостровѣ и до сихъ поръ еще не совершенно изгладились въ Германіи, несмотря ıа длинный рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда Цезарь и Тацитъ записали извѣстія, собранныя ими ı германцахъ. Сказанное ими объ отсутствіи поземельной собственности у германцевъ отнюдь не противорѣчитъ перво-

*) Lappenberg. Geschichte von England, I. 583.

**) Waitz, I. 66.

***) Это зависѣло отъ мѣстности. Понятно, что когда Германія была покрыта густыми лѣсами, и по словамъ нѣмецкой поговорки „бѣлка бѣгала по семи миль, прыгая съ дерева на дерево", т. е. не спускаясь на землю, жилыя мѣста находились на полянахъ, окруженныхъ лѣсомъ.

****) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, 518—20.

*****) The Saxons, 1. 47.

начальному, чисто родовому устройству марки, но да
можетъ служить къ объясненію ея позднѣйшей формы, к
торая описана Эйхгорномъ, и гдѣ частная собственнос
отдѣльныхъ членовъ общины, образовавшаяся изъ учас
ковъ, прежде переходившихъ изъ рукъ въ руки, сущ
ствуетъ рядомъ съ общимъ владѣніемъ лугами и лѣсом
На вопросъ о возможности такого порядка вещей, о каком
намъ говорятъ Цезарь и Тацитъ, можно отвѣчать много
численными аналогіями, заимствованными изъ быта других
народовъ. Не считаемъ нужнымъ указывать на всѣмъ и
вѣстные, представляющіе большое сходство съ германскими
обычаи славянскихъ племенъ. Оранскій арабъ считает
своею собственностью только сѣмена, употребленныя им
на посѣвъ, а не самую пашню. Въ Ягирскомъ округѣ, Мад
расской области, землевладѣльцы ежегодно мѣняются зем
лями; афганскія племена подвергаются новому раздѣлу зе
мель даже по истеченіи десятилѣтняго срока владѣнія
Страбонъ и Діодоръ упоминаютъ о подобномъ обычаѣ, су
ществовавшемъ у нѣкоторыхъ племенъ Иллиріи и Пиринейскаго полуострова *). Цейссъ весьма вѣрно характеризует
древне-германскій бытъ словами: прочной опредѣленной собственности еще нѣтъ. Человѣкъ еще не привязался къ почвѣ
которая находится въ общемъ владѣніи. Пищу ему доставляютъ домашній скотъ и охота. Земледѣліе снабжаетъ только необходимѣйшими средствами существованія; война составляетъ любимое занятіе. Но эту подвижную, непостоянную жизнь нельзя, однако, назвать кочевою. Она занимает
средину между земледѣльческою и кочевою. У подобныхъ
народовъ есть родина и жилища, но они легко ихъ покидаютъ ради новыхъ странъ **). Не собственность, а происхожденіе, принадлежность къ роду опредѣляли значеніе
лица въ такой общинѣ. Инородцу не было въ ней мѣста.
Но родовыя сзязи заключались не въ одномъ кровномъ
родствѣ: родъ увеличивался не чрезъ нарожденіе только.
Въ составъ его можно было вступить извнѣ, посредствомъ усыновленія или брака. Вообще, женщины служили
часто посредницами и примирительницами родовъ, смягчая
ихъ начальную исключительность. Англо-саксонская поэзія
недаромъ называетъ женщину freodowebbe, ткущею миръ.
Этотъ превосходный эпитетъ показываетъ ея значеніе въ
основанномъ на родовыхъ отношеніяхъ обществѣ. Пріобщен-

*) Примѣры эти собраны у Кембля. 1, 39.
**) Zeiss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 52 и 53 стр.

ый посредствомъ брака или другимъ образомъ къ чуждой тотлѣ общинѣ, инородецъ становился ея родичемъ, потомомъ ея родоначальника. Вымышленное, искуственное родство заступало мѣсто кровнаго. Исторія древней Греціи и Рима представляетъ множество аналогическихъ явленій *), дающихъ намъ возможность вполнѣ понять переходъ отъ естественнаго, основаннаго на единствѣ крови, рода къ искусственному, который обыкновенно является уже частью государства. Такимъ полукочевымъ бытомъ германскихъ народовъ можно объяснить ихъ блужданія съ мѣста на мѣсто, постоянную тревогу, въ которой они находятся въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная съ перваго ихъ появленія въ исторіи, т. е. нашествія кимвровъ и тевтоновъ. Родина германца заключалась не въ данной мѣстности, а въ родѣ его. Она была подвижная; не мѣстность сообщала названіе роду, поселившемуся въ ней на болѣе или менѣе долгій срокъ и обратившему ее въ свою временную марку, а, наоборотъ, имя рода переносилось съ одного конца Германіи на другой. Имена урочищъ могутъ служить полезнымъ, хотя въ большей части случаевъ недостаточнымъ, пособіемъ для изученія германскихъ переселеній. Эта путеводная нить часто рвется въ рукахъ изслѣдователя, и нѣтъ никакой возможности связать порванные концы. „Мы не должны удивляться, говоритъ Кембль: встрѣчая среди такого безостановочнаго, обширнаго и общаго движенія, каковы были переселенія нашихъ предковъ, родовыя имена Германіи, Норвегіи, Швеціи и Даніи на нашихъ (т. е. англійскихъ) берегахъ. Не только небольшое число странниковъ, носившихъ знаменитое родовое имя, но одинъ человѣкъ могъ собрать вокругъ себя толпу товарищей, охотно соединявшихся подъ прославленное героическими преданіями имя рода (т. е. образовать искуственный родъ). Такимъ образомъ, Гарлинги и Вельзинги, имена, тѣсно связанныя съ великимъ эпосомъ германскихъ и скандинавскихъ народовъ, повторяются во многихъ мѣстахъ Англіи“ **). Ученый историкъ англо-саксовъ полагаетъ, что большая часть мѣстныхъ названій произошла отъ родовыхъ, и потому приложилъ въ концѣ 1-го тома своей книги цѣлый списокъ такихъ названій.—Когда улеглось великое движеніе народовъ, и германцамъ закрылась прежняя возможность переселеній на югъ или западъ, ихъ связь съ

---

*) См. Niebuhr. Röm. Geschichte 1, 345 и слѣд. Fr. Hermann. Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer, §§ 5, 99, 101.

**) The Saxons, 1. 58.

родною почвою стала крѣпче. Значеніе марки измѣнилось. Она перестала быть мѣстомъ только временнаго пребыванія рода. Прикованный къ отцовской почвѣ германецъ требовалъ болѣе прочныхъ и опредѣленныхъ отношеній собственности. Ежегодный обмѣнъ пашень находился въ очевидномъ противорѣчіи съ выгодами и цѣлями отдѣльныхъ владѣльцевъ. Въ томъ-же направленіи дѣйствовали римскія вліянія и христіанство, которое, усиливая значеніе семейства, тѣмъ самымъ ослабляло родовое начало. Сказать, когда и какъ именно совершилась перемѣна у каждаго германскаго народа порознь, нельзя, по недостатку источниковъ, но можно догадываться, что мѣсто ежегодныхъ раздѣловъ заступили болѣе продолжительные сроки владѣнія, вытѣсненные въ свою очередь наслѣдственностью участковъ. Между помятниками, принадлежащими этой переходной эпохѣ, особенно важенъ для насъ эдиктъ франкскаго короля Хильпериха, изданный въ 574 году: a) Placuit atque convenit, ut si quis vicinos habens aut filios aut filias post obitum suum superstitutus fuerit, quamdiu filii aduxerint, terra habeant sicut et lex salica habet. b) Et si subito filios defuncti fuerint, filia simili modo terras accipiat istas, sicut et filii si vivi fuissent aut habuissent. Et si moritur, frater alter superstitutus fuerit terras accipiant, non vicini. (Pertz Monumenta, IV, 10). Этотъ законъ отмѣняетъ прежній порядокъ наслѣдства, предоставляя ближайшимъ родственникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго право наслѣдовать предпочтительно предъ сосѣдями, т. е. родичами. Семейство выдѣляется изъ рода *).

Мы сказали выше, что слѣды первоначальной, т. е. родовой марки долго существовали въ Скандинавіи и еще не совершенно исчезли въ Германіи. Въ XI столѣтіи сельское устройство въ Даніи было еще основано на началѣ общаго владѣнія. Мы постараемся изложить главныя черты этого устройства. Каждое селеніе или деревня состояла изъ *тофтовъ*, расположенныхъ вдоль двухъ крестообразно пересѣ-

*) Sybel. Entstehund des deutschen Königthums, стр. 25 — 27. Эдиктъ Хильпериха содержитъ въ себѣ неоспоримыя доказательства въ пользу родоваго быта. Доказательства эти тѣмъ убѣдительнѣе, что самый памятникъ возникъ на римской почвѣ. Видно, что Вайцъ не знаетъ, какъ примирить такое рѣшительное свидѣтельство съ собственною теоріею. Waitz. Das alte Recht der Salischen Franken, стр. 130. Мы не привели нѣкоторыхъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Зибель, напр. франкскій законъ de chrenecruda, потому что смыслъ его намъ не ясенъ и едва-ли можетъ безъ натяжки служить подтвержденіемъ Зибелевой системы. Тоже самое скажемъ и о замѣчательной статьѣ „Si de parentilla". Здѣсь трудно рѣшить, о чемъ идетъ рѣчь, о семьѣ или о родѣ.

кавшихся улицъ. Подъ именемъ тофта разумѣлись: домъ, хозяйственныя строенія, дворъ и садъ поселянина, обнесенные тыномъ или другою оградою. Улицы и перекрестокъ посрединѣ селенія находились въ общемъ владѣніи и не могли быть застроены или заняты другимъ образомъ. Принадлежавшія такой общинѣ пашенныя земли были разбиты на нѣсколько клиновъ. Всякій клинъ (Kamp) былъ тщательно измѣренъ веревкою, и въ немъ выдѣлены участки всѣмъ владѣльцамъ тофтовъ. Участки эти были иногда крайне малы, но отъ правила нельзя было отступить, и больсманъ (землевладѣлецъ или жилецъ, отъ boel, bool — жилище) имѣлъ клочекъ земли въ каждомъ клинѣ. Когда деревня не представляла болѣе достаточнаго простора своимъ жителямъ, и въ ней нельзя было устроить новыхъ тофтовъ, избытокъ населенія (по всей вѣроятности младшіе сыновья больсмановъ) уходилъ изъ деревни и строилъ себѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, новыя жилища. Такой выселокъ назывался *торпъ* и находился въ зависимости отъ адельби (Adelbye) или старой общины. Родовая связь между ними была такъ крѣпка, что послѣдній, оставшійся въ живыхъ больсманъ стараго селенія могъ, въ теченіе трехлѣтняго срока, принудить переселенцевъ къ возврату на прежнія мѣста *) Въ изложенномъ нами устройствѣ датскаго селенія уже нѣтъ ежегодныхъ раздѣловъ земли, но всѣ послѣдствія этого древнѣйшаго обычая сохранились. Стѣснительныя опредѣленія родовой собственности еще не изгладились. Каждый клинъ или *Kamp* обведенъ межею, но между отдѣльными участками нѣтъ рубежей. Датское правительство рано вступило въ борьбу съ этимъ порядкомъ вещей: оно предоставило больсману право обмѣна земли съ сосѣдями, вслѣдствіе чего онъ получилъ возможность собрать въ одно цѣлое свои разбросанные въ нѣсколькихъ клинахъ участки. Кромѣ того, ему разрѣшено было пріобрѣтать земли за предѣлами общиннаго владѣнія. Такая собственность называлась *ornum* и ставила своего владѣльца въ положеніе, совершенно отличное отъ того, какое онъ занималъ въ родномъ селеніи. Онъ выходилъ изъ-подъ опеки родовой общины и дѣлался полнымъ хозяиномъ, собственникомъ въ настоящемъ значеніи слова. Еще большее подтвержденіе Це-

*) Dahlmann. Geschichte von Dännemark, T. I. стр. 133—37. Къ сожалѣнію, у меня не было превосходной статьи Гансена (Hanssen. Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit, у Фалка, Neues Staatsb. Magazin, T. III et VI), которою пользовался Дальманъ и почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи германской и скандинавской древности.

заревыхъ и Тацитовыхъ извѣстій находимъ мы въ самой Германіи. Въ прошедшемъ столѣтіи крестьяне Фрикговской общины (Frickhofen), въ Нассаускомъ герцогствѣ, ежегодно дѣлили по жребію принадлежавшія ихъ общинѣ земли. На Гундсрюкенѣ подобный обычай сохранился до сихъ поръ: тамъ въ округахъ Мерцигъ, Отвейлеръ и Саарлуи есть общины, въ которыхъ земля переходитъ отъ одного владѣльца къ другому, въ опредѣленные сроки отъ 3-хъ до 18 лѣтъ. Она не составляетъ частной собственности и принадлежитъ селенію или общинѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Въ рейнской Баваріи встрѣчаемъ такія-же явленія *) Наконецъ, не далѣе какъ въ 1805 году, крестьяне селенія Трантовъ, что на рѣкѣ Пенѣ, въ сѣверной Германіи, еще смотрѣли на землю, какъ на общую собственность и ежегодно дѣлили ее между собою. Въ раздѣлѣ участвовалъ также пасторъ селенія **). Очевидно, это слѣды родового владѣнія.

Не смотря на многочисленныя, изъ историческихъ памятниковъ и языка заимствованныя данныя, свидѣтельствующія о преобладаніи родовыхъ формъ у германцевъ долгое время послѣ ихъ вступленія въ исторію, мы считаемъ, однако, невозможнымъ полное и подробное изображеніе этихъ формъ. Попытку, сдѣланную Зибелемъ, нельзя назвать удачною, хотя отдѣльныя части его изслѣдованія заслуживаютъ большаго вниманія и обнаруживаютъ значительный критическій талантъ. Едва-ли найдемъ у кого другого болѣе вѣрное и отчетливое опредѣленіе родового государства. Зибель находитъ совершенно безплоднымъ споръ, когда-то поднятый о различіи рода естественнаго отъ искусственнаго, ибо эти формы равно часто встрѣчаются намъ въ исторіи и основаны на одномъ и томъ-же началѣ. Главное здѣсь состоитъ въ правильномъ пониманіи рода вообще и въ умѣньи отличить значеніе родового старшины отъ власти отца семейства.

Въ такомъ смѣшеніи заключается основной недостатокъ книги, впрочемъ превосходной, въ которой впервые и притомъ непревзойденнымъ до сихъ поръ образомъ сближены для взаимнаго уясненія древности славянскаго и германскаго права. Эверсъ (Das aelteste Recht der Russen) начинаетъ вездѣ съ отца семейства, у котораго родятся сыновья и внуки и, такимъ образомъ расширяютъ домашній кругъ;

---

*) Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung. München, 1854. стр. 6.

**) Статья: Ueber die Feldordnung und den Ackerbau der alten Germanen. въ Историческомъ журналѣ Шмита. 1845 г. III, 253.

но онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственномъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія. Государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, тѣмъ болѣе что послѣдняя является вполнѣ только въ государствѣ, отъ котораго, она получаетъ нужныя для ея внѣшняго существованія юридическія опредѣленія. Семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (gens), и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ; мы знаемъ, что родовая связь часто основана на вымыслѣ, но родовыя отношенія чрезъ это нимало не слабѣютъ. Такъ какъ внутреннее начало этого союза есть нѣчто духовное, относящееся къ области воли и договора, то оно также можетъ быть выражено настоящими родственниками, какъ и посторонними, дѣйствующими въ духѣ родства. Вотъ, въ чемъ заключается различіе между родовымъ государствомъ и всѣми другими гражданскими союзами. Но не должно думать, что этотъ вымыселъ возникъ изъ потребности сообщить союзу благозвучное имя, торжественное богослуженіе или неопредѣленное чувство единства; напротивъ, онъ долженъ служить руководительною нитью во всѣхъ отношеніяхъ новаго государства, которое свято чтитъ образецъ свой и не отступаетъ отъ него. Существенный признакъ и законъ родового государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ формы семейства; отсюда заимствуетъ оно свой характеръ даже тамъ, гдѣ родовые и мѣстные союзы внѣшнимъ образомъ совпадаютъ между собою. Это первый шагъ, означающій въ естественномъ развитіи народовъ пробужденіе политическаго сознанія. Народъ ищетъ соотвѣтствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь,—форма семейства. На нее опираются общества, находящіяся въ дѣтскомъ возрастѣ; изобиліе миѳовъ, возникающихъ именно на этой почвѣ, очень понятно. Можно сказать, что основная мысль такой системы, принимающей государство за семейство, содержитъ въ себѣ миѳическую истину, поэтически прекрасный и глубокій смыслъ; но тѣмъ очевиднѣе становится, по достиженіи высшей ступени, ограниченность этой системы и ея неудовлетворительность для

разума. Итакъ, сравненіе государства съ семействомъ можетъ быть вѣрно, но понятіе, выводящее государство изъ семейства, какъ естественнаго основанія, ложно. Всѣ отношенія, истекающія изъ такого чувства, должны изчезнуть и сокрушиться при первомъ столкновеніи съ развитымъ чисто гражданскимъ порядкомъ вещей, т. е. съ настоящимъ государствомъ *).

Соединеніе нѣсколькихъ родовъ составляетъ высшее политическое единство сотни **) или гау ***). Начальниками какъ отдѣльныхъ родовъ, такъ и высшихъ, изъ ихъ соединенія образовавшихся союзовъ были *старшины*. Здѣсь возникаетъ вопросъ о происхожденіи и объемѣ власти этихъ старшинъ и объ отношеніи ихъ къ древне-германскому дворянству, той nobilitas, о которой говоритъ Тацитъ, не оставившій, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ этомъ сословіи.

Прежде всего замѣтимъ, что древніе германцы обыкновенно соединяли понятіе о власти съ понятіемъ старшинства. Англо-саксонское Ealdordom равно означаетъ отношенія короля къ подданнымъ, вождя дружины къ его воинамъ, мужа къ женѣ ****). Беда, въ церковной исторіи англо-саксовъ, говоритъ, что у саксовъ не было куниговъ или королей, sed satrapas plurimos *suae genti praepositos*. Въ саксонскомъ переводѣ этого сочиненія Альфредомъ Великимъ слово satrapae передано чрезъ ealdormen. Эти-же саксонскіе *сатрапы* называются иногда majores natu (annales Petaviani). У франковъ выраженіе senior и major natu означаетъ вообще человѣка, занимающаго высокое положеніе въ государствѣ. Старшины племени узипетовъ называются у Цезаря majores natu. У фризовъ aldirman есть судья; atha (отцы см. фризскій словарь Рихтгофена) начальники вообще. Этихъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, хотя ихъ можно было-бы привести гораздо болѣе. Такое соединеніе понятій власти и физическаго старшинства не можетъ быть случайнымъ. Оно указываетъ на родовое устройство, въ которомъ власть находится въ рукахъ старѣйшинъ. Но кто-же были эти старѣйшины?

---

*) Entstehung des d. Königsthums, 17.

**) Зибель принимаетъ сотню за первоначальное соединеніе нѣсколькихъ родовъ, отвлекая отъ ея числительнаго значенія. Сотня, слѣд., не есть округъ, какимъ она является впослѣдствіи (франкская centena, и т. д.), а союзъ.

***) Округъ. Eichhorn, § 14, n. a. Grimm. R. A. 496.

****) Sybel, 43.

Цезарь нѣсколько разъ упоминаетъ о нихъ, употребляя ыраженіе magistratus и principes. Magistratus ac principes авѣдуютъ ежегоднымъ раздѣломъ полей. B. G. VI. 22. In ace nullus est communis magistratus, sed principes regionum t pagorum inter suos jus dicunt, contraversiasque minuunt... uum bellum civitas aut inlatum defendit aut infert, magistratus qui eo bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur. VI. 23. Надобно, слѣдовательно, отличать три рода властей: principes regionum и principes pagorum въ мирное время и magistratus, избираемые для войны съ несравненно бо́льшими правами. Споръ о значеніи округовъ, которые Цезарь разумѣлъ подъ словами pagus и regio, удовлетворительно рѣшается параллельнымъ мѣстомъ у Тацита: principes qui jura per pagos vicosque reddunt. Cerm. 13. Vicus соотвѣтствуетъ отдѣльной общинѣ, роду. Regio въ такомъ случаѣ есть округъ, занимаемый родомъ или общиною, марка; pagus обыкновенно=gau, вмѣщающей въ себѣ, какъ уже сказано, нѣсколько родовъ или марокъ. Свидѣтельство Цезаря тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вполнѣ подтверждается позднѣйшими источниками. Извѣстно, что изъ всѣхъ германскихъ народовъ саксы наименѣе подвергались внѣшнимъ вліяніямъ: они позже другихъ приняли христіанство и долѣе сохранили древній бытъ и обычаи. Беда говоритъ объ нихъ: non habebant regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos suae genti praepositos, qui ingruente belli articulo mittunt aequaliter sortes et quemcumque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem Heretogan, въ переводѣ Альфреда B.) omnes sequuntur et huic obtemperant. Peracto autem bello rursum aequalis potentiae omnes hunt satrapae. Hist. Eccl. V. 10. Сочинитель житія св. Лебуина, жившій послѣ Беды и пользовавшійся его сочиненіемъ, говоритъ о саксахъ: Singulis pagis principes praeeant singuli. Pertz, Mon. II. 361. Изъ словъ Беды видно, что въ военные вожди избирались тѣ-же principes или, какъ онъ ихъ называетъ, satrapae, которые въ мирное время судили и рядили каждый въ своемъ округѣ. Мы едва-ли ошибемся, принявъ это показаніе Беды за правило, котораго держались древнѣйшіе германцы, современники Цезаря и Тацита.

Вникая въ смыслъ извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ „Германіи“, мы должны признать, что начало свободнаго избранія вообще преобладало у германцевъ. О „principes qui jura reddunt“ сказано прямо, что они избираются въ народныхъ собраніяхъ. Нельзя иначе объяснить и другого знаменитаго

мѣста: reges ex nobilitate, duces ex virtute *sumunt*. Germ. c. 7. Такой обычай, повидимому, противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о родовомъ бытѣ. Для устраненія возможныхъ по этому поводу возраженій, необходимо уяснить себѣ Тацитово слово nobilitas. Это тѣмъ труднѣе, что въ самыхъ творeніяхъ великаго историка мало данныхъ для рѣшенія имъ заданной загадки. Мы должны объяснить ее извнѣ, т. е. при пособіи стороннихъ источниковъ и болѣе или менѣе произвольныхъ и удачныхъ соображеній.

Вайцъ посвятилъ значительный отдѣлъ своей исторіи германскаго государственнаго права разбору многочисленныхъ системъ, излагающихъ происхожденіе германскаго дворянства. Но его критика неудовлетворительна, ибо она довольствуется опроверженіемъ чужихъ мнѣній и не находитъ прочнаго основанія для собственной теоріи. Ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, намъ кажется, Зибель, которому, впрочемъ, много помогъ Эйхгорнъ, съ обычнымъ мастерствомъ своимъ коснувшійся значенія древней германской аристократіи, но оставившій въ сторонѣ вопросъ объ ея происхожденіи. Въ настоящее время едва-ли кому придетъ въ голову отрицать существованіе отдѣльнаго благороднаго сословія у древнихъ германцевъ. Сверхъ многочисленныхъ мѣстъ у Тацита, гдѣ nobiles прямо отдѣляются отъ остальной массы свободныхъ германцевъ, мы можемъ указать на положительныя свидѣтельства писателей позднѣйшаго времени, какъ-то: Нитарда, Гукбальда, сочинителя житія св. Лебуина, на translatio S-ti Alexandri, и т. д. Изъ этихъ памятниковъ видно, что саксы въ IX-мъ столѣтіи еще раздѣлялись на благородныхъ, свободныхъ и лассовъ, т. е. полусвободныхъ (sunt qui eorum lingua edelingui, sunt qui frilingui, sunt qui lassi dicuntur). У саксовъ, какъ мы уже видѣли, долѣе чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Германіи сохранились обычаи старины; у нихъ никакъ не могло образоваться позднѣйшее служебное дворянство; слѣдовательно, саксонскіе эделинги соотвѣтствуютъ Тацитовымъ nobiles. Этого мало. Почти у каждаго германскаго племени существуютъ знаменитые роды, изъ которыхъ избираются куниги или цари: reges ex nobilitate. У франковъ—Меровинги, у остъ-готовъ—Амалы, у вестъ-готовъ—Балты, у лонгобардовъ—Гунгинги и Литинги, у баваровъ встрѣчаемъ даже пять знатныхъ родовъ: Huosidroza, Fagana, Hahilinga, Anniona; isti sunt quasi primi post Agilolfingos, qui sunt de genere ducali. Lex Bajuvariorum, tit. 2. c. 20. Замѣчательно, что такіе царственные роды, stirpes regiæ, встрѣчаются у племенъ, не знавшихъ

собою царской власти. У херусковъ, сколько намъ стно, не было царей. Славный вождь ихъ Арминій ни-а не носилъ этого титула, хотя начальствовалъ надъ и силами народа. Страбонъ называетъ его просто поле-омъ (dux, Heretog, воевода). Онъ даже палъ жертвою го честолюбія, regnum affectans, но когда въ возникшихъ ѣ него междоусобіяхъ погибло все дворянство херусковъ ssis per interna bella nobilibus), народъ отправилъ пословъ имъ за Италикомъ, послѣднею отраслью царственнаго . Tacit. Ann. XI. 16. У батавовъ насъ поражаетъ то-же ніе. Въ источникахъ нѣтъ ни одного намека на суще-ваніе у нихъ царей; тѣмъ не менѣе, Тацитъ, которому хорошо были извѣстны происходившія въ Германіи со-я, говоритъ по поводу батавскаго возстанія, что Julius us et Claudius Civilis, regia stirpe, multo ceteros antei-. Hist. IV. 13. Объяснить это странное противорѣчіе но только неопредѣленною терминологіею римскихъ пи-лей, не отличавшихъ настоящихъ царей, которымъ пови-лись цѣлые народы (напр. готы), отъ областныхъ кня-или старшинъ, т. е. principes. Доказательства, приводи-Зибелемъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія *). Вотъ, му слово rex такъ часто встрѣчается и такъ мало имѣетъ енія подъ перомъ писателей IV-го и V вѣка. Въ войскѣ орика Великаго было такъ много куниговъ (reges), по амъ Эннодія, что число ихъ равнялось почти числу про-ъ воиновъ **). По занятіи германскими племенами рим-ъ провинцій являются начала настоящей монархіи, и о rex получаетъ важность, какую оно дотолѣ не имѣло. Ы сказали выше, что Adal или Adel первоначально зна-родъ, genus, prosapia. См. Grimm, R. A. 265. Аделингъ эделингъ значитъ собственно родичъ, членъ рода. То-же е можно сказать и о германскомъ имени царя. Англо-онское cyn=родъ, genus; отсюда прилагательное cyne, rosus и существительное cyning, rex. На древнемъ верхне-анскомъ языкѣ chuninc происходитъ отъ chuni, родъ. нгъ и адалингъ суть по преимуществу родичи, пред-ители рода, наиболѣе близкіе къ родоначальнику. Изъ ъ семействъ состоитъ древне-германская аристократія; ея рядовъ избираются вожди цѣлыхъ народовъ и отдѣль-ь родовъ. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи сохра-піяся генеалогіи англо-саксонскихъ государей. Онѣ всѣ

) Sybel, 96—116.
) Michelet. Hist. de France. I. 198.

восходятъ до Водана. Даже во времена христіанства англ саксонскіе короли дорожили этими свидѣтельствами своег происхожденія отъ языческаго божества, которому поклон лись ихъ предки.

Изслѣдованія о родовомъ бытѣ и его вліяніи на дал нѣйшее развитіе германскаго государства еще далеко н замкнуты. Мы указали здѣсь только на главные изъ выр ботанныхъ уже результатовъ и на важнѣйшіе вопросы. Мно любопытныхъ частностей оставлено нами въ сторонѣ, потом что онѣ заслуживаютъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Сюда пр надлежитъ система взаимнаго ручательства (Gesammtbürg schaft), въ которой есть очевидные слѣды родового быта значеніе позднѣйшихъ, искусственныхъ родовъ (напр. дитмар сенскихъ), являющихся въ германской исторіи. Сближен германскаго родового быта съ тѣмъ-же порядкомъ у славян и кельтовъ можетъ привести къ самымъ плодотворнымъ дл науки выводамъ. Но для такого изслѣдованія не довольн однихъ историческихъ знаній. Здѣсь необходимо содѣйств филологіи. Г. Буслаевъ, котораго прекрасные труды на этом поприщѣ уже принесли столько пользы, могъ-бы значительн подвинуть вопросъ, насъ занимающій, простымъ собраніем и сличеніемъ словъ, относящихся къ родовому быту у гла ныхъ европейскихъ народовъ. Заслуга была-бы великая доставила-бы совершившему ее полное право на глубоку признательность историковъ.

Испанскій эпосъ.

Новыя изслѣдованія о Сидѣ.

zy. Recherches sur l'histoire poiltique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde.

Книга г. Дози вышла около четырехъ лѣтъ тому назадъ; она пріобрѣла извѣстность только въ тѣсномъ кругу учеихъ, занимающихся исторіею Испаніи. Издавая свои замѣтельныя изслѣдованія, г. Дози вовсе не имѣлъ въ виду льшинства читателей: онъ писалъ для спеціалистовъ. Внительное чтеніе книги, заключающей въ себѣ болѣе 700 раницъ мелкой печати, требуетъ усилій и терпѣнія со роны читателя. Это рядъ критическихъ статей, въ котоихъ разбираются подробно свидѣтельства источниковъ и уды новыхъ писателей, относящіеся къ исторіи средневѣвой Испаніи, преимущественно къ XI-му столѣтію. Г. Дози— ландецъ и занимаетъ каѳедру восточныхъ языковъ въ йденскомъ университетѣ. Сочиненіе его написано по франзски. Несмотря на нѣкоторую сухость, изслѣдованія г. Дози едставляютъ весьма много новаго и занимательнаго.

Труды испанскихъ историковъ, жившихъ въ теченіе трехъ слѣднихъ столѣтій, до сихъ поръ, по справедливому зачанію нашего автора, не утратили своей цѣны. Къ сожанію, этимъ ученымъ, съ неутомимымъ усердіемъ занимавмся разработкою памятниковъ отечественной старины, неставало весьма важнаго, можно сказать необходимаго поѣія; они не знали арабскаго языка, безъ котораго невозжно полное знаніе средне-вѣковой Испаніи. Во второй повинѣ XVIII-го столѣтія Казири издалъ извѣстный катагъ Эскуріальской библіотеки, въ которомъ помѣстилъ много писокъ изъ арабскихъ источниковъ, относящихся къ исльской исторіи. При всей своей важности трудъ этотъ вскорѣ азался неудовлетворительнымъ. Казири плохо зналъ по

арабски: переводы его невѣрны, выборъ статей обнар
ваетъ отсутствіе историческаго смысла и критики. Въ
году появилось, наконецъ, сочиненіе, со всѣхъ сторонъ в
ченное громкими похвалами ученыхъ и, повидимому,
влетворявшее давнившимъ требованіямъ науки. Мы
римъ объ „Исторіи Испаніи подъ владычествомъ мавр
Іосифа Конде, составленной исключительно по арабс
памятникамъ. Конде очень рѣдко приводитъ имена пи
лей, изъ которыхъ онъ заимствуетъ отдѣльныя свѣдѣні
въ предисловіи къ своему сочиненію исчисляетъ всѣ
писи, которыми пользовался. Въ самомъ разсказѣ его
какое-то простодушіе, заставляющее предполагать въ ав
человѣка добросовѣстнаго и честно изучившаго свой
метъ. „Исторія Испаніи подъ владычествомъ мавровъ“
переведена на нѣсколько языковъ и служила впродол
30-ти лѣтъ для историковъ-неоріенталистовъ замѣною
ступныхъ имъ арабскихъ источниковъ. Можно навѣрное
зать, что съ 1820 года до настоящаго времени не выш
одной извѣстной книги о средневѣковой Испаніи без
ширныхъ заимствованій изъ Конде. Такъ поступали
цузы—Россевъ де-Ст. Иллеръ (Rosseeuw de St.-Hillai
Роме, нѣмцы —Шефферъ и Ашбахъ, которые въ своихъ
ченіяхъ изложили исторію средневѣковой Испаніи. Они
вольствовались сличеніемъ арабскихъ писателей, перев
ныхъ Конде, съ свидѣтельствами христіанскихъ пам
ковъ. Едва-ли кому приходило въ голову заподозрить
ную честность испанскаго оріенталиста, хотя его часто
кали въ сбивчивомъ изложеніи, не всегда вѣрномъ пере
арабскихъ подлинниковъ и неспособности къ критиче
оцѣнкѣ находившихся у него подъ рукою матеріаловъ.
нимаясь литературою испанскихъ арабовъ, г. Дози дол
былъ безпрестанно прибѣгать къ книгѣ Конде и нашел
ней странныя ошибки и неточности. Болѣе подробныя
зысканія привели его, наконецъ, къ слѣдующему заключ
„знаніе арабскаго языка у Конде не простиралось далѣ
буки (?). Замѣняя чрезвычайнымъ богатствомъ вообра
отсутствіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, онъ съ н
ханною наглостью сочинялъ сотнями хронологическія ци
создавалъ тысячами историческіе факты и выдавалъ
вымыслы за вѣрный переводъ арабскихъ текстовъ.

„Vois que fourbe sur fourbe à nos yeux il entasse
Et ne fait que jouer des tours de passe-passe“.

(P. Corneille, „Le Menteur“, V, 7).

„Новѣйшіе историки, не подозрѣвая подлога, котораго ни сдѣлались жертвами, простодушно повторяли всѣ эти ебылицы; иногда они даже заходили далѣе своего наставника, стараясь согласить его вымыслы съ извѣстіями латинкихъ и испанскихъ лѣтописцевъ, которые такимъ образомъ скажались въ свою очередь“.

Трудно допустить безусловно справедливость приведенаго нами мнѣнія. Г. Дози неоспоримо доказалъ, что Конде ылъ плохой знатокъ арабскаго языка, и что у него вовсе е было критическаго смысла. Но едва-ли можно предполаать съ его стороны сознательное желаніе обмануть ученую вропу. Книга Конде не принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ мистификацій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исто- и нашей науки. Источникомъ ошибокъ, находимыхъ въ Исторіи мавровъ“, было невѣжество автора, который, обманывая себя, обманулъ и другихъ. Во всякомъ случаѣ, нига его потеряла всякое право на довѣріе къ ней и отынѣ не имѣетъ никакого значенія въ наукѣ. Строгое суженіе г. Дози опирается, впрочемъ, на многочисленныя данныя и на согласіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ французскихъ ріенталистовъ, Рено, Дефремери и другихъ, которые, подобно лейденскому профессору, имѣли случай свѣрить разказы Конде съ тѣми рукописями, на которыя онъ ссылается ъ своемъ предисловіи. Образчикомъ знаній и критики онде можетъ служить слѣдующій случай. Въ эскуріальской библіотекѣ хранится сочиненіе Ибн-аль-Аббара, заключающее въ себѣ біографіи знатныхъ испанскихъ мавровъ, оторые прославились своимъ поэтическимъ талантомъ. По шибкѣ переплетчика листы этой рукописи перемѣшаны, акъ что къ началу одной біографіи часто пришитъ конецъ ругой, не имѣющей съ первою ничего общаго. Авторъ Исторіи мавровъ въ Испаніи“ сдѣлался жертвою оплошаго переплетчика и безъ малѣйшаго подозрѣнія перевоилъ, какъ умѣлъ, нужныя для него біографіи. Такимъ бразомъ, миролюбивые писатели являются у него къ концу воей жизни и совершенно неожиданно для читателя—полководцами, государственными мужами и т. д.

Въ настоящемъ видѣ своемъ труды г. Дози не что иное, акъ превосходные, критически разработанные матеріалы для удущаго историка Испаніи. Изъ изслѣдованій лейденскаго рофессора можно извлечь довольно полное представленіе о арактерѣ образованности, которая развилась у арабовъ, поорившихъ Пиринейскій полуостровъ. Образованность эта ыла исключительно аристократическая. Она была обязана

своимъ блескомъ и движеніемъ сначала покровительст
калифовъ Омеядовъ, жившихъ въ Кордовѣ; потомъ — мелки
династіямъ, которыя въ началѣ XI-го столѣтія раздѣли
между собою наслѣдіе падшаго калифата. Арабская Испан
XI-го столѣтія напоминаетъ во многомъ Италію XIV-го
XV-го вѣковъ. Умственная жизнь народа, выражавшая
преимущественно въ поэзіи, сосредоточивалась при дворах
многочисленныхъ династовъ. Арабскіе князья полагали сво
славу въ щедротахъ, которыми они осыпали современны
имъ поэтовъ; но произведенія этихъ поэтовъ, отличающія
внѣшнею отдѣлкой и изяществомъ формы, никакъ нель
назвать народными въ настоящемъ значеніи слова. Они с
держатъ въ себѣ такъ много искусственнаго, условнаго
доступнаго только однимъ высшимъ классамъ общества, ч
не могли имѣть вліянія на образованность низшихъ сосл
вій. Однородное явленіе представляетъ намъ искусственн
поэзія провансальскихъ трубадуровъ, которая развила
въ рыцарскихъ замкахъ южной Франціи, служила выраж
ніемъ аристократическихъ нравовъ и идей и потому не мог
сдѣлаться общимъ достояніемъ не понимавшаго ее народ
Наука наравнѣ съ поэзіей пользовалась великодушным
покровительствомъ арабскихъ государей въ Испаніи. В
X-мъ столѣтіи, во владѣніяхъ кордовскаго калифа считало
до 70-ти большихъ книгохранилищъ и до 17-ти высших
учебныхъ заведеній. Этотъ блестящій періодъ продолжало
собственно только до второй половины XI-го столѣтія, т
есть до появленія въ Испаніи альморавидовъ. Африканск
пришельцы удержали напоръ христіанъ на магометанск
государства Пиринейскаго полуострова; но они принесли с
собой религіозный фанатизмъ, давно охладѣвшій у их
прежде-поселившихся на европейской почвѣ единовѣрцев
и несовмѣстный съ дальнѣйшимъ развитіемъ ученой и
изящной литературы.

Еще во времена Кордовскаго калифата испанскіе мавр
для войнъ своихъ съ христіанами принуждены были пок
пать рабовъ, составлявшихъ потомъ весьма значительну
часть мусульманскихъ войскъ на Пиринейскомъ полуостров
Этимъ саклабамъ (напоминающимъ турецкихъ янычаровъ
египетскихъ мамелюковъ) обыкновенно ввѣряли калиф
охраненіе собственной особы. Мелкіе династы XI-го столѣ
тія были не въ состояніи защищать себя противъ христіан
скаго оружія и по необходимости уступили мѣсто прич
лымъ изъ Африки династіямъ. Цвѣтущая пора искусственн
вызванныхъ къ жизни литературы и науки прошл

Іассы народа смотрѣли равнодушно на упадокъ просвѣщенія, имъ чуждаго и порою оскорблявшаго сохранившееся у нихъ религіозное чувство. Вообще арабской образованности не доставало самостоятельности. Она могла развиваться только подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій; ей необходимо было покровительство богатой и сильной аристократіи. Почва ислама неудобна для возращенія на ней цвѣтовъ человѣческаго мышленія. Г. Дози посвятилъ, между прочимъ, нѣсколько любопытныхъ страницъ (81—123) Аль-Мотассиму, князю Альмерійскому, знаменитому любителю поэзіи и наукъ. Эти страницы внушаютъ читателю участіе къ благородной умственной дѣятельности Мотассима и писателей, изъ которыхъ преимущественно состоялъ дворъ его. Въ государствахъ западной Европы того времени мы, конечно, не найдемъ ничего подобнаго: но впечатлѣніе, производимое описаніями г. Дози, непродолжительно. Образцы, которые ученый авторъ „Изслѣдованій о средневѣковой Испаніи“ приводитъ изъ произведеній поэтовъ, жившихъ въ Альмеріи при Мотассимѣ, подтверждаютъ вполнѣ сказанное нами выше о характерѣ арабской поэзіи въ Испаніи. Она служила пріятнымъ занятіемъ изнѣженному и досужему сословію, а не выраженіемъ задушевной жизни цѣлаго народа. Вотъ, напримѣръ, одно изъ самыхъ знаменитыхъ стихотвореній той эпохи, сдѣлавшееся почти народнымъ, потому что всѣ его знали наизусть и пѣли его. Оно принадлежитъ Ибн-аль-Хаддаду, призванному поэтомъ Андалузіи.

„Мнѣ говорятъ: покинь долину Акикскую, бѣги отъ любимой, но не внемлющей любви твоей дѣвы; не возвращайся болѣе къ Аль-Одайбѣ, къ тому ручью, гдѣ ты встрѣтилъ гордую красавицу, потому что тамъ снова поразятъ тебя огромный мечъ и стрѣлы милой дѣвы, покрытой алмазами, наполняющей воздухъ благовоніями. Да, меня не допустили съ тебѣ, но никто не можетъ изгнать образа твоего изъ души моей; вдали отъ тебя, мнѣ кажется, что ты всегда со мною. О, друзья, восхваляющіе меня за мое смиреніе предъ судьбою и за то, что я предпочитаю сонъ бдѣнію! Я не заслуживаю похвалъ вашихъ; засыпая, я увѣренъ, что ты, возлюбленная, явишься мнѣ въ сновидѣніи“.

Одинъ изъ сыновей Мотассима, Раффі-ад'Даула, слылъ за великаго поэта. Въ доказательство его дарованій г. Дози приводитъ стихи, написанные имъ къ другу.

„Чаши, о Абулъ-Ала, наполнены виномъ и ходятъ по рукамъ веселыхъ собесѣдниковъ; вѣтеръ тихо колышетъ вѣтви деревьевъ; въ воздухѣ раздается пѣніе птицъ, а гор-

лицы воркуютъ, сидя на самыхъ высокихъ вѣткахъ. Приди-ж и пей на берегу этого ручья вино чистое и красное, о к торомъ можно подумать, что оно выжато изъ ланитъ милаг кравчаго, который намъ его подноситъ".

Несмотря на двойной прозаическій переводъ, чрезъ ко который прошли эти стихотворенія, они сохраняютъ, въ осо бенности второе, слѣды первоначальной прекрасной формы Но, сравнивъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ первыхъ про изведеній испанской народной поэзіи, мы поймемъ, почем Аль-Мотассимъ и другіе сходные съ нимъ владѣтели должн были искать защиты и покровительства у африканских магометанъ, мало цѣнившихъ умственное наслажденіе, н ходившихъ въ бой съ непотрясенною вѣрою въ слово про рока.

Большую и главную половину книги г-на Дози занима ютъ изслѣдованія о Сидѣ. Кому не извѣстно это имя? Из кастильскаго героя Сидъ давно обратился въ представител средневѣковаго рыцарства, въ его общемъ, благороднѣйшем значеніи. Благодаря Гердеру, романсы о Сидѣ перестал быть исключительнымъ достояніемъ испанской литературы Они переведены почти на всѣ европейскіе языки и при надлежатъ по своему характеру къ небольшому числу всѣм доступныхъ и всѣми любимыхъ произведеній чисто народно поэзіи. Но историческая извѣстность кастильскаго рыцар до сихъ поръ не соотвѣтствовала той славѣ, какою увѣнчал его поэзія. Еще въ XV-мъ столѣтіи извѣстный испанск писатель Фернанъ Перецъ де Гусманъ выразилъ свои со мнѣнія въ истинѣ событій, о которыхъ упоминаютъ романс о Сидѣ. Сомнѣнія эти не прекращались до нашего времени Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Масдеу (Masdeu) посвятил почти цѣлый томъ своей „Критической исторіи Испаніи" разбору извѣстій о Сидѣ. Онъ высказалъ результатъ своих розысканій въ слѣдующихъ словахъ: „У насъ нѣтъ о зна менитомъ Сидѣ ни одного свидѣтельства положительнаг и достовѣрнаго, или заслужившаго мѣсто въ лѣтописяхъ нашего народа. Мы не только ничего о немъ не знаемъ, н у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ его существованія" Г. Дози справедливо вооружается противъ неумѣстнаго скеп тицизма испанскихъ историковъ и возстановляетъ, на осно ваніи неоспоримыхъ свидѣтельствъ, историческое лицо Род рига Діаца, прозваннаго Сидомъ и Кампеадоромъ. Мы пред ставимъ нашимъ читателямъ краткій обзоръ самыхъ источ никовъ, въ которыхъ содержатся матеріалы для возможно біографіи Сида. 1) Е[illegible]ли не древнѣйшій изъ этихъ па

ятниковъ есть латинское стихотвореніе о Сидѣ, принадлежащее XII столѣтію и свидѣтельствующее о томъ, какъ рано подвиги Сида перешли въ сферу поэзіи. (Edélestand du Méil. Poésies populaires latines du moyen âge, Paris 1847, pg. 284 и слѣд.); 2) поэма о Сидѣ, „El poema del Sid“, возникшая по всей вѣроятности въ началѣ XIII столѣтія, и 3) почти современная съ поэмою стихотворная хроника „La Cronica rimada del Cid“. Къ этимъ двумъ памятникамъ примыкаютъ, по характеру и содержанію: 4) романсы о Сидѣ (Romancero del Cid), собранные впервые Хуаномъ де Эскобаръ. Изъ провансическихъ памятниковъ назовемъ слѣдующіе: 5) найденную въ Августинскомъ монастырѣ Св. Изидора въ Леонѣ лѣтопись, которую издалъ въ 1792 году Риско, подъ названіемъ „Gesta Roderici Campedocti“. Масдеу не признавалъ подлинности этой лѣтописи и отрицалъ существованіе самой рукописи. Неосновательность его возраженій нынѣ доказана. „Gesta Roderici“ относятся къ началу XIII столѣтія. Сочинитель писалъ до вторичнаго взятія Валенціи христіанами въ 1238 году. 6) „Cronica general“ Альфонса X-го, названнаго ученымъ. Альфонсъ X-й жилъ, какъ извѣстно, въ XIII-мъ столѣтіи. Четвертая часть его общей лѣтописи содержитъ въ себѣ весьма любопытныя, частью изъ арабскихъ источниковъ заимствованныя свѣдѣнія о Сидѣ. Изданная въ 1512 году „Cronica del Sid“, по рукописи, хранившейся въ монастырѣ св. Петра Карденьскаго, есть не что иное, какъ плохая и относительно новая передѣлка той части общей хроники Альфонса X-го, въ которой разсказаны подвиги Сида.

Въ источникахъ для біографіи Сида, слѣдовательно, нѣтъ недостатка. Но Масдеу и писатели сходныхъ съ нимъ мнѣній основываютъ свои сомнѣнія на отсутствіи свидѣтельствъ, современныхъ Сиду. Дѣйствительно, всѣ памятники, нами исчисленные, принадлежатъ позднѣйшему времени. Испанскія лѣтописи, современныя Сиду, не упоминаютъ о немъ. Но можно-ли изъ этого заключить, что самое существованіе кастильскаго героя есть фактъ недоказанный? Положимъ, что молчаніе современниковъ о такомъ лицѣ, какъ Родригъ Діацъ, въ самомъ дѣлѣ странно; но развѣ всѣ лѣтописи того времени дошли до насъ? Г. Дози приводитъ, между прочимъ, краткую лѣтопись Петра, епископа Леонскаго, излагающую исторію царствованія Альфонса VI-го и содержащую въ себѣ нѣсколько извѣстій о Сидѣ. Петръ Леонскій былъ современникъ Сида, и его словъ достаточно для опроверженія сомнѣній Масдеу и другихъ скептиковъ. Лѣтопись епископа Петра потеряна, но отрывки изъ нея сохранились

въ сочиненіи Сандоваля „Cinco Reyes“, напечатаннаго в 1615 году. Сверхъ того, критики, разбиравшіе преданія Сидѣ, опустили изъ виду существованіе другихъ памятн ковъ, неоспоримо доказывающихъ историческое существо ваніе самого героя. Такъ, напримѣръ, въ Бургосѣ находит подлинный актъ брачнаго договора между Родригомъ Ді цомъ и Хименою, дочерью Діего, графа Овіедскаго. Акт этотъ, писанный готическими буквами на пергаментѣ, со ставленъ 19 іюля 1074 года. Имя Родриго Діаца встрѣчает также въ нѣсколькихъ грамотахъ, принадлежащихъ второй половинѣ XI-го столѣтія. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ ег смерти о немъ ужъ говорятъ лѣтописи южной Франці около того-же времени онъ ужъ успѣлъ сдѣлаться героем народной поэзіи, которая, конечно, украсила дѣйствитель ность, но не могла, однако, создать ее изъ ничего. Въ вид такихъ данныхъ, всякій скептицизмъ долженъ былъ-б умолкнуть. Г. Дози наноситъ ему рѣшительный ударъ. Он нашелъ въ готской библіотекѣ сочиненіе Ибнъ-Бассама поэтахъ, жившихъ въ Испаніи въ V-мъ столѣтіи гиджры Эта рукопись содержитъ въ себѣ, между прочимъ, подробно описаніе покоренія Валенціи Сидомъ, составленное въ 110 году, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ паденія Валенціи черезъ десять—послѣ смерти Сида. Это древнѣйшее лѣто писное свидѣтельство о Камнеадорѣ полагаетъ конецъ всѣм спорамъ. Оно носитъ на себѣ печать еще не охладѣвше ненависти къ христіанскому вождю. Слѣдуя указаніям г. Дози, мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій очерк дѣйствительной, отрѣшенной отъ поэтическихъ примѣсе жизни Сида; потомъ мы разсмотримъ тѣ измѣненія, кото рымъ подвергся его образъ въ теченіе вѣковъ въ памятни кахъ, созданныхъ народною фантазіею. Руководителемъ н шимъ будетъ постоянно г. Дози, у котораго отдѣлъ о Сид обработанъ съ необыкновеннымъ талантомъ и полнымъ зн ніемъ предмета

Имя Родриго Діаца встрѣчается въ первый разъ въ гр мотѣ Фердинанда I-го отъ 1064 года. Годъ его рожденія н извѣстенъ. Отца онъ лишился еще въ дѣтствѣ своемъ. Когд по смерти Фердинанда I-го, владѣнія его перешли къ д тямъ, Родригъ остался при дворѣ старшаго сына, Сан Кастильскаго, и, повидимому, уже игралъ значительную ро Междоусобія Санхо съ братьями и сестрами дали Родриг которому король ввѣрилъ начальство надъ всѣмъ свои войскомъ, возможность обнаружить тѣ великія свойств которыми онъ впослѣдствіи прославился. Въ 1071 году Сан

братъ его Альфонсъ, король Леонскій, условились кон-
ить споръ свой судомъ Божіимъ, т. е. битвою. Побѣжден-
ый былъ обязанъ уступить свои владѣнія побѣдителю. Сра-
женіе произошло у деревни Гольпехары. Кастильцы были
разбиты. Альфонсъ, увѣренный въ точномъ исполненіи усло-
вій, запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать бѣглецовъ и
не хотѣлъ проливать крови будущихъ подданныхъ. Но Род-
ригъ уговорилъ Санхо нарушить условіе. „Враги наши от-
дыхаютъ послѣ побѣды (сказалъ онъ ему ночью): если мы
на разсвѣтѣ нападемъ на нихъ снова, то одолѣемъ въ свою
очередь". Санхо принялъ не совсѣмъ честный совѣтъ и съ
остатками разбитаго войска напалъ рано утромъ на брата.
Застигнутые въ расплохъ леонцы разсѣялись; самъ Альфонсъ
попался въ плѣнъ. Вскорѣ потомъ донъ Санхо погибъ при
осадѣ города Заморы, который онъ хотѣлъ отнять у сестры
своей Урраки. Всѣ его владѣнія перешли по наслѣдству къ
брату его Альфонсу VI-му, который предварительно дол-
женъ былъ подвергнуться унизительному обряду и при-
сягнуть въ томъ, что онъ не принималъ участія въ смерти
убитаго предательскимъ образомъ брата. Присягу эту при-
нялъ Родригъ Діацъ. Понятно, что Альфонсъ не могъ лю-
бить надменнаго вассала, который былъ причиной его плѣна
и свидѣтелемъ его униженія. Это не помѣшало, впрочемъ,
Родригу жениться на близкой родственницѣ короля, Хи-
менѣ, дочери графа Овіедскаго. Около 1081 года Родригъ
былъ изгнанъ изъ владѣній Альфонса VI-го. Мы не знаемъ,
что послужило поводомъ къ этому изгнанію, но съ него
начинается та часть жизни Сида, въ теченіе которой онъ
сдѣлался любимцемъ испанскаго народа.

Слѣдующіе за тѣмъ годы Сидъ провелъ большею частью
на службѣ князя Юсуфа-Аль-Мутамина Сарагосскаго, изъ
рода Бени-худовъ. Вотъ, почему названный нами выше араб-
скій писатель говоритъ о Сидѣ, что онъ обязанъ былъ своей
славой Бени-худамъ. Родригъ не только принималъ участіе
въ распряхъ магометанскихъ династовъ, но онъ помогалъ
имъ противъ христіанскихъ владѣтелей, именно противъ
Санхо Рамирица, короля Аррагонскаго и Наварскаго и про-
тивъ Раймунда Беренгара, графа Барцелонскаго. У Родрига
была своя собственная дружина, въ родѣ италіанскихъ кон-
дотъ. Самъ онъ былъ не что иное, какъ смѣлый кондотьеръ,
мало заботившійся о соблюденіи уставовъ рыцарской чести.
Не онъ одинъ жилъ такимъ образомъ въ тогдашней Испа-
ніи; знаменитый родственникъ и сподвижникъ его Альваро
Ранецъ служилъ съ наемною дружиною арабскому князю,

которому принадлежала Валенція. Дружина эта состоял по словамъ лѣтописи, изъ бродягъ всякаго рода. Альвар Фанецъ не обращалъ вниманія на различіе вѣръ; онъ при нималъ въ ряды своихъ магометанъ и христіанъ без разбора. Зато воины его пріобрѣли незавидную извѣстност Они грабили, жгли селенія и убивали жителей несчастных мѣстностей, черезъ которыя лежалъ ихъ путь. Плѣнников своихъ они часто продавали въ рабство за одинъ хлѣб кружку вина или фунтъ рыбы. Плѣнники, которыхъ нельз было продать, подвергались несравненно худшей участ имъ рѣзали языки, выкалывали глаза и травили ихъ при ученными къ этому дѣлу собаками. Г. Дози нашелъ в источникахъ подробности до того отвратительныя, что н рѣшился сообщить ихъ своимъ читателямъ. Къ сожалѣні народный герой испанской поэзіи не отличался отъ совре менниковъ мягкостью нрава, и дружина его ни въ чемъ н уступала дружинѣ Альваро Фанеца. Весьма замѣчательн въ этомъ отношеніи находящееся въ лѣтописи о Сидѣ (Cesta письмо Беренгара Барцелонскаго. Письмо это, въ которо барцелонскіи графъ обвиняетъ Сида въ томъ, что онъ покло няется горамъ и хищнымъ птицамъ, а не истинному Богу оканчивается слѣдующими словами: „Господь отомститъ вам за разрушенные вашимъ насиліемъ и поруганные храмы его“.

Счастье измѣнило Беренгару въ войнѣ съ Сидомъ, ко торый разбилъ и взялъ его въ плѣнъ. Мы переведемъ с перевода г-на Дози то мѣсто поэмы о Сидѣ, въ которо описывается освобожденіе барцелонскаго графа изъ плѣн Оно даетъ поразительно вѣрное понятіе о грубой и ориги нальной эпохѣ, къ которой принадлежатъ эти событія.

„У Сида моего, дона Родрига, идетъ большая стряпн Графу донъ Реймонду (Беренгару) нѣтъ до этого дѣла; ем приносятъ яства и готовятъ ихъ передъ нимъ, а онъ не хо четъ ѣсть. Онъ смѣется надъ всѣми кушаньями. „Я н съѣмъ ни одного куска за всѣ богатства цѣлой Испані Пусть погибнетъ тѣло мое и пропадетъ душа моя, когд такіе оборванцы (mal calrados) побѣдили меня въ битвѣ“ Послушайте, что говоритъ теперь мой Сидъ Рюи Діаз „Отвѣдайте, графъ, этого хлѣба, выпейте вина; если в сдѣлаете то, о чемъ я прошу, вы не будете болѣе плѣн никомъ; если нѣтъ, вамъ не видать никогда земли христіан ской“. Графъ донъ Реймондъ отвѣчаетъ: „ѣшьте, Родриг и предавайтесь радости, а я уморю себя, потому что я н хочу ѣсть“. До третьяго дня они не могли уговорить его пока они дѣлил[illegible]тую добычу, они не могли убѣдит

о проглотить кусокъ хлѣба. Мой Сидъ сказалъ: „Съѣшьте го-нибудь, графъ; если вы не станете ѣсть, вамъ не виать болѣе христіанъ; но если вы съѣдите вдоволь для меня, освобожу васъ и еще двухъ рыцарей и отпущу васъ домой“. Когда графъ услыхалъ это, онъ сталъ повеселѣе. „Сидъ, если вы сдѣлаете, что обѣщаете, я буду удивляться вамъ о конца жизни“. —„Ѣшьте-же, графъ, а послѣ обѣда я тпущу васъ и двухъ другихъ. Но знайте, что изъ всего ого, что вы потеряли, а я добылъ на полѣ битвы, я не тдамъ вамъ ни одной фальшивой денежки; я ничего не тдамъ вамъ изъ всего потеряннаго вами, потому что оно нѣ нужно для моихъ вассаловъ, которые служатъ при мнѣ терпятъ нужду; я ничего не дамъ вамъ. Я беру у васъ и другихъ и плачу вассаламъ“. Графъ радуется; онъ треуетъ воды, чтобы умыть себѣ руки, и ему подаютъ воду, одаютъ тотчасъ. Графъ собирается кушать вмѣстѣ съ рыарями, которыхъ Сидъ отпускаетъ съ нимъ. Боже мой, съ акою охотою принимается онъ за это дѣло! Напротивъ его идитъ тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. „Если вы ало станете ѣсть, графъ, не вдоволь для меня, мы остаемся здѣсь, мы не покинемъ другъ друга“. Тогда графъ казалъ: „отъ всей души и съ большой охотой“. Онъ обѣаетъ проворно съ двумя рыцарями; мой Сидъ на него мотритъ и радуется тому, что графъ донъ Реймондъ такъ орошо дѣйствуетъ руками. „Если позволите, мой Сидъ, мы отовы въ дорогу. Прикажите, чтобы намъ подали коней, мы поѣдемъ тотчасъ. Съ того дня, какъ я сталъ графомъ, не ѣлъ съ такой охотой. Не забуду удовольствія, которое спыталъ теперь“. Имъ подали трехъ отлично осѣдланныхъ оней, хорошее платье, шубы и плащи. Графъ донъ Рейондъ скачетъ среди двухъ другихъ рыцарей. Кастильянецъ ровожаетъ ихъ до крайней черты стана. „Вы ѣдете, графъ, а полную свободу. Благодарю васъ за то, что вы мнѣ ставляете; когда вамъ захочется отмстить мнѣ, и вы станете искать меня, вы меня легко найдете; если-же вы не рикажете меня искать и оставите меня въ покоѣ, у васъ удетъ въ барышахъ кое-что изъ вашего или моего добра“.— Веселитесь, мой Сидъ, будьте здоровы и невредимы; я асплатился съ вами за этотъ годъ; никому не придетъ въ олову искать васъ“. Графъ пришпорилъ коня и пустился ъ путь; дорогой онъ поворачивалъ голову и посматривалъ азадъ: онъ боялся, чтобы Сидъ не раскаялся. За всѣ сокровища въ мірѣ не поступилъ-бы такъ безукоризненный рыарь: онъ никогда не совершилъ безчестнаго д[illegible]

Видно, графъ барцелонскій былъ другого мнѣнія. Е
причины думать, что характеръ его побѣдителя былъ
извѣстенъ лучше, чѣмъ жившему цѣлымъ столѣтіемъ по
поэту. Суровая простота и драматическое движеніе, сос
ляющія принадлежность приведеннаго нами отрывка изъ по
о Сидѣ, по справедливости обратили на сеся вниманіе г
Дози. Намъ, однако, кажется, что онъ не замѣтилъ вес
характеристической черты. Родригъ готовъ выпустить
волю плѣннаго графа, но изъ взятой въ битвѣ добычи
не уступитъ ничего, *ни даже фальшивой денежки.* Съ осо
ною энергіею и нѣсколько разъ повторяетъ онъ эти сл
Таковы были феодальные герои XI столѣтія не въ од
Испаніи, но во всей западной Европѣ. Рыцарскія пон
только-что начинали развиваться и еще не успѣли сглад
предшествовавшей грубости феодальныхъ нравовъ. Сид
скрываетъ своей любви къ чужому добру. Онъ соверша
часть своихъ подвиговъ ради добычи и денежныхъ выг
Онъ ведетъ настоящую торговлю съ магометанскими князья
одни покупаютъ у него его услуги, другіе—просто миръ. Е
дѣлецъ альбарацинскій платилъ Сиду ежегодно 10.000
наровъ; столько-же получалъ онъ изъ Альпуенты, 6.000
Мурвіедро, 6.000 изъ Сегорбіи, 4.000 изъ Херики, 3.000
Альменары, 12.000 изъ Валенціи, пока не овладѣлъ сов
послѣднимъ городомъ. Это исчисленіе еще неполно.
книгѣ г. Дози можно найти много подробностей, пока
вающихъ, какіе огромные доходы бралъ Родригъ съ м
своего.

Въ промежуткахъ между безпрерывными войнами, въ
торыхъ принималъ корыстное участіе, изгнанный Сидъ
жилъ и королю своему, Альфонсу VI Кастильскому; но
долго не удавалось смягчить гнѣвъ короля. Въ 1092 г
Сидъ ходилъ вмѣстѣ съ Альфонсомъ на альморавидовъ,
южную Испанію. Въ виду непріятеля, превосходнаго
сломъ, Альфонсъ разбилъ укрѣпленный лагерь на горѣ: С
сталъ передъ нимъ внизу, на равнинѣ, выражая так
образомъ намѣреніе прикрыть своей дружиной королев
войско. Альфонсъ былъ глубоко оскорбленъ высокомѣрі
вассала и осыпалъ его упреками. Для избѣжанія еще
шихъ послѣдствій, Сидъ поспѣшилъ удалиться и уп
ночью къ Валенціи, давно составлявшей цѣль его жела

Ослабленная внутренними смутами Валенція со вс
сторонъ была окружена врагами. Сосѣдніе князья, христ
и магометане равно старались овладѣть богатымъ г
домъ. По смерти послѣдняго государя, царствовавшаго

нціи, городомъ правилъ совѣтъ, составленный изъ са-
ь значительныхъ по положенію своему жителей. Это
нѣчто въ родѣ аристократической республики. Во
ѣ совѣта стоялъ Ибн-Джахафъ, человѣкъ безъ дарова-
но властолюбивый, искавшій себѣ опоры извнѣ. Онъ
ился съ альморавидами и съ Сидомъ, въ надеждѣ со-
енемъ противопоставить ихъ другъ-другу. Г. Дози очень
ятельно излагаетъ исторію Валенціи во второй поло-
ь XI столѣтія. Мы заимствуемъ изъ его изслѣдованій
ко тѣ факты, которые относятся непосредственно къ
. Лѣтомъ 1093 года Сидъ обложилъ Валенцію. Осада,
обности которой сохранены намъ арабскими писателями,
олжалась около года. Жители, напрасно разсчитывавшіе
омощь своихъ единовѣрцевъ, были доведены до послѣд-
крайности. Они толпами выходили изъ города и преда-
себя произволу Сидовыхъ наемниковъ, дабы избѣжать
дной смерти. Желая ускорить паденіе Валенціи, Родригъ
етилъ пускать въ свой лагерь этихъ выходцевъ; захва-
ыхъ имъ въ плѣнъ мавровъ онъ жегъ на кострахъ и
илъ живыхъ собаками. 15-го іюня 1094 года городъ
ся. Сначала Сидъ очень благосклонно обходился съ по-
ненными и заслужилъ ихъ признательность. По его при-
нію, были задѣланы всѣ обращенныя къ городу окна
остныхъ башенъ, дабы нескромные взгляды не могли
икать во внутренность магометанскихъ домовъ. Онъ
е приказалъ христіанамъ кланяться маврамъ и уступать
ѣднимъ дорогу при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Но кро-
эта продолжалась недолго. При описаніи жестокостей,
ошенныхъ Сидомъ въ Валенціи, авторъ разбираемаго
сочиненія слишкомъ полагается на пристрастныя сви-
льства арабскихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, Ро-
ъ былъ суровый властелинъ. Желая овладѣть богат-
ми Ибн-Джахафа, онъ предалъ его пыткѣ и потомъ каз-
за утайку нѣкоторыхъ драгоцѣнностей. Ибн-Джахафъ
сожженъ живой вмѣстѣ съ семнадцатью другими по-
ыми маврами. Въ числѣ ихъ погибъ, по предположенію
зи, Абу-Джафаръ-аль-Бати, замѣчательный писатель, со-
ніемъ котораго объ осадѣ Валенціи Сидомъ воспользо-
я для своей хроники Альфонсъ X. Родригъ умеръ въ
хъ новыхъ владѣніяхъ въ 1098 году. Черезъ четыре
послѣ его смерти христіане принуждены были снова
нуть Валенцію и уступили ее альморавидамъ. У Сида
ось трое дѣтей: сынъ и двѣ дочери. Сынъ былъ убитъ
ойнѣ съ маврами. Потомки его существовали еще въ

XIV столѣтіи и жили въ городѣ Валенціи. Старшая до
Сида, Христина, вышла замужъ за дона Рамиро, инфан
Наварскаго; вторая, Марія, была супругою Раймонда III, граф
Барцелонскаго.

Изъ этого краткаго, но по достовѣрнымъ источникамъ со
ставленнаго очерка можно видѣть, что историческій Сид
во многомъ отличается отъ того Сида, о которомъ поют
испанскіе романсы. Г. Дози показалъ, впрочемъ, что въ по
этическихъ памятникахъ средневѣковой Испаніи образъ ка
стильскаго героя подвергся послѣдовательнымъ измѣненіямъ
соотвѣтствующимъ перемѣнамъ, которыя произошли въ по
литическомъ бытѣ и образѣ мыслей испанскаго народа
Ослушникъ, наказанный гнѣвомъ Альфонса VI нарушителя
договоровъ, наемный слуга арабскихъ князей, жестокій вла
ститель Валенціи, обращается постепенно въ томнаго любов
ника Химены и представителя самыхъ утонченныхъ понятій
о рыцарской чести и вѣрности. Приступая къ вопросу о
древности отдѣльныхъ поэтическихъ памятниковъ, которыхъ
героемъ является Сидъ, г. Дози отрицаетъ совершенно влія
ніе арабовъ на испанскую поэзію, о которомъ такъ много
толковали другіе ученые. Извѣстно, что Конде приписывал
арабамъ самую форму романса; Гаммеръ нашелъ у нихъ
первыя ottave rime; Форіэль посвятилъ цѣлую главу своего
знаменитаго сочиненія о провансальской поэзіи изслѣдова
нію отношеній, существовавшихъ между арабскою и прова
сальскою литературами. Ученый знатокъ романскихъ лите
ратуръ, Фердинандъ Вольфъ давно выразилъ сомнѣніе в
дѣйствительности арабскихъ вліяній на поэзію южныхъ на
родовъ Европы. Къ сожалѣнію, превосходные труды Вольф
не пользуются должною извѣстностью и не всѣмъ доступны
потому что онъ печаталъ ихъ статьями въ періодическом
изданіи (Вѣнскихъ Лѣтописяхъ) и не издавалъ отдѣльно
Вотъ что говоритъ г. Дози:

„Арабо-испанская поэзія—классическая, потому что он
подражала древнимъ образцамъ, была исполнена образов
заимствованныхъ изъ жизни въ пустынѣ, непонятныхъ дл
массы народа и еще въ большей степени для иностранцев
Языкъ поэтическій былъ языкъ мертвый; сами арабы пони
мали его и писали на немъ только вслѣдствіе долгаго
основательнаго изученія древнихъ поэмъ, какъ, напримѣр
Моаллакъ, Гамазы, Дивана—шести поэтовъ, комментаторов
и старыхъ лексикографовъ. Иногда даже поэты ошибалис
въ употребленіи нѣкоторыхъ устарѣвшихъ словъ. Эта р
дившаяся во дворцахъ поэзія обращалась не къ народу,

ъ людямъ образованнымъ, вельможамъ и князьямъ. Могла-ли эзія, столь ученая, доставлять образцы смиреннымъ и не-жественнымъ кастильскимъ жонглерамъ? Что касается до агородныхъ трубадуровъ Прованса, то прекрасныя дамы, ры, турниры и война не оставляли имъ досуга, необхо-маго для многолѣтняго изученія арабскихъ стихотвореній. сказалъ: многолѣтняго, и не беру назадъ своего выраже-ія. Даже въ настоящее время можно найти много оріен-алистовъ, вполнѣ понимающихъ обыкновенный арабскій зыкъ историковъ, но ошибающихся почти на каждомъ шагу, огда дѣло идетъ о переводѣ стихотвореній. Языкъ поэтовъ ребуетъ особаго изученія. Тотъ, кто хочетъ свободно чи-ать арабскихъ поэтовъ, долженъ посвятить на это цѣлые оды. Языкъ поэзіи отличается, конечно, у всѣхъ народовъ ть языка прозы; но нигдѣ это различіе не обозначилось акъ рѣзко, какъ у арабовъ".

Къ подтвержденію мнѣнія Г. Дози служитъ отсутствіе овѣствовательныхъ произведеній у испанскихъ арабовъ, которыхъ почти исключительно процвѣтала лирика. На-шему автору извѣстны только два стихотворенія такого рода, е имѣющія, впрочемъ, ничего общаго съ романсами. У ара-овъ нѣтъ вовсе романсовъ, и предположеніе, что маври-анскіе романсы, „romans moriscos", переведены на испан-кій съ арабскаго, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Эти ычурныя произведенія принадлежатъ XVI и XVII столѣ-ямъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ дополнительныхъ при-ѣчаніяхъ къ нѣмецкому переводу „Исторіи испанской ли-ературы" Тикнора находятся любопытныя указанія на су-ествованіе у испанскихъ мавровъ чего-то въ родѣ народ-ой поэзіи. До сихъ поръ, на сѣверномъ берегу Африки, ангерскіе и тетуанскіе мавры поютъ пѣсни, содержащія въ ебѣ брань на жителей Кордовы и Гранады и другіе на-еки изъ временъ магометанскаго владычества надъ Пири-ейскимъ полуостровомъ. Лейденскому профессору были акже, повидимому, неизвѣстны многіе образцы повѣствова-ельной поэзіи у арабовъ, о которыхъ говорится въ выше-помянутыхъ примѣчаніяхъ. (Томъ II, стр. 680).

Пороки Сида были принадлежностью цѣлой касты, а не дного лица; въ глазахъ современниковъ они были вели-ими качествами. Непокорный вассалъ высказывалъ громко заявлялъ дѣлами образъ мыслей всего феодальнаго сосло-ія. Надобно, сверхъ того, сказать, что кастильское дворян-тво, далеко уступавшее въ силѣ и значеніи аррагонскому французскому, постоянно стремилось къ такому-же поло-

женію въ государствѣ. Тѣмъ большее сочувствіе внушалъ ему строптивый Родригъ, котораго вся жизнь прошла въ распряхъ съ Альфонсомъ VI. Стихотворная хроника и древнѣйшіе романсы съ особенною любовью указываютъ на эту сторону въ характерѣ Сида. Не заботясь объ исторической точности, они приписываютъ ему всѣ великія дѣла Фердинанда I, хотя настоящая дѣятельность Сида начинается уже при сыновьяхъ этого короля. Когда (говоритъ стихотворная хроника) императоръ германскій потребовалъ отъ Фердинанда присяги въ вѣрности, послѣдній не зналъ, что дѣлать, и горько жаловался на судьбу свою. Жалобъ этихъ никто не слушалъ. Наконецъ, онъ рѣшился послать за Родригомъ, который отвѣчалъ должнымъ образомъ на требованія германскаго императора и потомъ разбилъ соединенныя силы всѣхъ европейскихъ народовъ, грозившія его королю. Во время переговоровъ о мирѣ, Фердинандъ отправился съ Родригомъ, по словамъ той-же хроники, въ непріятельскій лагерь, гдѣ никто не могъ отличить короля отъ вассала. Фердинандъ предлагаетъ, наконецъ, Сиду престолъ свой, отъ котораго послѣдній отказывается.

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного истиннаго событія; тѣмъ не менѣе, онъ не лишенъ занимательности. Изъ него можно, съ одной стороны, видѣть древнѣйшее воззрѣніе на Сида, съ другой—особенное, можно сказать, ей исключительно принадлежащее свойство древней испанской поэзіи. Въ ней мало лирическихъ элементовъ; нѣтъ ничего мечтательнаго; она заимствуетъ свое содержаніе изъ сферы дѣйствительной, изъ исторіи. Но здѣсь воображеніе поэтовъ создаетъ, въ угоду народной гордости, небывалыя событія и не полагаетъ никакихъ границъ своимъ правамъ. Оно по своему передѣлываетъ исторію. Черезъ столѣтіе послѣ смерти Фердинанда I, его эпоха уже была совершенно преображена народными поэтами. Ему была предоставлена отчасти та-же роль, какую Карлъ Великій играетъ въ романахъ каролингскаго цикла. Сидъ замѣняетъ Роланда и Оливьера.

Мы видѣли отношенія Сида къ королю. Старинный романсъ поетъ также объ его поступкахъ съ папою.

Разсказъ, содержащійся въ этомъ романсѣ, принадлежитъ къ той-же сферѣ, къ которой относятся баснословныя войны Фердинанда I, его побѣда надъ германскимъ императоромъ и взятіе кастильцами Парижа. Сидъ никогда не былъ въ Римѣ. Свиданіе его съ папою— дѣло народнаго воображенія, которое приводило своего любимца въ соприкосновеніе со всѣми властями того времени. Замѣтимъ впрочемъ, что Сидъ

былъ исключительно представителемъ одного феодальнаго ословія: низшіе классы народа также присвоили его себѣ. нѣкоторымъ преданіямъ, мать Сида была простая посе-нка; по другимъ, отецъ его былъ мельникъ. Зятья его, фанты Каріонскіе, жаловались, по свидѣтельству романса, то, что имъ, сыновьямъ королей, родственникамъ импе-оровъ, пришлось жениться на дочеряхъ пахаря. Такимъ разомъ Сидъ принадлежитъ по рожденію двумъ сосло-мъ, къ которымъ преимущественно обращалась народная эзія. Поэты того времени, по вѣрному замѣчанію Дози, нглеры, переходили изъ замка въ замокъ, изъ деревни деревню и пѣли тамъ свои произведенія. Повидимому и мало посѣщали города, потому что горожане, вѣроятно ишкомъ занятые матеріальными интересами, рѣдко являются поэмахъ и романахъ. Жонглеры говорятъ только о дво-нахъ, да о крестьянствѣ—сословіяхъ, которыя, по поло-нію своему въ Кастиліи, были тѣсно между собою связаны за-одно поддерживали феодальныя начала. Отношенія стильскихъ городовъ были совсѣмъ другія: пользуясь зна-тельными муниципальными льготами, они очень рѣдко упали въ споръ съ монархическою властью и доставили въ эпоху Фердинанда и Изабеллы, своими ополченіями и германдадой, рѣшительный перевѣсъ надъ феодальнымъ рянствомъ.

Возьмемъ теперь другую сторону Сида, также смягченную ослѣдствіи. Всякому образованному читателю извѣстно, симъ страстнымъ и почтительнымъ любовникомъ является дъ въ романахъ позднѣйшаго происхожденія. Стихотвор-и хроника представляетъ его отношенія къ Хименѣ сов-мъ въ другомъ видѣ. Родригъ женился на ней противъ ственной воли, въ угоду королю, желавшему положить нецъ междоусобіямъ, которыхъ театромъ была Кастилія. акъ былъ, слѣдовательно, чисто политическій. Характеръ ной Химены не отличался въ началѣ особенною женствен-стью. Она отправляется ко дворю короля Фердинанда съ лобою на Родрига, убившаго ея отца и державшаго въ ѣну ея братьевъ. Король объясняетъ ей смутное положе-е государства и трудность наказать ея обидчика. Когда имена Гомецъ услышала эти слова, „ради Бога, государь“, казала она: —не сердитесь на меня за то, что я предложу амъ. Я вамъ покажу, какъ можно успокоить Кастилію и ругія государства ваши. Выдайте меня замужъ за Родрига, а того, кто убилъ отца моего“.

Мы совершенно согласны съ слѣдующими за[illegible]ми

г. Дози. Химена предлагаетъ свою руку Родригу не вс
ствіе пламенной страсти, а изъ чувства долга. Она не люб
Родрига, но жертвуетъ собою, ибо надѣется отвратить так
образомъ бѣдствія, угрожающія Кастиліи. Въ одномъ
древнѣйшихъ романсовъ проглядываетъ, впрочемъ, лич
чувство женщины, неясная надежда на счастье. „Тотъ,
надѣлалъ мнѣ такъ много зла, окажетъ мнѣ, быть може
добро“,—говоритъ она.—Родригъ сначала отвѣчаетъ отр
тельно на предложеніе Фердинанда вступить въ брак
Хименою, но потомъ женится и живетъ съ нею счастл
Чувство рыцарской любви къ женщинѣ и почтительное о
щеніе съ нею принадлежатъ, на-равнѣ съ чувствомъ ры
ской вѣрности государю, къ позднѣйшимъ явленіямъ с
невѣковой испанской жизни. XI-му вѣку они были п
неизвѣстны. Женщина въ тогдашней Испаніи была вѣ
подругою и отголоскомъ мнѣній мужа, а не идоломъ,
нимающимъ поклоненіе обожателей. Въ извѣстномъ с
неніи принца донъ Хуана Эммануила, въ „Графѣ Луканс
находится весьма любопытный разсказъ объ Альварѣ
нецѣ и его супругѣ. Одинъ изъ родственниковъ Аль
замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ подчиняется своей ж
доннѣ Васкуньянѣ. Донъ Альваръ обѣщалъ ему ск
отвѣтъ и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ съ нимъ и ж
на прогулку. Рыцари ѣхали впереди, дама слѣдовал
ними. На дорогѣ имъ встрѣтилось стадо коровъ, и
Альваръ сказалъ своему родственнику: „посмотрите, б
мой, какія у насъ здѣсь прекрасныя лошади“.—Какъ, л
ди? вѣдь, это коровы!“ — „Я боюсь не сошли-ли вы съ
братъ мой. Это настоящія лошади“. Рѣшеніе спора пр
ставлено было подъѣхавшей къ тому времени доннѣ
куньянѣ. Сначала ей самой показалось, что она видит
ровъ, но узнавъ мнѣніе мужа, тотчасъ съ нимъ согласи
ибо была увѣрена, что онъ никогда не ошибается. Нѣско
разъ во время прогулки повторилъ донъ Альваро
опытъ съ однимъ и тѣмъ-же успѣхомъ, и тѣмъ дока
бѣдному родственнику, который начиналъ сомнѣватьс
свидѣтельствѣ собственныхъ глазъ, неосновательность
предположеній. Отсюда произошла испанская погов
когда мужъ говоритъ, что ручей течетъ обратно къ и
нику, добрая жена должна ему вѣрить и съ нимъ с
шаться. Въ древнѣйшихъ памятникахъ поэзіи Химена
ходитъ на донну Васкуньяну. Особенно въ поэмѣ о
хорошо обрисованы ея покорность и безграничная пре
ность волѣ супруга. Отъ нея вѣетъ нравственной чист

удаляющей возможность всякаго сравненія съ героинями бретанскаго цикла, которыя безъ зазрѣнія совѣсти отдаютъ руку убійцѣ отца или супруга, уступая голосу любви. Для нихъ не существуетъ понятій о долгѣ и нравственныхъ приличій. Г. Дози полагаетъ, что романы бретанскаго цикла не имѣли успѣха въ Испаніи по причинѣ господствующаго въ нихъ воззрѣнія на женщинъ.

Къ числу самыхъ характеристическихъ эпизодовъ поэтической біографіи Сида принадлежитъ сватовство и женитьба инфантовъ коріонскихъ на его дочеряхъ. Сватомъ былъ самъ король Альфонсъ VI. Нехотя согласился Сидъ исполнить волю короля и выдалъ дочерей за инфантовъ.

„Сидъ мой жилъ въ Валенціи со всѣми вассалами своими; при немъ находились оба зятя его, инфанты коріонскіе. Тогда, знайте это,—случилось очень нехорошее происшествіе. Левъ сорвался съ цѣпи, которою онъ былъ прикованъ, и вышелъ изъ клѣтки. Тѣ, которые стояли на дворѣ, исполнены страха; спутники Кампеадора обернули руки, вмѣсто щитовъ, плащами: они окружаютъ кровать и не хотятъ покинуть своего господина. Фернандъ Гонзалецъ *) не зналъ, куда спрятаться. Онъ не нашелъ двери ни въ комнату, ни въ башню; страхъ его былъ такъ великъ, что онъ забился подъ кровать. Діего Гонзалесъ выскочилъ въ дверь, крича: „никогда не видать мнѣ болѣе Коріона!“ Испуганный, онъ спрятался за давильную (винограда) и вымаралъ свой плащъ и панцырь. Тогда проснулся тотъ, кто родился въ благопріятный часъ. Онъ видитъ своихъ храбрыхъ воиновъ около кровати своей.—„Что случилось съ вами, товарищи, чего хотите вы?“—„Ахъ, многоуважаемый господинъ, левъ насъ засталъ въ расплохъ“. Но Сидъ сперся на локоть и всталъ. Накинувъ плащъ на плечи, онъ прямо пошелъ ко льву. Когда левъ завидѣлъ его, ему стало стыдно передъ Сидомъ: онъ склонилъ голову. Мой Сидъ, донъ Родригъ, взялъ его за гриву, отвелъ въ клѣтку и заперъ. Всѣ бывшіе тамъ удивлялись; оставивъ дворъ, они возвратились потомъ въ палаты. Сидъ позвалъ зятьевъ своихъ, но ихъ не могли отыскать; ихъ зовутъ, но они не откликаются; наконецъ, ихъ нашли, и они явились. Оба были очень блѣдны. Никогда не придется вамъ слышать такихъ насмѣшекъ, какія говорились въ то время. Мой Сидъ Кампеадоръ не позволялъ болѣе смѣяться надъ зятьями, но инфанты коріонскіе

*) Одинъ изъ инфантовъ. Его не должно смѣшивать съ Фернандомъ Гонзалецомъ, который сдѣлался героемъ отдѣльнаго цикла романсовъ.

считали себя жестоко оскорбленными; они пришли въ бѣшенство отъ того, что съ ними случилось".

Вскорѣ послѣ приключенія со львомъ, Родригъ одержалъ большую побѣду надъ маврами. Инфанты не показали особеннаго мужества въ битвѣ, однако, они получили на свою долю хорошую часть добычи. Тогда они рѣшились воротиться домой съ супругами своими. Родригъ согласился ихъ отпустить и далъ имъ въ провожатые племянника своего Фелеца Муніоса. При самомъ началѣ путешествія, коріонскіе инфанты обнаружили вполнѣ свое коварство: они хотѣли убить и ограбить богатаго мавра, Сидова друга, у котораго нашли гостепріимный пріемъ. Но у нихъ были еще худшіе замыслы, которые они намѣрены были привести въ исполненіе въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь остановились на ночлегъ инфанты. На разсвѣтѣ они отправили впередъ свою свиту и остались наединѣ съ своими супругами. Въ надеждѣ на безнаказанность, вѣроломные рыцари высказали дочерямъ Сида свою ненависть и желаніе отомстить за обиды, нанесенныя имъ въ Валенціи. Бѣдныя жены умоляютъ инфантовъ отрубить имъ головы знаменитыми мечами Коладою и Тизономъ, которые Сидъ далъ зятьямъ, снаряжая ихъ въ дорогу. Предатели не слушаютъ моленій и до изнеможенія бьютъ женъ своихъ шпорами и ремнями. Когда жертвы ихъ жестокости перестали уже кричать отъ боли, инфанты оставили ихъ лѣснымъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, а сами пустились въ дальнѣйшій путь. Но вѣрный Фелецъ Муніосъ видѣлъ издали поступокъ инфантовъ и во-время явился на помощь двоюроднымъ сестрамъ. Онъ привелъ ихъ въ чувство, напоилъ холодной водой и, посадивъ на своего коня, вывелъ изъ лѣса. Когда Сидъ узналъ о томъ, что случилось, „онъ долго думалъ и молчалъ. Потомъ онъ поднялъ руку и коснулся ею бороды своей. Хвала Христу, Владыкѣ міра! Инфанты коріонскіе оказали мнѣ большую честь. Клянусь этою бородою, до которой никто не дотрогивался, инфанты недолго будутъ радоваться своему дѣлу. Я съумѣю выдать дочерей моихъ замужъ".

Сидъ дѣйствительно отомстилъ зятьямъ своимъ; они принуждены были отдать назадъ богатое приданое, мечи Коладу и Тизона, и всенародно сознаться въ безчестномъ поступкѣ. Дочери Сида вышли вторично замужъ за инфантовъ наварскаго и аррагонскаго. Г. Дози полагаетъ, что жонглеръ, которому мы обязаны поэмою о Сидѣ, руководился въ этомъ эпизодѣ личною ненавистью къ двумъ знатнымъ фамиліямъ Гомесъ и коріонскихъ инфантовъ. Трудно доказать вѣрность

ого предположенія. Для насъ важнѣе всего черты жесто-
хъ феодальныхъ нравовъ, которыхъ представителями яви-
сь коріонскіе инфанты. Прибавимъ сверхъ того, что въ
эмѣ о Сидѣ нравы и обычаи настоящіе выставлены не
съ рѣзко и сурово, какъ въ стихотворной хроникѣ, ко-
рая, очевидно, ближе къ народному преданію.

Мы привели выше нѣсколько историческихъ свидѣ-
льствъ, изъ которыхъ видно, что Родригъ не всегда строго
держалъ данное слово. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ
съ-же отступаетъ, какъ и во многихъ другихъ, отъ правилъ
царской чести. Но современники едва-ли ставили ему въ
оръ эту черту, о которой не безъ удовольствія упоминаютъ
этическіе памятники. Когда изгнанный Сидъ выѣзжалъ
з Бургоса (разсказываетъ поэма о немъ), ему понадо-
лись деньги. Онъ велѣлъ набить пескомъ два большіе
ндука и обманулъ двухъ бургонскихъ евреевъ, которымъ
ложилъ эти ящики за 600 марокъ. Евреи повѣрили ему
слово, приняли песокъ вмѣсто обѣщанныхъ драгоцѣн-
стей и обязались не открывать сундуковъ въ теченіе цѣ-
ого года. Позднѣйшій поэтъ, излагая этотъ случай, при-
бляетъ, что въ этихъ ящикахъ хранилось „злато Сидова
ва“. У жонглера XIII столѣтія вовсе нѣтъ такихъ по-
тій. Онъ просто разсказываетъ происшествіе, въ которомъ,
его мнѣнію, обнаруживались умъ и хитрость кастиль-
ого героя. Вообще, честность и правдолюбіе не считались
Пиринейскомъ полуостровѣ, въ эпоху Сида, необходи-
ми принадлежностями феодальнаго воина. Здѣсь видно
яніе магометанскихъ нравовъ. „Воевать—значитъ обма-
вать“,—сказалъ Магометъ.—Когда Родригъ жилъ въ
ленціи, онъ, по словамъ Ибн-Бассана, заставлялъ себѣ
тать сказанія о подвигахъ арабовъ. Никто изъ маго-
ганскихъ вождей не возбуждалъ въ немъ такого вос-
ога и не внушалъ къ себѣ такого участія, какъ Аль-
халабъ, прозванный лжецомъ. Къ этому Мохалабу обра-
лся современный арабскій поэтъ съ слѣдующимъ сти-
мъ: „Ты былъ-бы благороднѣйшій изъ витязей, еслибъ
имѣлъ привычку говорить правду“. Упрекъ поэта не
мрачилъ, повидимому, чести арабскаго героя. Г. Дози при-
дитъ о немъ другое, болѣе положительное и согласное съ
деями той эпохи свидѣтельство: „Аль-Мохалабъ былъ уче-
ый знатокъ корана; ему извѣстны были слова пророка, ска-
вшаго, что всякая ложь будетъ сочтена за таковую, за
ключеніемъ трехъ случаевъ: лжи, сказанной для прими-
нія двухъ ссорящихся; лжи мужа, обѣщающаго что-ни-

будь женѣ своей, и лжи воина, произносящаго угрозы предъ битвою".

Во всеобщей хроникѣ Альфонса X характеръ Сида является намъ уже нѣсколько смягченнымъ. Король-лѣтописецъ не могъ питать сочувствія къ мятежному вассалу и охотно приводитъ заимствованныя имъ изъ арабскихъ источниковъ показанія о жестокости Сида. Зато онъ изображаетъ его отношенія къ Альфонсу VI въ лучшемъ и болѣе приличномъ настоящему рыцарству видѣ, чѣмъ стихотворная хроника и даже поэма.

По мѣрѣ укрѣпленія въ Испаніи монархическихъ понятій и рыцарскихъ идей, составители романсовъ болѣе и болѣе стираютъ суровыя черты настоящаго Сида и приближаютъ его къ своей эпохѣ. Эти романсы вытѣснили изъ народнаго употребленія другіе, болѣе древніе памятники поэзіи, въ которыхъ дѣйствительность отразилась чище и вѣрнѣе. Можно сказать, что исторія и поэзія дѣйствовали въ этомъ случаѣ за-одно. Историческія компиляціи XVI и XVII столѣтій, упоминающія о Сидѣ, возникли подъ вліяніемъ идей, совершенно чуждыхъ XI вѣку. Даже Филиппъ II увлекся общимъ направленіемъ и питалъ глубокое уваженіе къ памяти представителя строптивой аристократіи, которая такъ долго задерживала въ Испаніи прочное укрѣпленіе монархическаго начала.

Оканчивая обзоръ прекрасной книги г. Дози, мы подѣлимся съ нашими читателями пріятнымъ извѣстіемъ о его намѣреніи издать полную исторію средневѣковой Испаніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ выполнить эту задачу съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ. Да будетъ намъ позволено еще выразить одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, занимательностью содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XIII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиринейскаго полуострова въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи?

Нѣсколько словъ о покойномъ Николаѣ Григорьевичѣ Фроловѣ.

Четвертый томъ „Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій“ выходитъ въ свѣтъ по смерти издателя, приготовившаго его къ печати и на смертномъ одрѣ выправлявшаго корректурные листы послѣднихъ статей. Друзья покойника, принявшіе на себя обязанность продолжать начатое имъ предпріятіе, нашли этотъ томъ совершенно готовымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является на судъ читателей. Дѣло ихъ, слѣдовательно, впереди.

Но съ принятою ими на себя обязанностью соединена другая, къ сожалѣнію, не всегда выполняемая у насъ въ Россіи. Сколько благородныхъ и заслуженныхъ дѣятелей всякаго рода сошло у насъ въ могилу, не вызвавъ своею смертью признательной и безпристрастной оцѣнки совершенныхъ ими трудовъ! Люди близкіе какъ-будто совѣстятся говорить о дорогомъ для нихъ покойникѣ; посторонніе, которымъ нечего бояться упрека въ лицепріятіи, при самомъ искреннемъ желаніи сказать что-нибудь, должны молчать по недостатку свѣдѣній. А, между тѣмъ, ничто не даетъ человѣку такой твердости въ исполненіи обязанностей, ничто такъ не укрѣпляетъ его въ трудѣ и честной борьбѣ, какъ увѣренность въ томъ, что по смерти его ему воздано будетъ должное, и что посильная дѣятельность его найдетъ благодарныхъ цѣнителей.

Николай Григорьевичъ Фроловъ родился въ исходѣ 1812 года. На седьмомъ году отъ рожденія, онъ уже поступилъ въ пажескій корпусъ, куда былъ принятъ по Высочайшему повелѣнію, въ уваженіе заслугъ отца его, храбраго воина, убитаго въ чинѣ генералъ-майора, подъ Полоцкомъ. Въ 1830 году, Фроловъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Онъ любилъ службу и зани-

мался ею съ тою добросовѣстностью, которая составляла отличительную черту его характера. Несмотря на то, онъ вышелъ черезъ четыре года въ отставку. Побудительнымъ поводомъ къ этому поступку, на который онъ рѣшился не безъ борьбы съ самимъ собою, была горячая потребность высшаго образованія. не дававшая ему покоя. Онъ уѣхалъ въ Дерптъ, а оттуда въ Германію, гдѣ провелъ около пяти лѣтъ въ постоянной работѣ. Тамъ встрѣтилъ онъ первую супругу свою (Е. П. Галахову), женщину необыкновенно умную и просвѣщенную, вліяніе которой окончательно утвердило его въ намѣреніи посвятить себя наукѣ. Трудность заключалась въ выборѣ предмета занятій. Любознательность Фролова долго не позволяла ему остановиться на одной какой-нибудь отрасли знанія и требовала самой разнородной пищи. Съ этою цѣлью онъ въ 1837 году поселился въ Берлинѣ и слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы исторіи, философіи, права и естественныхъ наукъ. Многія изъ ученыхъ знаменитостей, которыми въ то время такъ богатъ былъ Берлинъ, знали лично Фролова, цѣнили надлежащимъ образомъ его благородныя стремленія и помогали ему своими совѣтами. Но планъ, по которому онъ трудился, былъ слишкомъ обширенъ и потому не могъ быть выполненъ. Къ счастью, Фроловъ умѣлъ во-время остановиться: изъ разнообразныхъ занятій своихъ онъ вынесъ не пресыщеніе и усталость, а многосторонне развитый умъ и непоколебимую вѣру въ достоинство всѣхъ частей науки. Въ лекціяхъ знаменитаго Риттера онъ, наконецъ, нашелъ то, чего онъ такъ долго и такъ жадно добивался. Эти лекціи опредѣлили всю его послѣдующую дѣятельность. Въ бумагахъ покойника сохранились слѣды его юношескихъ думъ и исканій. Неустановившіяся, бродившія въ немъ идеи искали себѣ выхода и выраженія; онъ много писалъ въ этотъ періодъ своей жизни, но писалъ для себя и для немногихъ близкихъ ему людей. Всѣ эти опыты проникнуты чистою любовью къ добру и къ истинѣ. Видно, что вниманіе молодого писателя рано остановилось на вопросахъ, которые не переставали занимать его до самой кончины. Развалины Картезіанскаго монастыря, близъ Павіи, внушили ему горячо прочувствованную статью объ отношеніи жизни созерцательной къ жизни дѣятельной. Результатомъ посѣщенія Женевской тюрьмы было цѣлое изслѣдованіе, обнаруживающее не одно участіе къ предмету, но и добросовѣстное изученіе всѣхъ исправительныхъ системъ, какія въ то время были въ ходу.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Россіи, болѣзнь

уги, вскорѣ потомъ умершей, побудила Фролова снова нуть родину и провести еще нѣсколько лѣтъ за гра-ю. Испытанный горькими личными утратами, онъ крѣпче язался къ наукѣ, надежной цѣлительницѣ душевныхъ . Онъ много путешествовалъ, видѣлъ большую часть пы и учился не по однѣмъ книгамъ, заготовляя мате-ы для будущихъ скромныхъ, съ цѣлью общей пользы, извѣстности задуманныхъ имъ трудовъ. Когда вышелъ ый томъ „Космоса", Фроловъ тотчасъ принялся за пе-дъ этого творенія, которымъ великій естествоиспытатель ошалъ свое поприще. Три тома русскаго перевода моса" давно находятся въ рукахъ нашей публики. Они кены пояснительными дополненіями и примѣчаніями, ыхъ нѣтъ въ подлинникѣ и которыя свидѣтельствуютъ дкомъ трудолюбіи и добросовѣстности переводчика. хъ того, Фроловъ намѣревался приложить къ своему воду полное обозрѣніе дѣятельности Александра Гум-дта, въ которую, можно сказать, входитъ вся исторія твенныхъ наукъ съ конца прошлаго столѣтія. Но этотъ ь, изъ котораго извлечено было нѣсколько статей, по-енныхъ въ „Современникѣ", не удовлетворилъ самого а, много разъ возвращавшагося къ нему съ новымъ мъ и оставившаго въ бумагахъ своихъ только, неза-о до смерти, снова написанную исторію первыхъ путе-вій Гумбольдта.

ь 1847 года Фроловъ постоянно жилъ въ Россіи. Посе-ись въ Москвѣ, гдѣ у него былъ немногочисленный, орячо любившій и уважавшій его кругъ друзей, онъ, отря на новыя, поразившія его несчастья и потери, ся вѣренъ дѣлу, которому думалъ посвятить всѣ силы Понимая вполнѣ значеніе сравнительнаго землевѣдѣнія, нняго почти на глазахъ нашихъ Гумбольдтомъ, Риттеромъ съ даровитыми послѣдователями, онъ хотѣлъ участво-въ перенесеніи на русскую почву этой еще новой и у столь мало извѣстной науки. Въ эти планы и надежды ходили никакіе разсчеты личнаго самолюбія. Источни-ихъ было чувство, которое мы смѣло позволимъ себѣ ть гражданскимъ. Способный понимать науку въ ея стоятельномъ, независимомъ величіи, покойный другъ смотрѣлъ не нее преимущественно съ точки зрѣнія зы, какую она можетъ принести Россіи. Вотъ, откуда алъ онъ свое неослабное рвеніе. Онъ очень хорошо ь, что труды собирателя и переводчика ученыхъ сочи-ї обращаютъ на себя мало вниманія и не даютъ правъ

на почетную извѣстность, но это не мѣшало ему работать до изнеможенія.

Русское Географическое общество, къ числу членовъ котораго принадлежалъ Н. Г. Фроловъ, неоднократно обращалось къ нему съ предложеніями, доказывающими довѣріе, какимъ онъ пользовался со стороны людей, наиболѣе способныхъ къ вѣрной оцѣнкѣ его трудовъ и знаній. Ему, между прочимъ, предложено было взять на себя редакцію географическаго словаря Русской Имперіи. Недовѣріе къ собственнымъ силамъ побудило Фролова отклонить отъ себя это порученіе. Слѣдя съ живымъ участіемъ за блестящею и обширною дѣятельностью Географическаго общества, онъ надѣялся служить ему частными изданіями, направленными къ той-же цѣли и проникнутыми тѣмъ-же духомъ. Такимъ образомъ родилась въ немъ мысль о „Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій“, съ дополненіями, имѣвшими состоять изъ „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“. Обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли издателя, не позволили ему осуществить вполнѣ свои предположенія. Съ 1852 года вышло три тома „Магазина“. Многочисленные, частью совершенно готовые, частью заказанные матеріалы для „Собранія старыхъ и новыхъ путешествій“, войдутъ въ „Магазинъ“ особеннымъ отдѣломъ. Друзья покойника исполнятъ свято его волю и постараются вполнѣ передать публикѣ все то, что онъ такъ заботливо и безкорыстно для нихъ готовилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, безкорыстнѣе и самоотверженнѣе Фролова нельзя было дѣйствовать. Онъ жертвовалъ деньгами, временемъ, наконецъ, даже здоровьемъ, безъ всякихъ надеждъ на личное вознагражденіе. Кромѣ общей пользы, у него ничего не было и не могло быть въ виду. Цѣна, положенная имъ за его книги, была такъ незначительна, что, даже въ случаѣ самой успѣшной продажи, она не въ состояніи была бы покрыть издержки изданія. Назначивъ высокую плату за оригинальныя статьи, онъ надѣялся дать молодымъ талантливымъ ученымъ возможность трудиться надъ любимою его наукою. Богатая книгами и географическими картами, собранная имъ еще въ то время, когда денежныя средства его были крайне ограничены, библіотека предоставлялась свободному пользованію всѣхъ участниковъ въ „Магазинѣ“.

Первый томъ „Магазина“ былъ довольно холодно принятъ журнальною критикою и читателями. Намъ кажется, что причина этой неудачи заключается въ пестротѣ статей, рѣзко переходящихъ отъ строго ученаго къ чисто популярному способу изложенія. Отсюда происходитъ какая-то не-

опредѣленность въ характерѣ цѣлой книги. Тѣмъ не менѣе, она содержитъ въ себѣ нѣсколько статей истинно превосходныхъ, которыхъ было-бы достаточно для успѣха всякаго ученаго сборника. Второй и третій томы были счастливѣе перваго. Изъ нихъ видно, что Фроловъ пріобрѣлъ большую опытность въ своемъ дѣлѣ и вѣрнѣе сталъ понимать дѣйствительныя потребности русской публики. Въ предисловіи ко второму тому, составленному изъ переводовъ географическихъ статей Риттера и „Воззрѣній на природу" Александра Гумбольдта, издатель ясно высказалъ мысль, заставлявшую его такъ часто обращаться къ иностраннымъ литературамъ. „Вносить въ отечественную словесность произведенія чуждыхъ литературъ,—говоритъ онъ:—значитъ дѣлать ее соучастницею въ движеніи всемірной литературы. Черезъ это созданія человѣческой мысли расширяютъ свой кругъ дѣйствія, пріобрѣтаютъ, внѣ своей тѣсной родины, новое отечество и, подъ другимъ небомъ, воздѣлываемыя другою рѣчью, приносятъ новые плоды. Чужеземныя творенія только переложеніемъ на народный языкъ дѣлаются истиннымъ достояніемъ нашей отечественной почвы и могутъ на ней плодотворно переработываться; испытуемыя, повѣряемыя нашимъ роднымъ говоромъ, только помощью изящнаго переводнаго языка эти творенія соглашаются съ нашимъ народнымъ духомъ, приспособляются къ потребностямъ народной образованности, входятъ въ умственное обращеніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ приносятъ и всемірно-историческое мѣрило для нашихъ туземныхъ литературныхъ произведеній". Эти слова, опредѣляя точку зрѣнія самого Фролова, могутъ въ то-же время служить превосходнымъ отвѣтомъ на толки людей, утверждающихъ, что намъ не для чего переводить ученыя творенія Запада, потому что тѣ, кого занимаетъ содержаніе подобныхъ книгъ, читаютъ ихъ въ подлинникѣ, а другимъ онѣ вовсе не нужны.

По поводу перевода географическихъ статей Риттера намъ случалось слушать другія, столь-же основательныя и дѣльныя возраженія, къ сожалѣнію, находящія всегда готовый отголосокъ въ массѣ, такъ называемыхъ, любителей *легкаго чтенія*. По мнѣнію многихъ, издатель „Магазина" не долженъ былъ-бы помѣщать въ своемъ изданіи статей до такой степени неясныхъ и трудныхъ. Ихъ, по крайней мѣрѣ, надобно было-бы передѣлать, приноровить къ свойствамъ русскаго ума, который по всемъ любитъ ясность и простоту,—говорили критики, которыхъ мы имѣемъ въ виду.—Но трудность пониманія Риттеровыхъ статей существуетъ въ равной степени

для нѣмца и для русскаго, на обоихъ языкахъ. Эта трудность состоитъ не столько въ тяжеломъ изложеніи, сколько въ новизнѣ идей, къ которымъ мы еще не успѣли привыкнуть и для яснаго уразумѣнія которыхъ необходимы многостороннія свѣдѣнія. Въ настоящее время, этихъ глубокомысленныхъ теорій никакъ нельзя сдѣлать популярными и общедоступными, по той причинѣ, что онѣ не вполнѣ выработались и не представляютъ замкнутаго въ себѣ цѣлаго. Мы должны пока принимать идеи Риттера въ той формѣ, въ какой онѣ вышли и выходятъ изъ-подъ пера геніальнаго географа, не посягая на эту форму, которую еще трудно отдѣлить отъ содержанія. Печатая переводъ Риттеровыхъ изслѣдованій, Фроловъ имѣлъ въ виду не большинство читателей, которымъ онъ въ той-же книгѣ далъ самое изящное изъ твореній Гумбольдта, а тѣхъ немногочисленныхъ, но горячихъ, разсѣянныхъ по разнымъ концамъ нашего отечества *пруженниковъ*, до которыхъ никогда не дойдетъ подлинникъ Риттера. И если нѣмецкая мысль, прикосновеніемъ своимъ къ одному изъ такихъ, вдали отъ центровъ просвѣщенія изнывающихъ русскихъ умовъ, оплодотворитъ его и подвинетъ къ самостоятельной дѣятельности на поприщѣ юнаго землевѣдѣнія, то цѣль, которую поставилъ себѣ издатель „Магазина“, будетъ вполнѣ достигнута и трудъ его богато вознагражденъ. Знакомый съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ и съ ихъ литературою, Фроловъ твердо шелъ своей дорогой, прислушиваясь къ мнѣнію настоящихъ цѣнителей и не обращая вниманія на дешевые совѣты придирчиваго и взыскательнаго диллетантизма.

Третій томъ, въ которомъ помѣщено много статей, написанныхъ русскими учеными, служитъ доказательствомъ, что предпріятіе Фролова было по достоинству оцѣнено представителями нашего просвѣщенія. Со всѣхъ сторонъ: изъ Сибири, съ Кавказа, получалъ онъ письма съ предложеніями сотрудничества, матеріаловъ. Нельзя было не радоваться такому, можно сказать, съ боя взятому успѣху. Но эта радость была не продолжительна. Часть полученныхъ писемъ осталась безъ отвѣта. Въ то самое время, когда передъ нимъ расширялось поприще благотворной и отрадной дѣятельности, когда ему, повидимому, предстояло успокоеніе послѣ испытанной тяжкими страданіями жизни, Богу угодно было положить конецъ этой жизни. Фроловъ скончался 15-го января 1855 года, на 43-мъ году отъ рожденія, въ Черниговскомъ имѣніи своей супруги. Онъ умеръ спокойно, съ твердымъ сознаніемъ своего положенія и съ неохладѣвшимъ

участіемъ ко всему, что любилъ въ дни молодости и здоровья. Только съ послѣднимъ біеніемъ сердца, затихла въ немъ потребность дѣлать добро и приносить пользу.

Слово труженикъ у насъ давно получило ироническое, оскорбительное для того, къ кому оно относится, значеніе. А между тѣмъ это слово выражаетъ рѣдкое въ высшей степени благородное свойство. Гордясь богатыми дарами, которыми природа такъ щедро надѣлила русскаго человѣка, въ особенности его способностью исправлять въ нѣсколько часовъ упущенія, происходящія отъ цѣлыхъ мѣсяцевъ лѣни и праздности, мы какъ-будто свысока смотримъ на всякую упорную и непрерывную дѣятельность. Мы готовы называть труженикомъ каждаго, кто подчинилъ свой день извѣстному, неизмѣнному порядку, и никогда не откладываетъ до завтра то, что онъ долженъ сдѣлать сегодня. Къ числу такихъ тружениковъ принадлежалъ Фроловъ. Природа не обидѣла его дарами своими, обстоятельства часто давали ему возможность пользоваться совершеннымъ досугомъ; но онъ носилъ въ душѣ непреклонное, до жестокости доходившее чувство долга. Умирая, онъ имѣлъ право сказать, что сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать въ предѣлахъ отмѣренной ему Провидѣніемъ жизни. Такое сознаніе было для него тѣмъ утѣшительнѣе, что онъ глубоко вѣрилъ въ нравственную силу просвѣщенія, которому такъ честно и безкорыстно служилъ съ ранней молодости своей.

1855-й годъ богатъ утратами для Россіи. Передъ славными кончинами севастопольскихъ защитниковъ блѣднѣетъ тихая, хотя мужественная смерть скромнаго труженика науки. Но его отсутствіе будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія ввѣрила знамя своей образованности.

Лекціи изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго *).

I.

Введеніе въ исторію среднихъ вѣковъ.

Предметомъ настоящаго чтенія будетъ исторія среднихъ вѣковъ. Вамъ извѣстно, что этимъ именемъ называется отдѣленіе, содержащее въ себѣ около десяти вѣковъ отъ исхода V до исхода XV или начала XVI. Самое названіе среднихъ вѣковъ есть недавнее: не ранѣе какъ въ началѣ прошлаго столѣтія нѣмецкій ученый Лёщеръ написалъ сочиненіе о смутныхъ временахъ папства, когда три знаменитыя женщины располагали папскою тіарою; этой монографіи онъ предпослалъ краткое введеніе, въ которомъ употребилъ означенное выраженіе. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того онъ написалъ обстоятельный обзоръ исторіи среднихъ вѣковъ подъ названіемъ: „Geschichte der mittleren Zeit". Съ этихъ поръ и принято въ обыкновеніе подраздѣлять христіанскую исторію на среднюю и новую; но это дѣленіе совершенно произвольное и отнюдь не научное. Собственно, средній вѣкъ не представляетъ такой законченности, какой вправѣ мы отъ него требовать. Конечно, событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI, очень важны и отдѣляютъ вѣка предыдущіе отъ послѣдующей исторіи, но отдѣляютъ не столь рѣзко, чтобы могли служить рубежами. Между средними вѣками и новой исторіей существуетъ внутренняя связь—связь религіозная. Нельзя по этой причинѣ проводить такой рѣзкой границы между христіанскими народами и вслѣдствіе того нельзя подраздѣлять исторію этихъ народовъ на два отдѣла, насильственно разрывать между ними ту внутреннюю духовную связь, которая единитъ собою средніе и новые вѣка, которая лежитъ въ основѣ и

*) Напечатаны въ 1862 г. въ журналѣ „Время".

характерѣ всѣхъ христіанскихъ обществъ. Самыя границы между исторіей среднихъ вѣковъ и древней исторіей не совершенно опредѣлены. Обыкновенно принимаютъ за рубежъ между этими отдѣлами исторіи принятіе христіанской вѣры Константиномъ Великимъ, другіе—паденіе западной римской имперіи. Въ сущности, всѣ эти подраздѣленія не имѣютъ большой важности: великій отдѣлъ исторіи, составляющій самъ по себѣ органическое цѣлое, не заключается однимъ какимъ-либо событіемъ или годомъ; нельзя сказать, что такимъ-то годомъ заключается древняя исторія и начинается средняя: между той и другой лежитъ неопредѣленное пространство времени, которое обыкновенно называютъ переходнымъ. Не вдругъ умерло язычество, и не вдругъ явилось христіанство, и не вдругъ оно побѣдило язычество. Эта-то борьба между христіанствомъ и язычествомъ и составляетъ содержаніе переходной эпохи; ее можно начать съ паденія римской республики и окончить Карломъ Великимъ. Еще въ большемъ объемѣ можно сказать, что всѣ средніе вѣка представляются какъ переходная эпоха между древнимъ, вполнѣ замкнутымъ историческимъ развитіемъ и новымъ, въ которомъ мы живемъ. Здѣсь совершается разработка древнихъ и новыхъ элементовъ; здѣсь связуется новое съ древнимъ. Впродолженіи всей средней исторіи мы замѣчаемъ постоянное броженіе идей, какіе-то фантастическіе замыслы, никогда недостигаемые. Съ одной стороны античный міръ глубоко укоренился въ духѣ народовъ, а съ другой стороны уже возникалъ элементъ германскій и христіанскій. Отсюда-то безпорядочное, хаотическое броженіе, которымъ отличается средневѣковое общество. Правильнѣе было-бы раздѣлить исторію на два отдѣла: языческій—древняя исторія и христіанскій—новая; но мы должны подчиниться господствующему, хотя несовершенно вѣрному раздѣленію, и излагать исторію среднихъ вѣковъ, какъ нѣчто особенное. Но нельзя сказать, что это переходное время не отмѣчено особенными, ему принадлежащими признаками, о которыхъ я и упомяну.

Вамъ извѣстно, какимъ театромъ ограничивалась древняя исторія, гдѣ именно совершались ея событія. Оставивъ въ сторонѣ Китай и Индію, имѣвшихъ, конечно великое значеніе въ исторіи рода человѣческаго, мы должны положительно сказать, что этимъ театромъ были берега Средиземнаго моря. Здѣсь жили главные народы древняго міра; къ Средиземному морю прилегали персидская монархія, историческіе народы Африки; сюда выдавались полуострова южной Европы: Греція, Италія, Пиринейскій полуостровъ;

все остальное лежало какъ-бы внѣ исторіи. Но строго говоря, мы еще расширили рубежи древняго міра. Галлія вошла въ составъ римскаго міра уже при паденіи римской республики. Къ сѣверу отъ Рима жили народы, которые уже давно стучались въ ворота римской имперіи, но не пускались на завоеванія—это племена германскія и славянскія. Значительная часть земного шара—Америка, еще не существовала для человѣчества, пятая-же часть свѣта завоевана европейскими мореплавателями уже въ XVIII столѣтіи. Слѣдовательно, самый театръ древняго міра отличенъ отъ того, на которомъ совершались событія среднихъ вѣковъ. Не только вся Европа входила въ составъ историческихъ дѣятелей, но и Азія тѣснѣе примкнула къ Европѣ вслѣдствіе религіозной системы, тамъ возникшей, вслѣдствіе большого общенія между народами: одни уже крестовые походы положили основу несокрушимыхъ связей.

Далѣе, народы древняго міра рѣзко отдѣлялись одни отъ другихъ не только учрежденіями, племенными особенностями и языкомъ, но и религіозными вѣрованіями, которыя представляли удивительную пестроту и разнообразіе; и всѣ эти религіозныя системы стояли въ враждебныхъ отношеніяхъ между собою; и люди, и боги принимали участіе въ этихъ распряхъ. Отсюда истекаетъ этотъ безпощадный характеръ античныхъ войнъ: сами боги оправдывали эту жестокость. Когда Римъ соединилъ въ одномъ Пантеонѣ всѣ божества древности, то этимъ высказалъ только распаденіе античныхъ религіозныхъ идей, подобно тому, какъ распадалось нравственное и политическое могущество древняго міра. На другой почвѣ, подъ вліяніемъ высшихъ началъ должно было совершиться примиреніе рода человѣческаго—сліяніе его въ одну семью, хотя конечный результатъ его не совершился еще и теперь. Такого разнообразія, такой пестроты мы не встрѣтимъ въ средней исторіи. Двѣ господствующія религіозныя системы возникли въ Азіи и раздѣлили міръ на двѣ половины: христіанство и исламъ. Большая часть среднихъ вѣковъ наполнена борьбами между христіанствомъ и исламомъ. Христіанство, изъ Палестины распространившееся за западъ и проникшее ко всѣмъ народамъ европейскаго материка, связало эти народы и дало Европѣ тотъ духъ единства, на которомъ основывается превосходство ея надъ остальными частями свѣта; въ христіанствѣ лежатъ начала и основаніе общей европейской образованности. Черезъ шесть вѣковъ послѣ христіанства въ Аравіи возникъ исламъ. Способъ распространенія ислама былъ совершенно другой, не-

жели какой употреблялся при распространеніи христіанства: онъ разносился на остріѣ меча арабовъ. Начало ислама отличено успѣхами его. Съ неслыханною быстротою онъ распространился въ Азіи, Африкѣ и даже Европѣ угрожалъ опасностью съ Пиринейскаго полуострова и изъ Византіи; но успѣхи были непродолжительны, ибо исламъ носилъ въ себѣ условія разложенія; христіанство-же обладало кромѣ высшаго начала еще большими преимуществами. Борьба оказалась неравною. Сначала христіанство должно было повидимому уступить; и хотя исламъ завоевалъ нѣкоторыя христіанскія земли: Сирію, Малую Азію, сѣверную Африку, перешелъ на Пиринейскій полуостровъ, но въ концѣ среднихъ вѣковъ начинается обратное движеніе завоеваній, и онъ теряетъ всѣ земли. Исламъ могъ принести лишь внѣшнее просвѣщеніе. Между кораномъ и истиннымъ просвѣщеніемъ лежитъ глубокое различіе. Образованіе магометанъ было искусственное, внѣшнее, заимствованное; оно не было образованіемъ народнымъ, оно было только образованіемъ высшихъ аристократическихъ сословій. Не такова образованность христіанская: она проникаетъ въ самые низшіе слои общества, она доступна всякому, но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

Какъ-бы то ни было, пестрота и разнообразіе религіозныхъ системъ древняго міра, стоявшихъ въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, изчезли и уступили мѣсто единству. Христіанство господствуетъ въ Европѣ, а исламъ въ главныхъ частяхъ Азіи. Восточная Азія занята борьбою между буддизмомъ и брамизмомъ; но эти формы предшествовали среднему вѣку и не обнаруживали на жизнь его никакого вліянія.

Продолжая далѣе развивать различіе между древнимъ міромъ и средними вѣками, мы должны обратить вниманіе на самыя формы гражданской жизни. Вы видѣли въ исторіи древняго міра, какъ разнообразны были эти формы, начиная отъ восточной монархіи до республикъ, возникшихъ въ Греціи и Италіи. Казалось, родъ человѣческій истощилъ свою изобрѣтательность на созданіе политическихъ формъ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи новый міръ повторяетъ съ нѣкоторыми измѣненіями явленія, знакомыя намъ уже изъ древней исторіи. Но между этими безчисленными общинами постоянно одно государство возвышалось надъ другими и обращало на себя общее вниманіе. Отъ этого древнюю исторію можно излагать по отдѣльнымъ государствамъ. Сначала являются великіе народы Востока: ассиріяне,

потомъ вавилоняне, за ними персы; далѣе отъ персидскаго государства, которое подчинило всѣ историческіе народы, можно перейти къ Греціи, которая вытѣснила Персію изъ этого положенія и замыкаетъ свое историческое движеніе македонской монархіей; потомъ слѣдуетъ переходъ къ Риму, который осуществилъ собою для древняго міра идею всемірной монархіи. Слѣдовательно, въ каждую данную эпоху исторія вращается около одного какого-нибудь народа, и каждый народъ древняго міра представляетъ собою нѣчто отдѣльное, особенное и въ политикѣ, и въ религіозномъ отношеніи. Мы видимъ, что въ древней исторіи народы слѣдуютъ преемственно одинъ за другимъ, смѣняютъ другъ друга. Такого явленія мы не найдемъ въ средней исторіи. Въ средніе вѣка между народами болѣе равенства; въ Европѣ нѣтъ народа владычествующаго, преобладающаго, около котораго-бы вращалась исторія. Иногда, благодаря нѣкоторымъ условіямъ и явленіямъ великихъ личностей, нѣкоторыя государства выступаютъ впередъ и налагаютъ владычество на другихъ. Но оно не бываетъ продолжительно. Конечно, германское племя является вначалѣ владычествующимъ; изъ рядовъ его выходятъ основатели династій, изъ рядовъ его вышелъ и тотъ великій монархъ, котораго можно назвать собирателемъ западной Европы. Но съ нимъ и оканчивается господство германскаго племени; послѣ него выступаютъ новыя государства: Франція, государства Пиринейскаго полуострова, Италія, Британія, Скандинавскаго полуострова. Каждое изъ этихъ государствъ живетъ своею жизнью. Европейскія государства составляли до сихъ поръ тѣсно связанную систему, въ основѣ которой лежала мысль, что никакое государство не должно возвышаться до такого значенія, что могло-бы быть опаснымъ для другихъ государствъ: это система политическаго равновѣсія. Этого не было въ древнемъ мірѣ, этого не сознавалъ и средній вѣкъ, хотя это существовало въ немъ на самомъ дѣлѣ. Конечно, нѣмецкіе императоры стремились къ наложенію своей власти на другія государства западной Европы, но извѣстно, каковы были эти попытки. Однимъ словомъ, въ исторіи среднихъ вѣковъ вы найдете нѣсколько народовъ, равныхъ между собою, неподчиненныхъ и имѣющихъ одновременное, одинаковое вліяніе.

Наконецъ надобно замѣтить самое важное отличіе средней исторіи отъ древней и новой: это — совершенное измѣненіе понятія о національности. Народовъ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ знаетъ новая исторія, въ средней исторіи нѣтъ

осударства раздѣляются на сословія, и каждое сословіе со-
авляетъ отдѣльное цѣлое, имѣющее свои интересы, свои
ли, часто противоположные видамъ цѣлаго государства:
о понятіе было чуждо среднему вѣку; тамъ не было народ-
ости, были одни сословія. Сколь упорно и даже жестоко
ло это понятіе въ древнемъ мірѣ, настолько-же ослабѣло
средній вѣкъ. Когда германцы утвердились на римской
чвѣ, тогда возникъ новый порядокъ вещей, совершенно
личный отъ древняго. Въ древнемъ мірѣ политическая
изнь сосредоточивалась въ городахъ; каждый городъ пред-
авлялъ государство (civitas). Въ средніе вѣка политиче-
ая жизнь вышла не изъ городовъ. Внѣ городовъ, въ зам-
хъ жили властители, потомки древнихъ германцевъ. Чѣмъ
лѣе мы идемъ въ исторію среднихъ вѣковъ, тѣмъ рѣзче
ановится характеръ этой системы. Отъ VII до XI вѣка го-
да не имѣли никакой роли въ политической жизни; судьбы
падной Европы рѣшались феодальными владѣтелями, клас-
мъ господствующимъ, надменнымъ, презиравшимъ всякую
угую власть. У него вездѣ одни интересы: феодалы англій-
іе подаютъ руку французскимъ; феодалы французскіе по-
гаютъ феодаламъ Пиринейскаго полуострова и. т. д. Въ
нцѣ XI вѣка выступаютъ на сцену города въ видѣ общинъ,
оль-же исключительныхъ, какъ и власть феодальныхъ вла-
телей. Весь интересъ городовъ заключается въ томъ, какъ-
избавиться отъ власти барона или монастыря; въ этомъ
ремленіи города помогаютъ другъ-другу и составляютъ
ширные союзы, каковы: ганзейскій, союзъ прирейнскихъ
родовъ, союзъ ломбардскій, нѣкогда игравшій такую важ-
ю роль. Выше ихъ стоитъ болѣе общая по идеѣ—церковь,
она не дружитъ сословій; она ведетъ съ ними постоян-
ю борьбу, условливаемую отчасти высшими ея началами,
части личными цѣлями и страстями ея представителей.
аконецъ сословіе вилановъ — масса, отринутая отъ всякой
осударственной дѣятельности, на долю которой достались
ни труды и лишенія и которая ищетъ своего счастья на
ужбинѣ. Однимъ словомъ, понятія объ отечествѣ, по край-
ей мѣрѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, не существуетъ. Слѣ-
овательно, здѣсь не было народности въ томъ смыслѣ,
акова она была въ древнемъ мірѣ, или какъ ее понимаютъ
ъ настоящее время. Здѣсь дѣйствуетъ не народъ, а дѣй-
твуютъ сословія, и притомъ враждебныя между собою. Можно
казать, что народности слагаются только къ концу среднихъ
ѣковъ въ XV вѣкѣ. Это развитіе идеи національности со-
ременно идеѣ монархической власти; монархи составляютъ

какъ-бы центры этого развитія; они-то, опираясь на народную массу, подавляютъ упорство отдѣльныхъ сословій. Эта борьба монарховъ и народностей съ отдѣльными сословіями составляетъ главный интересъ XVI и XV столѣтій. Здѣсь мы видимъ зачатки жизни новоевропейскихъ народовъ, здѣсь первыя начала монархій, которыя дѣйствуютъ въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Однимъ словомъ, средній вѣкъ представляетъ намъ нѣсколько характеристическихъ признаковъ, отличающихъ его отъ древняго и новаго міра; но, тѣмъ не менѣе, онъ есть ничто иное какъ переходная эпоха, не представляющая полнаго, окончательнаго развитія элементовъ, которые предоставлены новой исторіи. Онъ какъ-бы исторцилъ жизненные элементы и передалъ новымъ народамъ умственное достояніе, какъ богатство, которымъ онъ самъ не могъ пользоваться. Этихъ немногихъ указаній достаточно, чтобы уяснить различіе средняго вѣка отъ древняго и новаго. Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ относительно духовнаго, умственнаго содержанія исторіи среднихъ вѣковъ, о которой было много противоположныхъ мнѣній, самыхъ разнообразныхъ воззрѣній. Конечно, эти приговоры были основаны на различныхъ доводахъ. Писатели XVI, XVII и XVIII вѣковъ отзывались объ умственной жизни среднихъ вѣковъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Такъ называемые гуманисты, приверженцы классической школы, съ презрѣніемъ смотрѣли на памятники средневѣковой литературы и отвергали ихъ. Далѣе реформаторы и ихъ приверженцы смотрѣли съ пренебреженіемъ на средніе вѣка, какъ на время исключительнаго преобладанія католицизма.

Исходя изъ другихъ началъ, XVIII вѣкъ, вѣкъ отрицательной философіи, воспользовался обвиненіями гуманистовъ и реформаторовъ и прибавилъ къ нимъ свои собственныя; онъ провозгласилъ средніе вѣка вѣками безплоднаго варварства. Если прочесть воззрѣнія Вольтера и другихъ современныхъ ему писателей XVIII вѣка, то міръ среднихъ вѣковъ представится міромъ непроходимаго варварства, мрака, жестокости и дикости, такъ что отъ такой картины отворотитъ лицо всякій, кто дорожитъ успѣхами и достоинствами человѣческаго рода. Отрицательная философія XVIII вѣка не могла оцѣнить явленій средневѣковой жизни; она осуждала и средневѣковое государство, и средневѣковую церковь, и средневѣковый складъ мыслей; къ искусству среднихъ вѣковъ XVIII вѣкъ не имѣлъ никакого сочувствія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія эти взгляды уступили мѣсто другимъ, противоположнымъ. Реакція началась въ Германіи еще въ

ица прошедшаго столѣтія. Вамъ извѣстно, какое великое
тературное движеніе совершилось во второй половинѣ
ІІІ столѣтія. Здѣсь не мѣсто излагать подробную исторію
ого движенія, но надо указать на одну школу, важную
я насъ по тому вліянію, которое она имѣла. Романтиче-
ая школа, во главѣ которой можно поставить Новалиса,
ка и братьевъ Шлегелей, даровитыхъ ученыхъ, обладав-
ихъ поэтическимъ талантомъ, обратилась къ изученію
едневѣкового искусства. Такъ какъ дотолѣ эта сторона
кусства не была обработана и вполнѣ оцѣнена, то юные,
лкіе и даровитые писатели внесли въ него весь энтузіазмъ
ученія. Нѣтъ сомнѣнія, что это изученіе памятниковъ
едневѣкового искусства принесло большую пользу; но пи-
тели романтической школы увлеклись слишкомъ далеко:
и не только противопоставили средневѣковое искусство
тичному, но поставили его выше послѣдняго. Изъ сферъ
сто-литературныхъ это воззрѣніе перешло въ область науки
принесло большую пользу, хотя и внесло отчасти много
жныхъ представленій. Въ исходѣ XVIII столѣтія Германія
терпѣла пораженіе отъ Франціи, а въ началѣ нынѣшняго
ходилась въ зависимости отъ нея. Національное чувство
ло глубоко оскорблено такою зависимостью. Франція яви-
сь въ Германію представительницею враждебныхъ, нена-
стныхъ идей, унизительныхъ для народной гордости гер-
нцевъ. Тогда вмѣстѣ съ политической реакціей соедини-
сь реакція литературная. Недовольные дѣйствительностью,
оманскіе ученые обратились къ прошедшему, а въ сред-
хъ вѣкахъ они нашли удовлетвореніе своему самолюбію.
тественнымъ образомъ, это время сдѣлалось любимымъ
едметомъ занятій; тогда и средневѣковое искусство и даже
рмы средневѣковой жизни сдѣлались предметомъ уваже-
і и ставились въ примѣръ настоящему времени: въ совре-
енности видѣнъ упадокъ. Такимъ образомъ, отъ одной край-
сти западная Европа перешла къ другой; вмѣсто того
ачнаго времени, какимъ представляли его французскіе
сатели XVIII вѣка, прошедшее является предметомъ пре-
еличеннаго и незаслуженнаго уваженія. Передъ средними
ками нѣмецкіе писатели преклонились какъ предъ выс-
ими образцами простой и болѣе здоровой поэзіи, какъ пе-
дъ временемъ развитія лучшихъ сторонъ человѣческой
ши. Во всѣхъ явленіяхъ того времени находили глубокій
ысль и поэзію; грубость и жестокость называли простотою
авовъ, — необходимою спутницею героизма. Надо сказать
итомъ, что основательное изученіе исторіи среднихъ вѣ-

ковъ началось тогда-же и принесло результаты положитель-
ные и прочные, но идеальный взглядъ на это время уступ-
нилъ мѣсто другому, болѣе основательному. Эти идеи разо-
шлись по остальной Европѣ. Французскіе литераторы цѣлк-
комъ приняли эти преувеличенныя сужденія; то-же было и
въ Англіи. Въ настоящее время мы, русскіе, непричастны
движенію западной жизни, можемъ спокойнѣе смотрѣть на
этотъ вопросъ и составить себѣ ясное понятіе о различіи
среднихъ вѣковъ отъ древней исторіи; укажемъ теперь на
ту особенную часть средневѣковой жизни, которая подвер-
галась большимъ нареканіямъ въ XVI вѣкѣ, именно на
жизнь умственную и искусство. Конечно, человѣку, исклю-
чительно воспитанному на памятникахъ классической древ-
ности, трудно понять произведенія среднихъ вѣковъ; чело-
вѣку, привыкшему къ спокойной, ясной красотѣ греческой
поэзіи, покажется странною средневѣковая поэзія; человѣку,
привыкшему къ древней исторіи, не очень пріятно будет
читать средневѣковыя лѣтописи; но для того, кто сохранил
живое чувство для историческихъ явленій, открывается боль-
шой интересъ въ средневѣковой поэзіи, правда, непохожей
на греческую, но тѣмъ не менѣе имѣющей свое значеніе.
Поэзія среднихъ вѣковъ пропитана религіознымъ элемен-
томъ. Религія положила свою печать на всѣ произведенія
средневѣкового искусства, и это составляетъ существенное
отличіе его отъ искусства древняго. Потомъ еще есть одна
сторона въ этомъ искусствѣ, чуждая древнему міру: это
субъективность. Какъ религія положила свою печать на сред-
невѣковыя эпопеи, на средневѣковое зодчество и ваяніе, так
отдѣльная личность высказалась въ пѣсняхъ италіанцевъ
въ пѣсняхъ нѣмецкихъ миннезенгеровъ, поющихъ любовь
каждый на свой ладъ. Слѣдовательно, въ средневѣковой ли-
тературѣ есть два господствующихъ направленія: религіоз-
ное и личное чувство.

О наукѣ среднихъ вѣковъ мы привыкли отзываться с
нѣкоторымъ пренебреженіемъ: она называется схоластикой.
Въ схоластикѣ различаются два періода: въ первомъ пер-
одѣ схоластика является смѣлою, юною наукою, которая стре-
мится разрѣшить разомъ всѣ вопросы, занимающіе умъ чело-
вѣческій; но, не имѣя къ тому никакихъ средствъ и орудій
она изнемогаетъ въ этомъ отважномъ и благородномъ стрем-
леніи. Во второмъ періодѣ схоластика обращается въ пусту
игру логическими формами. Вообще, средніе вѣка отнюд
не были такъ бѣдны умственною жизнью, какъ полагал
писатели XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Съ другой стороны, неспра

ливо было-бы поставить средневѣковую науку выше древ-
. Умственная жизнь, какъ и всѣ другія стороны средневѣко-
жизни, носитъ на себѣ характеръ переходной эпохи.
время какого-то стремленія къ идеаламъ и броженія
й, разладъ со старымъ, требовавшимъ примиренія. Та-
примиреніе античнаго съ новымъ совершено въ новой
ріи, въ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій.

Источники средневѣковой исторіи гораздо разнообразнѣе
зученіе ихъ представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ ис-
ники древней исторіи. Сверхъ лѣтописей мы встрѣчаемъ
каждой странѣ огромное количество письменныхъ памят-
овъ другого рода: различные документы, юридическіе
ы, грамоты; далѣе слѣдуютъ памятники средневѣкового
ества, памятники частной жизни и пр. Не говоря уже
огромной массѣ этихъ памятниковъ, которыхъ не въ
ояніи одолѣть никакое трудолюбіе, чтеніе ихъ требуетъ
ній филологическихъ. Сверхъ того многія грамоты сред-
ъ вѣковъ поддѣльны; нужно обладать большимъ крити-
кимъ тактомъ, чтобы подлинное отличить отъ подлож-
о.

Лѣтописи написаны большею частью по-латыни. Онѣ воз-
ли въ монастыряхъ въ самое темное время европейской
ріи и чрезвычайно скудны подробностями. Въ каждомъ
астырѣ велась своя лѣтопись; для этого назначался
нъ изъ монаховъ, наиболѣе грамотный, который и велъ
опись до года своей смерти, оставляя продолженіе ея
ему преемнику. Подъ вліяніемъ возникшихъ идей о томъ,
лѣтописи исполнены поэзіи, представляютъ заниматель-
чтеніе, многіе, невидавшіе ихъ въ глаза, говорили о нихъ
восторгомъ, какъ полныхъ свѣжей, добродушной и на-
ой поэзіи. На самомъ дѣлѣ большая часть ихъ сухи и
ь ничто иное какъ голый перечень событій; онѣ писаны
ьми, отрѣшившимися отъ интересовъ міра, записывав-
ми преимущественно событія монастырскія и только ми-
одомъ событія мірскія. Такихъ лѣтописей, въ которыхъ
тупала-бы личность разсказчика, лѣтописей, исполнен-
ъ занимательности, немного. Монахъ записываетъ съ
которою подробностью только тѣ событія, которыя каса-
я до монастыря и разныя явленія природы, какъ-то: зат-
ія солнца, землетрясенія, неурожаи, заразительныя бо-
ни. Все это онъ вноситъ въ свою лѣтопись. Если война
ть въ окрестностяхъ монастыря, то онъ сообщаетъ о ней
колько подробностей; но если театръ войны далекъ, то
касается ея только мелькомъ.

Вотъ, напримѣръ, что записано о Карлѣ Мартелѣ, э высокой личности, остановившей напоръ непріятелей, двухъ сторонъ грозившихъ христіанскому міру: „Карлъ, званный Молотомъ, лѣтомъ ходилъ на югъ къ пирен скимъ горамъ, а зимою на саксовъ“. Впослѣдствіи време лѣтописи становятся богаче содержаніемъ, подробнѣе и нимательнѣе; но все еще находятся въ собственности мо шескаго сословія. Обыкновенно люди, посвятившіе себя это званію, были мало знакомы съ міромъ, не заботились изложеніи фактовъ въ прагматическомъ порядкѣ съ обоз ченіемъ причинъ и слѣдствій. Часто встрѣтишь извѣс лѣтописца, что была засуха въ такомъ-то году, да уме аббатъ; тамъ, гдѣ монахъ не умѣлъ связать двухъ собы обыкновенно оговаривался благочестивой формой: „такъ Б угодно“. Таковы лѣтописи VIII, IX, X и XI вѣковъ. Одн изъ этихъ-то сухихъ указаній можно создать живую от ленную картину нѣмецкихъ общинъ, и мы видимъ образ такого возсозданія.

II.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Изложенію исторіи среднихъ вѣковъ я намѣренъ пр послать введеніе, заключающее въ себѣ обзоръ исторіи др няго міра. Мы должны, прежде, нежели приступимъ къ торіи среднихъ вѣковъ, познакомиться покороче съ т наслѣдіемъ, которое имъ оставила древность, вывести ит античной жизни, опредѣлить элементы, съ которыми не р придется встрѣтиться въ жизни народовъ новой Европы. введеніе я начну съ Юлія Цезаря—съ того переворота, торый совершилъ великій римлянинъ въ судьбахъ сво отечества... Великихъ людей недаромъ называютъ перев чиками: и жизнь, и природа, и исторія окружаютъ н символами, внутренній смыслъ которыхъ скрытъ для толп только великіе люди переводятъ его на языкъ общепон ный, всѣмъ доступный, дѣлаютъ общимъ достояніемъ з ченіе этихъ символовъ. Разсматривая съ этой точки Ю Цезаря, мы увидимъ, что онъ объяснилъ всѣмъ, сдѣла общепонятнымъ то опасеніе съ одной стороны, то чая съ другой, которое таилось въ груди каждаго мыслящ римлянина. Онъ высказалъ, что римская республика пе стала существовать, что нужны были новыя формы на мѣ старыхъ, съ которыми надо проститься навсегда. Мея тѣмъ эти обреченныя на гибель формы были хранимы и в

.ны семью вѣками прекрасной римской жизни; съ этими
лами были связаны всѣ лучшія, славныя воспоминанія
іянъ; въ нихъ видны были и доблести Рима, и недо-
ки его, онѣ глубоко проникли въ жизнь и нелегко было
гаваться съ ними. Почему-же Юлій Цезарь такъ смѣло
жилъ руку на эти формы? Почти о всякомъ великомъ
вѣкѣ господствуютъ различныя воззрѣнія, существуютъ
ичныя мнѣнія, но ни о комъ можетъ-быть не раздава-
столько противоположныхъ между собою сужденій, какъ
Цезарѣ. Когда Цезарь палъ подъ ударами убійцъ, когда
ъ его былъ выставленъ на зрѣлище римскому народу,
Римѣ раздались два голоса: голосъ упрековъ и нарека-
и голосъ глубокой скорби и громкой похвалы. По спра-
ивому выраженію одного новѣйшаго историка, эти два
оса продолжаютъ звучать еще до сихъ поръ. Одни смо-
ли на него какъ на человѣка, оказавшаго великія за-
ги римскому міру, другіе какъ на нарушителя права,
ертвовавшаго личному честолюбію всѣмъ, что дорого для
кданина и человѣка. Для современниковъ понятно было
раздвоеніе; понятно, почему Цезарь заслужилъ съ одной
оны великую любовь желавшихъ въ то время новаго по-
ка вещей, съ другой—страшную ненависть, которую пи-
и къ нему ревностные защитники и поборники старины;
были люди, въ которыхъ боролись эти два чувства—лю-
ь къ лицу и ненависть къ дѣлу. Таковъ самъ убійца
аря—Брутъ. Но вглядываясь, если такъ можно выразиться,
ѣзъ девятнадцать вѣковъ въ лицо, которое стоитъ на
іежѣ античнаго міра и представляетъ рѣдкую противо-
ожность съ коренными римскими понятіями, и римскими
жденіями, намъ пора-бы установить болѣе ясное объ
ъ и твердое мнѣніе. Здѣсь не мѣсто входить въ полную
рафію Цезаря,—я укажу на нѣкоторыя черты ея.

Потомокъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Юліевъ,
безъ нѣкоторой гордости напоминавшій о своей родо-
вной, доходившей до боговъ, Цезарь былъ связанъ род-
омъ съ важнѣйшими главами демократической партіи.
рій былъ женатъ на его теткѣ. Во время Сулльской вой-
—той кровавой реакціи, которою аристократія отпраздно-
а свою побѣду надъ демократіей, Цезарь тогда былъ
ько шестнадцати лѣтъ, красивый, изнѣженный, очень
мавшійся своею наружностью и притомъ дерзкій маль-
ъ. Во время торжества Суллы, статуи Марія были низ-
гнуты и скоро было запрещено возстановлять ихъ; Це-
ь возстановилъ эти статуи, свидѣтельствуя тѣмъ о своемъ

сочувствіи къ грубому воину, который нѣкогда безсо
тельно, руководимый только жестокой ненавистью къ а
стократіи, сталъ во главѣ низшихъ классовъ римскаго
щества. Сулла произнесъ надъ нимъ рѣзкій приговоръ
только родственными связями, ходатайствомъ близкихъ
дей спасенъ былъ Цезарь. Но Сулла разгадалъ въ н
будущаго Цезаря: въ отвѣтъ спросившимъ его сказалъ о
„въ этомъ мальчикѣ кроется нѣсколько Маріевъ". Молоде
свою Цезарь посвятилъ забавамъ и увеселеніямъ, котор
предавалась богатая римская молодежь, и ученію. Едва
не самый образованный человѣкъ онъ былъ въ то вре
Умственныя занятія его были самыя разнообразныя;
былъ глубокій знатокъ греческой и римской литерату
занимался грамматикой, писалъ стихи, составлялъ календ
былъ самъ великимъ писателемъ. Притомъ онъ участвов
во всемъ развратѣ тогдашняго римскаго общества; онъ вид
лицомъ къ лицу всѣхъ значительныхъ людей тогдаш
времени съ ихъ пороками, надеждами, честолюбивыми
мыслами. Политическая роль досталась ему относите
довольно поздно; но мы уже встрѣчаемъ его въ знаме
томъ заговорѣ Катилины. Конечно, изъ дошедшихъ извѣ
Саллюстія, изъ рѣчей Цицерона нельзя составить надле
щаго понятія о заговорѣ Катилины: очевидно, дѣло кле
лось къ разрушенію существовавшихъ политическихъ фор
имѣлись въ виду самыя смѣлыя преступныя нововведе
Цезарь былъ посвященъ въ заговоръ; но онъ былъ сл
комъ уменъ, слишкомъ остороженъ, чтобы принять я
участіе; подозрѣнія падали на Цезаря, но уликъ не был
Саллюстій сохранилъ знаменитую рѣчь Юлія Цезаря, к
рую произнесъ онъ въ сенатѣ послѣ этого заговора. Д
ніе историки часто влагали въ уста своихъ героевъ р
ими самими сочиненныя; но эта рѣчь носитъ печать иста
мы узнаемъ черты, которыя могутъ принадлежать тол
одному Цезарю. Между прочимъ, онъ высказалъ въ томъ
раніи съ наибольшею заботливостью мысль, противор
щую древнимъ римскимъ преданіямъ, что нѣтъ загроб
жизни *).

Эти слова были подмѣчены Катономъ; Цезарю б
трудно оправдаться въ безбожіи. Эта рѣчь принадлеж
къ числу самыхъ любопытныхъ памятниковъ того врем
она важна для изученія той эпохи. Между прочимъ,
укажемъ на одно замѣчательное мѣсто, гдѣ Цезарь о

*) De conjuratione Catilinae historia, cap. LI.

ъ возможность повторенія такого кровопролитія, какое
совершено при Маріѣ и Суллѣ. Онъ говоритъ, что не-
ство прошло, нравы смягчились, проскрипціи невоз-
ны, а, между тѣмъ, и не подозрѣваетъ, что проскрипціи
ивирата далеко оставили за собой проскрипціи Марія.
бываетъ иногда ошибоченъ взглядъ самыхъ великихъ,
льныхъ людей: поверхность была чиста; нравы мягки,
а изящная; но подъ этой внѣшностью кипѣли дикія
сти, скрывались неслыханныя жестокости. Но таковъ
нъ природы: отъ варварства къ образованности пере-
труденъ, отъ образованности къ варварству недалекъ.
результатѣ изъ всего сказаннаго выходитъ, что въ эпоху
вора Катилины Цезарь представлялся не съ самой вы-
ой стороны—изнѣженный вертопрахъ, занимавшійся
е своею наружностью, одеждою, прической и т. д., че-
ъкъ знаменитый въ Римѣ любовными связями, расточи-
ностью, участникъ въ заговорѣ, цѣлью котораго было
ушеніе формъ, освященныхъ древностью, не призна-
шій римскихъ боговъ,-- такимъ является Цезарь въ эту
у своей жизни. Его одинокіе труды, посвященные наукѣ,
глубокія думы еще оставались въ тайнѣ; способности
дарственнаго человѣка, дарованія первоклассного пол-
одца не были никому извѣстны. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ
имецъ народа; низшій классъ смотрѣлъ на него, какъ на
ого изъ вождей въ предстоявшей окончательной борьбѣ
аристократіею. Этимъ положеніемъ, этою любовью онъ
ъ обязанъ смѣлости, блестящимъ внѣшнимъ качествамъ,
норѣчію и явнымъ обнаруживаньемъ пристрастія къ
у демократической партіи; но ему предстояло одолѣть
ущественныя препятствія. Римъ былъ богатъ знамени-
и личностями въ эпоху предшествовавшую перевороту;
потому не вполнѣ цѣнимъ значеніе этихъ личностей,
ихъ какъ-бы заслоняетъ собою великій образъ Цезаря,
между тѣмъ, они жили въ Римѣ, присутствовали въ се-
, предводительствовали войсками. Таковы Помпей,
ссъ, Лукуллъ, Цицеронъ и другіе, которые въ другое,
кновенное время обратили-бы на себя общее вниманіе
ми дарованіями. Извѣстно, какимъ образомъ составился
ственный союзъ между Помпеемъ, Крассомъ и Цезаремъ.
явленіе даже нѣкоторымъ образомъ изумительно: ка-
ъ образомъ Помпей, безспорно великій гражданинъ тог-
няго Рима, знаменитый своими побѣдами на востокѣ,
учившій отъ народа названіе „великаго“; какимъ обра-
ъ Крассъ, самый богатый изъ римскихъ граждан

стояніе котораго простиралось до ста милліоновъ серебр
на наши деньги; кромѣ богатства замѣчательный еще в
ными дарованіями, человѣкъ замѣчательнаго ума,—как
образомъ они вошли въ дружбу, поставили наряду съ
бой человѣка, еще неознаменовавшаго себя никакимъ
вигомъ? Но это показываетъ то вліяніе, которымъ пол
вался Цезарь, на общественное мнѣніе. У него было м
враговъ, но и много страстныхъ обожателей, горячихъ
верженцевъ. Нельзя сказать, что положеніе его, отпра
шагося въ Галлію, доставшуюся ему по раздѣлѣ провин
было очень благопріятно. У него было на нѣсколько
ліоновъ серебромъ долгу; родовое состояніе онъ успѣлъ
промотать; на долю его досталась провинція, которую дол
было завоевывать оружіемъ, и это завоеваніе Галліи со
шено было въ теченіи десяти лѣтъ. До трехъ милліон
человѣкъ погибло въ этомъ завоеваніи; галлы слави
воинственностью, неспособностью переносить какое-л
владычество надъ собою; страна ихъ, особенно сѣверо
падная часть ея, была болотиста, мало было удобства
сообщенія, для продовольствія войска. Дважды перещ
лялся Цезарь чрезъ узкій проливъ, отдѣляющій Га
отъ Британіи, и внесъ, такъ-сказать, въ географію но
страны; дважды переходилъ онъ черезъ Рейнъ и онъ-то
чалъ наступательныя движенія противъ Германіи. Пох
Цезаря въ Галлію поставили его не только наряду, н
выше великихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народо
Теперь онъ могъ дѣйствовать открыто, ему не для
было скрывать свои цѣли: онъ прямо объявилъ себя вожд
народной партіи и противникомъ аристократіи. Но что т
была римская аристократія? Въ чемъ заключались ея
бованія съ одной стороны? Въ чемъ заключались требо
нія римской демократіи съ другой? Вмѣсто прежняго па
ціата мы застаемъ въ Римѣ аристократію новаго рода:
первыхъ, въ видѣ остатковъ прежнихъ патриціевъ; во
рыхъ, въ видѣ знаменитыхъ плебейскихъ родовъ, достигш
высокихъ почестей и значительнаго богатства; итакъ, р
вая и служебная аристократіи слились въ одно цѣлое,
рукахъ антиспатовъ были колоссальныя богатства, въ
кахъ ихъ сосредоточилась вся власть; народъ ненавид
ихъ, завидовалъ имъ, но подчинялся ихъ волѣ. Бор
между аристократіей и народомъ въ послѣдніе вѣка в
не походила на величавую борьбу между патриціями и
беями. Въ этой борьбѣ видно естественное стремленіе у
теннаго сословія къ утвержденію состоянія, къ уравне

въ, къ достиженію тѣхъ благъ, безъ которыхъ нѣтъ
ной гражданской жизни. Борьба римскихъ антиспатовъ
римскою чернью въ позднѣйшую эпоху представляетъ
ъ другую картину: здѣсь была борьба наглаго власто-
ія и корыстолюбія съ ненавистью и завистью, возбуж-
ною въ массѣ зрѣлищемъ благъ, ей недоступныхъ. Раз-
ъ былъ общій какъ тому, такъ и другому классу, лишь
ажался въ различныхъ формахъ: развратъ римскаго
спата, воспитаннаго на греческомъ языкѣ, напитаннаго
еземными понятіями, отличался отъ грубаго разврата
столюдина своей утонченностью и роскошью: но тотъ и
гой были равно испорчены. Средства къ удовлетворенію
ъ стремленій были многочисленны и разнообразны.
ти весь историческій міръ былъ завоеванъ римлянами;
страны около Средиземнаго моря были обращены въ
скія провинціи; туда-то отправлялись римскіе магнаты
поправленія своихъ состояній. Посредствомъ притѣсне-
ввѣренныхъ имъ провинцій добывали они деньги, нуж-
на расточительную жизнь и покупку голосовъ. Въ
вомъ вѣкѣ до Р. Х. всѣ высшія должности должны были
маться вслѣдствіе купли голосовъ народа, надобно было
ать народу игры, которыя стоили страшныхъ издержекъ,
обно было раздавать безденежно хлѣбъ. Провинціи были
доставлены безнаказанному притѣсненію со стороны пра-
елей. Кому могли жаловаться римскія провинціи, оскор-
нныя или ограбленныя проконсулами или пропреторами?
ьи сами участвовали въ злоупотребленіяхъ преступни-
ъ; приговоръ былъ несомнителенъ. Слѣдовательно, всѣ
шія должности доступны были только людямъ богатымъ
натнымъ; издержки, которыхъ требовали эти должности,
рывались насчетъ провинцій. Таково было положеніе
тнаго сословія. Съ другой стороны, плебейское сословіе
се не представлялось такимъ, каково оно было нѣкогда:
сто трудолюбиваго, суроваго сословія сельскихъ плебеевъ
встрѣчаемъ многочисленный городской пролетаріатъ; но
пролетаріи не могутъ идти въ сравненіе съ мирными
нѣшними пролетаріями; между тѣмъ, какъ ново-европей-
требуютъ труда, котораго не всегда можетъ доставить
общество,—римскіе требовали праздности, требовали,
бы государство кормило ихъ на свой счетъ, продавали
голоса въ коллекціяхъ знатнымъ искателямъ государ-
нныхъ должностей и въ то-же время глубоко ненави-
ли ихъ и завидовали имъ. Не при Цезарѣ открыла
ная сторона римскаго общества; она была понята

мѣчена прежде его, и были великіе граждане, заплатив
жизнью за свои великодушныя попытки залѣчить язвы
чества. Такова попытка Гракховъ, которые хотѣли раздач
государственныхъ земель доставить массѣ средства ж
собственнымъ трудомъ. Эта попытка не оцѣнена еще и
перь; ихъ считаютъ за нынѣшнихъ соціалистовъ, посяг
щихъ на общее достояніе, между тѣмъ, какъ Гракхи тре
вали раздачи государственныхъ земель, находящихся
пользованіи аристократовъ. Если-бы эта попытка удала
то она подѣйствовала-бы благотворно какъ на аристократ
такъ и на демократію; но нельзя было ей исполниться
тогдашней порчѣ всего общества. Цезарь обладалъ слишко
глубокимъ практическимъ смысломъ, глубокимъ пониманіе
вещей, чтобы повторить такія попытки. Онъ показалъ,
дѣло идетъ не о примиреніи двухъ враждебныхъ сосло
не о сохраненіи обветшалыхъ формъ, но о совершенно
измѣненіи государственнаго порядка, о подчиненіи высше
началу, и это высшее начало нашелъ онъ въ свой л
ности. Но, разумѣется, онъ не успѣлъ-бы въ своихъ намѣ
ніяхъ, если-бы не сталъ во главѣ демократіи, если-бы
высказалъ краснорѣчиво ея потребностей, жалобъ и нуж
если-бы не сдѣлался органомъ римской демократіи, ко
рымъ онъ сдѣлался на время; можно-бы подумать, что борь
которую онъ началъ съ самымъ могущественнымъ сос
віемъ, кончится его собственною гибелью. У Секста б
болѣе легіоновъ, болѣе приверженцевъ, болѣе денежн
средствъ; но Цезарь былъ въ величайшей степени геніале
его противники были люди только даровитые. На полѣ Ф
сальскомъ рѣшился вопросъ, кто великій полководец
Помпей или Цезарь, вопросъ между окрѣпнувшими легіо
ріями Цезаря и храброй, но непривычной къ военной д
циплинѣ, аристократической молодежью Рима. Слѣдстві
было паденіе сенатской партіи и рядъ нелыханныхъ поб
въ Египтѣ, Азіи, западной Африкѣ, Испаніи; вездѣ поб
далъ онъ войска сената и туземныхъ государей, кото
соединились съ сенатомъ. Этимъ безпрерывнымъ рядомъ
бѣдъ сокрушилъ Цезарь сильныхъ своихъ противник
На всѣхъ концахъ римскаго міра, во всѣхъ провинціяхъ
война за новый и старый порядокъ вещей; побѣда оста
на сторонѣ новаго. Въ чемъ заключался новый порядо
Какіе замыслы Цезаря? Чѣмъ хотѣлъ онъ замѣнить уст
лыя, разлагавшіяся формы римской республики? Не онъ
вый подалъ примѣръ насильственныхъ переворотовъ
Римѣ. За сто лѣтъ слишкомъ до него начались внутре

ı, борьба ожесточенныхъ партій, изъ которыхъ каждая вала преобразованія государства сообразно съ своею ою цѣлью. Начиная съ Гракховъ, которые думали про-ти реформу, основанную на справедливомъ распредѣ- собственности, Марій, который думалъ дать перевѣсъ кратическимъ элементамъ, Сулла, побѣдитель Марія и кратической партіи, упрочившій на время торжество ократіи,—всѣ эти примѣры должны были возбудить че-обіе знатныхъ и даровитыхъ гражданъ, показали воз-ость стать выше законовъ и править государствомъ азно съ частною цѣлью отдѣльной партіи. Еще худшее наніе мы видимъ въ заговорѣ Катилины, имѣвшемъ ю разграбить Римъ при содѣйствіи взбунтованныхъ въ. Но Цезарь не принадлежалъ къ числу такихъ людей, ые руководствуются переходящими побужденіями често-ı; онъ умѣлъ соединить свои цѣли съ общими потреб-ıми эпохи; онъ понялъ, что Римъ не вселенная. На раз-ıіи девятнадцати вѣковъ намъ нетрудно возвыситься до идеи; но для римскаго гражданина, для римлянина, ıтаннаго въ преданіяхъ римскихъ, необыкновенно трудно стать на эту точку зрѣнія. Цезарь понималъ, что Римъ іръ и что не его назначеніе было служить опорою рим-) могущества. Являясь сначала вождемъ демократіи ращенной и лѣнивой, Цезарь постепенно переходитъ къ ому положенію: сталъ во главѣ всѣхъ національныхъ зицій, во главѣ всѣхъ утѣсненныхъ противъ всѣхъ утѣс-лей. Вотъ, почему онъ находилъ такъ много сочувствія но въ провинціяхъ: тамъ рѣчь шла не объ однихъ ми-ыхъ интересахъ, но обо всемъ, что дорого для человѣ-) личной свободѣ, о неприкосновенности правъ и соб-ıности — и Цезарь явился могучимъ органомъ этихъ ованій. Понятно теперь, почему такъ раздвоилось мнѣ-относительно Цезаря, почему аристократы ненавидѣли тогда какъ, напротивъ, чернь и провинціи любили его агоговѣли передъ нимъ. На сторонѣ враговъ Цезаря) историческое формальное право, основанное на давно-на сторонѣ Цезаря было вѣчное право, которое не могло подавлено правомъ историческимъ. Послѣ страшнаго зопролитія онъ покорилъ Галлію и обратилъ ее въ рим-) провинцію; несмотря на то, галлы были ему преданы; составилъ изъ нихъ лучшій легіонъ,—легіонъ жаворон-ъ. Это было великое нововведеніе. Легіоны римскіе обык-ıно составлялись изъ римскихъ гражданъ; и вдругъ ıется легіонъ иностранцевъ, незнакомыхъ еще съ латин-

скою рѣчью. Далѣе, когда побѣда стала на сторонѣ Цеза
онъ посадилъ въ сенатъ иностранцевъ и галловъ, еще
давно получившихъ право римскаго гражданства. Нар
ропталъ, смѣялся надъ этими новыми отцами отечества;
нихъ сыпались эпиграммы, на улицахъ прибиваемы бі
объявленія, афиши, гдѣ приказывалось не показывать
роги въ сенатъ новымъ сенаторамъ. Такимъ образомъ вы
жалъ свое неудовольствіе народъ. Но, оставивъ въ стор
насмѣшки, Цезарь не остановился на этомъ. Реформа,
задуманная, была одна изъ самыхъ великихъ, которыя бі
когда-либо совершены въ судьбахъ государствъ; онъ з
тился объ освобожденіи провинцій изъ гнета римскаго,
уменьшеніи правъ аристократовъ, однимъ словомъ, о со
шенномъ измѣненіи всѣхъ тѣхъ началъ, которыя б
обыкновеніемъ древней римской жизни. Цезарь можно-
зать, вполнѣ вошелъ въ ту роль, которую назначили
провинціи: въ сенатъ собрались предстатели всѣхъ облас
изъ которыхъ составился римскій міръ; Цезарь даетъ ж
лямъ провинцій право римскаго гражданства, старается
пространить его далѣе: всѣ медики и ученые, жившіе
Римѣ, получили право римскаго гражданства. Дабы сбли
провинціаловъ съ римскими гражданами, онъ болѣе 80
гражданъ выселилъ въ колоніи. Мы уже видѣли, до ка
степени мало обязательны были для Цезаря преданія ст
ны. Извѣстно, какая упорная и ожесточенная борьба б
между Римомъ и Карѳагеномъ: сенатскимъ опредѣлені
повелѣно было разрушить и никогда не возстановл
города. Одинъ позднѣйшій историкъ разсказываетъ, что
зарь посѣтилъ развалины Карѳагена, заснулъ здѣсь и
дѣлъ цѣлое плачущее войско; онъ рѣшился колонизиро
городъ; такимъ-же образомъ онъ поступилъ и съ Коринф
Ему, между прочимъ, приписываютъ намѣреніе, которое о
400 лѣтъ послѣ него исполнилъ Константинъ Великій,
что онъ хотѣлъ перенести столицу изъ Рима на востокъ
не въ Византію, а на развалины древняго Иліона. Тамъ
новомъ городѣ, чуждомъ аристократическихъ преданій,
малъ онъ получить большую возможность осуществить
намѣреніе. Но ему предстояли неодолимыя препятствія,
торыхъ онъ не могъ сокрушить. Какъ ни велико было
могущество, оно было небезгранично. Въ привычныхъ п
тіяхъ римскихъ осталось такъ много республиканскихъ
ментовъ, что онъ долженъ былъ дѣлать уступки той па
во главѣ которой стоялъ. При самомъ началѣ междоусоби
войнъ, незадолго до Фарсальской битвы, въ походѣ

бъ уничтоженіи долговъ и раздѣла земель — не въ мыслѣ, какъ предлагали Гракхи, имѣя въ виду лишь ственную собственность, но о грубомъ грабежѣ бога- Цезарю надо было много усилій, чтобы положить ко- тимъ стремленіямъ: конечно, такого рода стремленія живались лишь въ городѣ—Римѣ. Но италіанскіе имѣли другое отличительное свойство. Цицеронъ, омъ изъ своихъ писемъ къ друзьямъ, которыя весьма ѣнны, потому что представляютъ мнѣніе того време- ько жалуется на совершенное равнодушіе своихъ со- къ тому, что дѣлалось въ Римѣ; имъ было все равно, ла-ли народная партія, побѣдила-ли аристократія, ы они могли свободно обрабатывать поля свои. Весьма такое показаніе: мы видимъ утомленіе въ массахъ, жаждали покоя, равнодушіе къ тѣмъ формамъ, подъ которыхъ существовали римляне. Цезарь, съ одной сто- мѣлъ дикія требованіясвоей партіи, съ другой стороны— ушіе, апатію сельскаго народонаселенія Италіи, нерѣ- ность провинцій, утратившихъ вслѣдствіе угнетеній нергію, наконецъ, могущественное противодѣйствіе ратіи, которая все еще была сильна; она наполняла занимала высшія должности, начальствовала легіо- мого Цезаря, считала въ рядахъ своихъ самыхъ смѣ- даровитыхъ людей того времени. Мнѣніе людей мы- ъ цезаревой партіи высказано въ двухъ письмахъ, приписываютъ историку Саллюстію. Эти письма можно политическими памфлетами. Въ нихъ мы найдемъ льный приговоръ надъ республиканскими формами. отзывается о республикѣ, какъ о тѣни безъ образа и Прежде всего, неизвѣстный сочинитель писемъ напа- на сенатъ, испорченный, корыстолюбивый, занятый личными интересами. Авторъ доказываетъ необходи- нести въ сенатъ новый элементъ—пополнить его про- ами; требуетъ, чтобы Цезарь положилъ конецъ не- му положенію провинціи: „omnia tibi componenda sunt“, ъ онъ, обращаясь къ Цезарю, высказываетъ, что надо ься съ республикой; но слово „rex“ не упоминалось, что Цезарь не могъ принять это имя, противъ кото- къ много писали римскіе писатели, пѣли римскіе ненависть къ которому воспитывалась семью вѣковы- даніями. Цезарь удовольствовался титуломъ импера- торый носили полководцы, онъ занялъ всѣ государ- ія должности, назначилъ себя диктаторомъ, однимъ ь, онъ соединилъ всѣ власти, которыя принадлежа-

отдѣльнымъ сановникамъ. Въ этомъ стремленіи къ единств
онъ думалъ составить для римскаго міра одно общее зак
нодательство, онъ хотѣлъ узнать этотъ міръ во всѣхъ е
подробностяхъ; знаменитымъ математикамъ и географам
поручено было составить точныя карты римскихъ областей
Но такое состояніе было напряженное, незаконное; каждую
минуту Цезарь долженъ былъ опасаться взрыва: онъ чу
ствовалъ, что земля была не тверда подъ его ногами. Онъ н
совершилъ вполнѣ той реформы, намекъ на которую встрѣ
чается во многихъ памятникахъ; замыслы остались замысла
ми; великіе подвиги Цезаря ограничились сокрушеніем
республики, послѣ него она сдѣлалась имперіею. Вамъ извѣ
стно, какъ среди приготовленій къ войнѣ съ троянами по
гибъ Цезарь; но не забудьте, что въ числѣ убійцъ его нахо
дились люди, ему близкіе, которые предводительствовали
его легіонами въ войнѣ Сулльской и въ войнахъ междоусоб
ныхъ; въ ряду заговорщиковъ стояли люди совершенно раз
личныхъ направленій, характеровъ; тутъ были лица глубок
убѣжденные. Защитники стараго порядка, которые смотрѣли
на Цезаря, какъ на государственнаго преступника; съ этой
точки зрѣнія ихъ дѣло было законное. Другіе имѣли иные
побужденія. Примѣръ Цезаря былъ соблазнителенъ; они хо
тѣли разыгрывать если и не его роль, потому что она им
была не по плечу, то получить большее значеніе, большую
власть; тутъ много было личныхъ ненавистей, оскорблен
ныхъ самолюбій, много безпокойныхъ умовъ, жаждавших
переворота и нововведеній, видѣвшихъ въ заговорѣ поприщ
для своей дѣятельности. Слѣдовательно, заговоръ былъ со
ставленъ не одною партіей; тутъ были люди, которые вово
не думали о республикѣ: о республикѣ думалъ Брутъ и
другіе подобные ему мечтатели. Катонъ, отчасти и Цицеронъ
питавшіе искреннюю любовь къ родинѣ, защищали старый
порядокъ вещей древнихъ римлянъ, но въ сущности мал
на нихъ походили. Стоитъ вглядѣться въ Брута и Катона
и вы увидите людей воспитанныхъ подъ вліяніемъ греческо
философіи, проникнутыхъ стоицизмомъ, который они при
нимали за древнюю римскую доблесть. Древняя доблесть
отличалась энергіей; но этой энергіи мы не найдемъ у Ка
тона, еще менѣе у Брута. Брутъ былъ человѣкъ высоко
образованности, проникнутый идеями стоической философіи
онъ находился въ тѣсной связи съ Цицерономъ; но Цезарь
явился сокрушителемъ того порядка вещей, котораго Брутъ
считалъ себя защитникомъ. Брутъ вошелъ въ заговоръ
Цезарь палъ отъ руки его; но видно было, что смерть Це

заря не была оправдана въ его глазахъ, онъ не пришелъ къ единству и примиренію съ самимъ собою. По свидѣтельству римскихъ писателей, когда Брутъ палъ при Филиппѣ, послѣднія слова его выражали отчаяніе о добродѣтели, невѣріе въ добродѣтель. Эти слова имѣютъ великое значеніе: Брутъ отчаивался въ той добродѣтели, которую онъ считалъ добродѣтелью,—въ добродѣтели античной. По его понятію, онъ совершилъ доброе дѣло, вонзивъ кинжалъ въ сердце Цезарю. Такимъ образомъ Брутъ является лицомъ въ высшей степени трагическимъ, носящимъ двойственность представленія—любовь къ старинѣ и предчувствіе чего-то новаго, передъ чѣмъ старина является несостоятельною, безсильною. Въ другомъ отношеніи стояли къ Цезарю жаждавшіе новаго порядка вещей. Когда Цезарь былъ убитъ и тѣло его положено на костеръ, то вокругъ костра тѣснились иностранцы—евреи, галлы, пришедшіе со всѣхъ сторонъ міра въ вѣчный городъ; они оплакивали человѣка, отъ котораго ожидали облегченія участи своей родины.

Страннымъ является тогдашнее настроеніе умовъ. Цѣлый міръ исполненъ какихъ-то предчувствій. Какъ въ Римѣ, такъ и въ провинціяхъ являются прорицанія, предсказанія, вездѣ ожидаютъ перемѣны въ формахъ жизни. Каждый толкуетъ это по-своему: одни ожидаютъ конца міра,—другіе наступленія золотого вѣка. Когда Августъ овладѣлъ Римомъ, то, чтобы не раздражать народнаго воображенія и не возбуждать опасныхъ замысловъ, онъ велѣлъ сжечь книги предсказаній. Для язычниковъ осуществителемъ этого новаго порядка явился Цезарь. Между тѣмъ въ забытомъ, презираемомъ уголкѣ римскаго міра родился другой обновитель міра. Въ то самое время, какъ античныя формы распадаются и нравственность античная подвергается отрицанію,—въ то самое время зарождается начало новой религіи, имѣвшей цѣлью смѣнить эти формы другими, основанными на другихъ началахъ.

III.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ ПРИ ПЕРВЫХЪ ИМПЕРАТОРАХЪ.

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію судебъ римскаго міра послѣ Цезаря, посмотримъ на состояніе его при первыхъ императорахъ, укажемъ на причины его неудержимаго упадка,—явленія, которымъ условилось вторженіе германскихъ племенъ на римскую почву и окончательное за-

мираніе остатковъ прежняго быта. Начнемъ съ обзора состоянія Италіи. Глядя на карту римскаго міра, на богатыя области, подвластныя Риму, можно-бы подумать, что сокровища, стекающіяся отсюда въ Римъ, должны были имѣть благотворное вліяніе на Италію; но, всматриваясь ближе въ это цѣлое, проникая глазами далѣе за блестящую поверхность, мы увидимъ явленія, отъ которыхъ сердце стѣсняется скорбью. Съ одной стороны, мы видимъ огромныя богатства, съ другой—зародышъ общаго объднѣнія. Италія отнюдь не принадлежала къ числу богатыхъ странъ; она представляла великолѣпное зрѣлище для путешественника, но производительныя силы ея были ничтожны, не потому, что природа отказала ей въ томъ, но историческія условія сложились такъ невыгодно, что она должна была питаться извнѣ, какъ чужеядное растеніе и зато и должна была пострадать.

Начнемъ съ самаго Рима. Хотя Римъ въ эпоху Августа былъ не очень просторенъ (въ Европѣ много городовъ, которые болѣе тогдашняго Рима: онъ не имѣлъ и тридцати верстъ въ окружности), но народонаселенія было въ немъ 2,000,000. Трудно понять, какимъ образомъ могло умѣститься такое огромное народонаселеніе на такомъ пространствѣ, занятомъ Римомъ, который притомъ вмѣщалъ значительные пустыри; въ немъ считалось 1700 дворцовъ и 4600 громадныхъ зданій, въ которыхъ нанимали квартиры пролетаріи. Это объясняется постройкою римскихъ домовъ въ шесть-семь этажей, образомъ жизни бѣднаго населенія, множествомъ рабовъ, которыхъ помѣщеніе было самое тѣсное; изъ двухъ милліоновъ народонаселенія можно положить 700,000 рабовъ; потомъ, между свободнымъ классомъ надобно отличать людей богатыхъ отъ бѣдной черни. Во время Августа фамилій сенаторовъ было около 1000, фамилій всадниковъ—10,000; эти фамиліи пользовались значительнымъ достаткомъ, вели роскошную жизнь; хотя при Августѣ, который сократилъ число сенаторовъ до 600, многіе изъ сенаторовъ не могли жить сообразно съ своимъ положеніемъ; но достойнѣйшимъ изъ нихъ даны были Августомъ средства для жизни, другіе были исключены. При Августѣ сенаторскій цензъ состоялъ изъ 1,200,000 сестерцій; всадническій цензъ состоялъ изъ $^1/_4$ сенаторскаго. Кромѣ того, между фамиліями сенаторовъ и всадниковъ были люди, обладавшіе несмѣтными богатствами, награбленными на всѣхъ концахъ римскаго міра. О грабительствѣ правителей можно заключить по дѣлу Верреса, противъ котораго Цицеронъ сказалъ свои безсмертныя рѣчи. Верресъ, бывши въ продолженіи трехъ

лѣтъ правителемъ Сициліи, награбилъ болѣе четырехъ милліоновъ серебра, до двѣнадцати милліоновъ серебромъ на наши деньги; прибавьте къ тому грабительство чиновниковъ Верреса и откупщиковъ податей и налоговъ. Слѣдовательно, изъ сказаннаго доселѣ мы видимъ, что въ Римѣ было нѣсколько фамилій, которыя обладали несмѣтными богатствами и принадлежали исключительно сословію сенаторовъ и всадниковъ. Остальное народонаселеніе состояло изъ городскихъ плебеевъ (plebs urbium), изъ многочисленныхъ пришельцевъ, которые стекались въ вѣчный городъ, чтобы жить удобнѣе и безъ труда; сверхъ того, съѣзжались многіе иностранцы для промысловъ. Но каково-же было занятіе этой массы народа? Торговымъ городомъ Римъ не былъ; всѣ потребные продукты привозились извнѣ: хлѣбъ изъ Сициліи, западной Африки и Египта, вино, масло—изъ южной Галліи и Испаніи; другіе товары съ востока; короче, ничего не производилось въ Римѣ. Богатыхъ купцовъ не было; имъ было нечѣмъ торговать въ городѣ, и притомъ римскимъ аристократамъ неприлично было торговать; единственныя торговли были денежные обороты, даваніе въ займы денегъ, участіе въ откупахъ и подрядахъ государственныхъ; но для этого нужно было жить въ провинціяхъ. Слѣдовательно, оставалась мелочная торговля, которая предоставлялась иностранцамъ и людямъ низшаго происхожденія; но и эта мелочная торговля не могла быть значительна по особеннымъ условіямъ римской жизни. Богатый римлянинъ не покупалъ почти ничего, не имѣлъ нужды въ ремеслахъ; все дѣлалось у него дома, его рабами; рабы служили ему, изготовляли ему одежду, обувь, домашнюю утварь. Были даже особые рабы, которые удовлетворяли умственнымъ способностямъ своихъ господъ; ученые рабы занимали должности библіотекарей, переписывали рукописи своихъ господъ, служили чтецами. Выгодная отрасль промышленности была скупать мальчиковъ, обучать ихъ греческому и латинскому языку, вообще давать имъ образованіе и потомъ перепродавать по дорогой цѣнѣ. Такіе рабы воспитывались въ Греціи и были учителями своихъ господъ. Многимъ изъ нихъ въ эпоху имперіи посчастливилось: отпущенные на волю, они играли значительныя роли при Клавдіѣ и Неронѣ. Несравненно ниже стоялъ другой классъ рабовъ, покупаемый на всѣхъ рынкахъ извѣстнаго римскаго міра; различныхъ по языку и народностямъ, дикихъ африканцевъ, уроженцевъ Кавказа, германцевъ, которые для того сходились въ Италію, чтобы обрабатывать землю и пасти стада своего господина.

Положеніе этихъ рабовъ было ужасное; ихъ держали какъ дикихъ звѣрей, на ночь запирали въ огромные дома; такому рабу не было ни брака, ни надежды на свободу. Можно представить себѣ положеніе общества, среди котораго были милліоны этихъ людей полудикихъ и ожесточенныхъ. Уже не разъ Римъ стоялъ на краю гибели отъ рабскаго населенія. Побѣда, одержанная Крассомъ надъ рабами, возмутившимися подъ начальствомъ Спартака, имѣла не менѣе значенія, какъ побѣда надъ карѳагенянами. Слѣдовательно, свободнаго труда не было. Само государство удовлетворяло своимъ потребностямъ тѣмъ-же путемъ: были государственные рабы (servi publici); были государственныя фабрики для выдѣлки оружія для войскъ. Откуда было развиться промышленности? Теперь насъ поражаетъ вопросъ: чѣмъ-же были массы бѣдныхъ жителей Рима? Трудно себѣ составить понятіе о страшной бѣдности низшаго класса римскаго народонаселенія. Многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому классу, не имѣли вовсе настоящихъ жилищъ: они проводили ночи подъ портиками общественныхъ зданій; промысла трудно было найти въ Римѣ, гдѣ всѣ работы производились рабами. Что же ихъ привлекало и чѣмъ питались они? Уже давно скопленіе людей вынудило правительство оказывать пособіе ежедневною выдачею хлѣба. При Цезарѣ въ началѣ число такихъ лицъ, получавшихъ вспоможеніе хлѣбомъ изъ казны, достигалось до 170,000, но такъ какъ мѣра, выдававшаяся каждому лицу, была достаточна для двухъ человѣкъ, мужа и жены, то, слѣдовательно, число такихъ лицъ простиралось до 340,000 человѣкъ. Каждый мѣсяцъ гражданинъ, имѣвшій право получать эти вспоможенія, бралъ записку, по которой въ извѣстные дни выдавалось ему изъ общественныхъ магазиновъ по пяти мѣръ пшеницы. Цицеронъ увѣряетъ, что часть государственныхъ доходовъ уходила на содержаніе черни. Цезарь успѣлъ свести эти огромныя цифры до 170.000, слѣдовательно до 340,000; при Августѣ число это поднялось до 320,000, слѣдовательно до 400,000. Августъ видѣлъ, до какой степени это было вредно и тягостно для государства и думалъ о совершенномъ прекращеніи этихъ пособій; но долженъ былъ остановиться на препятствіяхъ: прекращеніе повело бы за собой самый страшный бунтъ римской черни, которая ни къ чему не была годна, но, въ случаѣ прекращенія, готова была взяться за оружіе и биться самымъ отчаяннымъ образомъ. Отдѣлаться отъ нея не было возможности думали раздачею земель обращать плебеевъ въ колонистовъ но плебеи предпочитали бѣдную и праздную жизнь въ го-

родѣ трудолюбивой жизни колонистовъ; впрочемъ, и участь колонистовъ не была совершенно обезпечена.

Кромѣ ежедневной выдачи хлѣба, въ особенные торжественные дни производилась выдача вина, масла и т. д. Наконецъ, при всякомъ избраніи въ государственныя должности, каждый кандидатъ давалъ великолѣпныя игрища; рано сталъ раздаваться въ Римѣ крикъ черни: „panem et circenses"!.. Игры эти давались съ такимъ великолѣпіемъ, что часто истощали все состояніе кандидата, которое, конечно, можно было скоро поправить на счетъ правительства, хотя доходы во время императоровъ были сокращены, и императоры чрезвычайно облегчали участь провинцій. Слѣдовательно, большая часть римскаго свободнаго народонаселенія питалась подаяніемъ отъ правительства; но, кромѣ того, оставалось множество такихъ, которые не имѣли ни крова, ни хлѣба. Положеніе этого класса было самое печальное, тѣмъ болѣе, что помочь невозможно было ничѣмъ этому классу, испорченному привычкою жить подаяніемъ, безъ собственнаго труда. Это былъ пролетаріатъ въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, лѣнивый и ни къ чему неспособный. Въ другихъ городахъ Италіи положеніе низшаго класса было лучше, ибо туда не стекалось столько голоднаго народонаселенія; но, съ другой стороны, жители Италіи часто подвергались страшнымъ опасностямъ во время междоусобныхъ войнъ. Примѣръ подалъ Сулла. Когда Сулла одержалъ побѣду надъ Маріемъ, ему нужно было поблагодарить по заслугамъ своихъ легіонеровъ: двадцать три легіона получили обѣщаніе земель въ Италіи; но земель свободныхъ не было; а если и были, то находились во власти аристократической партіи, во главѣ которой сталъ самъ Сулла. Откуда-же взять Суллѣ земли? Онъ отдалъ своимъ двадцати тремъ легіонамъ (около 100,000 человѣкъ) нѣсколько городовъ въ Италіи со всѣми ихъ землями, со всѣмъ имуществомъ горожанъ. Съ музыкой, пѣснями, въ боевомъ порядкѣ вступали они въ города и выгоняли изъ нихъ домовладѣльцевъ. Можно представить себѣ, какое вліяніе должно было это имѣть на судьбу Италіи! Изгнанные изъ наслѣдственныхъ домовъ и земель, италіанцы обращались изъ достаточныхъ въ пролетаріевъ: они уходили въ Римъ и пріобщались къ той-же черни. Новые владѣльцы не долго пользовались своими награбленными участками. Это были ветераны, сжившіеся съ лагерной жизнью, отвыкшіе отъ трудовъ земледѣльцевъ, привыкшіе во время войны къ нѣсколько разгульной жизни. Большая часть въ скоромъ времени промотала свое имущество, данное Суллою, и жила

потомъ въ Римѣ насчетъ правительства, готовая пристать къ каждому честолюбцу: армія Катилины почти вся состояла изъ этихъ ветерановъ Суллы. Примѣръ Суллы нашелъ подражателей. Такъ, Цезарь, по окончаніи междоусобной войны, долженъ былъ отблагодарить свои легіоны. Но Цезарь дѣлалъ это съ возможною умѣренностью, или вознаграждая владѣльцевъ деньгами, или награждая деньгами тѣхъ изъ воиновъ, которые предпочитали ихъ землѣ; при Цезарѣ конфискація имѣла характеръ относительно мягкій; но эти конфискаціи въ другое время сопровождались страшною жестокостью; такъ, при второмъ тріумвиратѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сорокъ три легіона (около 200,000) получили земли въ Италіи. Августъ отдалъ имъ восемнадцать городовъ въ лучшихъ частяхъ ея. Могъ-ли быть кто-либо увѣренъ въ правѣ собственности? Результатомъ тревогъ и насильственныхъ переворотовъ было совершенное исчезновеніе мелкихъ землевладѣльцевъ. Нѣкогда это были лучшіе классы римскаго народонаселенія; эти сельскіе плебеи имѣли по семи югеровъ земли, воспитанные въ простомъ быту, честные, преданные отечеству; изъ нихъ-то составлялись непобѣдимые легіоны, которые были обыкновенно виновниками первыхъ и лучшихъ побѣдъ Рима Мелкому землевладѣльцу нельзя было держаться при новомъ порядкѣ вещей; никто не вѣрилъ въ право, всякій спѣшилъ продавать свой участокъ и удалялся въ Римъ; оттого такое стеченіе въ Римѣ. Вся масса италіанскихъ земель перешла въ руки богатыхъ фамилій сенаторовъ и всадниковъ; образовались огромныя помѣстья (latifundi) съ обширными пастбищами, великолѣпными виллами, парками; пашней почти совсѣмъ не было; для римской аристократіи было выгоднѣе имѣть пастбища и торговать скотомъ, нежели хлѣбомъ,—ибо хлѣбъ привозился изъ Сициліи, западной Африки, Египта. Но послѣдствія такого хозяйства нетрудно было предвидѣть. Сама Италія не производила хлѣба; въ случаѣ неурожая или бури, которая разметывала флотъ съ хлѣбными запасами, въ Италіи начинался голодъ. Правительство было въ безпрестанномъ страхѣ, что съѣстные припасы придутъ не во-время и на это преимущественно было обращено вниманіе римскаго правительства. Только въ сѣверной Италіи, Цизальпинской Галліи, долинѣ рѣки По мы находимъ лучшее хозяйство; тамъ найдете остатки свободнаго населенія; тамъ были виноградники, пашни; но этотъ клочекъ земли не могъ прокормить остальной Италіи. При переходѣ отъ республики къ имперіи Италія болѣе пострадала, чѣмъ выиграла; въ провинціяхъ сердца

были обрадованы, здѣсь-же напротивъ. Въ такомъ положеніи находилась Италія при началѣ имперіи: богатыя аристократическія фамиліи владѣли почти всею землею и число этихъ фамилій было незначительно; масса народонаселенія состояла изъ пролетаріевъ, жившихъ въ Римѣ и пользовавшихся подаяніемъ правительства и рабовъ, дѣлавшихъ невозможнымъ свободный трудъ и свободныя ремесла. Только сѣверная Италія представляетъ исключеніе, но она не могла залѣчить язвы цѣлаго.

Разсмотримъ состояніе другихъ провинцій. Я не войду въ подробности административнаго раздѣленія, которое мѣнялось часто. Такъ, въ послѣднее время республики было пятнадцать провинцій, при Августѣ девятнадцать, при Неронѣ тридцать четыре. Мы будемъ разсматривать провинціи по большимъ массамъ; ихъ мы раздѣлимъ по характеру цивилизаціи и по языку на двѣ половины: греческую—восточную, западную—латинскую. Побѣжденная Римомъ Греція сохранила превосходство своей образованности, наложила свое вліяніе на Римъ, гдѣ греческій языкъ въ такомъ-же употребленіи, какъ французскій языкъ въ высшемъ обществѣ нынѣшней Европы; молодые образованные римляне писали по-гречески, говорили между собой по-гречески, къ крайнему негодованію приверженцевъ старыхъ римскихъ нравовъ. Это вліяніе началось рано, во время Пуническихъ войнъ. Цензоръ Катонъ возставалъ противъ этого вліянія, но, наконецъ, долженъ былъ уступить потоку, и въ восемьдесятъ лѣтъ сталъ учиться греческому языку и выучился. Скудная образованность западныхъ племенъ Европы, Пиринейскаго полуострова, Галліи, Британіи, не могли противопоставить римскому вліянію такого-же препятствія, какое представляло греческое вліяніе. Латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ въ этихъ мѣстахъ.

Начнемъ съ запада. Въ духовномъ завѣщаніи Августъ заклиналъ своихъ преемниковъ не переступать черезъ завѣтные рубежи римской имперіи—Рейнъ и Дунай. Такая попытка отравила послѣднія минуты его жизни. Вспомните пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, недалеко отъ нынѣшняго Липпе. Варъ погибъ съ тремя легіонами, считая и конные отряды, и вспомогательныя войска (около 23,000). Для такого государства какъ Римъ, заключавшій въ себѣ всю западную Европу, южную Европу до Дуная, Малую Азію, Сирію до Аравіи, Египетъ и всю сѣверную Африку со всѣми островами Средиземнаго моря, это пораженіе не могло нанести существеннаго вреда; войско-же римлянъ состояло

изъ 3,000,000 человѣкъ. Но, несмотря на то, потеря была невознаградима; несмотря на то Августъ былъ глубоко пораженъ этою потерею. Въ самомъ дѣлѣ утрата была нравственная: она поколебала убѣжденіе германцевъ въ непобѣдимости римскаго оружія. Три легіона съ ихъ орлами погибли совершенно. Поэтому Августъ запрещалъ своимъ преемникамъ переходить чрезъ Дунай; римскіе легіоны должны были стоять у завѣтныхъ рубежей и отражать нападенія германскихъ народовъ, тогда еще неопасныя. Но силою событій преемники Августа отступили отъ его положеній, и при Тиверіѣ римляне далеко дѣйствовали за Рейномъ и Дунаемъ.

Все народонаселеніе при Августѣ простиралось за 100 милліоновъ; сюда входили самые лучшіе народы, самые образованные, самые богатые, самые воинственные. Съ начала міра не существовало такого государства по богатству средствъ всякаго рода; можно сказать, что въ великихъ людяхъ недостатка не было. Провидѣніе судило на долю его все, что было нужно для того, чтобы подчинить остальныя части міра и внести въ нихъ свою образованность; казалось, существованіе его будетъ вѣчно, а не прошло четырехъ вѣковъ какъ это огромное, богатое, цвѣтущее государство начало разлагаться самымъ жалкимъ, самымъ постыднымъ образомъ. Причина этого разложенія заключалась въ немъ самомъ; не германцы сокрушили римскую имперію, а сама она отдалась имъ, вслѣдствіе внутренней органической порчи, точившей ее. Августъ обвелъ имперію рубежами—Рейномъ и Дунаемъ съ сѣвера; на западъ простиралась она до Атлантическаго океана; на югъ—до великой степи Сахары, на востокъ—до Ефрата; иногда римляне проникали и до Тигра, но, вообще, владѣнія ограничивались Ефратомъ; далѣе на сѣверъ отъ этой границы до нашихъ нынѣшнихъ владѣній на Кавказѣ; Черное море было усѣяно римскими городами, прежними греческими колоніями; къ сѣверу отъ Чернаго моря нельзя опредѣлить постоянной границы; Таврида принадлежала римлянамъ; къ сѣверу кочевали воинственныя племена, тревожившія владѣнія римлянъ, но еще не грозившія тою побѣдою, которая обрушилась на западную Европу къ концу IV вѣка въ видѣ гунскаго нашествія. Не должно думать, что всѣ земли на одинаковыхъ основаніяхъ повиновались Риму. Однѣ изъ нихъ были настоящія провинціи, на краяхъ которыхъ въ первыя времена италіанскаго могущества существовали царства съ своими династіями; но эти царства платятъ дань, цари признаютъ себя подданными Рима.

Такъ, Арменія часто была причиной распри между римлянами и парфянами, впослѣдствіи между римлянами и персами; то парфяне сажали своего царя, то римляне; но обыкновенно Арменія повиновалась римлянамъ.

Въ западныхъ провинціяхъ позднѣйшая была Британія; можно сказать, что Цезарь открылъ ее какъ невѣданную часть свѣта. До какой степени ложны понятія римлянъ о Британіи, мы видимъ изъ сочиненій Іосифа Флавія уже въ I столѣтіи по Р. Х. Онъ утверждалъ, что Британія равна всему остальному римскому міру. Не ранѣе 60-ти годовъ I столѣтія Британія была окончательно завоевана до границъ нынѣшней Шотландіи. Чрезвычайно быстро возникаютъ города съ римскими именами, съ римскими зданіями; аристократія британская прельстилась искушеніями римской цивилизаціи, отправляла своихъ сыновей учиться въРимъ; стала добиваться римской службы, перемѣнила родной языкъ на латинскій. Во II вѣкѣ она представлялась уже какъ цивилизованный край; только сѣверныя горы Шотландіи давали убѣжище хищнымъ племенамъ; римлянамъ не было выгодно проникать въ безплодныя горы; западная часть—нынѣшній Валлисъ—сохранилъ долѣе свои обычаи обычаи и преданія. Несравненно важнѣе по богатству и по средствамъ была Галлія. Она примкнула къ римскимъ провинціямъ, когда Цезарь сокрушилъ форму римской республики. На галловъ издавна дѣйствовало вліяніе Греціи. Извѣстно, что за шесть вѣковъ до Р. Х. на южномъ берегу Галліи основана была (фокейцами) финикійцами, отплывшими отъ береговъ Малой Азіи, колонія Массилія, нынѣшній Марсель. Дѣятельные, трудолюбивые и предпріимчивые массильоты не только въ городѣ, но далеко за предѣлы города распространили греческія идеи и вліяніе; такъ, что даже и тогда, когда римскій элементъ получилъ перевѣсъ въ IV столѣтіи, христіанскіе проповѣдники должны были говорить свои проповѣди на греческомъ языкѣ, потому что онъ былъ господствующимъ. Вліяніе массильотовъ на Галлію было благотворное. Слѣдовательно, римскіе правители нашли уже въ Галліи начатки образованности. Когда Галлія примкнула къ Риму, высшія сословія Цезарь принималъ въ сенатъ, способствовалъ галламъ вступать въ римскіе легіоны. Это могущественное свойство Рима усвоять себѣ чуждыя національности, обнаружилось и въ Испаніи. Въ эпоху, о которой идетъ теперь рѣчь, Испанія не вполнѣ была покорена римскому оружію; но уже при первыхъ императорахъ мы находимъ болѣе 400 городовъ, изъ которыхъ многіе имѣли право латинскаго гражданства;

въ городахъ господствуетъ латинскій языкъ, римская образованность. Особенное вліяніе на романизацію Испаніи имѣлъ Серторій, который перенесъ свое оружіе на Пиринейскій полуостровъ и продолжалъ войну съ приверженцами Суллы. Серторій создалъ въ Испаніи небольшое подобіе Рима, у него былъ сенатъ; по его вліянію, знаменитые испанскіе юноши скинули съ себя испанскія одежды и надѣли римскія тоги. Однимъ словомъ, еще при Серторіѣ Испанія проникнулась римскимъ вліяніемъ; только на сѣверѣ римляне должны были усмирять возстаніе басковъ. Слѣдовательно, мы видимъ Британію, Галлію, Испанію, покрытыми римскими колоніями, муниципіями, римскими зданіями, римскими легіонами; высшія сословія провинцій говорили латинскимъ языкомъ, посылали дѣтей своихъ въ римскія школы, однимъ словомъ, пріобщались совершенно римской цивилизаціи. Знатнѣйшіе изъ провинціаловъ переселялись даже въ Италію; имъ есть мѣсто даже и въ рядахъ римскаго сената. Подобной-же участи подверглись всѣ западные острова Средиземнаго моря, острова Балеарскіе, Сардинія, Корсика, нѣкогда принадлежавшіе Карѳагену и перешедшіе подъ римское владычество. Къ числу самыхъ богатыхъ цвѣтущихъ римскихъ провинцій принадлежала Африка. Вамъ извѣстно, что древній Карѳагенъ былъ разрушенъ по волѣ римскаго народа, что запрещено было и даже положено проклятіе на того, кто вздумаетъ возстановить стѣны такъ долго-враждебнаго города; но это заклятіе не было обязательно при цезаряхъ: Карѳагенъ быстро возникъ при нихъ изъ развалинъ и снова сталъ на ряду съ именитѣйшими и образованнѣйшими городами римскаго міра. Но не въ одномъ Карѳагенѣ сосредоточивалось римское образованіе въ Африкѣ; вся западная Африка покрылась римскими городами: нынѣшняя Константина, Цитра, нынѣшній Такиръ, Оранъ и др., были цвѣтущими и богатѣйшими городами при римскихъ императорахъ. На каждомъ шагу странникъ, путешествующій по сѣверному берегу Африки, начиная отъ Туниса до Александріи, встрѣчаетъ слѣды римскаго господства; дороги, водопроводы, многочисленныя надписи—все свидѣтельствуетъ о многочисленномъ населеніи и богатствѣ края. Я сказалъ, что отсюда Римъ получалъ значительную часть хлѣбныхъ припасовъ; и въ этихъ странахъ верхъ взяла римская образованность; но Риму приходилось имѣть дѣло въ своихъ владѣніяхъ въ западной Африкѣ съ постоянно находившимися въ тревогѣ жителями горныхъ хребтовъ, которые отдѣляютъ сѣверный берегъ Африки отъ безплодной степи Сахары, съ тѣми са-

мыми кабилами и берберами, съ которыми въ настоящее время имѣютъ дѣло французы.

Подвигаясь далѣе на востокъ, пройдя страшную, песчаную степь, съ которой мы знакомились въ описаніи похода Катона Утическаго, мы приходимъ въ Киренаику, населенную нѣкогда греками; и такимъ образомъ мы вступаемъ въ половину восточную, переходимъ отъ латинскаго міра къ греческому.

Но прежде, нежели начнемъ обзоръ этихъ провинцій, я упомяну о нѣкоторыхъ провинціяхъ западной или латинской половины, которыя не вошли въ мой обзоръ; именно о тѣхъ, которыя впослѣдствіи составляли Иллирійскую префектуру. Эти земли лежатъ къ сѣверо-востоку отъ Италіи и къ югу отъ Дуная: Панонія, Иллирія, Далмація и т. д. Земли эти еще недавно были присоединены къ римской имперіи, именно во время первыхъ императоровъ; римское образованіе еще не успѣло здѣсь пустить глубокихъ корней, но и здѣсь уже возникали римскія колоніи, города съ латинскими наименованіями, прокладывалась дорога для легіоновъ, однимъ словомъ, приготовлялись всѣ внѣшнія условія римской образованности. Нынѣшняя Вѣна (Windabona) возникла довольно рано.

Переходимъ теперь къ восточному міру — греческому. Полудикіе народы на Западѣ, неуспѣвшіе развить самобытной цивилизаціи, легко подчинились римскому вліянію; не таково было отношеніе римлянъ къ востоку, гдѣ Греція распространила свои идеи, свой языкъ на неограниченное пространство Азіи и въ Восточной Африкѣ; съ этимъ вліяніемъ не легко было спорить Риму; онъ могъ пользоваться свободно политическимъ владычествомъ, но не могъ вытѣснить греческаго образованія и даже самъ покорился его вліянію. Эти восточныя области, связанныя единствомъ языка, единствомъ образованія въ самыхъ сословіяхъ, представляли тѣмъ не менѣе чрезвычайно пестрое и разнообразное зрѣлище. Мы начнемъ обзоръ съ Африки, именно Киренаики. О Киренаикѣ самой мало что можно сказать, и при римскихъ императорахъ она осталась такою-же, какой была въ цвѣтущее время греческой цивилизаціи: прекрасная, богатая, знаменитая садами, славная разведеніемъ растенія Sylphium, о которомъ такъ часто упоминаютъ римскіе гастрономы. Несравненно важнѣе для Рима былъ Египетъ. Вы знаете, чрезъ сколько рукъ прошелъ Египетъ, прежде нежели подчинился римскому владычеству. Покоренный персами, онъ перешелъ къ Македоніи; при распаденіи монархіи

Александра великаго онъ образовалъ собою самостоятельную монархію, но ее нельзя уже было назвать собственно египетскою; господствующая династія, господствующее сословіе были греческіе. Александрія былъ городъ всемірный съ преобладаніемъ греческаго элемента; въ немъ считалось слишкомъ 300,000 свободныхъ жителей и можно положить немного менѣе того числа рабовъ. По правильности города, по красотѣ и великолѣпію зданій, по прекрасному и удобному для торговли положенію, Александрія была безспорно первымъ городомъ міра и можно сказать, что всѣ извѣстные народы тогдашняго міра сходились въ Александрію. Здѣсь цѣлую часть города занимали евреи; большая часть жителей состояла изъ грековъ; изъ самыхъ отдаленныхъ частей Азіи приходили сюда купцы съ своими товарами. Римляне держали обыкновенно въ Александріи своего правителя съ обыкновенной силой чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, но господствующій языкъ все-таки оставался греческій. Августъ не довѣрялъ египетскому характеру, и всего болѣе боялся за Египетъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была провинція невѣрная, готовая всегда отложиться: съ одной стороны остатки древняго египетскаго населенія, туземная масса, сохранила свой прежній фанатизмъ, ненависть ко всему иностранному; съ другой стороны высшій классъ, сохранявшій всѣ элементы греческаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ страданіе какъ политическое, такъ и религіозное, равнодушіе къ политическимъ формамъ и нелюбовь къ своимъ властителямъ. Такъ отзываются объ Александріи всѣ римскіе писатели единогласно. Августъ запретилъ римскимъ всадникамъ, безъ особеннаго на то приказанія, вступать на почву египетскую, какъ-бы боясь ненависти народной, которая могла во главѣ войска поставить человѣка, могущаго сдѣлаться независимымъ и, такимъ образомъ, оторвать отъ римской имперіи цѣлую область. По географическому положенію своему Египетъ могъ-бы держаться и сдѣлаться независимымъ отъ римской имперіи, еслибы во главѣ его сталъ даровитый и дѣятельный человѣкъ. Римъ могъ опасаться всего этого, а между тѣмъ отъ Египта еще въ большей степени, нежели отъ южной Африки зависѣло продовольствіе хлѣбомъ Рима. Между тѣмъ, какъ при императорахъ такъ щедро раздавалось право римскаго гражданства въ другихъ провинціяхъ, природный египтянинъ могъ не иначе получить его, какъ сдѣлавшись сперва гражданиномъ города Александріи. Въ Александріи мы не находимъ городского сената, которымъ управляются обыкновенно всѣ города римской

мперіи. Римское правительство боялось придать какую-ибо тѣнь самостоятельности этой богатой массѣ. Египетъ правлялся императорскимъ намѣстникомъ, облеченнымъ тносительно Египта большими правами, нежели намѣстники ругихъ провинцій; между тѣмъ, самъ онъ въ сенатѣ стоялъ ниже другихъ правителей. Римскій сенатъ хотѣлъ всячески низить эту область. Изъ Египта мы переходимъ въ Сирію. Завоеванія Александра Великаго распространили здѣсь греческій языкъ. Селевкиды была македонская династія, окруженная греческими сановниками. Греки жили въ городахъ Сиріи: Антіохіи, Селевкіи и другихъ. Высшія сословія говорили по-гречески, читали греческія книги, наслаждались произведеніями греческаго искусства и поэзіи; они были оторваны отъ родного края, но это была меньшая часть населенія; массы-же коснѣли въ неподвижности. Но римское правительство было спокойнѣе насчетъ Сиріи; оно не принимало здѣсь такихъ жестокихъ мѣръ, какъ въ Египтѣ. Повсюду римское правительство оказывало уваженіе къ туземнымъ религіямъ, какъ-бы ни были противны они римскимъ вѣрованіямъ. Римское правительство силилось свести всѣ эти вѣрованія въ одну систему, привести къ единству, поставить всѣхъ боговъ въ римскомъ пантеонѣ. Я уже сказалъ, что границею римскаго владычества на востокѣ былъ обыкновенно Евфратъ, но часто также римскіе легіоны проникали до Тигра. Сосѣдомъ Рима здѣсь было Парфянское государство. На самыхъ окраинахъ римскаго міра лежитъ нѣсколько небольшихъ царствъ, съ ихъ династіями, которыхъ государи находятся въ совершенной зависимости отъ римскихъ намѣстниковъ, принимаютъ ихъ приказанія, исполняютъ ихъ волю. Но и эти мелкія династіи недолго держались; уже въ I столѣтіи по Р. Х. онѣ всѣ исчезаютъ одна за другой. Снисходительнѣе являются римляне къ городамъ, которые представляютъ часто самостоятельное правленіе и только подчиняютъ ихъ областнымъ правителямъ, проконсуламъ, пропреторамъ. Нѣкоторые города составляютъ даже союзъ; таковъ былъ союзъ ликійскихъ городовъ, во главѣ которыхъ стоялъ особенный сановникъ. Вообще римлянинъ неохотно касался особенности народнаго быта, который не мѣшалъ ему; онъ не оскорбитъ народныхъ правъ безъ крайней надобности; опрометчиваго со стороны римскаго сената мы не находимъ ничего.

Нѣкогда изъ частей Сиріи двѣ имѣли право на наше вниманіе. Во-первыхъ, бытъ торговыхъ финикіянъ-купцовъ, которые, по выраженію пророка, стояли на ряду съ царями.

Но время Финикіи миновало; она утратила свое пре значеніе; торговля, которой славилась Финикія, пер изъ Тира въ Александрію. Тиръ сохранилъ только пур ныя фабрики, гдѣ выдѣлывались пурпурныя одежды римскихъ сановниковъ. Безконечно значительнѣе Фи Іудея съ ея священными для насъ религіозными вѣро ями, съ ея упорнымъ и мрачнымъ сопротивленіемъ скому владычеству. Нельзя сказать, что римляне оказы нетерпимость въ отношеніи іудеевъ. Большой уступк пользу іудейскихъ вѣрованій нельзя было и требовать римскихъ сановниковъ. Вступая въ Іерусалимъ, римскі новники оставляли у воротъ города боговъ язычески не оскорбляли видомъ ихъ іудейскаго города, но пол согласія между ними быть не могло. Страшныя возс слѣдовали одно за другимъ. Іудеи продолжали все ожидать своего Мессію, когда уже Спаситель совер свой подвигъ искупленія. Массы продолжали ожидат внѣшнимъ мірскимъ образомъ; они думали, что Мессі лою меча покоритъ имъ всѣ другіе народы. Эта мысл I и II вѣкѣ поддерживала ихъ надежды и подвигала и новыя возстанія.

Малая Азія осталась тѣмъ-же цвѣтущимъ садомъ, ка была во время греческой колонизаціи; слишкомъ пя сятъ великолѣпныхъ городовъ вычисляютъ намъ на почвѣ современники; города эти ведутъ значительную говлю, сохраняютъ много внутренней свободы, отлич богатствомъ, просвѣщеніемъ, всѣми удобствами жизни гдѣ нельзя было такъ хорошо жить эпикурейцу, как этой части римскаго міра, гдѣ все соединилось дл слажденія: и прекрасное небо, и природа, и историч обстановка, и самыя богатства, накопленныя въ этихъ нахъ трудолюбивымъ народонаселеніемъ. Несмотря н боры римскихъ сановниковъ, Малая Азія была неисче мымъ источникомъ богатства.

Я уже сказалъ, что до нынѣшнихъ закавказскихъ дѣній простирались римскія области. Римляне также и дѣло съ тѣми горцами, съ которыми Россія теперь в войну; оттуда римляне получали значительное число ра здѣсь находились тѣ рынки, куда привозились для про невольники извнутри Азіи и Египта въ плѣнъ римля Безчисленное множество народныхъ языковъ раздавав здѣсь ставило римлянъ въ необходимость держать огр количество переводчиковъ.

Наконецъ, мы заключимъ нашъ обзоръ, сказавъ

колько словъ о самой Греціи. Конечно, она уже далеко не была змъ, чѣмъ въ цвѣтущее свое время. Эта перемѣна отразиась не только въ политическихъ учрежденіяхъ, но даже и ь матеріальномъ бытѣ. Уже Страбонъ, путешествуя по реціи, находилъ отъ множества городовъ только однѣ разалины; очевидно, что внутреннія распри, война съ внѣшими врагами, уменьшили ея населеніе, нанесли ей неисислимыя язвы, но въ глазахъ остального римскаго міра га почва была священна. Сюда, именно въ Аѳины, пріѣзали учиться дѣти знаменитыхъ римскихъ гражданъ; сюда далялись римскіе государственные люди для поучительаго отдыха; здѣсь въ уединеніи они занимались науками. огда Германикъ послѣ своей славной побѣды въ Германіи, роѣзжалъ чрезъ Грецію, отправляясь занять мѣсто намѣстика Сиріи, онъ выѣхалъ изъ Аѳинъ безъ всякой свиты, олько въ сопровожденіи одного ликтора. Онъ, такъ сказать, ри въѣздѣ въ этотъ городъ, сложилъ съ себя все величіе имскаго сановника; онъ не желалъ оскорбить аѳинянъ наоминаніемъ ихъ зависимости отъ римлянъ, онъ не хотѣлъ оказаться властителемъ. Римскіе императоры оказывали рекамъ большія милости; даже Неронъ искалъ греческихъ укоплесканій преимущественно предъ другими. Но могуество Греціи преимущественно заключалось въ ея идеяхъ, ъ ея прошедшемъ; матеріальнаго значенія въ настоящее ремя она имѣла мало. Греки еще сохранили много остромія, много способностей, но они утратили всѣ гражданкія доблести своихъ предшественниковъ, они допускали имлянъ разбирать ихъ ссоры и распри.

Такимъ былъ римскій міръ въ I столѣтіи по Р. Х. въ наалѣ имперіи; онъ заключалъ въ себѣ лучшія земли Европы, Азіи и Африки. Населеніе этого міра простиралось о ста милліоновъ и еслибы можно опредѣлить прочность осударства и цивилизаціи по матеріальнымъ признакамъ, о конечно, римское государство въ томъ видѣ, какимъ оно вляется въ I вѣкѣ, можетъ назваться вѣчнымъ, несокрунимымъ. Вы видѣли въ какихъ прекрасныхъ странахъ леало это государство; какое огромное населеніе было заклюено въ немъ, какая масса идей была распространена здѣсь. а всемъ пространствѣ видимъ города, соединенные удивиальными путями сообщенія. Стоитъ взглянуть на остатки имскаго шоссе, чтобы убѣдиться въ громадности ихъ; въ оловинѣ среднихъ вѣковъ приписывали исполненіе ихъ сполинамъ-феямъ. Въ такой степени постройки казались ъ свыше силъ человѣческихъ. Отъ одного конца имперіи

до другого шли эти каменныя дороги, по которымъ пр дили римскіе легіоны, по которымъ возились разные тов въ городахъ видимъ великолѣпныя книгохранилища, у стіе въ просвѣщеніи всеобщее. Смотря на эти явле можно-ли было предвидѣть упадокъ, гибель римской ци лизаціи?

IV.

АВГУСТЪ, ТИВЕРІЙ, КАЛИГУЛА, КЛАВДІЙ, НЕРОНЪ.

Мы знаемъ, какимъ образомъ совершился переходъ римской республики къ римской имперіи; причиною э переворота было не честолюбіе Цезаря, а внутреннія п чины, таившіяся въ самомъ организмѣ римскаго госу ства. Долготерпѣніе провинцій было истощено; притѣ ніямъ, злоупотребленіямъ проконсульской власти не б мѣры и границы. Во имя страданія утѣсненныхъ провин во имя требованій низшихъ классовъ Рима и Италіи, зарь подымаетъ оружіе противъ сената, хранителя ре бликанскихъ формъ: формы эти оказались несостоятельн при новыхъ требованіяхъ. Фарсальская побѣда и посл вавшее за нею пораженіе республиканской партіи по см Цезаря кончилась торжествомъ тріумвировъ, изъ котор одному суждено было получить наслѣдіе Цезаря въ лучш видѣ. Замѣчательно, до какой степени сами заговорщик были убѣждены въ сочувствіи народа къ своему д убивъ Цезаря, они скрылись въ Капитоліи, созвали сво вооруженныхъ рабовъ и ждали, что скажетъ народъ; на въ свою очередь, пораженный страшною вѣстью, долго молвствовалъ, долго не трогался; наконецъ чрезъ нѣско дней послѣдовала постыдная мирная сдѣлка между верженцами Цезаря и ихъ противниками. Забота о буду формѣ была оставлена въ сторонѣ; рѣшено было подѣ провинціи, рѣшено, что во главѣ государства останется натъ; консулы и другія прежнія власти были возстановл но продолжительнаго мира не могло быть. Извѣстна ист второго тріумвирата. Вооруженный однимъ именемъ Цез девятнадцатилѣтній Октавій, его племянникъ, привлекъ свою сторону его легіоны, одолѣлъ республиканскую па одолѣлъ потомъ своихъ товарищей, Лепида и Антонія. Августѣ дѣло Цезаря окончательно утвердилось. При зарѣ еще были люди, упорно таившіе, глубоко хранивш надежды и сожалѣнія о прошедшемъ; Августъ овлад римскимъ міромъ, когда всѣ народы изнемогали отъ у

нія, когда общимъ желаніемъ былъ покой, и этой потребности покоя удовлетворилъ Августъ. Странное, можно сказать, двуликое явленіе! Въ молодости Октавій является триумвиромъ хитрымъ, кровожаднымъ, не скрывавшимъ алчнаго честолюбія; послѣ битвы при Акціумѣ, когда не оставалось ни соперниковъ, ни открытыхъ враговъ, видимъ императора Августа, умѣреннаго, заботливаго правителя, подъ управленіемъ котораго залѣчены были язвы римскихъ провинцій отъ долгихъ междоусобій. Августъ не измѣнилъ внѣшнихъ формъ, не принялъ новаго титула, заботливо скрывалъ отъ согражданъ своё величіе, свою власть; онъ старался не выходить изъ толпы. Въ формахъ жизни былъ онъ чрезвычайно простъ, какъ-бы боясь оскорбить народъ внѣшнимъ блескомъ. Послѣ страшныхъ проскрипцій, которыя проложили ему дорогу, онъ снизошелъ до степени простого гражданина. Когда дѣло шло объ избраніи сановниковъ, онъ старался выбирать людей, ему преданныхъ, но не потреблялъ насилій: вообще, онъ не любилъ крутыхъ мѣръ; онъ ходилъ въ собраніи отъ одного къ другому, прося подачи голоса въ пользу его кандидата. Ни въ образѣ жизни, ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ нельзя было узнать властителя Рима и подвластныхъ ему областей; а, между тѣмъ, перемѣна совершилась: въ рукахъ его сосредоточена была вся власть, къ которой шелъ Цезарь, власть безъ названія; новыхъ титуловъ не было, но всѣ должности римской республики—и диктаторство, и консульство, и трибунство, и ценсорство, и санъ великаго первосвященника, и вѣчная проконсульская власть надъ провинціями—соединены были въ одномъ лицѣ. Нельзя сказать, что Августъ дурно употребилъ свою власть. Провинціи, ужаснувшіяся торжества республиканской партіи, вздохнули свободнѣе при Августѣ: онъ произвелъ значительную, замѣченную современниками, но неоцѣненную перемѣну въ способѣ управленія провинціями, раздѣливъ ихъ на два разряда: такія провинціи, гдѣ власть утверждена была на прочномъ основаніи, гдѣ нечего было опасаться ни возстанія, ни нападенія, были предоставлены сенату; другія провинціи, пограничныя или не совсѣмъ успокоенныя, взялъ онъ себѣ подъ управленемъ цезарскихъ, куда императоръ назначалъ своихъ намѣстниковъ. Въ сенатскія — сенатъ избиралъ попрежнему изъ бывшихъ консулами въ правители, но списокъ кандидатовъ подвергался предварительному разсмотрѣнію Августа; вмѣсто слѣпого жребія былъ введенъ болѣе разумный способъ избранія: Августъ избиралъ въ свои прави-

тели людей ему извѣстныхъ. Во времена республики, консулъ слагалъ годичную власть, обремененный дол при разстроенномъ состояніи, онъ достигалъ высшихъ жностей куплею голосовъ, получалъ въ качествѣ проко провинцію, куда отправлялся на годъ самодержавнымъ ц а съ нимъ родственники и его заимодавцы, которых удовлетворялъ на счетъ ввѣренной провинціи; тамъ нах онъ компаніи откупщиковъ изъ римскихъ всадниковъ шихъ на откупъ подати и облегчавшихъ такимъ обр проконсулу насильственный сборъ. Жаловаться на п сула было некому, ибо въ сенатѣ были соучастники з требленій; грабежи оставались безнаказанными. Самая кость срока дѣлала еще худшимъ положеніе пров каждый проконсулъ спѣшилъ устроить свои обстоятел поправить свое имѣніе; черезъ годъ онъ удалялся, я другой съ такою-же цѣлью. Никогда, можетъ-быть, не тѣло одно сословіе надъ другимъ такъ, какъ тяготѣл ская аристократія надъ провинціями; она питалась ихъ в и потомъ. Вотъ почему провинціи съ такимъ участіем дили за подвигами Цезаря, оказывали радостное содѣ оплакивали его смерть, съ такимъ страхомъ смотрѣ попытки возстановить республику. При Августѣ проко получали жалованье; это измѣнило ихъ отношенія к винціямъ; каждый римскій сановникъ получалъ извѣ часть хлѣба, масла, овощей, мяса, рыбы, и, сверхъ то каждаго, по выраженію лѣтописца, давалось по налож Обезпеченный въ своихъ потребностяхъ, проконсулъ н такъ безстыдно грабить, какъ въ то время, когда не валось никакого жалованья. Доказательствомъ того, ч мѣры принесли плоды, служитъ то обоготвореніе, предм котораго сдѣлался Августъ преимущественно на во гдѣ люди обладаютъ живымъ воображеніемъ и легче каются: тамъ ставили ему храмы, жертвенники, стату клонялись какъ божеству. Римъ пересталъ быть все щающимъ городомъ; вниманіе римскихъ правителей о лось и на провинціи, явилось стремленіе облегчит участь. Здѣсь совершается сліяніе въ одну большую этихъ безчисленныхъ народовъ; тотъ самый процесс торый въ продолженіи семи вѣковъ римской исторіи п живалъ римское владычество, при императорахъ яв въ несравненно большемъ размѣрѣ — въ размѣрѣ or mani. Здѣсь можно привести разсказъ Светонія по случаю. Однажды, когда Августъ отправился для посѣ провинцій, что дѣлалъ иногда, чтобъ удостовѣрить

исполненіи обязанностей правителей, его галера встрѣтилась съ египетской, нагруженной товарами, привозившимися въ Римъ; египтяне, узнавъ, что на встрѣченной ими галерѣ находился самъ цезарь, просили позволенія поклониться ему: явились въ бѣлыхъ одеждахъ, съ ѳиміамомъ, и принесли поклоненіе какъ божеству; Августъ велѣлъ за то надѣть на нихъ римскія тоги. Въ этомъ символѣ выражалось сліяніе народовъ въ одну великую семью. Но настоящимъ основателемъ новыхъ государственныхъ формъ, начала которыхъ, заложеннныя Цезаремъ, развиты были Августомъ, можно-сказать былъ Тиверій. Извѣстно, въ какомъ видѣ дошла до насъ память о Тиверіѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ жестокихъ государей; онъ нашелъ заслуженную кару, ибо историкомъ его былъ Тацитъ. Подъ безсмертнымъ перомъ великаго писателя имя Тиверія предано вѣчному позору; но, отдавая полную справедливость его благородному негодованію, должно признаться, что взглядъ Тацита одностороненъ: Тацитъ смотрѣлъ на Тиверія глазами римлянина и республиканца. Не такъ должно смотрѣть на него, чтобы оцѣнить его дѣятельность. Положеніе Тиверія при вступленіи на престолъ было самое затруднительное; требовалась великая отвага, великая осторожность. Августу было легко править: ему значительно помогала общая усталость; но когда выросло новое поколѣніе, язвы залѣчились — партіи поднялись снова съ своими надеждами и требованіями. Республиканская партія смотрѣла на Августа, какъ на старика, который смертью своей откроетъ свободное поприще для ихъ дѣятельности, и ждала его смерти. Кто-же былъ представителемъ этой партіи? Сенатъ, аристократія. Конечно, аристократія римская значительно измѣнилась въ своемъ составѣ, начиная съ Цезаря до Августа; вы видѣли, что Цезарь ввелъ въ сенатъ множество иноплеменниковъ; Августъ, какъ magister morum, очистилъ сенатъ отъ этой унизительной для его достоинства чужеземной примѣси; онъ поднялъ сенатъ въ общемъ мнѣніи массы, давъ сенаторамъ средства жить сообразно съ своимъ положеніемъ. Но Августъ не исключалъ и иностранцевъ: великія заслуги сообщали имъ право римскаго гражданства; сдѣлалъ то, что талантливому иноземцу можно было возвыситься до высшихъ почестей. При Августѣ Римъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на тріумфъ Корнелія Бальбы, родомъ испанца. Современный историкъ съ удивленіемъ говоритъ, что иностранецъ съ тріумфомъ шествуетъ въ Капитолій. Этого еще не видалъ Римъ, но этотъ иностранецъ оказалъ великія услуги и сѣлъ между отцами

римскаго государства. Многіе другіе получали такую-же честь отъ Августа. Не надо упускать изъ виду современныхъ извѣстій; при Августѣ въ Италіи вздорожала земля. Провинціальная аристократія начинаетъ переселяться въ Римъ, куда призывалъ ее Августъ обѣщаніями, гдѣ открыты двери въ сенатъ. Эта аристократія покупаетъ помѣстья и содѣйствуетъ также къ сліянію, къ утвержденію единства между народами, Рима съ провинціями. При такомъ составѣ, можно подумать, сенатъ долженъ-бы былъ измѣниться въ понятіяхъ, въ направленіи; но этого не было. Новые пришельцы скоро пріобщились къ желаніямъ и сожалѣніямъ о древнихъ республиканскихъ формахъ; для тѣхъ не было другого идеала, какъ республика, такая форма, гдѣ всѣмъ правили они. Одни жалѣли о прошедшемъ по своекорыстнымъ разсчетамъ, другіе дѣйствительно были убѣждены. Сенатъ сдѣлался сердцемъ оппозиціи, имѣвшей въ рядахъ своихъ самыхъ богатыхъ, самыхъ образованныхъ и даровитыхъ людей. Дѣти сенаторовъ получали то-же образованіе, какъ во время республики; въ этой формѣ хранились преданія о прошедшемъ, это сословіе было представителемъ прошедшаго противъ новаго порядка вещей, который водворили императоры, стоя во главѣ арміи. Республика при Августѣ окончательно должна была отречься отъ своихъ надеждъ; утвердилась не монархія въ нынѣшнемъ смыслѣ, а единодержавіе—суровое, подозрительное, при Августѣ еще мягкое, но жестокое при его преемникахъ, когда партіи успѣли отдохнуть и могли думать о возможности возврата къ прошедшему.

Послѣдніе годы августовой жизни были потрясены семейными раздорами. Вторая жена его, Ливія, была женщина честолюбивая и безпокойная. Она преслѣдовала со всею ненавистью дочь его Юлію и ея сына. Цѣль была та, чтобы доставить престолъ своему сыну. Юлія умерла въ изгнаніи, дѣти ея отъ Агриппы погибли. Единственнымъ членомъ августова семейства оставался Тиверій. Тиверій происходилъ изъ дома Клавдіевъ, который чрезъ всю римскую исторію носитъ жестокій характеръ, и Тиверій не измѣнилъ этому характеру. Августъ не любилъ Тиверія, но, уступая желанію супруги, онъ осыпалъ его почестями. Впослѣдствіи отношенія между Августомъ и Тиверіемъ до того были тягостны, что Тиверій уѣхалъ на островъ Родосъ, откуда возвратился въ Римъ незадолго до смерти Августа, а когда Августъ умеръ въ Нали, въ 14 г. по Р. Х., Тиверій остался наслѣдникомъ престола. Но на чемъ основывались права Тиверія?

Трудно сказать, на чемъ основывались и права Августа. а завѣщаніи Юлія Цезаря? Но Юлій Цезарь не могъ оста-ть завѣщанія насчетъ престолонаслѣдія; такого завѣща-я не сдѣлалъ даже Тиверій. Понятіе о престолонаслѣдіи ало чуждо римскому міру, закона не было никакого, и Ти-ерій былъ только фактическій наслѣдникъ. Тиверій, когда ступилъ Августа, былъ немолодъ: ему было за пятьдесятъ ѣтъ; онъ былъ высоко образованъ, знатокъ римской и гре-еской литературы, знаменитый полководецъ, составившій ебѣ репутацію походами противъ племенъ Придунайскихъ, отомъ начальствовавшій войсками на Рейнѣ. Онъ былъ не-обнмъ вотчимомъ; у него вообще не было друзей; онъ былъ еловѣкъ умный, даровитый, но жестокій, подозрительный крутого характера. Онъ понялъ, что въ сенатѣ для него ѣтъ опоры, что сенатъ, который терпѣлъ Цезаря ради его енія, Августа ради обстоятельствъ, смотрѣлъ на него, какъ а человѣка, беззаконно захватившаго власть. Въ то время, овторяю, не могли еще развиться понятія о престолонаслѣ-іи. Многіе сенаторы сами почитали себя имѣвшими полное а престолъ право; многіе ненавидѣли Тиверія изъ лич-ыхъ побужденій. Первые годы его правленія были счаст-ливы для народа. По словамъ Тацита, онъ отказался отъ ромкихъ титуловъ, которые поднесъ ему народъ и рабо-ѣпный сенатъ; вычеркивая величавыя имена, которыя пи-али къ нему въ бумагахъ, онъ говорилъ, что для рабовъ ть господинъ, для войска императоръ, а въ сенатѣ подпи-ывался только „princeps“. Онъ заботился о народѣ, кор-пилъ его, но не баловалъ играми. Въ войскѣ начались без-порядки: войско понимало, что только имъ поддерживается ласть императора. По провинціямъ вспыхнули мятежи въ егіонахъ, требовавшихъ прибавки жалованья и сокращенія рока службы. Тиверій, строгій блюститель дисциплины, рѣпя сердце, долженъ былъ сдѣлать уступки. Народъ мскій, праздный, развратный, не внушалъ ни довѣрія, ни чувствія. Вниманіе Тиверія было обращено на провинціи; я провинцій не было лучшаго правителя, и самъ Тацитъ изнаетъ это, хотя многаго не понималъ относительно про-нцій. „Тиверій,—говоритъ онъ:—облѣнился, не заботился правильной смѣнѣ правителей провинціи“. Между тѣмъ, о выходило изъ очень правильнаго размышленія, ибо ждая смѣна вела за собой большія неудобства. Относи-льно злоупотребленій онъ былъ безпощадно строгъ; жа-бы провинціаловъ всегда находили его готовымъ выслу-шивать ихъ; производилъ слѣдствія строго и безпристрастно.

Сверхъ того, былъ чрезвычайно бережливъ; эта бережливость была въ пользу провинцій; расточительность вела впослѣдствіи къ жестокости, къ насильственному присвоенію частной собственности, конфискаціямъ и казнямъ, что употребляется нынѣ только на востокѣ. Относительно Рима Тиверій вел себя иначе. Первоначально онъ поднялъ сенатъ, отнявъ у комицій право избранія сановниковъ. Можете судить о сте пени равнодушія въ римскихъ массахъ. Эта мѣра не вы звала ни возстанія, ни сильнаго ропота. Народъ, повиди мому, не роптал на отнятіе права, которое перестало до ставлять выгоды; онъ оставался равнодушнымъ вслѣдстві своего разврата и упадка патріотическихъ чувствъ. Народ какъ-бы добровольно отказался отъ своего права: выборы н приносилъ столько доходовъ, искатели должностей мен тратили денегъ. Само правительство снабжало хлѣбомъ н родъ, давало игры. Народъ покорился волѣ император Тиверій, отнявъ у народнаго собранія право избирать сано никовъ, перенесъ это право сенату. Ослабивши съ этой ст роны народъ, повидимому Тиверій усилилъ сословіе, на болѣе для него опасное, именно сенатъ: отнынѣ въ сена избирались сановники; сенатъ-же наполнялся представит лями древнихъ римскихъ учрежденій, древняго римска духа; здѣсь только сохранились преданія и сожалѣніе о пр шедшемъ и надежды на возвратъ этого прошедшаго. Тиверій очень хорошо понялъ значеніе своего дѣла: сена былъ у него подъ рукою, онъ могъ дѣйствовать на не легче и удобнѣе, нежели на массы; ему были извѣст имена подающихъ голоса, были извѣстны партіи; онъ обр щался лично къ каждому сенатору съ просьбой, котор равнялась приказанію подать голосъ въ пользу его канд датовъ. Сосредоточивъ большую часть законодательной нѣкоторую часть исполнительной власти въ рукахъ сена Тиверій тѣмъ болѣе подозрительно смотрѣлъ на это сос віе, опасался его. Съ этихъ поръ начинается борьба меж сенатомъ и римскими императорами, кровавые слѣды ко рой находимъ въ римской исторіи.

Тиверій имѣлъ двоякій характеръ. Римскіе историки величайшій между ними Тацитъ, представляютъ его чу вишнымъ тираномъ; между тѣмъ, у нихъ-же вырыва признанія другого рода. Видно, что провинціи любили верія; видно, что онъ радѣлъ объ ихъ благосостояніи; стокость Тиверія была обращена преимущественно на Ри на сенатскія фамиліи, иногда и на людей низшаго сосл въ Римѣ, возбуждавшихъ его подозрѣніе. Провинціи, мо

сказать, благоденствовали. Причины другихъ отношеній понять нетрудно. Вы видѣли, какъ страшно тяготѣла республика надъ провинціями, какъ разнились интересы республики отъ интересовъ провинцій. Конечно, съ воспоминаніемъ о римской республикѣ соединялось много прекраснаго, великаго и славнаго; но это великое, прекрасное и славное и не принадлежало провинціямъ. Отъ этого порядка вещей для нихъ оставался гнетъ постоянный и неслыханный въ исторіи. Въ Римѣ Тиверію приходилось бороться съ явными и тайными опозиціями; явныя опозиціи явно и нерѣшительно высказывались въ сенатскихъ засѣданіяхъ; тайныя злоумышленія были несравненно чаще. Не только между сенатскими потомками древнихъ аристократическихъ фамилій находимъ защитниковъ прежняго порядка вещей, но въ самомъ семействѣ цезаря находимъ мы ихъ отголосокъ. Старшій братъ его, Друзъ, умершій еще при Августѣ, не скрывалъ своего сочувствія къ республиканскимъ формамъ; республиканская партія смотрѣла на него какъ на возстановителя республики по смерти Августа. Еще съ большею любовью смотрѣли они на сына Друза, наслѣдовавшаго отцовскую славу и убѣжденіе, на Германика. Юный полководецъ рано пріобрѣлъ громкую славу въ Германіи, оттого и прозванъ Германикомъ; онъ жилъ душой прошедшимъ, онъ принадлежалъ къ числу благородныхъ, но терявшихся въ безполезныхъ усиліяхъ мечтателей, которые думали воскресить прошедшее. Тиверій преимущественно былъ администраторъ, государственный человѣкъ. Не изъ-за любви къ человѣчеству Тиверій покровительствовалъ провинціямъ, не изъ благородныхъ побужденій, но изъ любви къ порядку, которая свойственна справедливости строгой, холодной, отчасти изъ ненависти къ аристократіи, которой не давалъ онъ поживиться насчетъ провинціаловъ. Но душа ожесточалась постоянными подозрѣніями. Тиверій былъ отъ природы смѣлъ, но ежеминутная опасность сдѣлала его подъ старость мнительнымъ и трусливымъ. Онъ покинулъ Римъ, боясь жить въ Римѣ; удалился на островъ Капрею и окружилъ себя всевозможными предосторожностями. Тамъ, окруженный граматиками, риторами и астрологами, по словамъ Светонія, проводилъ онъ, дряхлый старикъ, старческіе годы въ самомъ отвратительномъ развратѣ, о которомъ новыя времена конечно не имѣютъ понятія; но руки его не ослабли, мысль сохранила прежнюю энергію; отсюда правилъ онъ судьбами Рима, и его неясныя, двусмысленныя приказанія приводили въ смущеніе сенатъ. Тацитъ сохранилъ намъ нѣсколько этихъ посланій его. Въ

нихъ видно и желаніе Тиверія быть непоняту, и видно угрызеніе совѣсти. Не входя въ подробности жизни Тиверія, укажу на главные факты. Германикъ, внушившій опасеніе Тиверію, умеръ на тридцать четвертомъ году въ Сиріи. Общественное мнѣніе подозрѣвало Тиверія въ отравленіи племянника; орудіемъ Тиверія былъ Пизонъ, правитель Сиріи. По общему убѣжденію въ Римѣ, Тиверій долженъ былъ удовлетворить требованію раздраженнаго народа: Пизонъ былъ преданъ суду. Изъ превосходнаго разсказа Тацита очевидно, что у Пизона была какая-то тяжелая тайна на душѣ; быть-можетъ онъ не хотѣлъ выдать Тиверія, разоблачить данныя ему инструкціи; онъ не дождался приговора и предалъ себя смерти. Еще съ большей ненавистью вооружилось общественное мнѣніе противъ жены Тиверія; но она нашла защитницу въ своей матери Юліи, имѣвшей большое вліяніе при Августѣ и сохранившей его при сынѣ. У Тиверія оставался наслѣдникъ, сынъ Друза; но Друзъ внушилъ подозрѣніе отцу. Отчасти виновникомъ дурныхъ отношеній между Тиверіемъ и Друзомъ былъ префектъ преторіанцевъ Сеянъ; онъ-то раздражалъ императора безпрестанными доносами. Друзъ умеръ отравленный; въ этомъ преступленіи не былъ виноватъ Тиверій, но виновата его супруга, которая находилась въ связи съ Сеяномъ и которой Сеянъ обѣщалъ жениться на ней по смерти Тиверія. У Сеяна были честолюбивые замыслы: чтобы занять мѣсто цезаря, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти Тиверія, который ему неограниченно вѣрилъ. Ближайшими родственниками оставались сыновья Германика; двое изъ нихъ погибли; супруга его Агрипина подверглась той-же участи; оставался меньшой сынъ, который сопровождалъ Тиверія на островъ Капрею, впослѣдствіи столь знаменитый Калигула, котораго судьба сохранила на горе римскому народу. Въ то время, какъ Тиверій жилъ на островѣ Капреѣ, исполнителемъ его приказаній, главнымъ распорядителемъ въ Римѣ, оставался Сеянъ; власть его была огромная: онъ былъ начальникомъ преторіанской стражи. Нужно сказать о значеніи этого войска, которое имѣло впослѣдствіи такое огромное вліяніе на судьбу римской имперіи. Вамъ извѣстно, что ставка римскаго военачальника называлась „praetorium“, и преторіанцы составляли первоначально стражу полководца изъ избраннаго войска, постоянную, необходимую для охраненія особы полководца. Когда римская республика пала, когда Августъ началъ утверждать другія формы правленія, то онъ придвинулъ къ самому Риму преторіанскую стражу, которая находилась при немъ въ качествѣ оберега-

телей его особы, какъ императора, т. е. начальника войска; но вооруженные воины не могли вступать въ Римъ; они жили за городомъ, въ казармахъ; число ихъ сначала было незначительно, но потомъ при каждомъ императорѣ оно увеличивалось. Они рѣдко ходили на войну, большею частью жили подлѣ Рима и служили лучшею порукою за безопасность императоровъ. Мѣсто начальника преторіанцевъ давалось людямъ, къ которымъ императоръ имѣлъ полное довѣріе. Такою-то властью былъ облеченъ Сеянъ, оставшійся главнымъ исполнителемъ воли Тиверія. Но замыслы Сеяна были открыты; онъ погибъ. Надобно прочесть эпизодъ у Тацита; здѣсь превосходно выраженъ характеръ Тиверіева правленія (Annalium lib. V, cap. 4—9). Тиверій нерѣшительно дѣйствовалъ противъ Сеяна: онъ былъ неувѣренъ въ успѣхѣ, онъ боялся Сеяна; онъ видѣлъ, что далъ слишкомъ много власти, но уже было поздно; онъ обращается къ сенату съ двусмысленными грамотами, какъ-бы пробуетъ сенатъ, не рѣшится-ли онъ дѣйствовать противъ Сеяна, хоть и зналъ, что его сенатъ ненавидѣлъ. Общее мнѣніе было противъ этого временщика. Участь его была ужасна; даже его малолѣтніе дѣти были преданы самой позорной смерти, особенно малолѣтняя дочь, предварительно обезчещенная палачемъ. Всѣ друзья его, которые выразили какое-либо участіе къ судьбѣ его, подверглись гоненію и большею частью казни. Немногіе друзья Сеяна спаслись. Замѣчателенъ отвѣтъ одного сенатора, котораго обвиняли въ сношеніяхъ съ Сеяномъ: „Я былъ близокъ къ Сеяну, потому-что раздѣлялъ заблужденіе императора“. Тиверій пощадилъ его. Вскорѣ послѣ Сеяна погибла Агрипина, вдова Германика. Трудно найти судьбу болѣе трагическую. Время было ужасное. Для того, чтобы безпрепятственнѣе преслѣдовать личныхъ враговъ своихъ, Тиверій воскресилъ старинный законъ объ оскорбленіи народнаго величества (lex de laesa majestate populi), существовавшій во времена республики. Дѣйствительно, этому закону подвергался всякій оскорбитель народа римскаго, однако, онъ рѣдко прилагался, а въ послѣднее время республики совсѣмъ не примѣнялся. Тиверій воскресилъ его, но въ свою пользу: оскорбитель его личности былъ оскорбителемъ и римскаго народа, потому-что онъ былъ представителемъ римскаго народа, верховнымъ сановникомъ. Этотъ законъ получилъ неопредѣленное значеніе: ему подвергались и настоящіе заговорщики, и тѣ, которые позволяли себѣ неприличное выраженіе предъ изображеніемъ императора. Непристойное слово, сказанное передъ статуей императора, не-

приличное выраженіе, употребленное человѣкомъ, у котораго на рукѣ былъ перстень съ изображеніемъ императора, составляли уже достаточную причину для обвиненія. Достаточно было показаніе недовольнаго раба, чтобы подвергнуть знатнаго римлянина слѣдствію, которое кончалось казнью или конфискаціей. Но доносчики были не между одними рабами. Образовался цѣлый классъ людей — delatores; объ этомъ страшномъ классѣ римскаго общества римскіе писатели оставили много замѣчательныхъ, потрясающихъ подробностей. Эти delatores большею частью принадлежали къ высшей римской аристократіи; ихъ можно причислить къ тому-же разряду людей, которые въ послѣднее время республики жаждали переворотовъ государства для своей личной пользы, къ числу которыхъ принадлежалъ Катилина, какимъ его изображаютъ Салюстій и Цицеронъ. Большею частью эти delatores были люди даровитые, честолюбивые, но безнравственные, разоренные, прибѣгавшіе ко всѣмъ средствамъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Многіе отличались ораторскимъ талантомъ, и такой талантъ былъ нуженъ: они говорили предъ сенатомъ; возражать имъ было опасно; защитникъ человѣка, обвиненнаго въ нарушеніи закона de majestate, часто подвергался участи обвиненнаго, или оставался на замѣчаніи. Вмѣстѣ съ этими аристократическими обвинителями дѣйствовали заодно и лжесвидѣтели. Обвинители принадлежали къ высшему классу общества, лжесвидѣтели выбирались изъ самыхъ низшихъ рядовъ его; ихъ поощряли обѣщаніемъ награды; за всякимъ приговоромъ за оскорбленіе величества императора или народа слѣдовала конфискація имѣнія; часть этихъ имѣній поступала въ казну, другая отдѣлялась въ награду обвинителей и лжесвидѣтелей. Потому самое нелѣпое обвиненіе находило готовыхъ свидѣтелей. Съ нашей точки зрѣнія несовсѣмъ понятно такое безнравственное явленіе. Оно объясняется многими обстоятельствами римской жизни, во первыхъ, самымъ воспитаніемъ молодежи. Молодые римляне знатнаго сословія при императорахъ такъ-же продолжали воспитываться, какъ ихъ отцы и дѣды; ихъ учили преимущественно краснорѣчію, Во время республики это искусство было необходимо; при императорахъ оно утратило свое практическое значеніе, но воспитаніе оставалось одно и то-же. Во времена республики юный гражданинъ, желая начать свое политическое поприще, выступалъ обвинителемъ какого-нибудь государственнаго сановника, преступившаго власть свою; въ этомъ не было ничего постыднаго: это обли-

ало въ гражданинѣ любовь къ закону, ненависть къ не-
равдѣ. Теперь такое явленіе сдѣлалось почти невозмож-
ымъ, такая дѣятельность пресѣклась; но обвинители и те-
ерь говорили во имя старыхъ преданій; многіе изъ нихъ
ыли люди съ великими ораторскими дарованіями. Тацитъ
оворитъ о нихъ съ глубокимъ, вполнѣ заслуженнымъ не-
одованіемъ, но отдаетъ справедливость имъ въ отношеніи
хъ дарованій, которыми, къ несчастію, многіе изъ нихъ были
дарены на гибель гражданъ. Такое же указаніе можно найти
ъ письмахъ Плинія-младшаго: тамъ въ нѣсколькихъ пись-
ахъ есть подробное извѣстіе о Регулѣ-delatore, во II сто-
лѣтіи дѣйствовавшемъ при Домиціанѣ; онъ былъ человѣкъ
резвычайно образованный, литераторъ съ большимъ вку-
омъ, но желчный, самолюбивый, мстившій какъ за самую
трашную обиду, такъ и за невинную насмѣшку, завистли-
ый, готовый обвинять всѣхъ и каждаго. Замѣчательно то
печатлѣніе, которое Регулъ производилъ въ римскомъ об-
ществѣ: при появленіи его говорить боялись, молчать также
ыло опасно; молчаніе могло быть объяснено въ другую сто-
рону. Этотъ-то порядокъ вещей завелъ Тиверій въ Римѣ.
По справедливому выраженію римскаго историка, продол-
жались междоусобія въ сенатѣ, гибли лучшіе граждане за
ю, что ихъ считали враждебными системѣ Тиверія, обви-
няли въ нарушеніи народнаго величества. Послѣдніе годы
своего правленія Тиверій провелъ на островѣ Капреѣ. Та-
цитъ и Светоній увѣряютъ, что Тиверій впродолженіи оди-
надцати лѣтъ не возвращался изъ Капреи въ Римъ, что
онъ будто нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ стѣнамъ города,
но никогда не осмѣливался въѣхать въ него. Сверхъ того
на островѣ онъ велъ жизнь распутную и былъ обезображенъ
позорною болѣзнью; поэтому самому онъ стыдился показаться
римскому народу и боялся за жизнь свою. Послѣ Тиверія
остались его записки, различныя комментаріи—памятникъ
очень важный, но къ несчастью утраченный. Эти комментаріи
изучалъ Кай Цезарь, который оставался при Тиверіи на
острові Капреѣ и котораго рано разгадалъ Тиверій. Од-
нажды Тиверій заболѣлъ, ему сдѣлалось дурно и онъ оста-
вался нѣсколько часовъ безъ движенія. Преемникъ Сеяна
Макронъ провозгласилъ императоромъ Кая Цезаря. Но Ти-
верій очнулся. Макронъ понялъ, что ему грозила опасность
и задушилъ слабаго старика подушками. Такимъ образомъ
кончилось это правленіе, нанесшее самые страшные удары
не только республиканскимъ учрежденіямъ, но и сенату. Но
у Тиверія, по крайней мѣрѣ, въ государственномъ правленіи

лежитъ идея: онъ дѣйствовалъ въ пользу провинцій, ослабляя римскую аристократію, при которой невозможно было благоденствовать провинціямъ. Когда-же Тиверій умеръ и мѣсто его заступилъ воспитанникъ его, сынъ благороднаго Германика, Калигула, тогда началась эпоха унизительная, какихъ мало встрѣчались въ исторіи человѣчества.

По смерти Тиверія, мѣсто его заступилъ Кай Цезарь, прозванный еще въ дѣтствѣ своемъ воинами римскихъ легіоновъ Калигулой; ему было 25 лѣтъ отъ роду, когда онъ наслѣдовалъ Тиверію. Народъ римскій привѣтствовалъ его радостно; причины этой радости были слѣдующія: во первыхъ, ненависть, которую всѣ сословія римскаго народонаселенія питали къ Тиверію; во-вторыхъ, память о Германикѣ, отцѣ Калигулы, молодомъ, блистательномъ полководцѣ, который оставилъ столько сожалѣнія по себѣ въ Римѣ; наконецъ, дѣла, обѣщанія Калигулы въ первые дни правленія. Все это соединилось не только къ обольщенію народа, но и сената. Тиверій съ его глубокимъ умомъ рано понялъ Калигулу: онъ пророчилъ въ немъ страшнаго бича римскому народу; предсказаніе его оправдалось. Первые дни были прекрасны: Калигула явился въ Римъ изъ Капреи, гдѣ онъ находился до самой кончины Тиверія; онъ началъ тѣмъ, что отмѣнилъ законъ о преступленіи противъ величества, возвратилъ всѣхъ изгнанныхъ, сжегъ много документовъ, на основаніи которыхъ могли быть, по его мнѣнію, преданы суду многіе знатнѣйшіе граждане Рима, и праздновалъ вступленіе на престолъ великолѣпными играми; онъ первый ввелъ въ обычай давать подарки протеріанцамъ и войску, такъ называемые donativa. Нѣтъ сомнѣнія, что Калигула въ эти счастливые дни своей жизни дѣйствовалъ чистосердечно; для притворства не было причины. Но въ самомъ началѣ его правленія нельзя было не замѣтить разстройства умственныхъ способностей, признаковъ помѣшательства, которое обнаружилось очень рано. Бюсты и изображенія его, дошедшіе до насъ, обличаютъ въ немъ болѣзненное тѣлосложеніе: онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, по временамъ только тѣло пухло; лицо постоянно блѣдное, глаза сверкающіе; этому лицу онъ придавалъ странное выраженіе постоянными гримасами. Онъ былъ не лишенъ дарованій, образованія: вообще всѣ знатные римляне были хорошо воспитаны; но онъ и между образованными могъ назваться весьма образованнымъ; у него былъ ораторскій талантъ, онъ любилъ говорить рѣчи, отличался восторженнымъ, нѣсколько напыщеннымъ, по страстнымъ краснорѣчіемъ, любилъ показываться передъ наро-

домъ, любилъ искусство, и особенно драматическое, бралъ уроки декламаціи у знаменитаго въ то время актера; на играхъ, которыми онъ тѣшилъ римлянъ и на которыя Августъ и Тиверій были скупы, онъ не считалъ унизительнымъ самому являться. Къ литературѣ его отношенія были другія: при Тиверіи начались строго преслѣдоваться сочиненія, въ которыхъ новый порядокъ подвергался осужденію; смѣлыя выходки нерѣдко навлекали смерть на сочинителя. Калигула разрѣшилъ не только чтеніе, но даже продажу сочиненій, исполненныхъ республиканскаго духа, негодованія противъ новыхъ формъ. Но это отношеніе къ сенату и народу продолжалось недолго. Калигулѣ нетрудно было быть великодушнымъ и щедрымъ въ началѣ, вслѣдствіе огромныхъ сокровищъ, которыя были оставлены бережливымъ Тиверіемъ: онъ оставилъ 130 милліоновъ серебромъ — если принять въ соображеніе цѣнность нашихъ денегъ, то это выйдетъ 800 мил. серебромъ. Калигула щедро расточилъ этотъ запасъ, не заботясь о будущемъ; черезъ годъ сокровищъ не стало. Но расточительность обратилась въ привычку; а любовь народная основывалась на этой расточительности. Надобно было прибѣгнуть къ новымъ способамъ добывать деньги. Древній міръ относительно экономическихъ вопросовъ былъ крайне неопытенъ; источники государственныхъ доходовъ отнюдь не были такъ разнообразны, какъ теперь. Только крайней бережливостью Тиверій могъ скопить тотъ запасъ, который онъ завѣщалъ Калигулѣ. У Калигулы не было ни бережливости, ни умѣнья, но онъ нашелъ самый легкій способъ пополнять казну чрезъ конфискацію частной собственности. Законъ de laesa majestate не былъ возстановленъ, но Калигулъ дѣлалъ хуже: безъ предварительнаго суда, безъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ, которыми ограждалась личность подсудимаго, однимъ своимъ повелѣніемъ онъ обрекалъ на смерть гражданъ, ему ненавистныхъ и подозрительныхъ по своему богатству и подвергалъ ихъ опалѣ; разумѣется, эти жертвы принадлежали къ сенаторскимъ фамиліямъ. Поводовъ къ казнямъ было много. У Калигулы умерла сестра Друзилина, къ которой онъ былъ очень близокъ; онъ предался отчаянной скорби, приказалъ причислить ее къ богамъ и, такимъ образомъ, задалъ римскому народу кровавую загадку. Тотъ, кто надѣвалъ трауръ по ней, подвергался опасности: онъ, слѣдовательно, не признавалъ ее богиней, ибо по богинямъ траура не носили; кто не надѣвалъ траура, тотъ, слѣдовательно, не принималъ участія въ потерѣ императора. Многіе граждане заплатили жизнью за подобную выдумку

Калигулы. Когда онъ былъ боленъ, одинъ римлянинъ, вѣроятно, желая обратить на себя милостивое вниманіе императора, далъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія Калигулы, принести себя въ жертву богамъ, и Калигула по выздоровленіи велѣлъ ему исполнить свой обѣтъ, а имѣніе его взять въ казну. Вступивши однажды на эту дорогу, Калигула не могъ остановиться. Самое обыкновенное объясненіе такого поведенія заключается въ томъ, что онъ былъ сумасшедшій, притомъ злой и безнравственный, испорченный дурнымъ воспитаніемъ и примѣрами при дворѣ Тиверія и наконецъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Быть-можетъ въ цѣлой исторіи древней и новой Европы мы не найдемъ примѣра такого шаткаго положенія, какъ положеніе первыхъ римскихъ императоровъ. Власть римскихъ императоровъ была чисто фактическая, права не было; каждый изъ императоровъ носилъ сознаніе, что смерть его будетъ принята съ восторгомъ, что большая часть римлянъ смотритъ на нихъ, какъ на похитителей, и каждый считалъ себя вправѣ захватить эту власть. Надо было опираться на легіоны, подкупая ихъ деньгами. Тиверій умѣлъ держаться необыкновенной строгостью; онъ поддерживалъ дисциплину, для провинцій онъ былъ отличный правитель; но несмотря на то, онъ не избѣгъ насильственной смерти, и убійцы его не были казнены. Можно себѣ представить, какъ это подѣйствовало на Калигулу! Страхъ потерять власть, подозрительность, начатки помѣшательства,—все это соединилось для того, чтобы представить психологическую загадку характера Калигулы. У него буквально, можно сказать, кружилась голова. Расточивъ награбленное въ Римѣ, онъ отправился обирать провинціи. Галлія,—цвѣтущая, богатая область, была первымъ поприщемъ его дѣятельности. Калигула принялъ полу-сумасшедшія мѣры. Такимъ образомъ онъ продавалъ съ аукціона вещи дома Цезарей; всякая мелочь ихъ дворца продавалась весьма дорогою цѣною, на томъ основаніи, что она напоминала подданнымъ объ ихъ повелителяхъ; при продажѣ присутствовалъ самъ Калигула, самъ набавлялъ цѣну и заставлялъ подымать ее, самъ назначалъ покупателей, а отказываться несовсѣмъ было безопасно. Съ этимъ соединялъ онъ забавы, обличавшія его сумашествіе. Такъ, въ Ліонѣ (Lucdunum) онъ назначилъ состязаться всѣмъ галльскимъ поэтамъ, писавшимъ по-латыни; назначены были призы, награды за лучшія стихотворенія; плохихъ поэтовъ заставлялъ слизывать языкомъ все написанное и бросалъ въ Рону. Но ему, сверхъ того, хотѣлось поравняться и въ военной

ѣ со своими предшественниками. Онъ двинулся про-
» Британіи, съ легіонами подошелъ къ берегу моря и
умалъ; велѣлъ воинамъ набрать раковинъ и объявилъ
побѣдителемъ океана, потому что несъ добычу, отня-
у него. Потомъ отправился противъ германцевъ; пере-
ъ черезъ Рейнъ и возвратился назадъ, не видавъ ни од-
» германца; онъ велѣлъ изъ легіоновъ отобрать всѣхъ
ихъ и рыжихъ воиновъ и съ тріумфомъ вести ихъ въ
ъ, какъ плѣнныхъ германцевъ. Между Италіей и Сици-
онъ хотѣлъ построить мостъ. Безумные, дикіе замыслы
оскорбляли всѣхъ благородныхъ римлянъ, наводили
ихъ на безсмысленныя массы. Кромѣ Светонія и Тацита,
асъ есть весьма любопытный памятникъ—описаніе по-
льства александрійскаго еврея Филона, ходатайствовав-
о по дѣлу своихъ единовѣрцевъ; онъ былъ представленъ
игулѣ, видѣлъ императора, бесѣдовалъ съ нимъ и оста-
ъ любопытное описаніе. Съ каждымъ днемъ, можно ска-
ь, увеличивались раздражительность и сумасшествіе; подъ
ецъ Калигула требовалъ себѣ божескаго поклоненія. Не
него начался обычай причислять къ богамъ императо-
ъ, но только не при жизни, а по смерти. Калигула по-
вилъ свою статую въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго;
гимъ статуямъ велѣлъ отбить головы и придѣлать свое
браженіе; но скоро почелъ унизительнымъ для себя сто-
рядомъ съ Юпитеромъ и выстроилъ себѣ особый храмъ,
по нѣскольку часовъ стоялъ на пьедесталѣ и прини-
ъ поклоненіе. Онъ продавалъ мѣста жрецамъ за боль-
деньги, и такимъ образомъ пріобрѣлъ новый источникъ
поправленія денежныхъ средствъ. Онъ сталъ являться
пароду въ одеждѣ и аттрибутахъ различныхъ божествъ,
ке женскихъ: Юноны, Венеры и Діаны; разсказывалъ о
ихъ сношеніяхъ съ прочими богами, о побѣдахъ надъ
итеромъ. Четыре года терпѣли римляне это унизительное
дычество; наконецъ, между самими преторіанцами, кото-
къ онъ осыпалъ и деньгами, и оскорбленіями, составился
оворъ, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ старыхъ
туріоновъ Херея. Заговорщикъ убилъ Калигулу во двор-
Тогда Римъ представлялъ странное и печальное зрѣ-
це. Сенатъ собрался немедленно для совѣщанія о новомъ
вительствѣ. Мнѣніе большинства было возстановить рес-
блику; полицейскіе солдаты (cohortes urbanae) были на
ронѣ сената; между преторіанцами, особенно офицерами,
сколько голосовъ раздѣляли такое-же мнѣніе; но внѣ се-
а и кромѣ небольшого числа воиновъ, согласныхъ съ его

мнѣніемъ, не было сочувствія къ республикѣ. Сенатъ провелъ цѣлую ночь въ совѣщаніяхъ и вдругъ узналъ, что новый императоръ уже провозглашенъ. Во время тревоги преторіанцы бросились грабить дворецъ; въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ одинъ преторіанецъ нашелъ спрятавшагося человѣка, вытащилъ его и узналъ въ немъ дядю Калигулы, Клавдія. Преторіанцы провозгласили его немедленно императоромъ и взяли съ собою въ лагерь; на другой день безсильный сенатъ преклонился предъ ихъ выборомъ. Изъ всѣхъ членовъ августовской фамиліи ни одинъ не обращалъ на себя такъ мало вниманія, какъ сынъ знаменитаго отца Друза, братъ Германика. Клавдій постоянно былъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія въ собственномъ семействѣ; онъ былъ разсѣянъ до крайности; когда онъ родился, мать получила къ нему отвращеніе, она не любила его; онъ былъ безобразенъ, отличался опрометчивостью, безпамятствомъ, просто сказать глупостью, имѣлъ тяжелое пониманіе, говорилъ не то, что хотѣлъ, языкъ якобы ему не повиновался, былъ совершенно неловокъ. Августъ стыдился его, Тиверій презиралъ, Калигула пощадилъ, потому что онъ не внушалъ никакого опасенія. Забытый, загнанный Клавдій началъ заниматься наукой; онъ былъ не лишенъ нѣкотораго ума, но умъ скрывался подъ странною, невыгодною наружностью. Наставникъ его былъ Титъ-Ливій; онъ совѣтовалъ ему употребить досугъ, котораго у Клавдія было много, на изученіе римскихъ древностей; по отзывамъ нѣкоторыхъ, даже людей враждебныхъ Клавдію, онъ былъ глубокій знатокъ древности, но мало было у него такта; онъ составилъ подробное описаніе междуусобной войны Цезаря и тріумвировъ, и здѣсь откровенно разсказываетъ о преступленіяхъ своихъ родственниковъ цезарскаго дома. На государственныя дѣла не имѣлъ никакого вліянія и не вмѣшивался въ нихъ. При Калигулѣ онъ назначенъ былъ консуломъ, но это былъ лишь пустой титулъ. Такимъ образомъ прошла жизнь Клавдія до провозглашенія императоромъ. Онъ былъ не готовъ для этого возвышенія, оно застало его врасплохъ. Но правилъ-ли онъ? Можно было напередъ предвидѣть, что Клавдій будетъ править Римомъ не своимъ умомъ, а подъ вліяніемъ людей его окружавшихъ. За него правили его вольноотпущенники: Полибій, Палласъ, Нарцисъ, въ рукахъ которыхъ была и собственность, и жизнь гражданъ; они составили себѣ огромныя богатства. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ римской жизни. Мы уже видѣли положеніе образованныхъ рабовъ въ Римѣ, занимавшихъ при господинѣ такія долж-

ности, которыя занимаютъ теперь люди свободные: секретари, чтецы были изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Надо замѣтить, что у римскихъ гражданъ было особое понятіе о чести. Тѣ самые сенаторы, которые не стыдились рукоплескать самымъ жестокимъ поступкамъ, сочли-бы за униженіе для себя личную службу въ домѣ цезаря. Римскіе цезари жили одиноко въ своихъ дворцахъ; обыкновенно ихъ общество состояло изъ этихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, составлявшихъ дворъ императора. Но еще большею властью пользовалась супруга его Мессалина, извѣстная по энергическимъ грязнымъ стихамъ Ювенала, и потомъ Агрипина. Между Мессалиной и вольноотпущенниками шла борьба: они не любили Мессалины, Мессалина ненавидѣла ихъ. Вы найдете превосходную характеристику того времени въ изслѣдованіи профессора Кудрявцева: „Римскія женщины по Тациту". Несмотря на очень благія начинанія, Клавдій постоянно возбуждалъ смѣхъ въ народѣ своимъ появленіемъ, а онъ любилъ являться передъ народомъ, любилъ искренно справедливость, самъ засѣдалъ въ судахъ и отличался нѣкоторымъ здравомысліемъ. Какъ антикварій, онъ старался возстановить обычаи страны, которые потеряли всякое значеніе. Къ числу замѣчательныхъ памятниковъ царствованія Клавдія принадлежитъ вновь устроенная гавань при устьяхъ Тибра, потомъ устройство канала, посредствомъ котораго Клавдій хотѣлъ спустить Фуцинское озеро (lacus Fucinus) въ Средиземное море. Описаніе Тацита даетъ намъ вѣрное понятіе о работахъ надъ этимъ каналомъ и празднествахъ, совершенныхъ при окончаніи его. Десять тысячъ человѣкъ работали надъ этимъ каналомъ; для него нужно было прорѣзать нѣсколько горъ. День спуска озера ознаменованъ былъ торжествами. Клавдій въ этотъ день хотѣлъ видѣть дѣйствительное сраженіе; для этого приготовлено было 19.000 преступниковъ-гладіаторовъ, которые должны были биться на-смерть. Весьма немногіе изъ нихъ спаслись, и имъ даровано было прощеніе. Озеро, впрочемъ, осталось на прежнемъ мѣстѣ, потому что каналъ былъ неудачно вырытъ. Несмотря на то, что отъ природы онъ не былъ жестокъ, въ Римѣ часто совершались казни по волѣ жены и вольноотпущенниковъ. Клавдій ничего не зналъ, ничего не видѣлъ, онъ былъ весьма разсѣянъ. Ему случалось нынче кого-нибудь приговорить къ смерти, а завтра онъ велитъ пригласить его къ столу. Многое совершалъ онъ подъ вліяніемъ вина. Общее вниманіе было обращено на Мессалину, предавшуюся своимъ прихотямъ. Множество гражданъ были

лишены жизни за то только, что у нихъ сады были лучше мессалининыхъ. Мессалина обманывала Клавдія на каждомъ шагу; дошедши до крайней степени разврата, она, наконецъ, при жизни Клавдія торжественно признала свой бракъ съ молодымъ римляниномъ Силіемъ, который ей понравился, бракъ былъ совершенъ съ великолѣпными обрядами и торжествомъ въ виду всего народа. Вольноотпущенники донесли объ этомъ императору и тогда только она была обличена и казнена. Но Клавдій на другой-же день забылъ объ этомъ и спрашивалъ: „гдѣ Мессалина? почему она не идетъ сюда?“ Клавдій искалъ себѣ новой супруги, или, лучше сказать, новой владычицы, и нашелъ эту супругу въ лицѣ Агрипины, дочери Германика. Агрипина была извѣстна въ Римѣ преступными отношеніями къ брату своему Калигулѣ; но на нее палъ выборъ Клавдія, потому что она была хороша собой и умна. Она принесла съ собой Клавдію роковое приданое - знаменитаго Нерона. У Клавдія, собственно, отъ Мессалины оставался сынъ Британикъ, но когда онъ вступилъ во второй бракъ съ Агрипиной, то она умѣла овладѣть умомъ старика и заставила его назначить преемникомъ не сына Британика, а своего собственнаго сына отъ перваго брака съ Кнеемъ Домиціемъ Агенобарбомъ—Нерона. Агрипина была съ нимъ въ разводѣ, и какъ она извѣстна была своими порочными наклонностями, такъ и его репутація была не лучше, такъ что самъ Домицій Агенобарбъ говорилъ, что „отъ меня и отъ Агрипины можетъ произойти только чудовище“. И, въ самомъ дѣлѣ, это чудовище родилось. Для скрѣпленія связей, Неронъ былъ обрученъ съ Октавіей, дочерью Клавдія. Есть причины думать, что Клавдій подъ конецъ жизни горько раскаялся въ устраненіи Британика отъ престола, опасаясь за участь сына, переданнаго такимъ образомъ распоряженію пасынка, и могъ измѣнить свое рѣшеніе. Между Агрипиной и отпущенниками шла та-же борьба, которая стоила жизни Мессалинѣ, но Агрипина была осторожна; она постаралась сбыть съ рукъ Клавдія. Мы приведемъ по этому случаю характеристическую черту этого времени. Въ это время въ Римѣ была женщина Локуста, извѣстная своимъ искусствомъ составлять яды; она имѣла цѣлый магазинъ ядовитыхъ травъ, вела ими торговлю и давала средства избавляться отъ ненавистныхъ людей; она, по выраженію Тацита, была въ числѣ средствъ правительства (diu inter instrumenta regni habita. Annalium lib. XII, cap. 66). Эта Локуста снабдила и Агрипину ядомъ, отъ котораго умеръ Клавдій. Партія непріятелей Агрипины увеличивалась и

мертью Клавдія она ускорила свое паденіе. Цѣлая исторія не представляетъ такого страшнаго, чудовищнаго разврата. Но несмотря на эти темныя стороны древней жизни, видно хотя медленное развитіе новыхъ началъ. Такъ Клавдіемъ издано было постановленіе, которое ограничивало власть господина. Онъ не могъ казнить раба и бросить его безъ призрѣнія больного. Это было для того времени неслыханное нововведеніе; въ этомъ мы видимъ развитіе человѣчества, проникновеніе новыхъ началъ, которыя впослѣдствіи были провозглашены христіанствомъ. Клавдій, я сказалъ, умеръ отравленный на четырнадцатомъ году своего правленія. Философъ Сенека написалъ по этому поводу сатирическое сочиненіе: „Luctus de morte Claudii Caesaris“, забавный панегирикъ, въ которомъ Клавдій былъ выставленъ въ самомъ смѣшномъ видѣ; здѣсь осмѣивается и наружность его, и неловкость его. Замѣчательно то, что Сенека порицаетъ между прочимъ, самыя благородныя намѣренія императора, его любовь къ провинціаламъ, его желаніе уравнять ихъ въ правахъ съ римлянами. Сенека влагаетъ въ уста его слова, что рано или поздно всѣ жители римскаго міра будутъ равны, но притомъ прибавляетъ: „къ счастью, парки прервали дни его, чтобы осталось хотя нѣсколько иностранцевъ для породы“. Такимъ образомъ, благородныя намѣренія императора встрѣтили порицаніе не только со стороны черни, но со стороны просвѣщеннаго и величайшаго философа, который въ теоріи говорилъ совершенно другое.

Подобно Калигулѣ Неронъ прекрасно началъ свое царствованіе. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ заступилъ мѣсто Клавдія. Разумѣется, сначала правилъ не онъ; онъ руководствовался преимущественно совѣтами Бурра, который былъ префектомъ, былъ старый заслуженный воинъ, сохранившій древній римскій патріотизмъ, и Сенеки, одного изъ даровитѣйшихъ и умныхъ людей того времени, о которомъ не разъ придется говорить при изслѣдованіи этого періода. О характерѣ Сенеки, по крайней мѣрѣ, въ первые годы его дѣятельности, нельзя отозваться съ особенною похвалою. При Клавдіи онъ жилъ въ изгнаніи и отомстилъ ему язвительной сатирой, не дѣлающей чести его сердцу, хотя въ ней виденъ талантъ и остроуміе. При Неронѣ онъ игралъ двоякую роль: онъ даетъ Нерону хорошіе совѣты, но отъ времени до времени увлекается личнымъ пристрастіемъ, эгоистическими побужденіями; въ цѣломъ вліяніе его было благотворно. Шесть лѣтъ прошли счастливо, только Агриппина своимъ честолюбіемъ, своими кознями возмущала

иногда спокойствіе этой эпохи, но безъ особенно дурныхъ послѣдствій на государство. Никто не предвидѣлъ въ Неронѣ чудовища, какимъ онъ явился впослѣдствіи. Юноша превосходно образованный, даже артистъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, имѣлъ драматическій талантъ, но именно въ этихъ притязаніяхъ на художества и обнаружилась дурная сторона его характера: зависть и ненависть къ людямъ, которые превосходили его своимъ талантомъ. Съ какою-то психологическою постепенностью раскрывается этотъ характеръ. Сначала онъ дѣйствуетъ жестоко въ кругу близкихъ людей: Британикъ, сводный его братъ, умеръ отравленный за обѣдомъ; съ матерью, которая употребляла всѣ недостойныя средства, чтобы держать его въ повиновеніи, онъ приходилъ въ враждебное столкновеніе. Бурръ, который сдерживалъ его, умеръ. Когда не стало Бурра, онъ сталъ дѣйствовать свободнѣе, онъ пошелъ по слѣдамъ Каликулы; началъ гнать знатныхъ людей въ Римѣ за ихъ образъ мыслей, за ихъ богатство; и богатство, и благородный образъ мыслей были равно преступны въ глазахъ Нерона. Низшіе классы мало страдали; онъ тѣшилъ ихъ великолѣпными играми, до которыхъ самъ былъ большой охотникъ; но въ мыслящихъ людяхъ, истинныхъ патріотахъ возбуждалъ ужасъ и презрѣніе. Отношеніе его къ матери кончилось матереубійствомъ. Отравленіе Британика поразило Агрипину, которая надѣялась въ немъ найти себѣ опору. Отрѣшенная отъ участія въ дѣлахъ, оскорбленная Агрипина, предвидѣвшая свою участь въ Римѣ, удалилась въ южную Италію. Но вдали отъ Рима опасности для нея было еще болѣе: тамъ можно было скорѣе сбыть ее съ рукъ. Въ числѣ ея враговъ былъ и Сенека. Прочтите у Тацита страшное описаніе ея смерти, о мѣрахъ, которыя были приняты сыномъ, дабы мать не избѣгла своей участи. Затрудненіе Нерона оставалось только въ выборѣ средствъ: ядъ и мечъ казались неприличными къ этому необыкновенному злодѣянію, возмущающему нравственное чувство человѣка. Вольноотпущенникъ Аницетъ, бывшій прежде дядькою Нерона, взялся за это дѣло и придумалъ новое средство умертвить мать Нерона. Онъ предложилъ построить такого рода корабль, который-бы могъ разрушиться на водѣ; на этомъ кораблѣ пригласить къ себѣ ѣхать Агрипину, и такимъ образомъ утопить ее. Предложеніе Аницета было одобрено, корабль построенъ. Отъ Нерона немедленно было послано письмо къ Агрипинѣ, въ которомъ онъ дружески просилъ ее, чтобы она приплыла на кораблѣ въ Римъ и жила при дворѣ. Но роковой корабль, среди тихой звѣздной ночи

плывшій по морю, не оказалъ надлежащаго дѣйствія. Корабль хотя разрушился на водѣ, но Агрипина спаслась. Догадавшись въ намѣреніяхъ Нерона, она тотчасъ извѣстила его, что покровительствомъ боговъ и императора она спаслась отъ кораблекрушенія. Неронъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и тотчасъ послалъ отрядъ воиновъ убить ее. Ночью этотъ отрядъ явился къ дому, гдѣ находилась Агрипина, и умертвилъ ее. Извѣстіе объ этомъ поразило ужасомъ Римъ. О состояніи умовъ можно судить по слѣдующему. Сенатъ не зналъ что дѣлать: молчать? но зналъ, что этимъ Неронъ оскорбится; привѣтствовать?—но какъ привѣтствовать человѣка, совершившаго самое ужасное изъ преступленій? Самъ Неронъ явился въ сенатъ и произнесъ рѣчь, въ которой оправдывалъ и даже восхвалялъ свое дѣло; эта рѣчь, къ стыду Сенеки, была написана Сенекой. Наконецъ сенатъ рѣшился благодарить Нерона за услугу, оказанную государству; только сенаторъ Petus Thrasea во время совѣщаній вышелъ молча изъ сенатскаго собранія, будучи замѣченъ Нерономъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ стоиковъ, которые одни поддерживали человѣческое достоинство въ развратномъ Римѣ. Когда сенатъ льстилъ Нерону, Тразея молча удалился, ибо говорить не было возможности. Эта нѣмая оппозиція возбудила гнѣвъ Нерона. Доносчики получили приказаніе обвинить Тразею въ уклоненіи отъ лежащихъ на немъ обязанностей сенатора: почему онъ постоянно молчалъ? Если зналъ лучшее, то отчего не говорилъ? А если не зналъ, то почему не одобрялъ предложенное цезаремъ и гласно не заявлялъ истину? Не только на самого Тразею, но на его друзей и родственниковъ пало обвиненіе. Тразея предвидѣлъ свою участь. Когда происходило сенатское совѣщаніе въ Римѣ были предприняты предосторожности, и сенатъ окруженъ стражею. Тразея хотѣлъ идти въ сенатъ, но друзья ему отсовѣтовали. Тацитъ приводитъ причину. Они говорили: „если ты явишься, то никто не станетъ защищать тебя; напротивъ, станутъ оскорблять и бранить, и всѣ примутъ въ этомъ участіе, чтобы показать свою привязанность къ Нерону“. Тразея остался, и его домъ наполнился посѣтителями, приходившими изъ сената извѣщать его о ходѣ дѣлъ. Наконецъ приговоръ произнесенъ: Тразеѣ велѣно умереть. Когда онъ былъ извѣщенъ объ этомъ, то обратился къ гостямъ, благодарилъ ихъ за участіе и просилъ удалиться, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ цезаря. Бесѣдовалъ съ друзьями о безсмертіи души, о цѣли бытія, благословилъ ихъ на предстоящій подвигъ, просилъ жену остаться въ

живыхъ и заботиться о дочери, потомъ удалился въ комнату и предалъ себя смерти. Тацитъ прекрасно разсказываетъ также о смерти Сенеки, который ею искупилъ всѣ свои пороки.

Можно было-бы подумать, что такъ умирали одни стоики, но вотъ судьба эпикурейца. Въ числѣ друзей Нерона былъ нѣкто Петроній, нѣкоторое время служившій государству, хотя безъ охоты. Когда кончился срокъ его консульства, онъ возвратился въ Римъ и началъ вести жизнь эпикурейца. Тацитъ говоритъ, что его нельзя назвать расточителемъ или обжорою, ибо онъ былъ человѣкъ съ изящнымъ вкусомъ и пользовался наслажденіями по законамъ моды и вкуса. Неронъ подружился съ Петроніемъ и его вліяніе возбудило зависть другихъ любимцевъ, особенно Тигеллина, который оклеветалъ Петронія. Императоръ хотѣлъ ѣхать въ южную Италію, Петроній отправился за нимъ; но на дорогѣ, получивъ приказаніе остановиться, понялъ свою судьбу. Остановившись въ своей виллѣ, онъ принялъ друзей, обѣдалъ съ ними, купался, занимался дѣлами, наградилъ однихъ рабовъ, а другихъ наказалъ, приказалъ читать себѣ мелкія стихотворенія, вѣрно въ родѣ дошедшихъ до насъ эротическихъ, любимыхъ римскимъ обществомъ; потомъ открылъ себѣ жилы, написавъ передъ смертью къ Нерону письмо, въ которомъ высказалъ все свое презрѣніе къ нему. Такимъ образомъ, онъ умеръ спокойно, весело, продолжая наслаждаться до конца. Такъ-же умеръ и другой эпикуреецъ Оттонъ. Въ жизни человѣка бываютъ такія минуты, когда онъ наскучитъ жизнью и умираетъ съ готовностью, насъ поражающею. Жизнь въ Римѣ не была здоровой: она была одержима болѣзнью, отсутствіемъ вѣрованій и убѣжденій, началъ, безъ которыхъ человѣкъ слабъ. У римлянъ не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образованія было много, но оно не шло въ пользу и только усиливало воспріимчивость. Образованіе полезно, если оно производитъ благопріятныя впечатлѣнія; но образованные римляне только живѣе чувствовали общественные недуги и страданія и иначе понимали жизнь. Но страсти Нерона разыгрались. Смерть матери была началомъ новаго правленія Нерона. Въ немъ были замѣтны слѣды того помѣшательства, которое мы видѣли въ Калигулѣ. Укажемъ на нѣкоторыя характеристическія черты. Вамъ извѣстно гоненіе, поднятое на христіанъ, еще непонятыхъ, еще новыхъ въ римскомъ мірѣ. Въ то время, когда исчезла древняя цивилизація и развивался стоицизмъ, въ мірѣ уже существовала болѣе

льная стихія, непонятая, отверженная,—стихія христіанская, находившая прибѣжище между бѣдными иностранцами, рабами и государственными сановниками. Тѣмъ не менѣе христіане, рѣзко отличавшіеся своимъ духомъ, были предметомъ глубочайшей ненависти. Тацитъ называетъ христіанскую религію ненавистною роду человѣческому, „odium generis humani“. Въ первый разъ христіане обратили на себя большое вниманіе, когда Неронъ воздвигъ на нихъ гоненіе. Поводомъ къ гоненію былъ пожаръ въ Римѣ. Страшный пожаръ постигъ вѣчный городъ и истребилъ большую часть зданій; этотъ пожаръ лишилъ насъ многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго искусства, древней литературы. Римъ, вновь выстроенный, отличался широкими улицами, красивыми зданіями, въ особенности принадлежавшими частнымъ лицамъ, парками, звѣринцами; отъ прежняго Рима осталось мало, и потеря со стороны искусства и литературы невознаградима. Разсказываютъ, что во время пожара Неронъ читалъ стихи и игралъ на лирѣ: онъ славилъ пожаръ Иліона. По этому поводу возникла молва, будто-бы самъ Неронъ зажегъ Римъ, чтобы имѣть понятіе о пожарѣ Иліона. Этой молвѣ не вѣритъ даже Тацитъ; но она показываетъ общее мнѣніе о Неронѣ. Такъ какъ молва была пущена въ ходъ, то надобно было приписать кому-нибудь вину, и обвиненіе пало на христіанъ; на нихъ было воздвигнуто страшное гоненіе. Мѣры наказаній, какія постигли христіанъ, были достойны жестокаго характера императора. Неронъ далъ народу праздникъ. Ночью сады были освѣщены страннымъ образомъ: христіане, прикованные къ столбамъ, были обвернуты горючими веществами и зажжены по приказанію Нерона. Такимъ образомъ горѣли они, какъ живые факелы на могилѣ древняго міра. Это возбудило ненависть даже въ самихъ римлянахъ, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Жестокости Нерона вызвали нѣсколько заговоровъ. Между погибшими лицами былъ поэтъ Луканъ, юноша, погибшій безъ вины, за славу своей поэмы и идей, въ ней высказанныхъ, и Сенека не избѣгнулъ такой-же участи. Онъ не могъ потворствовать всѣмъ порокамъ Нерона, навлекъ на себя его гнѣвъ и получилъ приказаніе выбрать себѣ родъ смерти. Онъ умеръ съ спокойствіемъ и мужествомъ, достойнымъ стоицизма. Печаленъ этотъ примѣръ необычайно геніальнаго человѣка, который понималъ благороднымъ образомъ и жизнь, и достоинства человѣка, а, между тѣмъ, самъ не умѣлъ сохранить этого достоинства. Это лицо представляетъ сочетаніе слабаго характера съ великимъ умомъ, разногласіе теоріи съ жизнью.

Мы не будемъ говорить подробно о жестокостяхъ Нерона. Главною заботой его были искусства; онъ являлся передъ народомъ пѣвцомъ, музыкантомъ, живописцемъ; онъ занимался всѣми родами искусства, участвовалъ во всѣхъ состязаніяхъ, и горе тому, кто превосходилъ цезаря въ искусствѣ. Недовольствуясь рукоплесканіями въ Римѣ, наводнивъ кровью Италію, Неронъ отправился въ Грецію, отчизну искусствъ, и получилъ такія-же рукоплесканія, вынужденныя страхомъ. Это былъ страшный артистъ, которому не аплодировать было опасно. Среди этихъ безумныхъ занятій онъ получилъ извѣстіе о движеніи съ запада легіоновъ. Первый толчекъ далъ Юлій Виндексъ (Julius Vindex); этотъ благородный галлъ, оскорбленный поведеніемъ императора, призвалъ соотечественниковъ сбросить иго Нерона. Въ то-же самое время начинается движеніе легіоновъ на Рейнѣ и въ Испаніи. Виндексъ погибъ; но движеніе испанскихъ легіоновъ приняло опасный характеръ; во главѣ стоялъ старый полководецъ Гальба, прославившійся долгой, честной службой; ему было за семьдесятъ лѣтъ; будучи выбранъ легіонами въ императоры, онъ пошелъ на Италію. Вѣсть о движеніи испанскихъ и германскихъ легіоновъ распространилась и на востокѣ; всюду готовились мятежи. Въ Римѣ Неронъ былъ оставленъ всѣми; преторіанцы, непривыкшіе къ войнѣ, боявшіеся столкновенія съ опытными ветеранами легіоновъ, представляли ненадежную опору. Въ продолженіи двухъ дней скрывался Неронъ; на третій—сенатъ объявилъ его врагомъ отечества и опредѣлилъ ему смерть, и Неронъ приказалъ своему отпущеннику убить себя. Послѣднія слова его были: „qualis artifex pereo!“ Такимъ образомъ, онъ умеръ вѣрнымъ жрецомъ искусства.

Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны.

Отмѣна въ 1851 году преподаванія греческаго языка въ большей части русскихъ гимназій не безъ причины изумила и, смѣю сказать, опечалила всѣхъ принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія. Этою мѣрой безспорно нарушалось строгое единство системы, оправдавшейся на дѣлѣ въ семнадцатилѣтнее, столь богатое успѣхами всякаго рода, министерство графа С. С. Уварова. Державная мысль, которой графъ Уваровъ былъ счастливымъ и искуснымъ истолкователемъ, ясно опредѣлила задачу русскаго просвѣщенія, возвративъ насъ къ кореннымъ началамъ русской жизни, отъ которыхъ въ продолженіе полутора столѣтія мы болѣе или менѣе постоянно клонялись. Исключительное и вредное преобладаніе иноземныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія уступило мѣсто системѣ, истекшей изъ глубокаго пониманія русскаго народа и его потребностей. Эта система, изгоняя изъ нашихъ учебныхъ заведеній все ненужное, случайно занесенное извнѣ, значительно усилила чисто научную и ученую часть. Неоспоримые факты доказываютъ, какъ быстро двинулась у насъ наука въ эти семнадцать лѣтъ и насколько стала она независимѣе и самостоятельнѣе. Обязанности русскаго преподавателя, отъ профессора университета до сельскаго учителя, были опредѣлены съ возможною отчетливостью. Каждому указана была цѣль его трудовъ, состоявшая въ преподаваніи слушателямъ *чужныхъ имъ* знаній въ надлежащей полнотѣ и современномъ, достойномъ науки видѣ, безъ стороннихъ, неидущихъ къ преподаванію примѣсей. Умственная связь Россіи съ европейскою образованностью не была ослаблена; но отношеніе

измѣнилось къ нашей выгодѣ. Мы продолжали учиться у старшихъ братьевъ нашихъ, мы не отреклись отъ благ просвѣщенія, но пріобрѣли право критики и самостоятельнаго приговора.

Мѣры, принятыя въ 1851 г. противъ преподаванія древнихъ языковъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, остановили правильное развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены.

Споръ между такъ называемымъ *реальнымъ* и *классическим* образованіемъ, основаннымъ на знаніи древнихъ языковъ давно начался въ Европѣ. Одностороннее направленіе, го подствовавшее въ западныхъ школахъ, рано вызвало противо дѣйствіе общественнаго мнѣнія. Монтень и Баконъ уже ук зывали на больныя стороны современныхъ имъ педагогич скихъ методъ, хотя ни того, ни другого, въ особенност Монтеня, нельзя назвать реалистомъ въ нынѣшнемъ знач піи этого слова. Записные филологи признавали недостат воспитанія, главною цѣлью котораго было образовать хор шихъ латинистовъ. Знанія, пріобрѣтаемыя въ училищах 16 и 17 столѣтій, могли быть прилагаемы къ жизни толь весьма немногими лицами; настоящія потребности огромна большинства учащихся не находили себѣ удовлетворенія. народномъ образованіи, въ обширномъ смыслѣ, не мог быть рѣчи при такомъ направленіи. Нельзя сказать, впр чемъ, чтобы ученыя школы трехъ послѣднихъ столѣтій пост янно достигали даже той ограниченной цѣли, которую онѣ пр имущественно имѣли въ виду. Тяжелый методъ преподав нія требовалъ страшнаго напряженія памяти, но рѣдко с ращался къ мышленію и отнималъ у большей части учен ковъ всякую охоту къ занятіямъ. Дѣло критики было, слѣд вательно, легкое. Здѣсь было-бы неумѣстно изложеніе пол мики, начавшейся еще въ эпоху Тридцатилѣтней войн и продолжающейся донынѣ. Нельзя однако не замѣтить, ч начиная отъ Вольфганга Ратиха, который, сколько на извѣстно, первый выступалъ съ готовою педагогическо системою противъ существовавшихъ въ его время учебны методъ, до современнаго намъ, заслужившаго громкую и вѣстнось прусскаго педагога Дистервега, всѣ противни исключительно-классическаго образованія сходятся въ осн ныхъ началахъ своей теоріи. Они требуютъ отъ школы н посредственнаго примѣненія къ цѣлямъ жизни; ослабл

научный элементъ преподаванія въ пользу практически-пригоднаго или такъ называемаго реальнаго, они хотятъ дѣйствовать какъ можно болѣе на разсудокъ ученика и оставляютъ какъ можно менѣе дѣла памяти и фантазіи; наконецъ, они требуютъ отъ самыхъ методъ преподаванія какъ можно большей легкости, простоты и однообразія. Во всемъ этомъ есть безспорно много справедливаго, вѣрнаго, но столѣтній опытъ успѣлъ показать недостатки и положительно вредныя стороны новыхъ теорій общественнаго воспитанія, получившихъ особенно важное значеніе для Европы съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ ихъ защитниковъ явились такіе писатели, какъ Жанъ-Жакъ Руссо, и такіе благородные, самоотверженные наставники юношества, какъ Песталоцци. Девизомъ преобразователей было, какъ намъ кажется, худо понятое изреченіе: non scholae, sed vitae discendum (надобно учиться не для школы, а для жизни).

Въ 1747 году въ Берлинѣ возникла первая, заслуживающая этого названія, реальная школа. Основатель ея, пасторъ Гекеръ, ввелъ для своихъ воспитанниковъ преподаваніе всѣхъ полезныхъ въ житейскомъ быту наукъ, искусствъ и ремеслъ, начиная съ древнихъ языковъ до выдѣлки кожъ. Ежедневное число учебныхъ часовъ состояло изъ *одиннадцати*, не считая времени, которое шло на приготовленіе уроковъ. По странному, но характеристическому случаю, первое имя, встрѣчаемое въ спискахъ пансіонеровъ Берлинской реальной школы, было имя *Николаи*, столь извѣстнаго въ послѣдствіи книгопродавца, писателя и журналиста. Онъ всю свою жизнь ратовалъ за *просвѣщеніе*, понималъ подъ этимъ отрицаніе всякаго рода предразсудковъ. Но по мнѣнію Николаи и его друзей, всѣ вѣрованія, идеи и убѣжденія человѣчества, которыхъ нельзя доказать математически или ощупать рукою, принадлежатъ къ числу вредныхъ предразсудковъ. Конечно, не одинъ Николаи вышелъ изъ Берлинской реальной школы съ такой идеей о просвѣщеніи. Тѣмъ не менѣе, реализмъ дѣлалъ быстрые успѣхи. „Эмиль“, этотъ краснорѣчивый протестъ противъ искусственнаго воспитанія, написанный человѣкомъ, который не вѣрилъ въ пользу просвѣщенія и науки—„Эмиль“ сдѣлался настольною книгою матерей семействъ и воспитателей. Европейскіе государи съ живымъ участіемъ слѣдили за педагогическими опытами Базедова; давали ему денегъ на изданіе сочиненій, которыми онъ надѣялся произвести переворотъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, и поддерживали своими щедротами учрежденный имъ въ Дессау „филантропинъ“. Еще

большее и вполнѣ заслуженное вниманіе обратила на себя дѣятельность Песталоцци.

Настала французская революція. Событія двигались съ быстротою, не допускавшею въ зрителяхъ никакихъ другихъ ощущеній, кромѣ удивленія или ужаса. Но буря пронеслась, и умы нѣсколько успокоились; тогда явилась потребность уяснить смыслъ пережитыхъ потрясеній и отыскать ихъ причины. Такихъ причинъ нашлось много. Между прочимъ въ число причинъ французской революціи попало преподаваніе древнихъ языковъ и древней исторіи въ школахъ. Этимъ путемъ,—говорили близорукіе обвинители классическаго образованія,—проникаютъ развившіяся въ Греціи и Римѣ республиканскія идеи въ незрѣлые умы юношества, отрываютъ ихъ отъ дѣйствительности и поселяютъ въ нихъ опасныя мечты свободы и равенства. Такимъ образомъ, бѣдныя заведенія, въ которыхъ процвѣтали еще древніе языки, подверглись двоякому нареканію. Съ одной стороны, ихъ упрекали въ томъ, что они стоятъ далеко отъ жизни и не приготовляютъ воспитанниковъ своихъ къ практической дѣятельности; съ другой, они должны были отвѣчать за страшный переворотъ, до дна возмутившій жизнь европейскаго общества. Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ обвиненіяхъ, очевидно. Вообще, вопросъ былъ поставленъ съ крайнимъ легкомысліемъ. Французы временъ Людовика XV и XVI не отличались вовсе глубокимъ знаніемъ классической древности или даже пристрастіемъ къ ней. Люди, участвовавшіе въ революціи, заимствовали свои идеи не изъ греческихъ или римскихъ писателей, а изъ ближайшихъ источниковъ современной имъ литературы, менѣе подчиненной вліяніямъ древности, чѣмъ литература предъидущаго XVII столѣтія; между главными дѣятелями революціи встрѣчается столько-же, если не болѣе, математиковъ, врачей и натуралистовъ, сколько и людей съ общимъ образованіемъ, которое въ тогдашней Франціи не было уже исключительно основано на филологическихъ знаніяхъ. Что въ эпоху революціоннаго опьяненія парижскіе парикмахеры и портные, отрекаясь отъ христіанскихъ именъ, данныхъ имъ при крещеніи, величали себя Солонами, Брутами и Катонами,—ничего не доказываетъ, кромѣ жалкаго невѣжества ремесленнаго класса, котораго свѣдѣнія о великихъ людяхъ Греціи и Рима ограничивались знаніемъ именъ. Позволимъ себѣ разсказать по этому поводу слѣдующій случай. Въ эпоху отпаденія отъ Испаніи ея американскихъ владѣній, жители Парагвая провозгласили у себя, по примѣру сосѣдей,

эспубликанскую форму правленія, но были въ большомъ затрудненіи насчетъ титулованія новыхъ властей. По счастью, кого-то нашелся разрозненный томъ сочиненій Ролленя, содержавшій въ себѣ часть Римской исторіи. Руководствуясь свѣжимъ знаніемъ, только-что почерпнутымъ изъ открытой ими книги, законодатели парагвайскіе ввели немедленно въ потребленіе званіе диктатора, консуловъ и т. д. Едва-ли кому придетъ, однако, въ голову заподозрить ихъ въ намѣреніи перенесть на свою почву политическія формы и идеи Римской республики? Французская революція не одинокое, не безпримѣрное явленіе въ новой исторіи. Ей предшествовала свобода Нидерландовъ, англійская революція семнадцатаго вѣка, провозглашеніе республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Она тѣснѣе связана съ этими событіями, нежели съ преданіями классическаго міра. Никто, однако, не думалъ выводить образа мыслей и дѣйствій Вильгельма Оранскаго, Кромвеля или Франклина изъ Ѳукидида и Тита Ливія. И, несмотря на все, что можно было сказать въ защиту классическаго образованія, предупрежденное противъ него общественное мнѣніе болѣе и болѣе дружилось съ реальнымъ направленіемъ. Политическія обстоятельства помогали этому направленію. Небывалое развитіе промышленности, послѣдовавшее за миромъ 1815 г., побудило европейскія правительства усилить средства техническаго образованія для подданныхъ. Сверхъ спеціальныхъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью заведеній, въ большей части обыкновенныхъ общеобразовательныхъ училищъ, въ гимназіяхъ и т. д., введено преподаваніе естественныхъ и математическихъ наукъ, почти всегда къ ущербу чисто-классическаго элемента. Безразсудно было-бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но, удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сытъ *человѣкъ*. Рѣшительный перевѣсъ положительныхъ, примѣняемыхъ къ матеріальнымъ сторонамъ жизни знаній надъ тѣми, которыя развиваютъ и поддерживаютъ въ сердцахъ юношества любовь къ прекраснымъ, хотя, быть можетъ, и неосуществимымъ идеаламъ добра и красоты, неминуемо приведетъ европейское общество къ такой нравственной болѣзни, отъ которой нѣтъ другаго лѣкарства, кромѣ смерти. Въ настоящее время Европа покрыта реальными заведеніями всякаго рода, отъ высшихъ (Bürgerschulen) до элементарныхъ, но на томъ-же началѣ основанныхъ школъ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній вовсе изгоняютъ препода-

ваніе древнихъ языковъ и близкихъ къ нимъ предме
(древняя исторія излагается гораздо короче средней и нов
другія допускаютъ ограниченное небольшимъ числомъ у
ныхъ часовъ преподаваніе латинскаго языка. Впроч
споръ объ отношеніи классическаго элемента къ реальн
еще не конченъ, еще не найдена возможность согла
ихъ въ одной гармонической системѣ народнаго воспита

Говорить-ли о печальныхъ событіяхъ 1848 года? Р
какую въ то время играли нѣкоторые изъ профессоровъ
мецкихъ университетовъ въ качествѣ членовъ Франкф
скаго парламента, повидимому укрѣпила прежнее пред
жденіе противъ „ученыхъ школъ", откуда могли выйти л
съ такимъ вреднымъ образомъ мыслей. Но развѣ гимн
или университеты, гдѣ обращено особенное вниманіе
древніе языки и древнюю исторію, служатъ исключит
ными разсадниками революціонныхъ идей? Самое извѣс
изъ реальныхъ заведеній въ Европѣ, Политехническая ш
со дня своего основанія сохранила республиканское на
вленіе. Альфортская ветеринарная школа постоянно в
лала своихъ воспитанниковъ на баррикады, какъ тольк
Парижѣ подымался какой-нибудь мятежъ. Австрійское
вительство заводило у себя техническія и реальныя
лища; оно никогда не оказывало большаго поощренія
сическому образованію, а вѣнскіе студенты составили
демическій легіонъ. И что общаго между греко-римс
міромъ и идеями коммунизма и соціализма, возмущающ
западныя массы? Не ближе-ли эти идеи, не родственнѣ
такъ-называемому реализму? Сохрани насъ Богъ отъ н
ренія заподозрѣвать въ дурномъ какую-либо науку. Н
вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключает
себѣ часть божественной истины, открывающейся нашем
зуму съ разныхъ сторонъ въ духѣ и во внѣшней при
Не естественныя науки произвели французскуюревол
или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной Европы
нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобла
въ воспитаніи, какъ всякая односторонность, вредно и оп
Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармон
скомъ) развитіи всѣхъ способностей учащагося, изъ
рыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву др
Знакомя юношу только со внѣшнею природой и съ ся
ханическими и химическими законами, естествознаніе,
шенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя
роны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Са
себѣ, оно не въ состояніи [illegible]творить нравственным

остямъ человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣль-
наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно
тавить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ,
женный въ глубокое варварство. Почти то-же можно
ть и о естествовѣдѣніи. Можно предположить суще-
аніе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣлен-
и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что
стоящую минуту естественныя науки находятся на осо-
ой ступени развитія. Гордясь недавними и дѣйстви-
о блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право
ательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысяче-
занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вы-
ающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое
упоеніе науки конечно не можетъ быть продолжительно.
или поздно, она должна признать снова существованіе
ыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей
знательности. Но въ ожиданіи неизбѣжнаго возврата къ
трезвымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣ-
, естествовѣдѣніе сообщаетъ юнымъ умамъ холодную
вѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ
ихъ рѣшительныя заключенія. Оно много содѣйство-
къ развитію образованномъ поколѣніи Запада той безот-
ой и безсильной на великіе нравственные подвиги по-
тельности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ пе-
ныхъ явленій нашей эпохи.

о если польза, приносимая естественными науками, со-
ена, какъ показано выше, съ нѣкоторымъ вредомъ, то,
ряемъ, виною тому не самыя науки, а мѣсто, данное
въ господствующихъ системахъ воспитанія, упускаю-
изъ виду цѣлый рядъ способностей и потребностей,
ыя такимъ образомъ остаются безъ надлежащей воз-
и и удовлетворенія. Мы привели выше девизъ реа-
овъ: „надобно учиться не для школы, а для жизни“.
имая это изреченіе въ его настоящемъ смыслѣ, они
ны допустить, что или ихъ теорія недостаточна, или
понятіе ихъ о жизни узко и скудно. Требованія жизни
нечно разнообразны: на нихъ можно отвѣчать только
оороннимъ развитіемъ всѣхъ силъ, которыхъ зародыши
жены Творцомъ въ духѣ человѣка. Здѣсь рѣчь идетъ
первоначальномъ образованіи низшихъ классовъ, ко-
о задача и объемы опредѣляются каждымъ государ-
ъ сообразно съ его положеніемъ внутреннимъ и внѣш-
, а о тѣхъ, призванныхъ къ высшей и болѣе обшир-
дѣятельности сословіяхъ, спеціальному образованію ко-

торыхъ должно предшествовать *общее*, безъ котораго нѣтъ полнаго гражданина, ни полнаго человѣка.

Но развѣ древніе языки должны быть вѣчною и неизбѣ ною принадлежностью общаго образованія? Неужели, кро исчерпаннаго до дна міра классической древности, на неоткуда болѣе заимствовать идей, которыя можно было съ успѣхомъ противопоставить угрожающему намъ матер лизму? Неужели христіанская исторія новыхъ государст въ этомъ отношеніи, бѣднѣе языческой, и мы не найде въ ней духовныхъ средствъ противъ загрубѣнія сердецъ умственнаго упадка?

Отвѣчать на эти вопросы можно, по нашему мнѣнію, иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ части—строго учен научную, и потомъ педагогическую.

Излишне было-бы говорить о пользѣ, которую изуче древней филологіи успѣло уже принести всей совокупно нашихъ знаній. Мало наукъ, которыхъ начала не при каютъ къ трудамъ греческихъ мыслителей и ученыхъ. польза эта уже принесена, и каждая наука успѣла сов шить длинный путь, отдѣляющій ее отъ точки отправле Зачѣмъ-же постоянно возвращаться къ этой точкѣ и пов рять безъ надобности зады?—говорятъ люди, считающіе с по преимуществу представителями умственнаго движені защитниками прогресса.— Но истинно великія произведе духа человѣческаго отличаются именно своею неисчер мостью. Въ этомъ-то и заключается тайна ихъ безсмер Нельзя-же намъ отказаться отъ наслажденія поэзіею др нихъ потому только, что отцы, дѣды и прадѣды упивал ся непреходящими красотами. Дѣло идетъ вовсе не о п восходствѣ античнаго искусства надъ новымъ, а о томъ, одно не можетъ замѣнить другого, что у каждаго есть св ему исключительно принадлежащая область и преле Можно предпочитать Софоклу Шекспира, намъ болѣе бл каго и доступнаго, но кто осмѣлится сказать, что Софо сталъ ненуженъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Шекспиръ. В смысліе подобнаго приговора бросается въ глаза, потому оно объяснено рѣзкимъ примѣромъ; однако, приговоръ эт истекаетъ изъ цѣлой теоріи, имѣющей многочисленныхъ щитниковъ, которые считаютъ себя въ правѣ отказыват за насъ отъ благороднѣйшихъ памятниковъ, созданн геніемъ угасшихъ народовъ. Къ счастью, наука не скр ляетъ такихъ отреченій своимъ согласіемъ и бережно х нитъ ввѣренныя ей сокровища до другихъ эпохъ, бо способныхъ ихъ оцѣнить и ими воспользоваться. Но ис

:во, скажутъ намъ, не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей ›временнаго человѣка, осужденнаго на бой съ дѣйстви-ѣльностью, крайне положительною и трудною. Пусть насла-:дается онъ имъ, какъ преметомъ роскоши, въ минуту до-ѵга. Трудовые часы его должны безъ раздѣла принадлежать аукѣ, которая одна въ состояніи сообщить ему силы, нуж-ныя для успѣха въ борьбѣ. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ томъ, можно-ли смотрѣть на искусство, какъ на предметъ оскоши и не будемъ повторять тысячу разъ приведенныхъ оказательствъ его благотворнаго вліянія на нравственную изнь народовъ. Посмотримъ, въ самомъ-ли дѣлѣ намъ не-кему болѣе учиться изъ древней науки; начнемъ съ той менно отрасли, которая, повидимому, наиболѣе совершила спѣховъ въ новое время и по этому далѣе другихъ отошла ть колыбели своей,—начнемъ съ естествовѣдѣнія. Относя-щіеся къ нему труды Аристотеля служатъ достаточнымъ одтвержденіемъ сказаннаго нами о неисчерпаемости истинно еликихъ произведеній разума. Ссылаемся на добросовѣстное видѣтельство всѣхъ натуралистовъ, изучавшихъ науку не о однимъ новѣйшимъ учебникамъ, а знакомыхъ съ ея исто-ическимъ развитіемъ. Неужели они истощили сполна за-асъ истинъ, находящихся у безсмертнаго стагирита? Вмѣсто твѣта, укажемъ на то, что высказали объ Аристотелѣ такіе вторитеты, какъ Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеръ. Но ихъ тзывы о трудахъ этого великаго мыслителя по части есте-твенныхъ наукъ можно въ такой-же мѣрѣ приложить ко сему, сдѣланному имъ и въ другихъ сферахъ знанія. Какой илософъ, какой историкъ, политикъ или критикъ въ со-тояніи обойтись безъ его сочиненій, когда дѣло идетъ о лавныхъ вопросахъ философіи, политической жизни древ-ихъ или искусства? Но самъ Аристотель былъ только пред-авителемъ того умственнаго движенія, которое началось раздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Слѣдовательно, онъ можетъ быть изучаемъ только въ связи ъ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Какъ отдѣль-ое явленіе, онъ почти непонятенъ.

Набросавъ эти строки, мы вовсе не думаемъ, что объ-снили значеніе античной науки и органическую связь ея съ астоящимъ. Наша цѣль была только указать на это отно-леніе, а раскрыть его потребовало-бы времени и свѣдѣній, торыхъ у насъ нѣтъ. Остановимся, однако, еще на одномъ редметѣ, заслуживающемъ особеннаго вниманія, именно на евней исторіи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-

римская представляетъ нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни, отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остального человѣчества. Вотъ, почему судьбы Греціи и Рима всегда были и останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ, ищущихъ въ исторіи такихъ-же законовъ, какимъ подчинена природа. Явленія новой, христіанской исторіи еще далеки отъ своего завершенія: каждое можетъ своими послѣдними результатами представить горькое обличеніе невѣрности сужденій, которыхъ они были предметомъ. Чрезъ всѣ событія, составляющія содержаніе послѣднихъ пятнадцати вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Константина Великаго, тянется одна живая нить, и концы ея въ рукѣ Божіей. Органическая нить, которою были связаны событія языческаго міра, перерѣзана христіанствомъ. Грецію и Римъ можно теперь сравнить съ превосходно сохранившимся трупомъ, надъ которымъ анатомъ-историкъ не только изучаетъ строеніе народныхъ организмовъ, но изъ котораго онъ извлекаетъ притомъ законы, приложимые и къ мимобѣгущей, неуловимой для него жизни. Для науки классическій міръ еще не утратилъ своего значенія: сокровища, хранящіяся въ его глубинѣ, еще не истощились и способны обогащать смѣлыхъ дѣятелей, не утратившихъ вѣры въ древнюю мудрость.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ-же вопросѣ съ *педагогической* точки зрѣнія.

Non scholae, sed vitae discendum,—говоритъ реальная школа и торопится снабдить юношу какъ можно большимъ количествомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ-бы внушая ему тѣмъ, что въ жизни некогда учиться, что онъ долженъ взять на дорогу такой запасъ учености, котораго-бы было достаточно до конца его земного странствованія. Мы уже позволили себѣ выразить сомнѣніе на счетъ правильнаго, со стороны реалистовъ, пониманія выбраннаго ими девиза. Неужели они въ самомъ дѣлѣ думаютъ дать въ школѣ все нужное для жизни и проводятъ такую рѣзкую черту между послѣднею и ученіемъ? Въ дѣйствительности существованія этого ошибочнаго воззрѣнія, котораго впрочемъ не раздѣляли ни Песталоцци, ни другіе достойнѣйшіе представители того-же направленія, насъ отчасти убѣждаетъ самое накопленіе учебныхъ [illegible]въ и предметовъ, которое встрѣ*чаемъ въ большей* [illegible]альныхъ школъ. Ясно, что здѣсь

ѣло не въ качественномъ, внутреннемъ, а въ количествен-
омъ, внѣшнемъ приготовленіи къ жизни. Осьмнадцати-
ѣтній мальчикъ, вставая въ послѣдній разъ со скамьи
ысшаго класса средняго реальнаго заведенія, долженъ обык-
овенно знать законъ Божій, два новыхъ языка сверхъ оте-
ественнаго, алгебру, геометрію, физику, химію, естествен-
ую исторію органическихъ царствъ природы, исторію, гео-
рафію и даже право — настолько, насколько этихъ свѣ-
ѣній нужно для практическаго приложенія. Спрашиваемъ,
сть-ли возможность достигнуть этой цѣли безъ чрезмѣр-
аго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлажденія любозна-
льности въ учащемся?

Иначе понимаетъ свою задачу здравая педагогія, менѣе
аботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая внима-
е на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая
о мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она
авитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣ-
имое никакимъ другимъ средствомъ нравственнаго, эстети-
ческаго и логическаго образованія. Основательное изученіе
ревнихъ языковъ, которыхъ правила получили математи-
ческую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти-
е свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе
ными языками, такъ что простое грамматическое знаніе
реческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ
ругихъ пріобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за
потребленное время. Но не въ этомъ заключается главная
льза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ
отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное
очетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ?
ткуда вынесетъ юноша столь чистое понятіе о красотѣ и
оль возвышенныя чувства нравственнаго долга и человѣ-
ческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Греціи
Рима было безспорно много ложнаго и непримѣнимаго
ь быту новыхъ гражданскихъ обществъ; но умному настав-
нику не трудно отдѣлить чисто-историческое, временное, отъ
бщечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента въ твореніяхъ
реческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ поли-
ческихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ
сторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или
о крайней мѣрѣ, грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны.

До 1851 г. русскія гимназіи шли медленнымъ, но
ымъ шагомъ къ указанн[illegible]ъ цѣли. Имъ предстояла
ача осуществить идеал[illegible]го заведенія, приготов[illegible]
аго своихъ воспитанн[illegible] къ одному универс[illegible]
о и къ жизни, не чре[illegible]ное многознаніе, [illegible]

основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ-же плоды семнадцатилѣтняго классическаго направленія? — говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: полезное и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей.

Записка къ программѣ учебника всеобщей исторіи *).

Недостатокъ хорошаго руководства къ изученію всеобщей исторіи давно ощутителенъ въ нашей учебной литературѣ. Удовлетворить этой потребности, повидимому, весьма нетрудно. Стоитъ только перевести на русскій языкъ одно изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій такого рода, которыми такъ богаты Германія и Франція. Неоднократно повторенные и постоянно неудачные опыты, однако, убѣждаютъ въ противномъ. Признавая вполнѣ ученыя достоинства, которыми отличаются многіе изъ иностранныхъ курсовъ всеобщей исторіи, мы не можемъ не замѣтить, что *они составлены подъ вліяніемъ совершенно другихъ научныхъ* и *общественныхъ условій*. Они не въ состояніи удовлетворить ни учебнымъ, ни гражданскимъ потребностямъ русскаго юношества.

Иностранныя руководства къ изученію всеобщей исторіи опираются на обширную историческую литературу, въ которой не только наставникъ, но и ученикъ легко могутъ найти дополненія къ намёкамъ и указаніямъ, которыя содержатся въ учебной книгѣ. Не имѣя подъ рукою такихъ богатствъ, мы должны требовать отъ русскаго учебника такого полнаго изложенія фактовъ, которое могло-бы служить *достаточнымъ запасомъ для всякаго образованнаго человѣка*. Слѣдовательно, наши руководства должны быть подробнѣе иностранныхъ, не превышая ихъ объемомъ, ибо въ противномъ случаѣ затруднится самое преподаваніе. Составитель русской учебной книги долженъ съ особенною осторожностью выбирать факты и вносить въ свое сочиненіе только то, что дѣйствительно необходимо для яснаго понятія объ исторіи

---

*) *Розыскана* и напечатана М. М. Стасюлевичемъ въ „Вѣстникѣ *Европы*“ *1866* года.

человѣчества. *При этомъ не мѣшало-бы, въ видѣ пособія, ввести въ наши учебныя заведенія историческую хрестоматію*, составленную изъ замѣчательныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей. Такая книга познакомитъ ученика съ литературою предмета не по однимъ именамъ и поставитъ его въ непосредственное отношеніе съ первоначальнымъ источникомъ нашей науки. Для трехъ послѣднихъ вѣковъ такая хрестоматія невозможна по самому свойству относящихся къ новой исторіи источниковъ. Участіе и любопытство ученика не могутъ быть возбуждены выписками изъ дипломатическихъ актовъ и другихъ памятниковъ такого рода.

Разсматривая иностранныя руководства къ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія нашей церкви и нашихъ государственныхъ учрежденій, мы найдемъ, что они вовсе не приспособлены къ употребленію въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Византійская исторія, столь важная для насъ по связи съ судьбою славянъ вообще и древней Руси въ особенности, излагается въ заграничныхъ сочиненіяхъ весьма поверхностно. Нѣмецкіе и французскіе ученые показываютъ намъ только темную сторону Византіи и не обращаютъ вниманія на живое религіозное начало, которое оттуда перешло къ славянскимъ племенамъ. Столько-же неудовлетворительно оцѣнена и объяснена въ историческомъ развитіи своемъ монархическая форма правленія. Воззрѣніе на эту форму писателей либеральной школы извѣстно; о немъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. *Смѣемъ думать, что учебныя сочиненія, вышедшія изъ-подъ пера западныхъ писателей, враждебныхъ либерализму, далеко не достигаютъ своей цѣли и болѣе принесли вреда, чѣмъ пользы.* Въ большей части изъ нихъ видно не живое и глубокое пониманіе монархическаго начала, не основательное опроверженіе противоположныхъ теорій, а намѣреніе обмануть ученика, скрывъ отъ него, или представивъ ему въ ложномъ видѣ факты важные, но не подходящіе подъ точку зрѣнія автора. Такіе учебники употреблялись въ австрійскихъ школахъ и не мало содѣйствовали къ развитію превратныхъ понятій, обнаруженныхъ тамошнимъ юношествомъ въ 1848 году. Умышленная утайка, или обманъ, внесенный въ учебную книгу, не могутъ не открыться любознательному и опытному ученику. Послѣдствія такого открытія опредѣлить не трудно: оно неминуемо разовьетъ въ юношахъ гибельный духъ недовѣрія къ преподавателямъ и заставитъ ихъ искать истины внѣ школы, въ мутныхъ и лживыхъ источникахъ, вліяніе которыхъ можетъ быть [illegible] нено только *честнымъ и* [illegible] *изложеніемъ науки.*

Монархическое начало лежитъ въ основаніи всѣхъ великихъ явленій русской исторіи; оно есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое значеніе въ Европѣ. Это начало должно быть достойнымъ образомъ раскрыто и объяснено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для достиженія такой цѣли нѣтъ надобности прибѣгать къ утайкамъ и лжи. Дѣло науки и преподаванія показать, что русское самодержавіе много отличается отъ тѣхъ формъ, въ которыя монархическая идея облекалась въ другихъ странахъ. Непросвѣтленныя христіанствомъ, чуждыя понятію о правѣ и законности, деспотіи востока и основанная на случайномъ успѣхѣ и матеріальной силѣ, Римская имперія является равно искаженіемъ монархической формы. Даже въ христіанскихъ государствахъ новой Европы форма эта не всегда сохранялась въ должной чистотѣ. Латино-германскія государства возникли большею частью вслѣдствіе завоеванія, результатомъ котораго было рѣзкое отдѣленіе и потомъ борьба сословій, образовавшихся изъ покорившихъ и покоренныхъ племенъ. Государи западной Европы не могли не принять участія въ этихъ междоусобныхъ спорахъ, чрезъ что дѣятельность ихъ утратила тотъ высокій характеръ безпристрастія и безкорыстія, который по мирному происхожденію своему и ходу нашей исторіи сохранило русское самодержавіе. Между тѣмъ, какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему, у насъ самодержавіе положило свою печать на всѣ важныя явленія русской жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство отъ Іоанновъ, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ. Положивъ такое чисто русское воззрѣніе въ основаніе своему труду, составитель предполагаемаго руководства къ всеобщей исторіи будетъ имѣть надежное и вѣрное мѣрило для оцѣнки политической жизни у другихъ народовъ. Полное и отчетливое изложеніе исторіи древнихъ и новыхъ республикъ не представитъ ему особенныхъ трудностей, когда напередъ будутъ объяснены географическія и историческія условія, при которыхъ подобныя явленія становятся возможными. Но при этомъ надобно показать учащемуся, что благосостояніе правильно устроенныхъ республиканскихъ государствъ основано такъ-же на уваженіи и довѣріи гражданъ къ той власти, которая замѣняетъ у нихъ монархическую. Политическая сила и значеніе народа выра[illegible]ся постоянно въ силѣ правительства, ослабленіе котора[illegible]уемо ведетъ государство къ упадку.

ъ другой стороны, составитель русскаго учебника, опре-
ливъ по достоинству святость монархической идеи и
казавъ ея благотворное осуществленіе на родной почвѣ,
будетъ поставленъ въ необходимость искушать юные умы
зусловными похвалами тѣмъ явленіямъ, въ которыхъ видно
лько искаженіе этой идеи.

Программа всеобщей исторіи.

Содержаніе всеобщей исторіи составляетъ земная жизнь
ловѣчества. Обнимая эту жизнь во всей ея полнотѣ и
злости, исторія не есть только наука прошедшаго. Она
инимаетъ въ себя настоящее и, слѣдуя въ этомъ случаѣ
етоду естественныхъ наукъ, выводитъ изъ извѣстныхъ, уже
вершившихся, явленій вѣчные законы, которымъ подчи-
на судьба человѣческихъ обществъ. Отношеніе всеобщей
сторіи къ другимъ наукамъ. Общее понятіе о лѣтосчисленіи.
ѣтосчисленіе у древнихъ, средневѣковыхъ, новыхъ наро-
овъ. Географія и этнографія. Важность географическихъ
словій въ исторіи. Языкознаніе. Историческое значеніе
зыковъ. Историческіе источники: а) преданія; б) памятники:
адписи, грамматы и дипломатическіе акты; разные виды
сторическихъ сочиненій. Значеніе нашей науки въ древ-
ости, въ средніе вѣка и въ новое время.

Происхожденіе нашей планеты. Геологическій очеркъ ея
бразованія. Допотопныя животныя и растительное царство.
стина Моисеевыхъ сказаній подтверждается наукою. По-
явленіе человѣка на землѣ. Породы.

Начало человѣческихъ обществъ. Выводъ монархическаго
ачала изъ семейнаго.

Китай. Географическій очеркъ страны. Краткая исторія.
днообразіе этой исторіи. Патріархальный и неподвижный
арактеръ учрежденій. Исключительная образованность. Ха-
актеръ народа. Индія. Географическій очеркъ страны.
згладъ на исторію. Религія. Касты. Характеръ индійской
бразованности. Литература и искусство. Буддизмъ.

Ассирія и Вавилонія. Обзоръ исторіи. Необходимо упомя-
уть объ открытыхъ недавно памятникахъ искусства. Кли-
ообразныя надписи.

Египетъ Мероe и Синоніумъ. Географическій характеръ
траны. Исторія древняго Египта. Бытъ, учрежденія, искус-
тво египтянъ.

Племена семитическія. Театръ ихъ исторіи. Народъ израи-
евъ. (Такъ какъ исторія евреевъ подробно излагается въ
чебныхъ книгахъ священной исторіи, здѣсь достаточно

будетъ краткаго перечня событій съ указаніемъ на великое значеніе Іудеи въ всеобщей исторіи человѣчества). Время патріарховъ. Исходъ изъ Египта. Моисей. Судьи. Форма правленія. Переходъ къ монархіи. Саулъ и Самуилъ. Давидъ и Соломонъ. Пророки. Раздѣленіе царства. Ассирійское и Вавилонское плѣненіе. Ветхій завѣтъ. Языческія вѣрованія семитовъ. Сирія. Финикія. Исторія. Судоходство. Промышленность. Торговля. (Характеръ торговли у древнихъ). Колоніи. Карѳагенъ. Обзоръ карѳагенской исторіи до перваго столкновенія съ римлянами. Формы правленія. Характеръ народа.

Племена иранскія. Мидія. Персія. Религіозныя вѣрованія. Зороастръ. Зендавеста. Обзоръ исторіи—до Дарія Истаспа. Устройство персидскаго государства. Взглядъ на его составныя части. Географическія отличія Европы отъ другихъ частей свѣта. Первобытное населеніе Европы.

Греція. Географическій очеркъ страны. Древнѣйшее народонаселеніе. Пелазги. Пришельцы съ востока. Греки. Раздѣленіе на племена. Героическій періодъ: Быть и вѣрованія тогдашнихъ грековъ. Нашествіе дорійцевъ. Колоніи. Общія греческимъ племенамъ учрежденія: амфиктіоніи, игры, оракулы. Эпическая поэзія. Исторія Спарты. Ликургъ и его учрежденія. Мессенскія войны. Обзоръ исторіи остальныхъ дорійскихъ государствъ. Характеръ древней тиранніи.

Аттика до Солона. Законодательство Солона. Пизистратъ и его сыновья. Изгнаніе Гиппія. Клисѳенъ.

Умственная жизнь Греціи предъ началомъ Персидскихъ войнъ. Лирика. Философія. Начатки исторіи.

Возстаніе мало-азіатскихъ грековъ. Вмѣшательство Аѳинъ. Первыя предпріятія персовъ противъ собственной Греціи. Мардоній. Мараѳонская битва. Мильтіадъ. Ѳемистоклъ и Аристидъ. Походъ Ксеркса. Пораженіе персовъ. Причины и результаты этихъ событій. Нравственное превосходство грековъ надъ врагами. Перемѣна отношеній между греческими республиками. Образованіе союза, во главѣ котораго становятся Аѳины. Зависть Спарты. Продолженіе войны съ персами. Кимонъ. Внутренняя исторія Греціи. Периклъ. Его характеръ и значеніе. Аѳины на высшей степени могущества. Причины Пелопонезской войны. Исторія Пелопонезской войны. Походъ аѳинянъ въ Сицилію. Исторія этого острова. Сиракузы. Участіе персовъ въ междоусобіяхъ грековъ. Алкивіадъ и Лизандръ представители нравственнаго состоянія тогдашнихъ Аѳинъ и Спарты. Паденіе Аѳинъ. 30 тирановъ. Возстановленіе прежнихъ формъ правленія. Взглядъ на умственную жизнь Греціи отъ начала Персидской до конца Пелопонезской войны. Сократъ и Аристофанъ. Исторія Гре-

ціи до войны Ѳивъ съ Спартою. Отношеніе къ персамъ. Агезилай. Эпаминондъ. Отличіе его отъ прежнихъ государственныхъ людей Греціи. Неудачная попытка возстановить на новыхъ философскихъ основаніяхъ разрушавшійся политическій бытъ. Безсиліе отдѣльныхъ республикъ послѣ Мантинейской битвы. Ѳессалія. Священная война. Македонія. Ея вмѣшательство въ дѣла Греціи при Филиппѣ. Филиппъ. Демосѳенъ и Ѳокіонъ. Послѣднія усилія старой Греціи. Битва Херонейская. Александръ Великій. Его войны и планы. Характеръ его завоеваній. Распространеніе эллинизма. Платонъ и Аристотель. Войны полководцевъ Александра.

Государства образовавшіяся изъ Александровой монархіи. Египетъ. Сирія. Государства въ Малой Азіи. Македонія. Греція. Союзы Этольскій и Ахейскій. Александрійскій періодъ науки. Окончательный выводъ изъ греческой исторіи.

Италія въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Древнее народонасеніе края. Начало Рима. Періодъ царей. Мнѣнія Нибура и О. Мюллера. Патриціи и плебеи. Законодательство Сервія Туллія. Изгнаніе царей. Аристократическая республика. Угнетеніе плебеевъ. Войны съ сосѣдними племенами. Учрежденіе трибуната. Споръ патриціевъ съ плебеями. Децемвиры. Законы XII таблицъ. Двоякая борьба: внутренняя и внѣшняя. Нашествіе галловъ. Законы Лицинія. Покореніе Италіи. Вмѣшательство Пирра. Столкновеніе съ Карѳагеномъ. Римъ предъ началомъ Пуническихъ войнъ. Важность Пуническихъ войнъ. Исторія двухъ первыхъ Пуническихъ войнъ. Аннибалъ. Его великіе замыслы. Опасность, грозившая Риму. Побѣда Рима надъ Аннибаломъ въ Азіи. Вліяніе этихъ завоеваній на римскую жизнь. Сципіонъ и Катонъ, представители древнихъ и новыхъ идей. Упадокъ плебейскаго сословія. Нравы; религія; литература; право. Вліяніе Греціи. Цензура Катона. Усилія его безплодны. Попытки великихъ гражданъ примирить новыя идеи съ древнею нравственностью. Сципіонъ младшій. Возстаніе рабовъ. Понятіе объ античномъ рабствѣ. Оно условливалось язычествомъ. Возстаніе римскихъ рабовъ въ 132 году. Гракхи и аграрные законы. Характеристика Гракховъ и оцѣнка ихъ намѣреній. Аристократическое противодѣйствіе. Война съ Югуртою. Марій. Появленіе новыхъ народовъ въ исторіи. Кимвры и Тевтоны. Побѣды Марія. Новое возстаніе рабовъ. Война союзническая: ея причины, ходъ и результатъ. Вражда между новыми и прежними гражданами. Борьба Марія съ Суллою. Смѣнихъ явленій. Возстаніе угнетенныхъ провинцій. Война с церковь и гор Диктатура Суллы. Проскрипціи. Законо Возврать къ прошедшему. По

смерти Суллы Помпей защищаетъ его учрежденія. Война съ Серторіемъ. Возстановленіе трибуната. Конецъ войны съ Митридатомъ. Цезарь и Катилина. Эти два явленія характеризуютъ римское общество въ эпоху, о которой идетъ рѣчь. Цицеронъ консулъ. Заговоръ Катилины. Катонъ. Крассъ. Политика Цицерона. Первый тріумвиратъ. Консульство Цезаря. Клодій. Изгнаніе Цицерона. Удаленіе Катона. Законы Цезаря. Его характеръ. Война галльская. Слава Цезаря. Римъ во время его отсутствія. Борьба между Цезаремъ и Помпеемъ. Характеристика враждебныхъ партій. Пораженіе и смерть Помпея. Войны Александрійская, Африканская и Испанская. Великіе планы и идеи Цезаря. Брутъ и защитники стараго порядка. Смерть Цезаря. Невозможность дальнѣйшаго существованія республики. Состояніе Рима—въ это время. Нравы. Образованность. Литература. Брутъ и его партія. Второй тріумвиратъ. Антоній и Октавій. Августъ. Его личность и планы. Измѣненія въ Римѣ. Исторія императоровъ Августова дома. Состояніе древняго міра въ I столѣтіи по Р. Х. Веспасіанъ и сыновья его. Траянъ. Антонины. Золотой вѣкъ имперіи. Характеръ этого періода. Образованость. Литература. Паденіе древнихъ вѣрованій и формъ. Скорбь отходящаго языческаго міра. Сенека, Плиній, Тацитъ, Имперія до Константина Великаго.

Начало христіанской церкви. Явленіе Христа. Апостолы. Гоненія на христіанъ. Устройство церкви въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ. Начало ересей. Константинъ Великій отрываетъ имперію отъ языческихъ и республиканскихъ преданій. Никейскій соборъ. Монашество. Церковная литература. Паденіе язычества. Юліанъ отступникъ.

Германцы. Обзоръ германскаго міра. Бытъ и учрежденія германскихъ племенъ. Отношенія къ Римской имперіи. Нашествіе гунновъ. Происхожденіе этого народа. Бѣдствія Восточной имперіи. Ѳеодосій Великій. Окончательное раздѣленіе имперіи. Постепенное занятіе римскихъ провинцій германскими дружинами. Аттила. Паденіе Гунскаго государства. Паденіе Западной имперіи.

Исторія среднихъ вѣковъ. Общій характеръ этого періода. Отличія отъ древней и новой исторіи. Основаніе германскихъ государствъ на римской почвѣ. Англо-саксы. Вандалы. Вестъ-готы. Остъ-готы. Бургунды. Франки. Турингі. Вліяніе церкви и римскихъ идей. Отношенія государей къ германской дружинѣ и новымъ подданнымъ.

Византійская имперія. Ея значеніе [illegible] правленія. [illegible]ріи среднихъ вѣковъ [illegible]шенія къ славянскимъ [illegible]чала Персидской. Религіозные споры [illegible]нъ. Партіи цирка [illegible] и Аристофанъ. Исто[illegible] Мысль о

возстановленіи прежней имперіи. Завоеванія. Паденіе царствъ Вандальскаго и Остъ-Готскаго. Преемники Юстиніана. Лонгобарды въ Италіи. Персы. Ираклій.

Исламъ. Аравія до Магомета. Магометъ. Его ученіе. Коранъ. Кадифатъ. Завоеваніе арабовъ. Расколъ. Оммайяды. Появленіе арабовъ въ Европѣ. Войны съ Византіею. Положеніе Византіи. Паденіе Вестъ-Готскаго государства. Магометанская образованность. Противоположность ея христіанству и безконечное превосходство послѣдняго. Аббассиды. Распаденіе калифата.

Государство франковъ при Меровингахъ. Палатные мэры. Упадокъ королевской власти. Каролинги. Карлъ Мартелъ. Опасность, угрожающая христіанской Европѣ. Побѣды Карла надъ арабами и германскими язычниками. Св. Бонифацій. Пепинъ короткій. Низложеніе Меровинговъ.

Положеніе Европы предъ вступленіемъ на престолъ Карла Великаго. Германскія и славянскія языческія племена. Византійская имперія. Иконоборство. Отпаденіе Италіи отъ Византіи. Римскіе папы. Ихъ отношенія къ лонгобардамъ.

Карлъ Великій. Его войны. Характеръ и результатъ этихъ войнъ. Марки. Возстановленіе Западной имперіи. Законодательство. Заботы Карла о распространеніи образованности.

Распаденіе Каролинскаго государства. Людовикъ Благочестивый и его сыновья. Договоръ Вердюнской. Раздѣлъ Имперіи по низложеніи Карла Толстаго. Норманы. Славяне. Мадьяры. Возрастаніе папской власти. Ложныя декреталіи.

Скандинавскій полуостровъ. Исландія. Открытія. Завоеванія нормановъ. Исторія англо-саксовъ до появленія датчанъ. Альфредъ Великій. Его ученая дѣятельность. Канутъ Великій.

Норманы во Франціи. Покореніе ими Англіи. Норманы въ южной Италіи. Начало Русскаго государства.

Пресѣченіе Каролинскаго рода въ Германіи. Императоры саксонской династіи. Обзоръ германскихъ герцогствъ. Оттонъ Великій. Отраженіе мадьяровъ. Походы въ Италію. Состояніе Рима. Подчиненіе папства императору. Франконская династія. Генрихъ III. Малолѣтство Генриха IV.

Франція при первыхъ Капетингахъ. Филиппъ I.

Пиринейскій полуостровъ. Образованіе христіанскихъ государствъ на сѣверѣ. Паденіе Кордовскаго калифата.

Восточная Европа. Россія. Остальныя славянскія государства.

Составныя стихіи средневѣковой общественности: феодализмъ (рыцарство); городъ (община); церковь. Здѣсь должно показать, что такихъ явленій, какъ феодализмъ, у насъ не было вовсе, а церковь и города носили совсѣмъ другой характеръ.

Споръ между императорскою и папскою властью. Значеніе спора. Теорія средневѣковыхъ властей. Григорій VII и Генрихъ IV.

Крестовые походы. Причины этого движенія заключались не въ однихъ религіозныхъ побужденіяхъ, а въ хаотическомъ состояніи общества котораго отдѣльные элементы надѣялись осуществить свои цѣли внѣ Европы, на почвѣ, завоеванной общими усиліями и освященной земною жизнью Спасителя.

Вѣкъ Гогенштауфеновъ. Вельфы и Вайблинги (Гибелины). Конрадъ III. Второй крестовый походъ. Фридрихъ I (Барбаросса). Его цѣли и характеръ. Борьба съ лонгобардскими городами. Вмѣшательство папъ. Миланъ. Битва при Леньяно. Генрихъ Гордый. Костницкій міръ. Государство нормановъ въ южной Италіи. Крестовый походъ и смерть Фридриха I. Генрихъ VI. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV. Иннокентій III. Фридрихъ II, величайшій изъ Гогенштауфеновъ. Его борьба съ папами и городами сѣверной Италіи. Четвертый и пятый крестовый походъ. Латинскіе императоры въ Византіи. Гибель Гогенштауфеновъ. Манфредъ. Конрадинъ. Упадокъ папства и императорской власти. Крестовые походы Людовика IX. Монголы въ Азіи. Паденіе христіанскихъ государствъ на востокѣ.

Франція до смерти Людовика IX. Утвержденіе монархической власти. *Англія* отъ смерти Вильгельма завоевателя до Эдуарда I. Великая хартія. Парламентъ. *Пиринейскій полуостровъ* до конца XIII столѣтія. *Скандинавскій полуостровъ. Венгрія и славянскія земли.* Покореніе *Россіи* монголами.

Науки, литература и искусство среднихъ вѣковъ. Университеты. Вліяніе крестовыхъ походовъ. Разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни.

Состояніе Германіи послѣ Гогенштауфеновъ. Союзы городовъ. Ганза. Между-царствіе. Рудольфъ Габсбургскій. Его преемники. Швейцарія. Отношеніе къ Италіи. Генрихъ VII. Домъ Люксембургскій. Домъ Австрійскій. Максимиліанъ I. Италія въ XIV и XV вѣкѣ.

Франція и Англія въ XIV и XV вѣкѣ. Филиппъ Красивый. Домъ Валуа. Войны Франціи съ Англіею. Дѣва Орлеанская. Карлъ VII. Людовикъ XI. Война алой и бѣлой розы. Генрихъ VII.

Пиринейскій полуостровъ. Фердинандъ и Изабелла. Іоаннъ II въ Португаліи.

Скандинавскій полуостровъ до Христіана II.

Славянскія земли до исхода XV вѣка. Венгрія. Россія до Іоанна IV.

Византійская имперія и турки. Османы. Взятіе Константинополя. Магометъ II.

Упадокъ западной церкви. Расколъ. Соборы въ началѣ XV вѣка. Предвѣстники реформаціи. Умственное движеніе въ IV и XV вѣкѣ. Литература. Возвращеніе къ классической ревности. Изобрѣтеніе книгопечатанія. Открытія и изобрѣтенія. Порохъ. Компасъ. Открытіе пути въ Вестъ-Индію. Открытіе Америки. Вліяніе этихъ явленій на общество.

Новая исторія. Характеристическія отличія исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Преобладаніе монархическаго и національнаго начала.

Состояніе Европы въ исходѣ XV вѣка. Италіанскія войны. Карлъ VIII. Людовикъ XII. Вмѣшательство Испаніи. Упадокъ Венеціи. Уклоненіе папства отъ своего назначенія. Швейцарцы. Францъ I. Битва при Мариньяно, Значеніе Италіанскихъ войнъ. Макіавелли.

Начало религіознаго движенія въ Германіи. Связь съ предыдущими явленіями. Борьба старыхъ и новыхъ мнѣній. Рейхлинъ. Эразмъ Роттердамскій. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Левъ X. Лютеръ. Ученіе объ индульгенціяхъ. 95 положеній. Начало и ходъ реформаціи. Смерть Максимиліана. Избраніе Карла V. Могущество австрійскаго дома. Вормскій сеймъ. Переводъ священнаго писанія Лютеромъ во время его заключенія въ Вартбургѣ. Меланхтонъ. Волненіе въ народѣ. Возстаніе имперскаго рыцарства. Крестьянская война. Секуляризація Пруссіи. Война Франца съ Карломъ V. Участіе Англіи. Битва при Павіи. Мадридскій договоръ. Конетабль Бурбонъ.

Взятіе Рима императорскими наемниками. Новая война съ Франціею. Миръ Камбрейскій. Распространеніе новыхъ ученій въ Германіи.

Сеймы. Протестація 1529. Аугсбургское исповѣданіе. Нюрнбергскій религіозный міръ. Ульрихъ Цвингли швейцарскій реформаторъ. Его дѣятельность и смерть. Отношеніе къ Лютеру. Политическая дѣятельность Карла V. Солиманъ турецкій. Походы въ Тунисъ и Алжиръ. Третья война съ Франціею. Филиппъ Гессенскій. Анабаптисты. Усилія императора примирить католиковъ и протестантовъ. Попытка къ соглашенію обѣихъ партій въ Регенсбургѣ. Послѣдняя война съ Францомъ. Миръ въ Кресси. Смалькальденская война. Пораженіе протестантовъ. Тридентскій соборъ. Аугсбургскій interim. Магдебургъ. Морицъ Саксонскій. Перемиріе въ Насау. Смерть Морица. Безсиліе Карла. Аугсбургскій миръ. Карлъ слагаетъ съ себя корону. Фердинандъ I и Филиппъ II.

Ходъ реформаціи въ остальной Европѣ. Кальвинъ въ Женевѣ. Характеръ и распространеніе кальвинизма. Генрихъ VIII въ Англіи. Начало англиканской церкви. Эдуардъ II. Марія

Тюдоръ. Временное возстановленіе католицизма. Елисавета. Христіанъ II въ Даніи и Швеціи. Окончательный разрывъ Кальмарскаго союза. Густавъ Ваза. Ганза. Реформація на Скандинавскомъ сѣверѣ. Польша.

Противодѣйствіе католицизма. Орденъ іезуитовъ. Тридентскій соборъ. Дѣятельность папъ.

Филиппъ II. Объемъ его владѣній. Завоеваніе испанцевъ въ новомъ мірѣ. Миръ съ Франціею. Планы Филиппа. Война нидерландами. Вильгельмъ Оранскій. Вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ. Армада. Упадокъ Испаніи. Португалія. Независимость Нидерландовъ. Ихъ торговля и сила на морѣ. Дортрехтскій соборъ.

Исторія Франціи при послѣднихъ Валуа. Религіозныя войны. Гизы. Екатерина Медичи.

Варѳоломеевская ночь. Генрихъ Наварскій. Лига. Генрихъ IV. Возстановленіе покоя во Франціи.

Англія при Елисаветѣ. Религіозныя партіи. Шотландія. Марія Стюартъ. Величіе Англіи, которая становится во главѣ протестантской Европы. Смерть Елисаветы. Взглядъ на тогдашнее состояніе Англіи.

Европа предъ 30-тилѣтнею войною. Императоръ Рудольфъ. Унія и лига. Матвѣй. Начало войны въ Чехіи. Фердинандъ II. Фридрихъ V Пфальцкій. Битва при Бѣлой горѣ. Сила лиги и Максимиліана Баварскаго. Тилли и Мансфельдъ. Валленштейнъ. Вмѣшательство Даніи. Могущество Австріи. Реституціонный эдиктъ. Удаленіе Валленштейна. Швеція. Густавъ Адольфъ въ Германіи. Его побѣды, дѣла и смерть. Валленштейнъ. Гепльбронскій союзъ. Явное участіе Франціи. Бернардъ Саксенъ-Веймарскій. Жестокій характеръ войны. Вестфальскій миръ и его послѣдствія.

Христина Шведская. Карлъ X. Война съ Польшею и съ Даніею. Измѣненіе государственныхъ учрежденій на Скандинавскомъ сѣверѣ.

Англія при первыхъ Стюартахъ. Слабость Якова I. Умственная жизнь въ Англіи. Шекспиръ. Бэконъ. Религіозное броженіе. Карлъ I. Первые парламенты. Страфордъ. Шотландія. Долгій парламентъ. Междоусобія. Характеристика партій. Смерть Карла. Республика. Возстаніе Стюартовъ. Испанія при Филиппѣ III и Филиппѣ IV. Отпаденіе Португаліи. Карлъ II. Франція. Укрѣпленіе монархической власти. Сюлли. Ришелье. Мазарини. Вѣкъ Людовика XIV

1) Внутренне состояніе Франціи при Людовикѣ XIV. Централизація. Промышленность и благосостояніе народа (Кольберъ). Отмѣна Нантскаго эдикта. Упадокъ въ концѣ царствованія. Умственная жизнь. Вліяніе на Европу.

2) Обзоръ исторіи европейскихъ государствъ въ это время. Отношеніе ихъ къ Франціи. Великая роль Нидерландовъ. Курфирстъ Бранденбургскій. Паденіе Стюартовъ. Вильгельмъ Оранскій. Испанія.

3) Обзоръ войнъ Людовика XIV. Ослабленіе Франціи. Миры Утрехтскій и Раштатскій. Смерть короля. Регентство герцога Орлеанскаго. Кардиналъ Флери.

Сѣверная война. Обозрѣніе русской исторіи до Петра Великаго. Вступленіе Россіи въ систему сѣверныхъ государствъ. Здѣсь необходимо показать различіе между развитіемъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Характеръ русскаго самодержавія. Исторія сѣверной войны, излагаемая подробно въ учебныхъ книгахъ русской исторіи, можетъ быть изложена короче. Упадокъ Швеціи.

Борьба съ средневѣковыми идеями и учрежденіями. Французскіе писатели XVIII вѣка. Возвышеніе Пруссіи. Великій курфирстъ и его преемники. Фридрихъ Великій. Состояніе Германіи при его вступленіи на престолъ: 1) Гражданскій бытъ, 2) образованность. Вліяніе Франціи. Войны Австріи съ турками. Война за австрійское наслѣдство. Война семилѣтняя. Пруссія въ послѣдніе годы Великаго Фридриха. Германія.

Россія отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II. Вѣкъ Екатерины. Возрастающее вліяніе Россіи. Раздѣлъ Польши.

Скандинавскій полуостровъ. Струензе. Густавъ III.

Англія при Ганноверскомъ домѣ. Развитіе учрежденій. Отпаденіе Америки. Вестъ-Индія.

Испанія при Бурбонахъ. Португалія. Италія. Турція. Внутреннія преобразованія въ европейскихъ государствахъ.

Исторія революціи. Изложеніе причинъ: порча нравовъ; вліяніе вредныхъ сочиненій, безпечность правительства во Франціи. Запутанные финансы.

Событія революціоннаго періода должны быть разсказаны кратко, но отчетливо, такъ, чтобы ученикъ могъ видѣть внутреннюю связь явленій. Крайнимъ предѣломъ, до котораго можетъ быть доведено изложеніе событій въ учебной книгѣ всеобщей исторіи, должно принять 1815 годъ.

Предъ каждымъ отдѣломъ должны быть приведены лучшія, относящіяся къ этому отдѣлу, историческія сочиненія.

На основаніи этой программы, Т. Н. Грановскимъ было приступлено къ составленію учебника всеобщей исторіи, но этотъ трудъ не былъ имъ законченъ.

Конецъ.